И С Т П А Р Т
ОТДЕЛ ЦК ВКП(6) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП(6)

ИСКРА

№№ 1–52
1900–1903

ВЫПУСК
II

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

ИСКРА

№№ 1 — 52

ДЕКАБРЬ 1900 — НОЯБРЬ 1903

ПОЛНЫЙ ТЕКСТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
П. ЛЕПЕШИНСКОГО
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
Н. КРУПСКОЙ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

№№ 8—15

ÚSTAV DĚJIN KSČ KNIHOVNA

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД — 1926

Ленинградский Гублит № 9890. Тираж 10.125 — 10 л. Заказ № 1594.

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
ИМЕНИ
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
ПР КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ИСКРА № 8.

	Стр.
Крепостники за работой. *Н. Ленин.*	1
Царский кабак. *Н. Рязанов.*	2
Буржуазная наука перед московскими рабочими. *Л. Мартов.*	4
Из нашей общественной жизни	6
Земский с'езд	—
Из Курска	—
Из Сибири	7
Выписки из отчетов губернаторов	8
В ном. 3 гектограф. московского изд. «Студенч. Листок» сообщается...	9
Археология и полиция. *Н. Рязанов.*	10
Цена совести тайного советника Юзефовича	11
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	—
В царстве Морозовых	—
Фабрично-рабочий квартирный вопрос в Орехово-Зуеве	12
Возмутителя поймали!	13
Посещение министром Владимирского фабричного района	14
Вичуга	—
Иностранное обозрение. Письма из Франции	15
Из партии	17
Почтовый ящик	19
Примечания	20
Иллюстрированное приложение	—

ИСКРА № 9.

Борьба с голодающими. *Н. Ленин.*	21
Политический разврат и «экономическое» тупоумие. *Л. Мартов.*	23
Из нашей общественной жизни	27
К вопросу о «бессмысленных мечтаниях»	—
В. С. Арефьев.	28
Вятские «штрейкбрехеры»	—
Полтава	—
Кишинев	29
Новые рогатки	—
В сибирской тюрьме	30
Из Якутска	31
Самара	32
Демонстрация в Кишиневе	33
Обвинительный акт по делу о беспорядках на Обуховском заводе	30
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	34
Нижний-Новгород	—
Орехово-Зуево	—
Иваново-Вознесенск	35
Богородск	—
Тамбов	36
Саратов	37
Одесса	—
Тула	—
Вильна	—
Уволен за ... несчастный случай!	38
Иностранное обозрение	38
Письма из Франции. Письмо третье. *В. Даневич-Гуревич*	—
Голландия. *Н. Рязанов.*	39
Германия. Конгресс социал-демократической партии в Любеке. *Л. Мартов.*	41
Из партии	42
Прокламация Виленской соц.-дем. группы	—
Летняя агитация Петербургского Комитета партии	—
Ответ Спб. Комитету	—
Заграничные дела	43
Хроника революционной борьбы	—
Массовая расправа с врагами порядка	44
Почтовый ящик	—
Примечания	45
Приложение к № 9 «Искры»: В защиту иваново-вознесенских рабочих	47

ИСКРА № 10.

Каторжные правила и каторжный приговор. *Н. Ленин.*	53
О тактике вообще, о тактике николаевского генерала Реада в частности и о тактике Б. Кричевского в особенности. *Г. Плеханов.*	54
Еще о политическом разврате наших дней. *Л. Мартов.*	55
Из нашей общественной жизни	59
Брожение в студенчестве	—
Киев. Борьба в тюрьме	60
Евреи-капиталисты в борьбе с евреями-рабочими	61
Нам пишут	63
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов	—
Иваново-Вознесенск	—
Серпухов	—
С.-Петербург	—
Урал	—
Усть-Катавский завод	64
Курск	—
Харьков	—
Крым. Стачка у русского царя!	65
Из партии	—
Примечания	—

ИСКРА № 11.

Протест финляндского народа. *Н. Ленин.*	67
Из нашей общественной жизни	69
Из-за решетки	—
О московском «Зубатовском» обществе	—
Иркутск	70
Вопрос о розге в Государственном Совете	71
Нижний-Новгород	—
Кишинев	72
Москва	74
Из экономической жизни Европы. Фабричный феодализм.	70
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов.	75
Общество трезвости в Орехово-Зуеве	—
Саратов	76
Из Литвы	—

Стр.

Одесса . . . 76
Кишинев . . . —
Стачка в Якутской области . . . 77
Из партии . . . —
Предостережение . . . 79
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . —

ИСКРА № 12.

Юбилей Казанской площади в С.-Петербурге. *Л. Мартов.* 81
Из нашей общественной жизни . . . 82
Безгрешные доходы наших министров . . . —
Еще о деревенских прокламациях . . . 83
Еще циркуляр о борьбе с крамолой . . . —
Одесса . . . —
Из Ярославля . . . —
Екатеринослав . . . 84
Беседа с защитниками экономизма. *Н. Ленин.* . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 86
Кострома . . . —
Рига . . . —
Москва . . . 87
Москва (письмо ткача) . . . —
Москва . . . 88
Киев . . . —
Тифлис . . . —
Иностранное обозрение. Стачка американских рабочих по обработке стали. *С. И.* . . . 90
Из партии. Хроника революционной борьбы . . . 93
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 94

ИСКРА № 13.

Начало демонстраций. *Л. Мартов.* . . . 95
Празднование 25-летия демонстрации на Казанской площади и революционной деятельности Г. В. Плеханова. . . . 96
Из нашей общественной жизни . . . 97
Нижний-Новгород . . . —
Из Москвы . . . 98
Москва . . . 99
Студенческое движение . . . —
Рига . . . 106
Рига . . . —
Ярославль . . . —
Вильна . . . 107
Столетие русского штыка в Грузии . . . —
Псковские земцы в заботах о псковских крестьянах. 108
Н. А. Добролюбов. *В. Засулич.* . . . 98
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов . . . 109
Стачка портных в Киеве . . . —
Стачка на черкасском сахаро-рафинадном заводе . . . —
Как живут московские булочники и кондитеры? (Письмо из Москвы) . . . —
Орехово-Зуево . . . 110
В Витебске . . . —
Иностранное обозрение. Германия . . . 111
Из партии . . . —
Последние известия . . . 112

Стр.

Хроника революционной борьбы . . . —
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . . 113

ИСКРА № 14.

О демонстрациях. *Г. Плеханов.* . . . 115
Беседа по поводу писем читателей. *Л. Мартов* . . . 116
Из нашей общественной жизни . . . 117
Демонстрация в Екатеринославе . . . —
Киев . . . 118
К настроению сознательных рабочих в Спб. . . . 119
Полицейский провокатор среди сектантов . . . 121
Пермь . . . 122
К сведению гимназистов и их родителей . . . —
Опять голодовка в тюрьме! . . . —
Пример заразителен . . . 123
Киев. Волна артельного движения . . . —
Киев. В поисках за «Искрой» . . . 124
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов —
Москва . . . —
Городищенская отбельная фабр. С. Морозова . . . 125
Москва . . . —
Одесса . . . —
С Урала . . . —
Хроника революционной борьбы . . . 126
Из партии . . . —
Почтовый ящик . . . 127
Примечания . . . —

ИСКРА № 15.

По поводу государственной росписи. *Н. Ленин.* . . . 129
Борьба с крамолой и «сердечное попечение» о рабочих 130
Из нашей общественной жизни . . . 132
Еще о демонстрациях в Екатеринославе . . . —
Из Нижнего-Новгорода . . . —
Дворянство в роли шпиона . . . 134
Замятое дело о шайке воров, состоявшей из попов и полиции . . . 135
К вопросу о легальных обществах . . . 136
С Урала . . . 138
Кишинев . . . —
Крамола в Череповце . . . —
Кострома. Травля поднадзорных . . . —
Один из многих (некролог) . . . 139
По поводу столкновения ссыльного Гуревича с врачом Марчевским . . . —
Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов. 140
О петербургской рабочей организации . . . —
Орехово-Зуево . . . —
Ст. Брянск . . . 141
Из Брянского завода . . . —
Наши потребительные общества . . . —
Нижний-Новгород . . . —
Оренбург . . . 142
Из Оренбурга . . . —
Сарапуль . . . —
Из Брюсселя. Письмо в редакцию «Искры». *Г. Плеханов.* 143
Из партии . . . 145
Хроника революционной борьбы . . . 147
Почтовый ящик . . . —
Примечания . . .

Надежда Константиновна Крупская

секретарь редакции „Искры“

Фотография 1903 года

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 8 | 10 СЕНТЯБРЯ 1901 ГОДА | № 8

КРЕПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ.

Вышел новый закон 8 июля 1901 г.: об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Какое применение получит новый закон, — это покажет будущее. Но уже самый характер этого закона настолько поучителен, так наглядно показывает он неподкрашенную натуру и истинные стремления царского правительства, что стоит обстоятельно разобрать этот закон и позаботиться о самом широком распространении знакомства с ним в рабочем классе и крестьянстве.

Подачки благородным дворянам-помещикам давно уже делает наше правительство: оно устроило для них дворянский банк[1], дало тысячи льгот по выдаче им ссуд и отсрочке недоимок, оно помогло им устроить стачку миллионеров-сахаро-заводчиков для повышения цен и увеличения прибыли, оно позаботилось о местечках земских начальников для промотавшихся дворянских сынков, оно устраивает теперь благородным винокуренным заводчикам выгодный сбыт водки в казну. Но посредством отвода земель оно не только дает подачку самым богатым, самым знатным эксплоататорам, оно создает новый класс эксплоататоров, оно обрекает миллионы крестьян и рабочих на постоянную кабалу новым помещикам.

Рассмотрим главные основания нового закона. Надо заметить прежде всего, что закон этот — прежде чем министр земледелия и государственных имуществ внес его в Государственный Совет — обсуждался в особом совещании по делам дворянского сословия. Всем известно, что в настоящее время всего более бедствуют в России не рабочие и не крестьяне, а дворяне-помещики, и вот «особое совещание» не замедлило изыскать способ помочь их бедствию. Казенные земли будут в Сибири продаваться и отдаваться в аренду «частным лицам» под «частно-владельческие хозяйства», при чем нерусским подданным и инородцам (в число инородцев входят и евреи) навсегда запрещается какое бы то ни было приобретение этих земель, а сдача в аренду (эта, как увидим, самая выгодная для будущих помещиков операция) разрешается исключительно дворянам, «которые, — гласит закон, — по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, в правительственных видах, землевладельцами в Сибири». Итак, правительственные виды состоят именно в том, чтобы трудящееся население было порабощено крупным землевладельцам — дворянам. Насколько крупным, видно из того, что размер продаваемых участков не должен превышать, по закону, трех тысяч десятин, размер сдаваемых в аренду участков не ограничен вовсе, а срок аренды определен до 99 лет! Бедствующему помещику нужно, по расчету нашего правительства, в двести раз больше земли, чем крестьянину, которому нарезывают в Сибири по 15 десятин на семью.

И притом каких только льгот и из'ятий не предусматривает закон относительно помещиков! Арендатор в течение первых пяти лет никакой платы не вносит. Если он покупает арендуемую им землю (а он имеет на это право, по новому закону), то пользуется рассрочкой продажной цены на 37 лет. По особому разрешению допускается и отвод для продажи более трех тысяч десятин земли, и продажа по вольной цене, а не с публичного торга, и отсрочка недоимки на один год и даже на три года. Не надо забывать, что воспользуются вообще новым законом только высшие сановники и лица, имеющие связи при дворе, и т. п., — таким лицам все эти льготы и из'ятия даются шутя, после пары слов в гостином разговоре с губернатором или министром.

Но вот беда. Какую пользу извлекут из кусочков земли хотя бы и по три тысячи десятин все их владельцы-генералы, если не найдется «мужика», вынужденного на этих генералов работать? Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен. Новый закон старается его приучить. «Предназначаемые для частновладельческих хозяйств земли нарезаются, по возможности, вперемежку с площадями, наделенными крестьянам» — гласит ст. 4 закона. Царское правительство заботится о «заработке» для бедных крестьян. Десять лет тому назад тот самый г. Ермолов, который теперь, в качестве министра земледелия и государственных имуществ, внес в Государственный Совет закон об отводе казенных земель в Сибири частным лицам, издал (без своей подписи) книгу: «Неурожай и голод». В этой книге он прямо заявлял, что нет основания разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут иметь «заработки» у местных помещиков. Русские государственные люди не церемонятся выражать чисто крепостнические взгляды: крестьяне созданы для работы на помещиков, и потому крестьянам не следует даже «разрешать» переселяться, куда они хотят, если от этого помещики лишатся дешевых рабочих. А когда крестьяне, несмотря на все затруднения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь, тогда царское правительство, точно бурмистр старого барина, побежало за ними в догонку, чтобы донять их на новом месте. Если «вперемежку» с скудными наделами и крестьянскими землями (лучшие из которых уже заняты) окажутся участки благородных помещиков по три тысячи десятин, — тогда, пожалуй, в скором времени мало будет и соблазна переселяться в Сибирь. И земли новых помещиков будут тем быстрее повышаться в цене, чем теснее станет жизнь окрестных крестьян: придется этим крестьянам и наниматься задешево и сни-

мать помещичьи земли втридорога — совсем как в «России». Новый закон прямо о том и заботится, чтобы создать поскорее новый рай для помещиков и новый ад для крестьян: именно насчет сдачи земли в аренду на о д и н посев сделана особая оговорка. Вообще говоря, на передачу взятой в аренду казенной земли требуется особое разрешение, а передача на один посев допускается совершенно свободно. Помещик может ограничить все свои заботы тем, что наймет приказчика, который будет сдавать землю по десятине живущим «вперемежку» с помещичьим имением крестьянам — и посылать барину чистые денежки.

Впрочем, не всегда захотят дворяне вести даже и такое «хозяйство». Они могут сразу получить куш, если перепродадут казенную землю настоящим хозяевам. Не даром ведь новый закон выходит именно в такое время, когда в Сибирь проведена железная дорога, когда ссылка в Сибирь отменяется, а переселения в Сибирь возросли в громадных размерах: все это неминуемо поведет (и ведет уже) к повышению земельных цен. Поэтому отвод казенных земель частным лицам в настоящее время есть, в сущности, расхищение казны дворянами: казенные земли повышаются в цене, а их на особо льготных условиях сдают и продают всяким генералам, которые этим повышением цен и воспользуются. Напр., в Уфимской губ., в одном только уезде, дворяне и чиновники сделали такую операцию с проданными им (на основании подобного же закона) землями: они заплатили казне за земли 60 тыс. руб., а через два года продали эти же земли за 580 тыс. руб., т. е. получили за простую перепродажу б о л ь ш е п о л у м и л л и о н а р у б л е й! Можно себе представить по этому примеру, сколько миллионов попадет в карманы бедствующих помещиков благодаря отводу земель по всей Сибири.

Правительство и его сторонники выдвигают для прикрытия этого наглого хищения всякие возвышенные соображения. Говорят о развитии культуры в Сибири, о важном значении образцовых хозяйств. На самом деле крупные имения, ставящие в безвыходное положение соседних крестьян, могут в настоящее время усилить только самые некультурные приемы эксплоатации. Образцовые хозяйства не создаются посредством казнокрадства, и отвод земель поведет к простому маклерству землей со стороны дворян и чиновников, либо к процветанию кабальных и ростовщических приемов хозяйства. Благородные дворяне в союзе с правительством для того устранили от казенных сибирских земель евреев и прочих инородцев (которых они стараются выставить перед темным народом особенно беззастенчивыми эксплоататорами), чтобы с а м и м заняться без помехи самого низкого сорта кулачеством.

Говорят еще о политическом значении дворянско-поместного сословия в Сибири; среди интеллигенции там особеннно много бывших ссыльных, людей неблагонадежных, и вот, дескать, в противовес им надо создать надежный оплот государственной власти, надежный, «земский» элемент. И в этих толках заключается гораздо больше и более глубокой правды, чем воображают «Гражданин» и «Московские Ведомости». Полицейское государство настолько восстановляет против себя массу населения, что ему необходимо создавать группы лиц, способных служить столпом отечества. Ему необходимо создать класс крупных эксплоататоров, которые бы всем были обязаны правительству, которые зависели бы от его милости, которые извлекали бы громадные доходы самым низменным способом (маклерство, кулачество) и в силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякого произвола и угнетения. Азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе «раздачи имений». И если в настоящее время нельзя раздавать «населенные имения», то можно раздать имения в п е р е м е ж к у с землями нищающих крестьян; если неудобно прямо раздарить тысячи десятин придворным лизоблюдам, то можно прикрыть раздачу обставленными тысячами льгот продажей и «арендой» (на 99 лет). Как же не назвать крепостнической эту поземельную политику по сравнению с поземельной политикой современных передовых стран, напр., Америки? Там никто н е с м е е т рассуждать о разрешении или неразрешении переселений, потому что каждый гражданин имеет право переселяться куда ему угодно. Там свободные земли на окраинах государства по з а к о н у имеет право занять всякий, кто хочет заниматься сельским хозяйством. Там создается не класс азиатских сатрапов, а класс энергичных фермеров, которые развили все производительные силы страны. Там рабочий класс, благодаря обилию свободных земель, занял первое место на высоте жизненного уровня.

И в какое время выступило наше правительство со своим крепостническим законом! Во время самого сильного промышленного кризиса, когда десятки и сотни тысяч не находят занятия, во время новой голодовки миллионов крестьян. Правительство все заботы направило на то, чтобы не «шумели» о бедствии. Для этого оно повысылало на родину безработных рабочих, для этого оно передало продовольственное дело из рук земства в руки полицейских чиновников, для этого оно запретило частным лицам устраивать для голодающих столовые, для этого оно заткнуло рот газетам. И вот, когда неприятный для сытых «шум» о голоде прекратился, — царь-батюшка принялся помогать, помогать бедствующим помещикам и несчастным генералам—придворным. Повторяем: наше дело теперь— просто распространить сведения о новом законе. Ознакомившись с ним, самые неразвитые слои рабочих, самые серые и забитые крестьяне поймут, кому служит правительство и какое правительство нужно народу.

[Н. Ленин]

ЦАРСКИЙ КАБАК.

Наконец-то с 1 июля сего года «одна из самых смелых и грандиозных реформ», «ставящая впереди всего не цели фиска (казны) и доходности, а нравственные интересы народа, его оздоровление и под'ем его благосостояния», распространила свои благодеяния по всем градам и весям Европ. России. Царское правительство наше мало кому уступит в лицемерии, но никогда еще не приходилось ему пускать в ход свое искусство в таких размерах, как при проведении этой реформы. Голод 1891—1892 гг. слишком уж мозолил глаза страшными картинами крестьянского разорения, чтобы можно было отрицать этот факт. Надежда, что «ён достанет», казалось, была навсегда потеряна. Обратиться непосредственно к кошелькам имущих значило бы дать пищу оппозиционным стремлениям,

попытка ввести соляной акциз встретила такой единодушный отпор со стороны представителей сельского хозяйства, что пришлось ее сейчас же оставить. Но деньги нужны были до зарезу. И вот внимание правительства привлекается опять к старому катковскому проекту «казенных винных лавок», которые должны были и сельскому хозяйству пособить и государству новые доходы предоставить. Прибыль кабатчиков должна быть разделена между помещиками и государством. Вот сущность этого проекта. Но в наш цивилизованный век такие откровенные речи слишком шокируют. Эта откровенность была возможна только в старомодном московском государстве, которое, нисколько не стесняясь своих просвещенных соседей, строго наказывало своим наместникам, чтобы нашей казне была прибыль, а потому «питухов от кабаков не отводить». Двести лет для нас прошли не даром. Вопрос, «что скажут сеседи», заставляет и нас задуматься, да и перспектива получить на какой-нибудь всемирной выставке десяток наград за работы на пользу народной нравственности достаточно заманчива: все-таки лишний довод против злонамеренных людей, утверждающих, что у нас не все ладно. Приходится поэтому призвать на помощь пышные фразы о под'еме народного благосостояния и нравственности. А за ними дело не станет.

«Да, крестьянство разоряется, но разоряется... от пьянства. Кабак—вот где язва здешних мест. Кабатчики—вот те люди, частным интересом которых является спаивание мужика. Замените „кабак" казенной винной лавкой, и как по мановению волшебной палочки крестьянство процветет: увеличится число скота, подати будут поступать исправно, возрастут вклады в сберегательных кассах. О нравственных результатах такой замены и говорить нечего: и семейный и общественный быт крестьян в корень изменится. Даже в церковь начнут чаще ходить и больше за требы платить (и на это указывается в некоторых отзывах)». И наше правительство, так свято охраняющее принцип частной собственности, так любовно и осторожно обращающееся с частной собственностью почтенных дворян и «всероссийского купечества», одним почерком пера экспроприирует (лишает собственности) тысячи и десятки тысяч кабатчиков. Так, с 1894 по 1898 г. в 35 губерниях упразднено свыше 30 тысяч питейных заведений. К 1902 г. их насчитывается, вероятно, до 60.000. Рабочему классу интересы кабатчиков, конечно, так же мало дороги, как и интересы других его более крупных эксплоататоров. Будет ли из него вытягивать лишние гроши кабатчик или государство руками сидельца — все на одно выходит. Но не надо забывать, что в данном случае интересы целой группы людей, большинство которых не отличается особенным благосостоянием, безжалостно приносятся в жертву, чтобы скрыть подвиги более крупных хищников. «Вешают вора алтынного, чествуют вора полтинного». Так же слепо государство наше обрушивается на деревенского кулака, сосущего кровь из мужика, и закрывает глаза на ростовщиков - помещиков, не хуже кулака опутывающих крестьян путем зимнего найма и целого ряда других способов.

Но не только кабатчики стали жертвами этой колоссальной реформы. От «доброго старого времени» осталось у крестьянских обществ право получать плату с содержателей кабаков. Деньги эти шли на уплату повинностей, на постройку и ремонт церквей, на устройство школ, на починку дорог и т. д. и т. д. Суммы эти, и сами по себе немалые, представляли довольно значительную статью для крестьянских обществ, если мы вспомним, как невелик вообще бюджет сельских обществ (так называемые мирские доходы составляют для Евр. России около 60 милл. руб.). По расчету председателя Пермской губернской земской управы население этой губернии лишилось миллиона рублей. По другому расчету, приведенному Парвусом в книге «Das hungernde Russland» («Голодающая Россия»), крестьянские общества Самарской губернии за три года (1895—1897) потеряли 3.150.000 рублей. Эти данные делают весьма вероятным вывод Бородина, который для 35 губ. исчисляет эту потерю в 35 милл. рублей. Не трудно понять, как чувствительно должно было отозваться на крестьянских обществах такое значительное сокращение их доходов. Недоимки должны увеличиться, и без того ничтожные расходы на школы, след. на поднятие умственного уровня населения, должны еще более сократиться. С мужиком правительство не церемонилось.

Так ведущее нас провидение
Указало, — да он же привык.

Зато там, где правительству нужно поддержать верность в среде более строптивого населения, оно не скупится: славному донскому казачьему войску решено отпустить ежегодное пособие в 230.000 рублей в вознаграждение за потерю станичными обществами доходов от разрешения торговли крепкими напитками. Отчасти были вознаграждены за потерю доходов еще города и земства, но и тут правительство торгуется за каждую копейку и старается урвать хоть маленький куш. Так, Самарское губернское земство вместо требуемых 20.851 р. получит всего 17.668 р. Зато с какой нежностью обращается правительство с дворянством юго-западных губерний, пользовавшихся до реформы пропинационным правом (правом монопольной продажи вина в своих владениях). Оно сразу назначило для них несколько миллионов, и недавно еще Дубасова, сестра министра внутренних дел Сипягина, получила 125.000 руб. за свое право, хотя комиссия оценила его и без того в немалую сумму — в 70.000 рублей.

Конечно, таких крупных кушей всероссийское дворянство не получило. Но в качестве сельских хозяев и оно выиграло немало от монополии. Всегда отличавшееся любовью к презренному металлу, оно не всегда отличалось необходимой для этого практической сметкой. Устройство винокуренного завода доставляло немало хлопот по продаже вина. Зато теперь с введением казенной монополии настала блаженная пора: «Все глубокомысленные соображения о том, как и куда сбывать вино, потеряли свою силу. Все у него теперь обеспечено и условлено, он может вперед подсчитать свои выгоды. По определенной цене казна дает ему заказ на поставку спирта. Цены на спирт казна назначает весьма выгодные, чем поддерживает интересы винокуренных заводов и вместе сельского хозяйства». И нашим шнапс-юнкерам остается только с благодарностью взывать к тени великого московского публициста, еще в 1883 г. утверждавшего, что «благоустройство сельского хозяйства (то бишь помещиков) немыслимо без согласования винокурения с интересами земли (!) и без уничтожения кабака».

Как же велик доход самого государства? До сих пор его нельзя определить. С уверенностью можно сказать только одно: государство так или иначе вытягивает из населения большие суммы, чем прежние кабатчики. Уступая часть прибылей кабатчиков в виде повышенных цен помещикам, оно увеличивает другую часть путем сокращения расходов на очистку спирта. Эта цель достигается увеличением размеров производства очистительных заводов. Если, например, производительность этих заводов в губерниях первой очереди равнялась 40 тысячам ведер, то таковая же заводов в губерниях четвертой очереди уже составляла 178 тысяч ведер. Соответственно этому уменьшилась стоимость приготовления одного ведра вина. Если при начале реформы приготовление одного ведра обходилось от 1 р. 70 к. до 2 р., то теперь оно обходится от 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. Этой же цели правительство достигает еще путем увеличения напряжения труда рабочих в складах, заставляя каждого из них исполнять работу полутора рабочих и уменьшая таким образом потребность в них. В результате, не считая акциза, каждое ведро дает правительству 86 коп. чистого дохода. С 1 января нынешнего года цена простого вина назначена в 7 р. 60 к., а при продаже мерами менее $^1/_{100}$ ведра — в 8 р. ведро. Операция, конечно, очень прибыльная. Но сколько остается на долю самой казны? Какая часть полученных таким образом от народа денег остается в карманах чиновников, подрядчиков, посредников? Если в Москве, несмотря на уже назначенный на постройку трех складов кредит в 1.637.000, понадобился вдруг дополнительный кредит в размере двух с половиной миллионов, то как велика доля этих дополнительных кредитов в тех десятках миллионов, которые ежегодно вносятся в бюджет в рубрику подготовительных расходов на введение казенной монополии? На все эти вопросы мы получим ответ, когда — а это несомненно — кто-нибудь из этих хищников урвет себе кусок не по чину и даст, таким образом, правительству возможность доказать свою бдительность. А пока достаточно китайской войны, чтобы министерство финансов сократило сейчас же расходы на школы и попечительства о трезвости! Повсеместное введение монополии даст возможность подвести итоги этого колоссального грабежа и определить действительный, чистый доход самого государства. Поживем — увидим[2].

А пока что, посмотрим, как велики нравственные последствия этой реформы. Уменьшается ли пьянство? Несмотря на все старания раздуть благодетельные последствия этой реформы, правительству трудно скрыть факт: пьянство скорее увеличилось, чем уменьшилось, изменилась только отчасти его форма, так как из «кабачного» оно превратилось в «уличное», иногда с разрешения начальства. Конечно, можно спорить, какая из этих форм больше отражается на нравственности населения. Потребность отвести душу в обществе своих слишком сильна. Чайные лавки с их регламентацией, с «недреманным оком», конечно, не могут удовлетворить этой потребности и, если пьющим надоест распивать водку где-нибудь под забором, они, конечно, предпочтут отправиться в трактир, портерную или пивную лавку, где никакая «казенщина» не мешает им веселиться во-всю. А комиссия, получаемая содержателями этих трактиров и лавок, в достаточной степени возбуждает их «частный интерес в спаивании народа». С такой помпой устроенные попечительства о народной трезвости, по признанию официальных же органов, ровно ничего не делают. Если в них случайно попадет, кроме местной бюрократии, заваленной и без того всякими обязанностями, какой-нибудь порядочный человек, то ему остается сейчас же бежать: так скована вся его деятельность всяческими придирками, подозрениями и препятствиями. Казенный интерес («чтобы нашей казне было побольше прибыли»), несмотря на лицемерные уверения, что казна помирилась бы охотно с уменьшением питей-

БУРЖУАЗНАЯ НАУКА ПЕРЕД МОСКОВСКИМИ РАБОЧИМИ.

Вскоре после бурного участия московских рабочих в уличных демонстрациях февральских дней московские власти соизволили разрешить местным рабочим механического производства, возбудившим ходатайство об учреждении общества взаимопомощи, собираться для ведения бесед о своем положении под руководством некоторых московских профессоров. Собрания эти с тех пор ведутся регулярно при 200—300 слушателях (больше не пускают) и продолжаются уже после того, как устав общества взаимопомощи получил утверждение властей.

Какой характер носит эта новая попытка «легализировать» русское рабочее движение? Является ли это предприятие простым «культурным начинанием» либеральных просветителей, стремящихся принести рабочему классу посильную помощь в узкой области «дозволенного властями» дела мирной организации, или же здесь мы имеем дело с первой серьезной попыткой отвлечь внимание рабочих от революционной классовой борьбы, с первым проявлением новой политики мин. внутр. дел, возвещенной несколько лет тому назад гг. Семякиным и Зубатовым и недавно еще рекомендовавшейся «Новым Временем» (см. ном. 6 «Искры») политики, нашедшей себе вольное или невольное орудие в лице либеральных московских ученых? Не имея достаточно данных, чтобы с полной определенностью ответить на этот вопрос, мы вынуждены были до сих пор не касаться собраний московских рабочих. Накопившийся к настоящему времени материал газетных отчетов позволяет, однако, обратить внимание на некоторые странные, чтобы не сказать более, черты нового культурного предприятия, которые не могут не возбуждать самого серьезного недоумения.

Люди науки, которые дерзают, при наших политических условиях, итти на обсуждение вопросов положения русского рабочего, должны знать наперед, что они ставят себя в самое щекотливое положение между опасностью прогневать начальство, выступая открыто против узаконенного беззакония, и риском очутиться — при всех своих благих намерениях — в роли невольного пособника царящего зла, освещая своим двусмысленным поведением, своими умалчиваниями и своими недоговариваниями всю гнусность того режима, под тяжестью которого стонет наш рабочий.

ного дохода, является могучим препятствием во всей этой деятельности для отрезвления народных масс. В газеты то и дело проникают сведения о ходатайствах сельских обществ о закрытии в селах казенных винных лавок. Управляющие акцизными сборами высказываются против этих ходатайств, руководствуясь в этом отношении интересами фиска (казны). И на долю попечительств остается только роль добровольных сыщиков на службе у правительства («они должны на первом плане стремиться к уничтожению тайной торговли крепкими напитками»). Что и эта роль плохо выполняется ими, видно из того, как быстро увеличивается, несмотря на строгий надзор, число мест тайной продажи вина. Соблазн так велик, цена, назначаемая правительством, так безобразно высока, что всегда найдутся люди, которые захотят положить в свой карман несколько лишних рублей, сдираемых правительством с населения. Нечего говорить о том, какую новую громадную доходную статью представляет вся эта казенная продажа вина для чиновников, как пышно расцветают новые формы взяточничества при отсутствии гласности и общественного контроля в таком обширном коммерческом предприятии. Приведенный выше пример достаточно иллюстрирует это.

А что сказать о той куче оголодавших дворян, которые захватили наиболее выгодные места? Для них монополия сыграла роль лишнего пирога, упавшего с неба. Для «полномощного» дворянства она означает еще сокращение расходов на помощь и пособия обедневшим потомкам известной подлостью прославленных отцов: масса дворянских вдов и дочерей, обременявших дворянские общества просьбами о пособии, теперь рассажены по главным казенным лавкам *.

Таким образом казенная монополия ограбила кабатчиков, ограбила мирские и отчасти городские кассы, дает пока еще не вполне определившийся доход государству, обогатила всякого рода подрядчиков и поставщиков, дала уже не один случай погреть руки чиновникам, обеспечила дворянству сбыт вина по повышенным ценам и освободила его отчасти от расходов на помощь обедневшим потомкам дворянского сословия.

А польза, приносимая этой реформой народу? Микроскопические крупицы этой пользы мы предоставим отыскивать правительству и его прихвостням в печати и обществе. Даже при вполне свободных демократических учреждениях борьба с пьянством путем урегулирования продажи вина дает ничтожные результаты. Пока существует частная собственность на орудия производства, пока общество разделено на эксплоататоров и эксплоатируемых, пока для громадного большинства населения общественные условия создают и питают потребность в опьянении, единственным средством борьбы с пьянством так наз. низших классов является развитие в них чувства собственного достоинства, а след., обеспечение им доступа ко всем источникам нравственного и умственного развития (всеобщее, даровое, обязательное низшее, среднее и высшее образование). Что же касается рабочего класса, то для него таким средством является развитие классового самосознания, приучающее его тратить остающиеся в его распоряжении немногие свободные часы не на опьянение, а на подготовление из себя борца за будущий социалистический строй, в котором «пити» явится не проклятием, а действительным «веселием».

[Н. Рязанов]

* Если для мест главных счетоводов в Спб. и Москве с окладом в 3.600 р. или техников (с окладом в 2.500 р.) дворянского звания недостаточно, то места сборщиков (с окладом в 1.500 руб.) и сидельцев в Спб. и Москве с окладом в 900 руб. как будто созданы для дворянских недорослей. См., напр., проект орловского губернского предводителя дворянства и прения по поводу его. «Заря», ном. 1. «Случайные заметки».

На все эти размышления невольно наводят отчеты московских газет о «беседах» профессоров Дэна[5] и Вормса с московскими рабочими. Мы не знаем, насколько точно в этих отчетах изложена суть сказанного этими учеными. Мы можем только сказать, что так, как эти беседы представлены в газетах, они не имеют ничего общего ни с научностью, ни с правдивостью, ни с действительной помощью рабочему классу.

Г. проф. В. Э. Дэн на четвертом собрании в воскресенье 17 июня поучал рабочих о пользе обществ взаимопомощи. Он рассказал о том, что английские рабочие добились многих улучшений путем самодеятельности, — но умолчал о том, что эта самодеятельность проявлялась главным образом в стачечной борьбе и в организации в боевые союзы, а не в «мирные» общества взаимопомощи, подобные тому, которое теперь основалось в Москве. Он рассказал, что в «большинстве случаев государство берет на себя заботу о внешних условиях труда, могущих вредить здоровью рабочих», но умолчал о том, что в большинстве случаев государство «берет на себя» заботу о рабочих под влиянием политического давления с их стороны и что наше Российское государство, не контролируемое самим народом, в большинстве случаев заботу эту выполняет из рук вон плохо, будучи занято преимущественно заботой о сохранении порядка.

Очень вероятно, что эти умолчания — неизбежное последствие легальной деятельности, но это нисколько не изменяет того факта, что тот, кто таким образом излагает половину правды, на самом деле вбивает в головы своих слушателей лживые представления о предмете беседы.

На 12 собрании рабочих 12 августа другой ученый, приват-доцент г. Вормс, говорил об условиях труда, вредных для здоровья. Между прочим, на предыдущей беседе рабочие указали, что «вред для работы наносится напряженностью труда при низкой сдельной заработной плате и что поэтому они предпочитают поденную плату». Г. Вормс выступил против этого взгляда рабочих, разделяемого большинством организованного пролетариата всего мира и принимаемого небуржуазной наукой. Вормс находит, что «сдельная плата сама по себе здесь едва ли имеет значение: на размер этой платы скорее может влиять переполнение рынка рабочими силами». Как вам нравится такое удивительное решение вопроса? Рабочие говорят, что сдельная плата ведет к усилению напряженности труда; они хорошо знают, что результатом этого увеличения напряженности является постоянное понижение

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Земский с'езд. Общественное оживление, волной прокатившееся по стране вслед за событиями весны этого года, не прекращается: в различных формах оно сказывается во всех слоях русского общества, еще в январе нынешнего года казавшегося глухим и чуждым сознательной работе русской социал-демократии. Правительство изо всех сил выбивается, чтобы поскорее успокоить взволновавшуюся общественную совесть обычными мыльными пузырями, вроде манифеста 25 марта о «сердечном попечении», вроде так называемых реформ Ванновского или торжественно-шутовских поездок по России Сипягина и Шаховского... Кое-кто из наивных русских обывателей действительно будет успокоен этими мерами, но далеко не все. Даже современные земцы, наполовину состоящие из запуганных чиновников, начинают, повидимому, выходить из того состояния непрестанного трепета, в который они были повержены отходящей в историю эпохой безвременья «царя-миротворца».

Освободившаяся от элементарных покровов стыдливости ее величество бюрократия вызывает чувство негодования и гадливости и у них, робких людей с почти атрофировавшимся гражданским мужеством и гражданской нравственностью.

Нам сообщают, что в конце июня в городе NN (из предосторожности не сообщаем названия города. Ред.) был устроен с'езд земских деятелей. Присутствовало на нем, как говорят, человек 40—50 земцев нескольких губерний.

Собрались земцы, конечно, не для разрешения политических вопросов, а для разрешения мирных, чисто земских задач, собрались «без нарушения круга ведомства и пределов власти», как образно выражается земское положение (ст. 87); однако собрание это было созвано без разрешения и ведома администрации и следовательно, выражаясь словами того же положения, собрание состоялось «с нарушением порядка действия земских учреждений», а собравшиеся земцы от мирных, невинных вопросов незаметно для себя перешли к обсуждению общего положения вещей. Такова логика жизни: добросовестные земцы, как они ни открещиваются порой от радикализма и нелегальной работы, силою вещей наталкиваются на необходимость незаконных организаций и более решительного образа действий. Не мы, конечно, будем осуждать этот естественный и совершенно правильный путь. Пора, наконец, и земским деятелям дать энергичный и организованный отпор закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправление, изуродовавшему самоуправление городское и земское и с ослиной последовательностью замахнувшему свой топор над последними остатками земских учреждений. Говорят, на с'езде один старый и почтенный земец при обсуждении вопроса о том, как бороться с законом о предельности земского обложения, воскликнул: «Земские люди должны, наконец, сказать свое слово, или они никогда уже его не скажут!». Мы совершенно согласны с этим воплем либерального деятеля, готового бросить вызов к открытой борьбе с чиновным самодержавием. Земство накануне внутреннего банкротства. И если лучшие земцы теперь не примут решительных мер, если не порвут со своей обычной маниловщиной, со своими мелкими, второстепенными вопросами — «лужение тазов», как выразился один из маститых земцев, — земство обезлюдеет и обратится в обыкновенное «присутственное место». Эта бесславная смерть неизбежна, ибо нельзя безнаказанно десятки лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать: надо грозить, требовать и, бросив игру в бирюльки, приняться за настоящую работу.

Из Курска. Весенние события в Москве и Петербурге отозвались слабым эхо и на нашей курской монотонной серенькой жизни. Вслед за уличными волнениями в Москве и бойней 4 марта в Петербурге, стены курских домов, общественных зданий, величавого Знаменского собора впервые за тысячелетнюю историю г. Курска удостоились быть украшенными революционными прокламациями, призывавшими граждан отозваться на протест столичного и харьковского рабочего и ремесленного люда. Изумленный обыватель впервые читал свободное и негодующее на самодержавие слово. Правда, обыватель ничем не отозвался на призыв к протесту, но прокламации сделали свое дело: взбаламутили воду мелких помыслов, мелких страстей и надолго испортили кровь курских держиморд и Сквозников-Дмухановских. Из пожарных градо-

---

расценков, а им отвечают: нет, низкая плата обусловлена переполнением рынка рабочими силами. Но разве г. Вормс не знает, что именно увеличение напряженности труда, вызываемое системой сдельной платы, ведет к увеличению армии безработных? Надо полагать, что он отлично это знает, но поставленный лицом к лицу с необходимостью высказывать это свое знание при том условии, что оно может не понравиться тем, кто разрешает ему «беседы» с рабочими, он вынужден вилять самым недостойным и нелепым образом.

«На потерю здоровья, — продолжает свое возражение г. Вормс, — влияет незнание гигиенических условий, которые могли бы напряженность работы поставить в границы, не вредящие здоровью». Какая, подумаешь, аркадская невинность! Рабочий на сдельной плате измочаливает свои силы только потому, что он не знает гигиенических условий и не ставит «напряженность труда в границы, не вредящие здоровью». Итак, невежество рабочего — единственная причина его чрезмерного труда. Если бы он знал «гигиенические условия», он работал бы с прохладцей и, вероятно, ухитрялся бы на вырученные гроши «теплей накрываться и здоровою пищей питаться»!

Впрочем, г. Вормс признает, «что здоровье может страдать и от длины рабочего дня, неправильного его распределения и проч.», но, говорит он, «устранение всех этих условий зависит от самого рабочего».

Вы удивляетесь, читатель? Вы просите ученого мужа поскорее открыть вам секрет, как это вы можете сами «устранить» свой длинный рабочий день, «ломку смен» и т. п. язвы вашей трудовой маеты? Дело, видите ли, очень просто: ведь «наш закон представляет его (рабочего) усмотрению входить или не входить в договор с предпринимателем и в то же время до известной степени обеспечивает здоровье от вредных гигиенических условий труда». Что это должно означать? Неужели г. Вормс прописывает тот самый рецепт, который до сих пор прописывали рабочим гг. Клейгельсы, Треповы и прочие деятели по «улажению недоразумений»: не хочешь работать по правилам, убирайся с фабрики? Или же г. Вормс хочет просто сказать, что, если бы рабочие не соглашались работать на невыгодных условиях, то эти условия не могли бы существовать. Что это: фарисейство или легкомыслие? Во всяком случае, нечто недостойное человека науки.

И в конце концов г. Вормс сказал ложь: на самом деле в России не существует свободы договора даже в самом узко-буржуазном смысле слова, ибо за единоличный отказ от работы без предупреждения за две недели

начальствующими лицами образована была особая дружина для ловли «прокламатчиков", городовые же и караульщики после достаточного приличного мордобоя за плохое внимание были обнадежены, что за каждую прокламацию, которую они доставят начальству, им будет выдано по три рубля награды. Не знаем, исполнило ли начальство свое обещание или же снова ограничилось лишь отеческими заушениями, только прокламации продолжали появляться перед домами и на дворах курских обывателей. «Злоумышленники» постарались осветить рабочему люду слободы Ямской и других городских предместий значение Обуховской бойни (7 мая), напомнили годовщину Ходынской «катастрофы» [3] и вообще продолжали от времени до времени будить сонливую общественную совесть курских граждан. Само собой понятно, что молодое население Курска не осталось равнодушно к прокламациям, а тем более к возмутительным фактам, ежедневно доносившимся в город из столиц и Харькова. Брожение среди учащихся в наших средних учебных заведениях не на шутку испугало наших «человеков в футлярах». Директор учительской семинарии Кашлинский и директор гимназии Лапин со слезами на глазах умоляли нарочито собранных в актовых залах своих воспитанников не верить басням и спокойно относиться к столичным волнениям. И тот и другой, а в особенности полицмейстер, заготовивший при полицейских частях вороха веревок для связывания бунтовщиков, повидимому, искренно ожидали, что курская учащаяся молодежь возьмет на себя почин в деле организации на курских улицах митинга-протеста. Повидимому, их речи имели успех, и «общественное спокойствие» Курска до сего времени ничем нарушено не было.

Общественному спокойствию курских деревень и сел угрожала также да, повидимому, продолжает угрожать крамола в лице прокламаций, получаемых крестьянами в почтовых конвертах. Из многих уездов сообщают, что крестьянами получаются письма «против панов, купцов, попов и самого царя». Один крестьянин, с которым пришлось беседовать пишущему эти строки, так передавал содержание полученного письма: «Складно написано: что ни слово, то насмешка. Всех перебрали. Податей, мужики, не платите, пока земли вам не дадут. Видно, заморский королевич какой писал». Судя по слухам, «заморский королевич» продолжает поддерживать переписку с курскими мужиками. В Грайворонском, напр., уезде, мужики так говорят: «получаем письма и не знаем, что с ними делать: ни его до бога (иконы) причипить, ни к уряднику нести». В Старооскольском уезде письмами очень интересуются, и прокламации переходят из рук в руки.

Необычный приток еще более необычных писем к темному деревенскому обывателю не остался без «мер пресечения» со стороны «предержащих». Некоторыми земскими начальниками издано по волостям распоряжение распечатывать адресуемые крестьянам письма и передавать им, начальникам, на попечительную цензуру.

Из Сибири. Знакомо ли вам, читатель, то томительное чувство, с которым человек молодой, полный жизни, привыкший к кипучей деятельности, общению с людьми, но заброшенный волею судеб в захолустье, ждет письма из дорогих ему мест, от близких людей, в унисон с которыми бьется его сердце, духовной жизнью которых он полон? Вообразите себе еще, что это захолустье представляет собой сибирскую деревушку в глубине Енисейской губ., что эта деревушка с двадцатью избенками утопает в снегу, что взору открыто одно только однообразное снежное поле, что слух «ласкает» одно только злобное завывание ветра; вообразите себе эту тоску одиночества, и вы поймете, с каким замиранием сердца ждут там писем, как велико напряжение слуха заброшенного в такие дебри человека, жадно прислушивающегося к малейшему звону, являющемуся возвещением приближающейся почтовой кибитки. Она появляется в отдаленных деревнях Сибири редко: раз в три недели. Появление кибитки — это эпоха в жизни наших сосланных в Сибирь товарищей; они живут этим ожиданием: вот появится кибитка, которая принесет вести из тех дорогих мест, от почвы которых они безжалостной рукой оторваны.

В трепетном ожидании письма лежал в последних числах февраля этого года наш товарищ Гуревич в больнице, в деревне Кежме, Енисейской губ., поправляясь от недавно перенесенного острого тифа. В 10 часов вечера прозвучал колокольчик и замер около квартиры станового пристава. Радостный, в приподнятом настроении Гуревич спрашивает у врача, случайно бывшего в то время в больнице, нельзя ли ему пойти за своей корреспонденцией.

— Нельзя, — получил он лаконический ответ.

— Почему нельзя?

— Потому что нельзя!

рабочий подвергается уголовной ответственности даже в том случае, если этот отказ вызван изменением «правил внутреннего распорядка», напр. удлинением рабочего дня, изменением порядка смен и т. п.

Чувствуя, что запутался, г. Вормс не пошел дальше, а «в виду сложности этого вопроса рекомендовал рабочим обратиться за более подробным его раз'яснением к какому-либо специалисту, напр. к фабр. инспектору». В каком, однако, жалком положении находится та «наука», которая останавливается перед сложностью вопроса, поднятого рабочими, и отсылает их за раз'яснениями к чиновникам царского правительства!

Жалуются рабочие на неудовлетворительность постановки медицинской помощи на московских фабриках и заводах. Г. Вормс «раз'ясняет», что закон 1866 года обязал фабрики, имеющие свыше 100 рабочих, иметь свои больницы. Однако, «этот закон не имеет применения в городах Спб., Москве и Одессе, где установлен городской больничный сбор с рабочих». Иными словами: «закон был, да весь вышел» для московских рабочих по тому случаю, что с них же взыскивают за лечение в городских больницах. Это как будто несколько несуразно: потому что с меня город сдирает больничный сбор, мой эксплоататор должен быть освобожден от обязанности давать мне медицинскую помощь. Но г. Вормс указывает, что столичные присутствия по фабричным делам «делают вывод, что обязанность лечить рабочих должна лежать здесь на городских управлениях, а не на фабриках и заводах», и довольствуется ссылкой на это совершенно произвольное лжетолкование присутствий, не обмолвившись и словом о том, насколько, по его мнению, законно такое толкование. Удивительно много вынесут рабочие из такой беседы!

Заговорил г. Вормс о несчастных случаях на фабриках, ведущих к увечьям или смерти. Этот жгучий вопрос, затрогивающий самые мрачные стороны фабричного быта, превратился в его изображении в вопрос «о разграничении обязанностей по вознаграждению рабочих за увечье и смерть между предпринимателем и обществом взаимопомощи». Обязанность вознаграждать рабочего за увечье или семью его за смерть наш закон возлагает на предпринимателя. Правда, тот же закон обставляет это право рабочих такими условиями, которые сводят его к нулю. Отсюда может вытекать только необходимость добиваться осуществления этого признанного законом права, необходимость требовать, чтобы обязанность возбуждения исков лежала не на

— Нельзя ли послать сторожа за корреспонденцией?

Строгий эскулап обвел его внушительным взглядом, вышел из комнаты, бросив ему мимоходом:

— А сторожа не для того служат, чтобы бегать каждому за письмами.

Гуревич, охваченный порывом негодования и мучимый сознанием, что, если он пропустит момент, письма его будут доставлены только через три недели (в Кежме письма не оставляются и не передаются другим), что целых три недели он не будет знать, чем живут его товарищи, не будет знать ни одной новости из жизни оставленного юга, — уходит в одном белье, в туфлях на босу-ногу, без шапки, без тулупа за долгожданной корреспонденцией. Письмо вознаградило его за физические и нравственные страдания, оно говорило ему, что вспаханное им поле деятельности на юге России дало пышные ростки, он мысленно присоединился к жизни своих товарищей по работе, которой он посвятил свои лучшие силы. И он снова воспрянул духом.

Мечтая о «лучшем будущем», он возвращается в больницу, не чувствуя холода, но здесь его ждет мерзкая, прямо зверская проделка врача-полицейского. На все его постукивания в запертые кругом двери больницы, он слышит ответ сторожа:

— Не велено пущать.

— Да кто не велел?

— Господин доктор, — невозмутимо отвечает сторож.

— Дайте мне хоть шапку и тулуп, — умоляет он сторожа.

— Не велено давать.

Его долгие упрашивания ни к чему не привели, ему пришлось неодетым итти на квартиру своего единственного товарища Генделя, у которого он решил переночевать. Сон их был недолог. Эскулап не удовлетворился своей каверзой; ему понадобилось новое глумление над личностью человека, он придумал новое средство, чем унизить этих «беспокойных» людей.

В час ночи на квартиру Генделя вваливается становой пристав с двумя десятскими с отношением врача, которым последний просит водворить в больницу якобы сбежавшего пациента Ш. Гуревича, и пристав, не долго думая, грубо и бесцеремонно обращается к десятским:

— Тащите его (указывая на Гуревича) в больницу.

— Да я, ведь, в одном белье... — отвечал Гуревич.

— Сюда ходил и обратно пойдешь, — был ответ.

Но тут Гендель дал выход накопившейся злобе; он заявил приставу, что, если он не пошлет за теплым платьем для Гуревича, то он не отпустит его из своей квартиры; если же пристав станет упорствовать, он будет силой защищать Гуревича и тут же протянул руку за револьвером. Пристав смягчился и послал за платьем. Гуревич, в сопровождении пристава и Генделя, пошел в больницу, где сторож не хотел впустить «сбежавшего пациента», так как «г. доктор не велел пущать их в больницу». При помощи пристава Гуревичу удалось вернуться в лоно милосердия, в больницу, где так пекутся о больных.

Гуревич и Гендель жаловались губернатору на незаконные и возмутительные действия врача и пристава. Получился ответ: «перевести Гуревича и Генделя в более отдаленное место». Коротко и ясно.

Напрасно товарищи не приводят имени кежемского доктора; оно заслуживает опубликования.

Нам сообщают следующие выписки из отчетов губернаторов Северо-Западного края генерал-губернатору. Обращаем внимание читателя на чрезвычайно остроумные и поучительные выводы, которые делаются представителями власти из констатируемых ими самими фактов беззаконий фабрикантов. «Стачка вызвана плохим положением рабочих... а потому предлагаю выслать таких-то, как агитаторов, на основании положения об охране», — вот формула, в которой как нельзя лучше выражена сущность отношений царской власти к трудящемуся населению.

Вот эти выписки:

1) 10 мая 1899 г. разбросана прокламация к крестьянам в дер. Мекшеселе, Виленской губ., и по дороге в Александровскую волость, Трокского уезда.

2) 29 июня по дороге в гор. Шавли на телеграфных столбах расклеены прокламации.

3) В сел. Вилейка 19 июля на заборах, домах расклеены и разбросаны по улицам прокламации.

4) В м. Янишки расклеены на телеграфных столбах прокламации на жмудском языке (5 сентября) («речь идет о ниспровержении существующего строя, о свободе слова, печати и сходок; о грабительстве деспотического правительства царя, держащегося насилием и беззакониями»).

рабочем, а на фабриканте, если он не желает уплатить вознаграждения и хочет доказать, что рабочий пострадал по своей вине. Либеральный г. Вормс поступает не так. Всецело возложенную законом на хозяина обязанность вознаграждения рабочего он желает «разграничить между предпринимателем и обществом взаимопомощи», т. е. одна из задач общества взаимопомощи рабочих — снять с предпринимателя часть бремени по вознаграждению рабочих. Так, что ли, г. Вормс? А не смущает вас сомнение, что проповедь такого рода «взаимопомощи» может показаться рабочим делом «взаимопомощи» между предпринимателями и гг. учеными?

Для того, чтобы как следует «разграничить» ответственность за несчастные случаи между хозяевами и самими рабочими, г. Вормс, изложив «те условия, которые по закону создают ответственность предпринимателя», описывает «также и те затруднения, которые испытывает получивший увечье при осуществлении своего права на вознаграждение (как то: обязанность личных хлопот, краткость срока давности и т. п.)». Вы скажете, пожалуй, что г. Вормс беспристрастно описывает настоящее положение дел. Однако, когда вы читаете следующую фразу: «Автор беседы, впрочем, придавал больше значения вопросу о мерах, предупреждающих возникновение самых несчастных случаев», то у вас возникает сомнение: а что если г. Вормс остановился на трудностях в осуществлении рабочим своего права не для того, чтобы требовать устранения этих трудностей, но чтобы «отвадить» рабочих от помыслов о расширении своих прав в этой области. «Зелен виноград, — доказывает г. Вормс, — как раз оскомину набьешь», не стоит возиться с требованием вознаграждения за уже оторванную руку, следует больше значения придавать условиям, предупреждающим потерю второй руки. Ибо о том, что лучшим средством «предупреждения» новых несчастных случаев является введение строгой и на деле осуществляемой ответственности предпринимателей, — об этом г. Вормс опять-таки умолчал (по крайней мере, в газетном отчете нет об этом ни слова). «Принятие этих мер (предупреждения) должно, — по его мнению, — явиться главной заботой как законодательства, так и предпринимателей, которым выгодней предупреждать несчастия, чем платить за них». Последнее, конечно, верно, но если бы рабочие перестали думать о введении действительной ответственности фабрикантов и в виду трудности дела отказались от попыток при теперешних условиях взыскивать с хозяев вознаграждение за увечье, то, пожалуй, предпринимателям было бы еще выгоднее не предупре-

5) В м. Лужках 1 ноября прокламация на польском языке к сельским рабочим.

6) 30 октября в гор. Вилькомире разбросаны прокламации. Разыскивали виновников, были аресты, но по недостатку улик всех выпустили.

7) 8 июля 1899 г. в Белостоке был с'езд 35 депутатов от разных цехов для обсуждения вопроса об оборонительном терроре и сборе денег на бегство убийцам. В марте раввины Белостокского уезда и вообще Гродненской губ. сообщали в синагогах о стачке рабочих в Белостоке и уговаривали рабочих не итти наниматься в Белосток.

8 июля забастовали перчаточницы. К 15 июля прекратило работу 150 человек в 36 мастерских, прося надбавки на дюжину 5—10 коп., расчета по полумесяцам и по рабочим книжкам. Агитаторы отвинчивали машинные части. Мною установлено, что при расчете действительно из платы мастер делает произвольные вычеты в 2—3 руб. на ученицу, что плата нищенская: 10—20 коп. в день, да и то половина (пользуясь невежеством и нищетой работниц) удерживается, благодаря отсутствию контроля, так как лишь один мастер подведомствен фабричному инспектору.

А потому полагал бы (к таким-то лицам) применить положение об усиленной охране — выслать из пределов губернии. (Послано к министру о разрешении высылки.)

26 июля на конвертной фабрике забастовало 30 рабочих из 100. Требовали увеличения платы с 1.000 конвертов на 1 коп., вместо 6 коп. — 7 коп. К зачинщикам применено положение об усиленной охране — высланы.

Гродно. 16 сентября 700 папиросниц у Шерешевского забастовали, требуя вместо 17½ коп. — 30 коп. за 1.000 шт. В Вильно платят 40 к., в Гродне 17½ коп. Приняты энергические меры. В ночь на 25 сентября взято 88 женщин и 3 мужчин и об'явлено, что так будет поступлено со всеми. 27 сентября все стали работать; при официальном расследовании подтвердилось, что стачка вызвана тяжелым материальным положением и тем, что Шерешевский платит меньше всех.

Ковно. 6 февраля 1898 г. в типографии Соколовского и Леванда стачка. Губернатор пишет: «Собственно говоря, никакой стачки не происходило, а была лишь слабая попытка со стороны рабочих добиться некоторых облегчений (они работают 16 часов), которая и была парализована властями при первом же проявлении... Хотя на основании следствия (таких-то) нельзя признать виновными, но я прошу выслать их административным порядком из пределов вверенной мне губернии».

Белосток. 15 июня 1898 г. В 94 ткацких заведениях стачка из-за отказа увеличить плату на 1 коп. на моток. Губернатор доносит: «Я лично расследовал это дело на совещании всех хозяев и нахожу невозможным возвысить плату. А потому для прекращения беспорядков прошу агитаторов (таких-то) выслать административным порядком».

3 марта 1898 г. уволен из Ковенской гимназии ученик 3 класса Островский за стихотворение собственного сочинения, в котором он просит бога облегчить участь поляков. Дело прошло следующие инстанции: совет гимназического начальства, два раза у попечителя, ковенского жандармского управления, ковенского губернатора, генерал-губернатора и прокурора палаты. Жандармы требовали суда, но прокурор дал заключение о прекращении дела. После этого постановлено исключить из гимназии и установить негласный надзор.

В ном. 3 гектограф. московского издания «Студенческий Листок» сообщается: «В Пензе произошел целый ряд событий, весьма характерных и знаменательных для „нашего времени“. Они покажут вам, как относится провинция к основному вопросу русской жизни и что она переживает. События, происшедшие в Пензе, ни в каком случае не могут быть об'яснены только местными условиями. Изредка приходящие к нам известия свидетельствуют, что и другие провинциальные города переживают то же, что и Пенза. Эти события лишь частное проявление общего освободительного движения, недавно так ярко блеснувшего... В ночь с 9 на 10 апреля в рабочих кварталах (за рекой Пензой, за валом железной дороги и местностях, прилегающих к базарной площади, на Сергиевской фабрике и т. д.) были разбросаны и расклеены прокламации. В них опровергаются сообщения „Правительственного Вестника“, имеющие целью унизить студентов в глазах общества. Описывается самое движение и отношение к студентам общества интеллигентного и рабочих, приведено письмо „Союза писателей“. Затем в общих чертах обрисована внутренняя политика нашего правительства и его отношение к трудящимся классам; раскрывается смысл и значение студенческих движений и пр.

ждать несчастий, а содействовать развитию «бесед» гг. Вормсов.

По мнению г. Вормса, и обществам взаимопомощи также принадлежит почетная роль по «предупреждению несчастных случаев». Не спешите радоваться, читатель! Вы, может быть, ожидаете, что общество взаимопомощи, как рабочая организация, будет призвано оказывать давление на предпринимателя в целях лучшего предупреждения несчастных случаев. Ну нет, г. Вормс таких «разрушительных» проектов и в мысли не имел. Общество взаимопомощи, говорит он, «может с своей стороны принимать в этом направлении известные меры, напр., ознакомление членов с приемами подачи помощи в несчастных случаях».

Гора родила мышь! «Предупреждение несчастных случаев» оказалось подачей помощи после того, как несчастный случай произошел. Общество взаимопомощи должно, сверх прочих своих услуг фабрикантам, избавить их от подачи первой помощи пострадавшим рабочим!

Неужели же г. Вормс всю роль общества взаимопомощи в этом вопросе сводит к подаче первой помощи? О нет! После цитированных нами слов он продолжает: ...«организация для своих членов особого юридического бюро для подачи советов при помощи опытных специалистов, при чем польза этого бюро могла бы сказаться уже и в том, что оно могло бы предупреждать случаи возбуждения недостаточно обоснованных исков».

Так, так! Для «предупреждения несчастных случаев» общество взаимопомощи создаст бюро, которое будет заниматься «предупреждением» недостаточно обоснованных исков! Когда идет дождь, люди распускают зонтики; стоит только свернуть зонтики, и дождь пройдет. Совершенно таков же, надо думать, ход мыслей г. Вормса. От того, что русские рабочие находятся в самом бесправном положении, многие возбуждаемые ими иски оказываются недостаточно обоснованными; отказывайтесь заранее от своих исков, и ваше положение поправится (ведь г. Вормс все-таки толкует о средствах облегчения положения рабочих!).

Послушаем еще г. проф. Озерова [6] (13 беседа 19 августа). Трактует он о «разумном проведении досуга членами кассы взаимопомощи». Бедные рабочие! Их еще надо учить «разумному проведению» времени, которое оставляет им капитал! Буржуазная наука с очаровательной грацией спешит оказать «меньшому брату» одолжение, поучая его, как следует разумно проводить сво-

Эти прокламации были рассеяны в таком громадном количестве, что полиция одна была не силах собрать их и пригласила на помощь жандармов и дворников. С ведрами, ножами ходили они по улицам и отскабливали приклеенные прокламации; другие ходили по дворам, где они были также разбросаны. Как много было разбросано прокламаций, показывают нелепые слухи, будто их таскали мешками. Отнеслось к ним население различно: мелкая буржуазия (мясники, лавочники и т. д.) — с негодованием, рабочие — сочувственно. В особенности тревожное настроение было заметно на Сергиевской фабрике. На учащихся прокламации произвели также сильное впечатление. Создалось возбужденное состояние, которое прорывается в постоянно происходящих с начальством конфликтах. В гимназиях выросла такая оппозиционная сила, что начальство не знает что делать. В особенности сильное возбуждение среди семинаристов; они решили путем петиции добиваться прав, которых они были лишены в 80-х годах: допущения их в университет по окончании 4 класса, ослабления богословского образования и усиления естественно-научного. Недавно у них в лесу состоялась сходка в 100—150 чел. И несмотря на то, что их окружали городовые, пристава и жандармы, они все-таки пели революционные песни. С начальством у них постоянные столкновения, и оно боится принимать против них какие бы то ни было меры. Каждый день оно ожидает, что вспыхнет «бунт». В казенном лесу, верстах в двух от Пензы, есть училище садоводства. Культурный уровень учащихся довольно низок, но и туда проник «дух времени», и там борьба и движение. Ученики решили изгнать одного учителя, ненавистного им. Когда их попытки достигнуть этого на легальной почве кончились неудачей, они стали его бойкотировать, разбивают окна в его квартире, устраивают манифестации. А несколько дней тому назад беспорядки приняли такие размеры и характер, что была вызвана рота солдат. Последняя была расположена в лесу, вблизи училища, но в действие не была употребляема. Настроение населения настолько тревожное, что полицейское начальство опасалось, как бы первого мая не состоялось чего-либо вроде демонстрации. Слухи о ней ходили по всему городу, претворяясь иногда в самые замысловатые, фантастические формы. И чтобы предотвратить якобы предстоящую демонстрацию, полиция приняла различные меры: по улицам, где живут подозрительные лица, сновали городовые и переодетые жандармы. На Сергиевской фабрике штат полиции, усиленной тремя ротами солдат, получил приказание приготовиться к военным действиям и снабжен боевыми патронами. Состоялось совещание директоров у губернатора, на котором решался вопрос, какие меры принимать по отношению к учащимся, чтобы не допустить их к участию в демонстрации первого мая.. Решено, чтобы квартирные хозяйки не отпускали в этот день учащихся одних. А инспектор второй гимназии хотел предпринять более энергические меры: засадить нескольких гимназистов в здание гимназии и держать их там, пока все успокоится. Между прочим, в Спб. отправился один жандармский офицер за инструкциями.

Археология и полиция. Что, казалось бы, может быть общего между археологией и департаментом полиции, между изучением древности и борьбой с современностью? Почтенный археолог И. Е. Забелин, так много сделавший для русской старины, и директор деп. полиции Зволянский, работающие для одной и той же цели, поглощенные одной и той же работой, — не странная ли это картина? А вот подите же, такая связь существует и, что всего курьезнее, на нее указывают сами археологи. Совершая свое опереточно-феерическое путешествие по наиболее промышленным губерниям, министр внутр. дел Сипягин попал и в Ярославль. Там он «соизволил» принять участие в заседании ярославской ученой архивной комиссии. Чем занимались почтенные архивные крысы в присутствии высокопревосходительной лисицы, — неинтересно. Зато совершенно специальный интерес приобретает речь председателя комиссии М. Липинского, того самого профессора Демид. юрид. лицея, который написал для Витте первую записку о земских учреждениях, доказывавшую их несовместимость с самодержавным строем. В своей речи этот представитель «чистой» науки указал, что «главные заботы архивной комиссии направлены к тому, чтобы возбудить в обществе интерес к местной старине и тем создать противовес отвлеченным умствованиям, не вызываемым потребностями практической жизни и являющимся плодом отсутствия других более высших интересов». Министр очень одобрительно отнесся к этой речи и обещал с своей стороны всяческое содействие археологическим изысканиям. Теперь остается только покрыть всю Россию такими «архивными обществами», да кстати уже и за-

---

бодное время. Без ее благожелательных указаний рабочий не сообразит, пожалуй, как ему «разумнее» проводить свои вечера и праздники. А может быть, для того, чтобы иметь возможность их проводить разумно, он потребует себе менее продолжительной работы, лучших квартирных условий, высшей платы, свободы собираться и разумно проводить время, свободы достигать самообразования? Может быть, пожелав всего этого, он вступит в борьбу с государством, которое ставит его стремлениям всяческие преграды? Буржуазная, с позволения сказать, наука спешит «легализировать» такие стремления, придать им окраску законности. Поговорив о значении рабочих клубов в жизни европейских рабочих, г. Озеров заявил, что «наши рабочие нуждаются в подобных клубах не менее, чем иностранцы». Оказывается, что это уже сознало... министерство финансов, которое «со введением винной монополии усиленно рекомендует комитетам трезвости устройство особых народных клубов, в которых рабочий мог бы не только пить чай, но и разумно проводить время». Да здравствует министерство финансов, трижды ура г-ну Витте! По лицемерию или невежеству г. профессор не упоминает об одной лишь малости: что разумное проведение времени в клубах и читальнях комитетов трезвости заключает, между прочим, чтение «Света», «Моск. Ведом.» и тому подобной грязной литературы, и только такой литературы! Г. Озеров не постеснялся выразить «большое спасибо казенной винной монополии» за то, что она «в основу борьбы с алкоголизмом поставила устройство чайных, имеющих характер клубов». Переводя эти «благонамеренные речи» на человеческий язык, мы констатируем тот факт, что г. Озеров приветствует и прославляет русское правительство за то, что оно в основу борьбы с алкоголизмом поставило не повышение народной культуры, не освобождение личности, не свободу образовательных учреждений, но жалкое подобие просветительной деятельности, насаждаемой мощной рукой помпадуров и попов, — этот фиговый листок, которым правительство прикрывает гнусную наготу своей роли кабатчика. Так для выслушивания таких-то комплиментов шарлатанским предприятиям г. Витте вы приглашаете рабочих на свои «беседы», г. Озеров? Но такое-то «разумное проведение досуга» они могут себе найти и в чтении «Нового Времени»!

Так вот в какой уродливой форме осуществляется в первопрестольной столице «союз науки и работников», составляющий содержание стремлений передовой части пролетариата? Вместо раз'яснения сложных социальных

числить их по департаменту полиции, и «вредные умствования» будут вырваны с корнем и общество обратит внимание на «другие более высшие интересы». Советуем г. Липинскому написать записку в этом духе! Авось она скорее вынесет его в «высшие сферы», а там такие «таланты» теперь очень нужны, ибо «отвлеченные умствования» свили себе прочное гнездо не только з «обществе»[1].

[Н. Рязанов]

Цена совести тайного советника Юзефовича. До свободы печати мы еще не доросли, а вот на поприще торговли печатным словом подвизаемся с немалым успехом. Сторонники существующего строя любят указывать на продажность западо-европейской буржуазной печати как на доказательство того, что при свободе печати, благодаря силе капитала, народная масса развращается нездоровой умственной пищей. Они при этом умалчивают о том, что в Зап. Европе свобода печати служит лучшим противоядием тому развращению, которое вносят продажные газеты, тогда как у нас вследствие цензурного рабства «руководителями общественного мнения» являются почти исключительно рыцари торговли печатным словом.

В опечатанных судом бумагах ныне обанкротившегося Харьковского Земельного банка найдена многозначительная запись: «печаги — 5.000 руб.». Местные газеты: «Харьковские Губ. Ведомости» и «Справочный Листок» спрашивают: кто получил эту мзду? «Южный Край» тайного советника и кавалера Юзефовича упорно молчит об этом происшествии. Знает кошка, чье мясо с'ела.

Уж не в первый раз реакционные органы печати являются органами одурачивания публики в интересах подкупивших их банкирских воротил. Честная же и независимая печать не раз подвергалась цензурным взысканиям за «несвоевременное» разоблачение разных финансовых секретов наших плутократов. Это обстоятельство, конечно, не помешает апостолам самодержавия фарисейски воздыхать: «благодарим тебя, боже, что ты создал нас не такими, как эти грешники — западно-европейские журналисты» и уверять, что отсутствие свободы печати имеет целью «нравственное оздоровление общества».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

В ЦАРСТВЕ МОРОЗОВЫХ.

Из Богородска (Моск. губ.) нам пишет местный рабочий:

Есть, конечно, в России рабочие центры: как-то: Спб., Москва, Варшава, Киев, Харьков, где рабочие живут культурной жизнью, где социализм находит себе пути, улицы и проулки к жилищам рабочих; там есть много сознательных рабочих, и они делают свое дело, которое становится все тверже и могучее. Там есть интеллигенция, которая способствует этому движению... Но есть еще в России такие рабочие центры, куда прямые пути для социализма затруднены, где культурная жизнь искусственно и усиленно задавливается. Там рабочие живут безо всяких культурных потребностей, и для их развлечения достаточна одна водка, продаваемая хозяином (теперь казенная монополька) да балалаечник или плясун из рабочих. Такие места напоминают стоячую воду в небольшом озере, где вода цветет, и цвет садится на дно, образуя вязкую грязь, которая втягивает в себя все, что на нее попадет. К такой категории можно причислить и Глуховскую мануфактуру (около Богородска). Тут культурной жизни почти нет, и трудно ей на первых порах упрочиться, если только удастся зародиться. Интеллигенция тут отсутствует (употребляю «интеллигенция» условно: чиновники и т. п. с цензом образования не есть еще интеллигенция, это только глаженая, клейменая публика — «благонадежный»), рабочие культурные очень редки, а чуть который начинает чувствовать гнет, то выбывает; поднадзорный попасть сюда не может, а потому никакой литературы тут нет, ни легальной, ни нелегальной. Если рабочий попадет сюда из большого города и вздумает вести пропаганду, то он скоро навлечет на себя внимание администрации, а она дела вершит скорее полевого суда: немедленно рассчитывает и удаляет из хозяйских помещений. Мы хотим здесь описать эти самые хозяйские помещения.

Наш фабрикант Захар Морозов содержит мужскую (холостую) артель чел. 800, да такую же женскую; сверх

вопросов — вящшее их затемнение профессорской болтовней, скользящей по поверхности и оставляющей в стороне самые жгучие пункты; вместо какого бы то ни было содействия развитию самосознания рабочих — внесение ненаучных представлений (пример — о поштучной плате, о свободе договора, об ответственности предпринимателей). Словом, камень вместо того духовного хлеба, за которым рабочий обращается к людям науки!

Скажут: иначе нельзя говорить в условиях легальной деятельности. Если так, если это верно, то лучше вовсе не говорить. Бывают положения, при которых молчание является последним гражданским долгом.

Мы не можем требовать от людей официальной науки, чтобы они мыслили, как социалисты, чтобы они проповедывали рабочим путь революционной борьбы. Мы знаем, что в оценке положения рабочего класса и средств к его улучшению гг. Дэны и Вормсы должны расходиться с нами. Поэтому мы не можем претендовать на них за то, что они стремятся загнать рабочее движение в русло взаимопомощи и кооперации. Но мы можем требовать от их дальновидности, от их политического такта, чтобы они не спешили приступать к этому делу при таких условиях, когда даже неподозрительные люди должны будут задать себе вопрос: а почему эту пропаганду терпят московские власти? и в каком отношении эта терпимость стоит к «социальной политике» тех наших государственных мужей, которые уже начали признавать, что одним грубым насилием рабочих не отвлечь от социализма?

Гг. московские профессора должны будут сами пенять на себя, если «рабий язык» их бесед наведет рабочих на мысли о политической недоброкачественности их «социально-реформаторских» затей.

Что касается социал-демократии, то ее дело — воспользоваться для своей агитации всем тем богатым материалом, который уже доставили и еще доставят «беседы» либеральных профессоров.

[Л. Мартов]

того казармы для семейных. Артель (мужская) занимает целую трехэтажную казарму. Хотя помещение и отапливается паром и есть там и вентиляция, но это мало может улучшить положение рабочих. Размещены рабочие настолько тесно, что такой тесноты нельзя встретить ни в солдатской казарме, ни в больнице, ни в тюрьме... Кровать — широкая, в 2 аршина — посередине вдоль разделена высокой доской, что служит границей для каждого; на ней два тюфака или два набитых мешка. В общем, в каждом отделении помещается больше ста человек. Расстояние между кроватями 1 арш., около головы стоит маленький стол, в нем два ящика, в которые владельцы кладут свою одежду, чай и сахар. Сундуки имеются не у всех. Табуреток, стульев или скамеек нет совершенно, и сидеть можно только на кровати. Если рабочие в сборе, то в каждом месте образуются четыре головы, и разговаривать нет возможности, чтобы не слышали соседи.

Помещение в казармах считается бесплатным, но за него производится вычет в размере 2 коп. с заработанного рубля и 3 коп. для семейных.

В безобразном состоянии находятся в казармах отхожие места, не отделенные от жилых помещений капитальной стеной. В нижнем этаже рядом с отхожим местом находится столовая. Так как чистку отхожих мест компания старается производить возможно реже, то можно представить себе, как отражается на столовой такое соседство.

В 1899 г. рабочие потребовали себе более свободного помещения в казармах. Компания согласилась и вывесила табель, в которой было показано нормальное кубическое содержание воздуха на одного человека (одна сажень). Но приведя это в порядок, компания вскоре удалила чел. 60 «недовольных» из среды рабочих, и после того норма, указанная в табели, была опять нарушена.

Казармы для семейных состоят из небольших комнат, в которых помещается по 4—5 семейств, душ по 13—15. Казармы очень грязны, и компания заставляет рабочих оклеивать комнаты обоями на свой счет. В Александровской казарме, высотой с обычный трехэтажный дом, сделано пять этажей, из которых первый более чем наполовину под землей, а пятый представляет простой чердак. В июле этого года компания принялась за ремонт этих казарм, при чем работа производилась так умело, что 13 июля ярус второго этажа рухнул, покрывая собой спящих внизу и увлекая верхних. Мне пришлось видеть, как одна женщина с грудным ребенком еле вылезла из-под балагана; в другом месте вылезал мужчина, держась за окровавленную голову. Дальше нельзя было смотреть: нужно было торопиться на фабрику.

Харчи в казармах ужасно скверные, и человеку, пожившему в большом городе или в семье на фабрике, противно даже итти на кухню; часто голодный продолжает голодать, но воздерживается итти обедать. А между тем харчи обходятся очень дорого: в постные дни 3 р. 50 к. — 4 р. на человека в месяц (дают только кислые щи да кашу), а в скоромные 4 р. 50 к. — 5 р. за то же самое и ⅛ ф. говядины. Да это неудивительно, если взять во внимание ужасную дороговизну в лавке Захара Морозова: так, хлеб очень скверный, сырой или перепеченный, стоит 21 к. за 10 ф., масло подсолнечное — 18 к. за фунт (а в городе 11—13 коп.), при чем всегда бывает прогорклое: мясо стоит 15—18 коп. фунт, вместо 11—13, и так на всяком продукте Захар Морозов наживает 25—30%. Беря с нас по 2 коп. с рубля за помещение, Морозов наживает в год с одной мужской артели 2.300 р., да на харчах в месяц с человека по 1 руб., всего в год 9.600 руб., итого с одной мужской артели он взимает круглым счетом около 12.000 р. Когда в 1899 г. мужская артель вознегодовала на харчи, требуя их улучшения и чтобы припасы покупались не в хозяйской лавке, то хозяин кричал рабочим: «Я нарушу жилое помещение, уходите тогда на вольные квартиры».

Харчами заведуют двое старост; когда-то они были избраны на эту должность и продолжают на этом основании оставаться старостами, хотя рабочие ими очень недовольны. Когда недавно трое рабочих заявили неудовольствие против старост, то все трое были тотчас же уволены.

* * *

Фабрично-рабочий квартирный вопрос в Орехово-Зуеве. Кому неизвестно, что в больших городах квартирный вопрос для рабочих — вопрос первостепенной важности, и если высока заработная плата, то там квартирный вопрос приносит массу разных неприятностей, массу страданий, болезней, скученности и непристойности жизни. Как на-зло для рабочих, чем больше дорожают квартиры, чем дороже приходится платить за кгадратный аршин комнаты, — тем устройство комнат хуже. Отсутствуют всякие удобства для жизни рабочих, не берется во внимание никаких соображений, за исключением наибольшей наживы на каждом вершке площади пола.

В нашем местечке население росло и продолжает расти очень быстро, но хороших больших домов не было, нет и посейчас. Хотя каждый год новых домов строится очень много, но они строятся очень спешно, на скорую руку, кое из чего и кое-как. Все держится на гвозде и гвоздике; для отопления 14—15 комнат ставится одна печь или маленькая трехрублевая железная печка, от которой идут трубы (кровельного железа) по всей квартире; такая топка и трубы не могут хорошо обогревать квартиры, и потому квартира суха только летом; зимой же от сырости одежда портится и, намокши, не просыхает целыми неделями, а у живущих болит голова... Комнаты отгораживаются одна от другой живой перегородкой из самых тонких досок. Часто доски употребляются из больших ломаных бочек или ящиков, и между досками можно просунуть палец в другую комнату. Местами щели бывают более внушительные. Обои мало где можно встретить, и если у какого рабочего и есть, то таковые он купил на свои деньги и сам же оклеил комнату. Занавеси у окон более часты, что много скрашивает вид комнаты. Попадаются, конечно, и более привлекательные комнаты, но это редко. Благоустройство квартир много терпит от отсутствия свободного времени у хозяйки комнаты, так как она работает на фабрике не меньше часов, чем и ее муж. Перегородки всюду делают не до потолка и, по выражению домовладельцев, делается это в интересах гигиены: тогда, мол, воздух одинаков во всей квартире и равномерно распределяется теплота по комнатам. Беря все вышеуказанное, можно утверждать, что во всем примерно Зуеве с несколькими тысячами населения нельзя найти комнаты, в которой 2—3 человека разгозаривающие не были бы слышны в следующих комнатах. А это стесняет до невозможности какую-либо организаторскую или пропагандистскую деятельность. Собраться 5—6 чел. в одной комнате нельзя, благодаря устройству и размерам последних.

Квартиры год от года в ценах все росли и росли, что вызывало большое неудовольствие со стороны рабочих, и они постоянно обращались к хозяевам и делали заявления о квартирных деньгах. Хозяева платят каждому рабочему и работнице на одной фабрике 1 р. 50 к., а на другой — 2 р. в месяц квартирных денег. Последний платит по 2 рубля, благодаря настойчивости рабочих, которые этого добивались. Но если кто живет на хозяйской квартире, то тому, конечно, никаких квартирных денег не полагается. Если рабочий, живущий на вольной квартире, получает 2 руб., а жена 1 р. 50 к., то они много должны доплачивать, а если оба работают у хозяина, платящего 1 р. 50 к., то и совсем мало, так как комнат за 3 р. 50 к. мало, а больше от 4 р. 50 к. и дороже, вот почему всякий мечтает о хозяйской квартире, тем более, что частные квартиры отстоят на очень большом расстоянии от фабрик.

Теперь перейдем к другой стороне квартирного вопроса. Именно, как на этот вопрос посмотрели сами фабриканты? как отражается их вмешательство? каков образ действий их в этом вопросе и как сами рабочие смотрят на квартиру в хозяйском помещении? Известно, что издавна для хозяев наш брат рабочий представлялся чем-то вроде полуживотного (как оно обстоит и сейчас у подрядчиков строительных работ — плотников, каменщиков, мостовщиков, извозчиков; на кирпичных заводах, на железных дорогах у землекопов и т. п., и потому квартира от хозяина давалась очень скверная, тесная и грязная. В Оре-

ХОВе есть еще старые казармы, и они против новых кажутся очень жалкими, живется в них скверно, но все же их еще не ломают, а стараются заполнять холостыми артелями: это самые худшие казармы; они наполовину из кирпича, наполовину из дерева. Но теперь есть очень много казарм, выстроенных по последнему слову технической и инженерной науки. Конечно, выстраивая такие казармы, хозяин руководствовался личными интересами. Ведь понятно для каждого, что, не возводи он казарм, цена за квартиры повысилась бы раза в два, и рабочие тратили бы массу времени на ходьбу (во всех казармах живет тыс. до 20, если не больше). А раз цены повысились на квартиры, то и выдачу квартирных денег пришлось бы увеличить. И, взявши наименьшую цифру рабочих в 12—13 тысяч и выдавая им по два рубля, это составит около 25 тыс. в неделю, а в год выйдет очень внушительная сумма, которую хозяин должен был бы выкидывать. Между тем, выстроивши казармы, хозяин надолго освобождается от новых расходов. Построены же казармы на сотни лет — так внушительно и солидно.

Вот как обстоит дело в образцовых казармах. Можно о них сказать, что они очень хороши для фабрично-рабочего люда (мы, конечно, знаем, что мастеровой с юга или Петербурга нашел бы не только неудобными, но и очень скверными и именно «казармами»); они снабжены водопроводом, хорошей водой; комнаты и коридоры оштукатурены и выкрашены в белый цвет, окно в комнате широкое и больше сажени в вышину, хорошо проведено паровое отопление как в коридорах, так и в комнатах, всегда есть достаточно готового кипятку, хорошая деревянная кровать и т. п. Значит, в гигиеническом отношении все обставлено как будто хорошо и позаботились об удовлетворении некоторых потребностей фабричного люда. Но в бочку меда влили не одну ложку дегтя. Во-первых, комната по размеру очень порядочная (около 3-х саж. в длину, около 5 арш. в ширину и почти две сажени в вышину), но она служит не для одного семейства, а для трех. Размещаются они следующим образом: два семейства по бокам комнаты по кроватям и третье семейство на полатях. Полати, правда, большие, и человек может стоять на них, не ударяясь в потолок, и потому полати представляют воздушную комнату. Внизу оба семейства располагаются вдоль, каждое в своей половине комнаты: и так размещены не тысяча, а больше десятка тысяч. Такие условия порождают массу неудобств и неприятностей, и соседи в одной комнате часто вздорят между собой и даже дерутся. Случается, что какой-нибудь член семейства бывает не чист на руку (крадет), что слишком неприятно для совместного сожительства. Во-вторых, зоркое око хозяйских шпионов и полицейских (открытых и тайных: тут же живут и шпионы от жандармов) наблюдает за рабочими в казармах, а администрация старается предписывать рабочим, в какие часы и что делать. Так, придя с работы, всякий должен ложиться спать, и за этим наблюдают. В-третьих, рабочим строго воспрещается собираться кучками в коридорах, проходах, комнатах и даже в отхожем месте и рассуждать о чем-либо, хотя бы даже собравшиеся и говорили вполголоса. И если нельзя придраться к ним на основании общественной тишины, то придерутся на основании общественного порядка. В-четвертых, никто не имеет права читать вслух ни газету, ни книжку и даже нельзя читать вслух у себя в комнате и безграмотному соседу. В-пятых, воспрещается какая-либо игра; даже живущие в одной комнате должны спрашивать нечто вроде разрешения у соседа, чтобы, напр., курить табак. Воспрещается по вечерам сходиться и останавливаться вне казармы и внутри ее.

И все же, несмотря на такого рода притеснения и полицейские строгости, люди положительно прикрепощены к этим помещениям. И это понятно, — ведь вольные квартиры много, много хуже, и приходится еще доплачивать. Понятно, что живущий на вольной квартире постоянно мечтает о хозяйской и постоянно завидует уже там живущим... Возводя новые казармы, хозяева подорвали всякую инициативу (начинанья) у вольных хозяев в Зуеве, никто из них не отваживается на постройку нового каменного здания, опасаясь, что хозяева выстроят еще одну, две казармы, куда перейдет на жительство больше тысячи в каждую, и потому его дом будет пустовать. Этот страх заставляет их отказаться совсем от постройки или же они строят дома такого сорта, как было выше описано.

Орехово-зуевцы.

* * *

От редакции. Описанные квартирные условия в Ор.-Зуеве и Богородске достаточно характерны для всего Центрального фабричного района, где «казармы» преобладают над вольными квартирами. Эти условия, порожденные возникновением наших фабричных центров вне крупных городов, продолжают существовать несмотря на то, что русский рабочий уже перерос ту недостойную человека квартирную обстановку, в которой держат его гг. Морозовы и другие московско-ивановские фабриканты. Из корреспонденции достаточно видно, как вредно подобные условия отражаются на ходе социалистической пропаганды и культурного развития рабочих.

Безобразное устройство фабричных казарм и патриархально-полицейский строй жизни в них могут быть устранены только улучшением фабричного законодательства, упорядочением фабричной инспекции и свободой самодеятельности рабочего класса, свободой стачек, союзов и собраний. Против того зла, которое создается скученностью рабочих в местечке, неприспособленном к быстрому росту пришлого населения, могло бы бороться городское самоуправление: постройка за городской счет хороших домов с дешевыми квартирами может ослабить скученность населения в хозяйских казармах и непомерное возрастание платы за них. Но конечно, не от теперешнего же местного самоуправления, находящегося в руках тех же фабричных воротил, мы можем ждать таких реформ: их даст только действительное самоуправление всего городского населения, при котором рабочий станет хозяином в том городе, богатство которого создается его трудом. Но хозяином в городе он станет не ранее, чем когда добьется участия в ведении общегосударственных дел. Действительное городское самоуправление для «низших классов» будет достигнуто только при политической свободе.

Возмутителя поймали! В Орехово-Зуеве на фабрике известного столпа отечественной промышленности Саввы Морозова обнаружен опасный возмутитель. «Непокорный слуга оказался у нас на фабрике,—пишут нам оттуда, — и настолько непокорный, что вздумал защищать человеческие потребности рабочих, а не интересы фабрикантов, как это делают разные прохвосты мастера и подмастерья». Дело было так: по распоряжению мастера ткацкой фабрики рабочих лишили кипятку для чая. Смотритель, узнав об этом распоряжении, заявил мастеру: «Так поступать с народом нельзя потому, что народ привык к чаю утром». «О таком возмущении ночной мастер передал денному», который, вызвав смотрителя, сказал ему: «Как смотритель, ты должен защищать интересы хозяина, а не рабочих, которым ты должен внушить, что они хорошо могут работать и без чая». Смотритель ответил: «Разве я какой-нибудь деспот, чтобы маскировать себя перед народом? Я этого никогда себе не позволю, тем более, что я хлопочу не лично для себя, а для народа».

Так как в Российском государстве «хлопотать для народа» есть великое преступление, то смотрителя, конечно, тотчас же уволили. А фабричный инспектор Напалков, к которому обратился уволенный, сказал, что он не может насильно заставить фабричное начальство держать, кого оно не хочет.

Фабричной инспекции предоставлено право вмешиваться в те происшествия фабричной жизни, которые могут привести к столкновениям между рабочими и фабрикантом. Но конечно, лизоблюдничать у г. Морозова дело менее хлопотливое, чем вступиться за уволенного служащего, который старался своевременно предотвратить возникновение «беспорядка» среди рабочих.

Посещение министром Владимирского фабричного района. Министр Сипягин побывал на многих фабриках и уж, конечно, его водили только по хорошим фабрикам. Да и вся поездка напоминает хорошую, приятную прогулку: всюду министра встречали с хлебом-солью, после чего, разумеется, происходил хороший обед, и, клюнувши изрядно, прощались. Для того, чтобы показать, что на русских фабриках порядки образцовые и живется очень хорошо, всюду за неделю и раньше приводилось все в порядок, мылось, чистилось, притиралось, пускалась в ход вентиляция. Словом, было покрашено, подчищено, истрепали несколько десятков лишних метел и мели там, где год или больше не показывалась метла. Был отдан приказ, чтобы все подмастерья, смотрителя и другая администрация оделись в крахмальные рубашки, подчистились, подбрились. Чтобы рабочие не оказались в рваных подштанниках, был назначен бдительный надзор. Заодно, конечно, воспретили строго-настрого, дабы рабочие не вздумали собираться и не отходили бы от своих станков. Разумеется, это делалось не без задней мысли, дабы рабочие не подумали бы потревожить благодушественного настроения министра. Читая сообщения о путешествии министра в нашей вшивой прессе, которая настолько уподобилась нашим полицейским, что точь-в-точь повторяет их рапорты: все обстоит благополучно, так точно, образцовые порядки, особая заботливость о рабочих и т. п., читатель не найдет даже намека на какое-либо злоупотребление или недовольство. Хотя перед приездом министра были пущены в ход нагайки (см. корр. из Вичуги), но вот что говорил сам министр, в той же Вичуге, одному фабриканту, когда заметил, что рабочие спят в сарае, сколоченном на живую руку: «Я не мог и мысли допустить, чтобы в России фабричные рабочие жили в таких помещениях». И хотя после от'езда министра сарай был сломан, но мы не думаем за это воскурить ему фимиам: это капля в море и притом случайная. Опростоволосились фабриканты и не скрыли заранее. Министр же, идя, не знал, что там так плохо, иначе он и не пошел бы, как он всюду старался избегать плохих казарм и смотрел только хорошие. Так, в Иваново-Вознесенске фабриканты такой оплошности не сделали, они показали самую лучшую казарму, и министр остался очень доволен. Разумеется, он очень доволен, что может при случае сказать о виденной казарме и взвалить вину на рабочих за их «чрезмерные требования».

Приехавши в Орехово на морозовские фабрики, Сипягин всюду видел чистоту: там перед его приездом все красилось, чистилось, мылось, как никогда. А на самой фабрике полометы целыми днями мели фабрику и обмахивали стены, чем, разумеется, вызывали остроты рабочих... Пройдя по фабрике, Сипягин возымел желание взглянуть на житье рабочих вне фабрики. Администрация это предвидела, и потому заранее был дан приказ в казарме, где живут подмастерья, смотрителя и разная мелкая сошка, чтобы комнаты были прибраны и приведены в порядок, так как их будет осматривать министр. И конечно, жители последних постарались нарядить комнату получше, да и могли ли они этого не сделать? Все, что было лучшего в укладках (сундуках), было извлечено. Но все же прошло не все гладко; так, из одной каморки старушка ушла в лавку, а оставшиеся дети вздумали поиграть да и побросали игрушки по полу, а тут министр пришел посмотреть, и вот за такой беспорядок администрация решила выселить живущих на вольные квартиры, но пока своей угрозы не привела в исполнение. Пройдя по этим каморкам, Сипягин хотел подняться этажом выше, где живут уже на самом деле рабочие и живут не по одному семейству, и аккуратности этой встретить там было нельзя, и все обаяние от виденных первых каморок пропало бы безвозвратно. Поэтому администрация не дремала и постаралась уверить министра, что каморки строились по одному плану и жители во всех каморках одинаковы, да и к несчастью владельцы таковых все на работе и, значит, каморки заперты. Словом, врали, как могли, и вышло, что при всем желании уголить они не имели возможности показать! И Сипягин повернул вспять, уверенный, что ореховские рабочие живут прекрасно. Но мы повторяем, что он не видел, как живут рабочие, хотя и об'ехал несколько губерний. Он только посмотрел хорошие казармы да отдельные комнаты, где живут разные забегалки. Большинство рабочих живет не там и не при таких условиях.

Было бы не безынтересно знать министру, как на его приезд посмотрели рабочие. По этому поводу рабочие выражались несимпатично для министра. И именно: большинство толкующих рабочих говорили уверенно, что министр приезжал за брюками. И уж если такие авторитетные лица, как министр, не пользуются доверием местности, то что можно говорить о каком-либо фабричном инспекторе, бесчестность и подлость которого, к слову сказать, подтвердилась на-днях самым недвусмысленным образом.

После от'езда министра ив.-вознесенские фабриканты вздумали облагодетельствовать своих рабочих и, не откладывая дела в долгий ящик, вскоре роздали рабочим бесплатно воззвания, напр. «Доброе слово к русскому народу». А так как мы, рабочие, знаем, что у наших фабрикантов всякое доброе слово подкрепляется матерщиной, то побаивались, как бы и в воззвании не вычитать матерщины. Страх оказался напрасным, ибо тут говорится все очень хитро и гладко: так в каждой строчке лиса и торчит. Всего больше тут советов, как-то: работать для хозяина, не покладая рук и не жалея живота, почитать власти, молиться за них богу, подчиняться властям, так как им власть дана от самого бога, и все в том же роде. Конечно, фабрикантам не удастся своими воззваниями прекратить рост самосознания рабочих и заставить верить нас в написанную чушь.

Вичуга (Костромской губ., около Ив.-Вознесенска). Фабрика Коновалова в Каменке. У нас на фабрике, благодаря терпению рабочих, происходили и происходят разные притеснения и незаконные прижимки. Администрация фабрики, чувствуя в последнее время недовольство рабочих, вздумала парализовать его посредством повышения заработков некоторым прихвостням и подлипалам рабочим, но это в конце концов вызвало еще большее недовольство. Произошла забастовка. На первых порах администрация вздумала достигнуть прекращения стачки уравнением заработков всех рабочих. Для этого она сократила заработки у прихвостней, которые зарабатывали проц. на 20 больше, но это только увеличило количество примкнувших стачечников. Произошла стачка перед приездом министра Сипягина (в конце мая) и потому, желая поскорее покончить со стачкой, Коновалов писал исправнику, что его (исправника) дело прекратить стачку. К этому времени стачечники требовали: 1) прекращения незаконного взимания процентов с рабочих; 2) выдачи обратно всей суммы взимаемых процентов; 3) установление двухчасового перерыва на обед. Приехали вице-губернатор и исправник и отправились прямо к Коновалову; напившись, пьяные призвали к дому фабриканта рабочих, а также казаков. Пьяный вице-губернатор еле выполз говорить с рабочими и прямо набросился на них с руганью: «Что вам, подлецы, надо? В нагайки их, подлецов!» И нагайки засвистали.

Хлещет неистово варварский кнут!

Там и сям слышатся стоны мирных безоружных рабочих, а вице-губернатор с исправником и фабрикантом хохочут, надрывая животы от такой возмутительной картины...

Долго ли рабочие еще будут переносить такие над собой поругания? Пора образумиться и перестать верить, что царь-батюшка есть защитник рабочих! Нет, все эти вице-губернаторы, исправники действуют с его согласия и по его приказанию, и всюду, где ходит по головам рабочих нагайка, они должны давать отпор. Когда мы перестанем просить, а станем требовать, когда перестанем подставлять под нагайку спину, а встретим нагайку ломом, дубиной, огнестрельным оружием; когда перестанем видеть в царе своего заступника, — только тогда с нами будут поступать не по-азиатски, как в Вичуге. Пора, товарищи, давно образумиться!

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ.

Письмо второе.

Каково же было положение и настроение различных фракций социалистической партии перед лионским конгрессом? Самая сильная и дисциплинированная фракция—Французская Рабочая Партия (гедисты) — покинула ряды об'единенной партии, но продолжала поддерживать тесные отношения с оставшимися в ее пределах бывшими бланкистами и «Коммунистическим Союзом». Эти три организации, оставшиеся верными традициям революционного социализма, естественно, сблизились, забыв все старые раздоры, как только в партии открыто стали проповедывать теорию сотрудничества классов. Оставаясь в рядах об'единенной партии, бланкисты и Коммунистический Союз рассчитывали постепенно привлечь на свою сторону все те элементы, которые очутились в рядах приверженцев «новой методы» вовсе не потому, что сами были ее последователями, а потому, что им казалось, что, будучи в этих рядах, они скорее достигнут полного об'единения партии, или же потому еще, что целый ряд столкновений и недоразумений, оставленных в наследие прошлым, заставил их выйти из старых организаций. Но бланкисты открыто, в печати, заявили, что, если им не удастся окончательно изгнать из партии оппортунизм Мильерана и Жореса, они предпочтут формальный разрыв.

Противоположный лагерь состоял из: 1) поссибилистов, 2) аллеманистов и 3) независимых.

Поссибилисты и аллеманисты представляют собой в настоящее время жалкие остатки некогда довольно многочисленной и влиятельной партии. Товарищи, конечно, помнят, что в 1882 г. произошел первый крупный раскол в рядах французской социалистической партии. Здесь не место останавливаться подробно на причинах этого раскола. В общем он произошел на почве тех споров, которые в известный период можно наблюдать в истории социалистических партий почти всех стран, на почве столкновений между «практиками» и теми, кого они называют «сектантами», «мечтателями», между последователями политики «непосредственных результатов» и теми, кто понимал, что в такой стране, как Франция, где мелкая буржуазия столь многочисленна, еще более, чем в какой-либо другой стране, необходимо отстаивать самостоятельное существование партии пролетариата и укрепить в нем сознание его исторической миссии. В конце концов произошло то, что можно наблюдать и в других странах: те, что говорили «от имени рабочих», которые-де не могут удовлетвориться «прекрасными теориями» мечтателей, которых можно привлечь в ряды социалистической партии, лишь показав им, что она умеет добиваться непосредственного улучшения их положения, постепенно теряли приверженцев именно в рядах рабочих, от имени которых они выступали, между тем как «сектанты», с каждым годом увеличивая свое влияние во всех промышленных центрах Франции, превратились в самую многочисленную и самую сознательную фракцию французского пролетариата. Ослаблению поссибилистов содействовал новый раскол, который, в конце концов, должен был неизбежно произойти. После раскола 1882 г. за поссибилистами последовали почти одни только организации, существовавшие в Париже и группировавшие рядом с чисто-рабочими элементами всевозможных представителей господствующего во французской столице мелкобуржуазного населения. «Политика непосредственных результатов», которая при тогдашнем распределении общественных сил во Франции, никаких «положительных» результатов рабочему классу, в сущности, давать не могла, выражала не нетерпение, с которым рабочие якобы ожидали материальных «осязательных побед», а жажду некоторых их вожаков поскорее добиться влиятельного политического положения, их неспособность к планомерной работе, рассчитанной на довольно продолжительное время. Больше того, эта политика непосредственных результатов, при тогдашнем соотношении политических сил (когда рабочие могли стать силою, способною добиваться даже непосредственных уступок от буржуазии, лишь организовавшись в самостоятельную революционную партию, что блестяще доказано было последующими событиями), должна была фатально свестись к политике антирабочей по существу. И действительно, в 1890 г. в лагере поссибилистов происходит новый раскол, при чем все рабочие элементы выделяются во фракцию а л л е м а н и с т о в (по имени их вожака—Аллемана), а за Бруссом (отсюда их кличка — б р у с с и с т ы) последовали одни лишь мелкобуржуазные элементы. Последние с тех пор влачат жалкое существование, теряя одну группу за другою, которые рассеялись по разным организациям или перешли в ряды независимых. Сейчас вся фракция бруссистов представляет собой небольшой штаб из нескольких старых вожаков, лишенных какой бы то ни было армии. Аллеманисты, отделавшись от бруссистов, представляли собой несколько лет довольно солидную организацию, которая, однако, в виду самого состава ее членов, осуждена была на скорое исчезновение. Дело в том, что после этого раскола в их рядах очутились почти все парижские рабочие синдикаты, и так как в 90-х годах профессиональное движение во Франции делает довольно значительные успехи, то фракция аллеманистов в течение некоторого времени не переставала разрастаться. Этой-то по преимуществу профессиональной организации Аллеман и его товарищи стремились придать характер политической партии, но почва для такого превращения оказлась, конечно, как нельзя менее благоприятной. Не останавливаясь на многих разных противоречиях, которые можно было наблюдать в программах и деятельности этой партии, отметим лишь, что как средство против всех зол она, в конце концов, выставила «всеобщую стачку». Но со второй половины 90-х годов во Франции, вслед за Германиею, начинается процесс сплочения синдикатов и их выделения в общую самостоятельную профессиональную организацию (Confédération générale du travail). Этим нанесен был смертельный удар фракции аллеманистов. Синдикаты покинули их ряды, мелкие расколы довершили остальное, некоторые группы перешли к бланкистам, другие выделились в самостоятельную организацию — упомянутый выше «Коммунистический Союз», так что сейчас

аллеманисты обладают кое-какими силами в одном лишь 11-м избирательном округе Парижа.

Таким образом, главную, если не единственную, силу мильеранистов и жоресистов составляют так наз. «независимые». Что же представляют собой эти последние? Когда в начале 90-х годов начался процесс сплочения социалистических организаций, независимыми стали называть всех, кто не принадлежал ни к одной из старых социалистических организаций. Независимых ничто не об'единяло тогда; у них не было никакой определенной физиономии. Правда, лишь в рядах независимых можно было встретить таких «социалистов», которые, как мы видели в предыдущем письме, не признавали ни принципа классовой борьбы, ни коллективизма, ни интернационализма; правда также, что именно к «независимым социалистам» уходили все те крайние радикалы, которые об'являли себя «социалистами» потому только, что им не нравилась сонливая, бездеятельная радикальная партия; но рядом с этими буржуазно-демократическими элементами в рядах независимых числились и искренние, сознательные социалисты-революционеры, которые, по тем или другим причинам, покинули старые организации, либо не присоединились к ним, полагая, что таким образом содействуют скорейшему об'единению социалистических сил в одну партию. Можно даже сказать, что до поры до времени именно эти последние задавали тон среди независимых, тем более, что речь Мильерана в Saint-Mandé, очистившая, как мы видели, парламентскую фракцию от буржуазно-радикальных элементов, удалила их отчасти и из рядов независимых, где вообще прислушивались к голосу вожаков старых организаций. Но с течением времени, по мере того, как усиливались об'единительные тенденции, в рядах независимых росло недовольство по отношению к старым организациям, которые, дорожа результатами, достигнутыми ценою стольких усилий, очень осторожно шли к об'единению. Резкую границу между независимыми и старыми организациями впервые провело дело Дрейфуса, Между тем как старые организации, после некоторых колебаний, выступили приверженцами политики нейтралитета, некоторые вожаки независимых, с Жоресом во главе, требовали энергичного вмешательства партии. Между старыми организациями и независимыми установились прямо враждебные отношения, и последние находили себе опору не только в симпатиях, которые публично выражали им социалисты всего мира, но и в тех новых силах, которые со всех сторон к ним стали стекаться. «Социализм» снова вошел в моду, но тогда как в 1896 г., по требованию старых организаций, программою Saint-Mandé проведена была резкая граница на правом фланге социалистической партии, теперь независимые, предоставленные самим себе, быстро шли по наклонной плоскости и скоро договорились... до сотрудничества классов. Мильеран стал министром, но и, будучи министром, не переставал заявлять, что остается верен программе Saint-Mandé. Оказалось, что «борьба классов», «коллективизм» и «интернационализм» вовсе не так страшны, что под их знаменем мирно уживается самый обыкновенный оппортунизм, — и к независимым снова хлынули все те, которые с таким «патриотизмом» покинули их в 1896 г., после речи в Saint-Mandé. Но вступление Мильерана в министерство послужило, как известно, причиною созыва однодневного конгресса 1899 г., который и вотировал об'единение, при чем на некоторое время старые организации сохранили автономию, а независимые обязаны были об'единиться в особую организацию. Это об'единение независимых вскоре и произошло, при чем в каждом департаменте образовались «автономные федерации», об'единившиеся лишь «генеральным комитетом» партии, в котором заседали представители, избранные старыми организациями и автономными федерациями.

Вопрос об оппортунизме Мильерана и Жореса затемнялся и как бы отодвигался на задний план вопросом об об'единении. Ненормальность положения, при котором Мильеран, посоветовавшись лишь с несколькими своими последователями, мог так связать свою партию, бросилась всем в глаза, и необходимость об'единения стала очевидной для всех. Со всех сторон стали требовать, чтобы его немедленно осуществили, но старые организации требовали теперь еще большей осторожности, требовали гарантии против поднявшего голову оппортунизма. Мильеранисты и жоресисты ловко пользовались этим положением, выступая страстными защитниками идеи полного об'единения и выставляя старые организации ее единственными противниками. Независимые поэтому сплотились вокруг жоресистов на почве об'единительного движения. Но вместе с тем нужно признать, что вступление Мильерана в министерство вызвало вначале сочувствие как среди профессиональных рабочих организаций, так и среди огромнейшего большинства независимых. И в самом деле: республика «была в опасности» и либеральная буржуазия нуждалась в поддержке рабочего класса. Рабочие синдикаты на время перестали преследоваться правительством, им легче стало дышаться, фабричная инспекция стала требовать соблюдения законов, впереди заманчиво сиял длинный ряд «великих социальных реформ», которым загодя пели гимны в ежедневной социалистической прессе, которая вся была в руках мильеранистов. Независимые и рабочие из профессиональных организаций заняли выжидательное положение, с нескрываемым сочувствием следя за первыми шагами «министра-социалиста». Известно, как министр ответил на ожидания рабочей массы. Ткачи в Калэ, портовые рабочие в Марсели, углекопы в Монсолэ-Мин и др., увидели на практике все прелести «нового метода», а профессиональный рабочий мир с негодованием отвергает «великие реформы» апостола «социального мира».

В настоящее время огромное большинство рабочих враждебно мильеранизму и жоресизму, а остальная часть относится к нему индиферентно: и среди независимых приверженцами теории сотрудничества классов являются только несоциалисты,—те, что хлынули в партию, когда увидели, что между социализмом новой формации и буржуазным демократизмом нет никакой разницы: все остальные враждебны этой теории; их и жоресистов об'единяет лишь то, что Жорес очень ловко пользуется их желанием во что бы то ни стало добиться об'единения партии.

Таково было настроение различных организаций перед лионским конгрессом. Это был, как известно, экстраординарный с'езд, созванный по решению парижского с'езда 1900 г., со специальной целью—окончательно осуществить полное об'единение партии. Перед самым открытием с'езда Вальян в ряде статей в «Petit Sou»

предупреждал Жореса и его товарищей, что об'единение может осуществиться лишь при том условии, чтобы партия в целом бесповоротно осудила теорию сотрудничества классов, заняло по отношению к министерству Вальдека-Руссо вполне независимое положение, руководясь в своей политике исключительно интересами пролетариата, которые враждебны интересам всех фракций буржуазии, и чтобы принятому в этом смысле решению беспрекословно подчинялись все члены партии. Если же жоресисты не желают принять этих условий, то лучше прекратить разговоры об об'единении и вернуться к прежней системе федеративного соглашения, с сохранением полной автономии существующих организаций, потому что желание во что бы то ни стало провести полное об'единение может привести, при существующих резких разногласиях, лишь к формальному разрыву. Если бы условия Вальяна были приняты, социалистическая партия вышла бы из того тупого псреулка, в который привела ее политика мильеранистов и жоресистов. Жорес предпочел продолжать пользоваться тем рядом недомолвок и недоразумений, на почве которых он группировал вокруг себя независимых. Лионский с'езд, — говорил он, — созван со специальной целью осуществить об'единение; он не имеет права заниматься другими вопросами; что же до участия социалистов в буржуазном министерстве, то вопрос этот уже решен партией принципиально в отрицательном смысле, и он, Жорес, как и его товарищи, подчиняется этому решению партии, т. е. они будут считать изменником всякого, кто в п р е д ь без разрешения партии войдет в буржуазное министерство; но т. к. Мильеран совершил свой акт под своей личной ответственностью, еще до того, как состоялось принципиальное решение партии, то последнее на него не распространяется. Жорес, таким образом, сознательно шел на разрыв, в то же время не переставая на словах защищать об'единение, чтобы не лишиться поддержки независимых.

Но, несмотря на все красноречие Жореса, многие организации среди независимых понимали, что, если не устранить главного препятствия к об'единению — вопроса о Мильеране, то с'езд неминуемо завершится расколом. Поэтому они решили во что бы то ни стало поднять этот вопрос на с'езде и решительно покончить с ним. И действительно, в первый же день с'езда было внесено следующее предложение:

«Принимая во внимание, что существенная задача с'езда — устранить препятствия к об'единению социалистических сил во Франции; принимая во внимание, что присутствие в министерстве депутата, некогда принадлежавшего к парламентской социалистической группе, благоприятствует внутренним разделениям в партии; принимая во внимание, что этот вопрос об участии в буржуазном правительстве окончательно решен по отношению к прошлому и будущему, но не по отношению к настоящему, —

«с'езд заявляет раз навсегда, что Мильеран, сам поставивший себя вне пределов партии, войдя в министерство под своею личною ответственностью и инициативою, не мог связать социалистическую партию, которой он не представляет; и, сверх того, заявляет, что поведение партии по отношению к настоящему министерству должно быть то же, что и по отношению ко всякому другому буржуазному министерству».

Эта резолюция, подписанная представителями девяти автономных федераций, представителями синдикатов и многими отдельными лицами (что составляет добрую треть всех сил, принадлежащих к независимым), была составлена в столь категорических и не допускающих превратных толкований выражениях, так ясно решала вопрос, бывший в данный момент единственным препятствием к об'единению, что Соц.-Революционная Партия (бывшие бланкисты), Коммунистический Союз и некоторые автономные организации, разделяющие их политику, поспешили к ней присоединиться. «Страстное желание» Жореса и его товарищей — об'единение партии — могло, наконец, осуществиться. Но им нужно было только продолжать играть ту двойственную роль, которая расколола начавшуюся было об'единяться партию, ибо в об'единенной партии они составили бы ничтожное меньшинство, которое не пользовалось бы никаким влиянием... И вот, после долгих переговоров в комиссии, жоресисты предложили небольшую поправку: сохранив весь текст приведенной выше резолюции, они заменили лишь слова «сам поставивший себя вне пределов партии» словами: «поставивший себя вне контроля партии». Т. е. вместо ясного и решительного заявления, что социалист, ставший министром, ничего общего с партией пролетариата не имеет, жоресисты предложили заявить, что такой «социалист» может продолжать министерствовать за свой личный страх, не считаясь тем самым вышедшим из партии. Выходило, что создается новый разряд социалистов «в отпуску», которые за своей ответственностью могут делать все, что угодно, вплоть до измены партии. Понятно, что «сектанты» Вальян и его товарищи оказались достаточно «узкими», чтобы не принять этой «широкой» точки зрения.

[В. Даневич-Гуревич]

ИЗ ПАРТИИ

Мы получили от Центрального Комитета Всеобщего Еврейского Союза следующее письмо:

Многоуважаемые товарищи! Не откажитесь поместить в вашем органе нижеследующее раз'яснение.

В ном. 7 «Искры» появилась заметка о 4-м с'езде Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России («Бунда»). Там автор, «откладывая до другого места обстоятельный разбор позиции, занятой Бундом по национальному вопросу», ограничивается пока несколькими замечаниями о резолюциях, принятых с'ездом по национальному вопросу и по вопросу об отношении к Росс. С.-Д. Р. П. Так как в означенной заметке заключается не мало крупных недоразумений и неточностей, то, во избежание повторения их в предстоящем «обстоятельном разборе», мы считаем необходимым немедленно их раз'яснить. К сожалению, ограниченность места заставляет нас быть весьма краткими.

Прежде всего о «национальной автономии». 4-й с'езд Бунда, как известно, признал, что «государство, подобное России, состоящее из множества разнородных национальностей, должно в будущем преобразоваться в федерацию национальностей с полной автономией каждой из них, независимо от территории ими обитаемой». Что такое эта полная национальная автономия, в «Отчете с'езда» вы-

яснено с достаточной определенностью. На стр. 11 можно прочесть: «... с полной автономией каждой из них (национальностей) по всем вопросам, имеющим отношение к национальности (язык, образование, искусство и т. д.)».

Итак, вся остальная громадная масса вопросов, в которых данная группа населения заинтересована не как национальность, а как граждане государства, как жители провинции или обитатели города и т. п., подлежит ведению всех обитателей территориальной единицы без различия национальностей. Считаем нужным это раз'яснить потому, что из разбираемой заметки можно было бы вынести такое впечатление, что автор предполагает, будто с'езд под национальной автономией разумел полное самоуправление по всем вопросам. Иначе, чем об'яснить его догадки о будущих самоуправляющихся местечках, «еврейских» кварталах», его толки о большинстве и меньшинстве? Раз национальный вопрос был возбужден, то с'езд, как высшая инстанция социал-демократической организации, иначе не мог его решить. Раз специфически права национальностей попираются в нынешних государствах, Бунд должен был высказаться против такого гнета, а, следовательно, он должен был остановиться на такой форме существования национальностей, при которой, по его мнению, их права могут наиболее верным образом обеспечиваться. Следовательно, спорным мог остаться лишь вопрос о применимости всего этого к евреям. Но может ли национальность, сознающая себя таковой, не признавать себя ею открыто, а признавая отказываться от того, что она считает правом всякой другой национальности?

Что касается вопроса, «в каких формах можно будет осуществить эту автономию для миллионов населения, не занимающих сплошной территории, но рассеянных между сплошным населением...», то это теперь в сущности праздный вопрос. Его так же преждевременно теперь разбирать, как и вопрос о формах, в которых осуществится социализм. Во всяком случае, та точка зрения, из которой исходил с'езд, меньше всего подает повод связывать с понятием «национальная автономия» чисто территориальные обозначения. Однако, обосновывая таким образом теоретический свой взгляд на национальную проблему практически четвертый с'езд, отвергнув выставление национальных требований, сохранил ту же позицию, что и третий с'езд, и автор заметки не прав, когда, противопоставляя один другому, он хочет тем сделать более едким укор последнему с'езду. Эта часть резолюции гласит, как известно, следующее: «Считая однако преждевременным выставление при нынешних условиях требования национальной автономии для евреев, с'езд находит в настоящее время достаточным бороться за отмену всех исключительных законов против евреев, отмечать и протестовать против проявления угнетения еврейской национальности, избегая раздувания национального чувства, могущего лишь затуманить классовое сознание пролетариата и ведущего к шовинизму» (стр. 15 отчета).

Предоставляем беспристрастному читателю судить, насколько основательны возводимые автором на Бунд обвинения в «националистических увлечениях» и в «стремлении совершенно искусственно втиснуть еврейское раб. движение в русло национализма».

Перейдем теперь ко второму вопросу — об отношениях Бунда к Росс. С.-Д. Р. П. Автор, к сожалению, при цитировании резолюции не привел заключительных слов ее, имеющих весьма существенное значение и делающих совершенно излишними его дальнейшие рассуждения. Резолюция гласит: «Представляя себе Росс. Соц.-Дем. Раб. Партию как федеративное соединение соц.-демократических партий всех наций, населяющих Российское государство, с'езд постановил, чтобы Бунд, как представитель еврейского пролетариата, вступил в нее как федеративная часть и поручает Центральному Комитету Бунда провести это решение в жизнь» (стр. 17 отчета).

Эти последние подчеркнутые нами слова автор почему-то счел нужным опустить и заменить совершенно неуместным здесь «и т. д.». Сделал ли он это из экономии, чтобы выгадать одну строчку? Сомнительно, так как он не пожалел места, чтобы процитировать целиком из отчета изложение дебатов при изложении данного вопроса. А между тем эти пропущенные слова дают ясный для всякого ответ на бросаемое автором с'езду обвинение в незаконности принятого решения. На с'езде был возбужден вопрос об изменении характера отношений Бунда к Партии. С'езд обсудил и решил, что лучше и удобнее Бунду входить в нее федеративной частью, а не автономной, и он поручил Ц. К. провести это решение в жизнь, т. е. внести такое предложение на ближайшем с'езде Партии. «Незаконным» можно было бы назвать образ действия с'езда, если бы он безо всяких околичностей уже признал Бунд федеративной частью. Но он именно этого и не сделал. Не можем тут же не отметить, что в «законности» своих действий Бунд должен отдавать отчет только Центральному Комитету Партии или ее с'ездам, а никоим образом отдельным входящим в ее состав организациям, а тем менее группам, о принадлежности которых к Партии других данных, кроме заголовка на их изданиях, покамест не существует. Автора смутили начальные слова резолюции: «Представляя себе Росс. С.-Д. Р. П. как федеративное соединение...», но из всего сказанного в отчете, а в особенности из вышеупомянутых заключительных слов резолюции (опущенных автором в своей заметке) как нельзя лучше явствует, что с'езд представлял себе Партию федеративным соединением в будущем. То, что надо еще провести в жизнь, очевидно существует пока лишь in potentia, в возможности. Ясно далее, что совершенно ошибочны уверения автора, что Бунд фактически выступил из Партии потому-де, что для вступления в нее на федеративных началах надо раньше из нее выступить. Акт «выступления» и «вступления» может совершиться в тот и только в тот момент, когда с'езд Партии примет федеративный принцип и пожелает соответственно ему преобразовать Партию *. Духовная связь Бунда с Партией в программном отношении и реальная связь его с ее комитетами (которая вызывается жизнью и крайне плодотворна с точки зрения революционного движения, но, увы, быть может, «незаконна») остались и останутся так же крепкими и нерушимыми, как до 4-го с'езда, и заключительный вывод автора, будто бы «первый же шаг (?) на пути открытого выставления принципа еврейского национализма (?) ознаменовался ослаблением организационной связи между еврейским и общерусским рабочим движением», так же неверно, как и все предыдущие.

Что касается других замечаний автора, как, напр., историческая справка его о первоначальных задачах Бунда, апелляция к еврейским товарищам юга и др., то мы принуждены оставить их пока без ответа, т. к. письмо наше слишком растянулось.

Просим другие органы, перепечатавшие заметку «Искры», напечатать также и наше раз'яснение.

29 августа (11 сентября) 1901 года.

Центральный Комитет Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России.

Центральный Комитет хочет нас уверить, что под «полной автономией», которою, согласно резолюции с'езда, должны пользоваться евреи в будущей России, имеющей преобразоваться в федерацию национальностей», — что под этой «полной автономией» подразумевается только «автономия в вопросе об языке, образовании, искусстве и т. д.». Одно из двух: или Ц. К. хочет сказать, что под «полной автономией» с'езд разумел только право печатать газеты, говорить на собраниях и давать театральные представления на еврейском жаргоне, устраивать еврейские школы и т. д. Но в таком случае Бунд сначала должен провозгласить свою «автономию» в деле произвольного упо-

---

* Однако, четвертый с'езд, для которого отсутствие центрального, связующего учреждения в партии не составляло тайны, и у которого в скором осуществлении столь желанного и необходимого второго с'езда партии не было уверенности, уполномочил Ц. К. Бунда, если окажется возможным и полезным, провести федеративный принцип в жизнь частично (напр., в отношениях между заграничным комитетом Бунда и заграничными русскими соц.-демократическими организациями).

требления слов, имеющих совершенно определенное значение на всех языках, ибо от свободы языка до «полной автономии» еще очень далеко; и тогда незачем было говорить о «федерации национальностей», так как упомянутая свобода языка и культуры не ставит еще национальность в федеративные отношения к другим национальностям. Или же речь шла о признании еврейского языка «государственным» для известной области, об устройстве казенных еврейских университетов и т. п. правах, и в таком случае имеется в виду действительная автономия, имеется в виду нечто подобное «еврейскому царству с собственной полицией, жандармерией, с собственным чиновничеством и с собственным правительством», как иронически выражался Бунд три года тому назад, говоря о сионистах, к которым он теперь так приблизился (см. «Работник», № 5—6, стр. 102). А в таком случае остается уместным поставленный нами вопрос: в пределах какой территории оснуется это автономное «царство»? Превращение России в федерацию национальностей означает выделение каждой национальности в особое — в известных пределах самоуправляющееся — целое, которое по самой сути федеративного строя не может не быть приурочено к известной территории.

Мы очень рады, что теперь Ц. К. Бунда не мечтает о такой автономии. Но так как резолюции с'езда говорят совершенно противоположное тому, что утверждает Ц. К., то мы попросим его сначала столковаться со своей организацией о том, чего она собственно хочет.

Ц. К. нас обвиняет в умышленном пропуске заключительных слов из резолюции с'езда, говорящей об отношении Бунда к Партии. Пропуск этот представляется ему столь искажающим смысл резолюции, что он не может воздержаться от намека: не даром, дескать, это сделано. Но так как на самом деле опущенные слова еще усиливают самовластный характер решения с'езда, то вся эта попытка набросить тень на нашу добросовестность является покушением с негодными средствами. Никто, кроме Ц. К., не скажет, что слова: «провести в жизнь» известное решение означает: передать на рассмотрение Партии наше предложение. Если мы были правы, говоря, что вопрос о своем положении в Партии Бунд не компетентен решить своею властью, с чем, видимо, соглашается Ц. К., то из этого следует, что Бунд не может никого уполномочить «провести в жизнь» решение, не имеющее законной силы. Одно дело предложение, другое дело — решение. Предложения вносят на обсуждение, а решения проводят в жизнь, имея на то право. Это толкование не сходится с толкованием Ц. К., но зато оно сходится с законами логики, по отношению к которой «автономии» никому из нас не предоставлено.

С большим остроумием Ц. К. уверяет, что слова «представляя себе Российскую С.-Д. Раб. Партию» и т. д. относятся к будущему времени. Увы! и тут ее величество-грамматика не позволяет делать таких толкований. Если мы, напр., скажем «представляя себе руководителей Бунда людьми, плохо разбирающимися в национальном вопросе», то всякий поймет это как характеристику настоящего, а не будущего, и будет прав. Опять-таки, очень утешительный факт, что Ц. К. хотя бы задним числом старается «смягчить» смысл чересчур уж «энергичной» резолюции. Это показывает, что он испугался последствий того шага, который сделан с'ездом. Это лучшее свидетельство того, что мы поступили правильно, обратив внимание читателя на эту резолюцию. Остается только вопрос, принимает ли Бунд, как целое, толкование своего Ц. К.

Последний, впрочем, одним примечанием сводит на-нет свое толкование, подтверждая тем самым, что с'езд все-таки своей властью изменил взаимные отношения Бунда и Партии. Он рассказывает, что до с'езда Партии федеративное начало будет осуществляться «частично» — в отношении органов Бунда к заграничным с.-д. организациям. Однако, до тех пор, пока новые организационные отношения не признаны партией в целом, не может быть и речи об их частичном проведении в жизнь: ни одна русская с.-д. организация не может без ведома всей партии узаконить те решения, которые сам Ц. К. в своем письме признает имеющими значение только предложений, рассмотреть которые должен с'езд Партии. И всякая попытка Бунда воспользоваться временной организационной неурядицей в Партии, чтобы изменить «частично» свое в ней положение, всеми, кому дороги интересы российского движения в целом, будет встречена с тем большим осуждением, чем более невинный характер стараются ей придать.

Почтив нашу заметку пространным письмом, Ц. К. «не может не отметить», что «отчета» в законности своих действий Бунд не должен отдавать никому, кроме Центр. Комитета Партии. Но не только «отчета», но и ответа на нашу заметку, писанную собственно для наших читателей, никто от Ц. К. не спрашивал. Резолюции Бунда, как и всех вообще организаций, подлежат свободному суду печати, и требуется изрядная политическая невоспитанность, чтобы, отвечая на поднятую полемику письмом в нашем же органе, с детским задором заговорить о своем праве не давать «отчета». Да ведь вас никто за его из тюрьмы.

Что касается кивка в сторону некиих организаций, которые не представили достаточно данных о своей принадлежности к партии, то тут как будто говорится о чьем-то самозванстве («а пашпорт есть?»). Но по вопросу о «пашпорте» можно будет поговорить тогда, когда Ц. К. поставить точки на і и заявит, кого он имел в виду. Мы поставили себе за правило приучать людей совершать свои нападения мужественно и открыто.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Товарищам, сообщившим для напечатания сведения о рабочих, выдававших по харьковскому делу. К сожалению, в таком виде ваше заявление не может быть напечатано. Приводя фамилии всех выдававших рабочих, вы не упоминаете фамилии того «интеллигента», который, как вы же сообщаете, вел себя так же позорно. Только при условии оглашения фамилии всех виновных, не взирая на звание, мы поместим заявление.

Нашим северо-западным представителем с 3 июля по 1 сентября собрано 108 р. 10 к. (от NN 50 р., от литовца 5 р., К. К. 1 р.; группа содействия 28 р. 30 к., за литературу 23 р. 80 к.); московским представителем собрано за июнь 21 р. 64 к. (за литературу 10 р. 14 к., от Ш. за литературу 10 р. 50 к., за 1 экз. ном. 31 р.), за июль 30 р. (за лит. 17 р., от Возн. 10 р., от М. Н. за лит. 2 р., в фонд для работающих в России 1 р.). Южным отделом организации И. в мае получено от тетушки 10 р., от инженера 15 р., от Большова 75 руб.

Через Л. Ш. получено за последнее время от X 100 р., от Y 100 р., за литературу 64 р.

От американских товарищей для передачи в стачечный фонд 13 долларов (переслано в Ив.-Вознесенский район).

17852. Просим не писать на прежний адрес. Постарайтесь достать другой или дайте нам адрес, чтобы мы могли написать вам.

Вышло 2-е издание бр. «Женщина-работница» (тип. «Искры»).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Дворянский банк был учрежден в 1885 г. для выдачи ссуд дворянам на очень льготных условиях. Так, напр., общая выплата проц. и на управление в 1894 г. для Двор. б. равнялась 4 3/4 %, в то время как крестьяне должны были платить 6 1/2 %, а вместе с погашением — 7 1/2 — 8 1/2 %. Учреждение Крестьянского банка способствовало лишь вздуванию цен на землю в интересах того же дворянства (напр. в 1896 г.—49 р. за десятину, в 1897 г.—71 р., в 1900 г.—83 р., в 1901 г.—96 руб.).

Прим. 2. Казенная винная монополия (с 1894 г.) уже в начале 900-х годов стала приносить казне гораздо большие поступления, чем до питейной реформы акцизные и патентные сборы, выражавшиеся в сумме несколько менее 300 милл. рублей. В 1904 г. чистый доход от винной монополии достигал 376 милл. руб. и с каждым годом возрастал (напр., в 1911 г. равнялся — без патентного сбора и акциза по частн. заводам — 598 милл. р.).

Прим. 3. В 1896 г., во время коронационных торжеств в Москве, вследствие преступной халатности распорядителей празднества на Ходынском поле, от давки толпы погибло по официальным подсчетам 1.500 человек.

Прим. 4. Упоминаемый в этой заметке Забелин, Ив. Егор. — известный историк (род. в 1820 г.), автор трудов «Домашний быт русских царей XVI и XVII в. в.», «История русской жизни с древних времен» и др. М. Липинский — предполагаемый автор конфиденциальной записки Витте «Самодержавие и земство», которую В. И. Ленин (в своей ст. «Гонители земства и Аннибалы либерализма») характеризует как обвинительный акт против земства, составленный «на основании очень (сравнительно) обширного, очень недурно обработанного материала».

Прим. 5. Университетские товарищи прив.-доц. Дэна впоследствии обелили его репутацию указанием на то, что пр.-доц. Дэн отказался от участия в устройстве бесед с рабочими в виду того оборота, какой приняло это дело (об этом см. «Искру» № 16, в отд. «Из нашей общественной жизни»).

Прим. 6. Озеров, Ив. Христоф., проф., известный финансист и ученый (автор трудов «Подоходный налог в Англии», «Очерки о реформе прямого обложения в Германии», «Общества потребителей» и т. д.) — типичнейший представитель науки из числа «услужающих» буржуазному классу и готовых даже обслуживать интересы «зубатовщины».

ПРИМЕЧАНИЕ К «ИЛЛЮСТРИРОВАННОМУ ПРИЛОЖЕНИЮ».

В четырех карикатурах «Искры» отразились события в России в 1901 г.

В этом году рабочее движение бурно прорвалось наружу, сначала в манифестациях по случаю годовщины освобождения крестьян. В феврале в Харькове (19-го) и Москве (23—26-го) в уличных демонстрациях участвовали тысячи рабочих, и в столкновениях с полицией и казаками было много раненых и избитых нагайками. В Москве дело дошло даже до попыток построить первые баррикады.

Рабочие волнения в Ленинграде (тогда Петербурге), не прекращавшиеся все время, в мае вылились в знаменитую Обуховскую оборону. «Беспорядки» происходили и в других городах (Екатеринослав, Тифлис, Одесса и др.).

В университетах не прекращались волнения и забастовки. Немалое возбуждение было вызвано торжественным отлучением Льва Толстого от церкви.

При этих условиях б. царем Николаем II была предпринята поездка во Францию (состоялась в 1902 г.) для закрепления франко-русского союза и получения крупного займа, значительная часть которого предназначалась на борьбу с революционным движением.

Карикатура № 1 передает в общем эти события. Русские и французские министры влекут колесницу Николая II по трупам убитых рабочих и студентов. Казаки разгоняют нагайками манифестацию. На заднем плане — голодающая деревня. Обер-прокурор Синода Победоносцев и митрополит Антоний распинают Льва Толстого.

Карикатура № 2. Прием Николая во Франции. Царь сидит на кресле с надписью: «Конституция 1793 г.» (Великой французской революции), Лубэ — президент республики, Вальдек-Руссо — премьер-министр, Делькассэ — министр иностр. дел, Мильеран — бывший социалист, министр торговли и промышленности. Французский банкир передает Витте, русскому министру финансов, мешок с золотом.

Карикатура № 3. Возвращение Николая II. Золотой дождь сыплется на сановников, генералов, кулаков. Для народа — нагайки.

Карикатура № 4. Призраки, представшие перед Николаем II ночью в старом королевском замке: король Людовик XVI и его жена Мария-Антуанета были обезглавлены в 1793 г. на эшафоте по приговору революционного народа. Николай II читает в их появлении свою собственную судьбу.

Наверху скрещенные: казацкая нагайка и фригийская шапка (знак революционной Франции). Вместе — символ франко русского союза, в котором некогда свергнувшая короля Франция соединилась с царской Россией.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"..
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 9 ОКТЯБРЬ 1901 ГОДА № 9

БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ.

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длиннейший циркуляр (от 17 августа) выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадавших губерний! Это целое литературное произведение об'емом больше обыкновенного печатного листа, из'ясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием. Откровенное изложение правительственной программы дает всегда в руки лучшее орудие для агитации против царского правительства, и, принося свою почтительную благодарность г. Сипягину, мы осмеливаемся рекомендовать и остальным гг. министрам почаще говорить о своей программе в циркулярах, публикуемых во всеобщее сведение.

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятых — циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь,—когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдает затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чиновники уже по одному своему виду и обращению — олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке.

Три главных пункта особенно обращают на себя внимание в новой правительственной программе: во-первых, усиление единоличной власти чиновников, попечение о том, чтобы дух казенщины и служебной дисциплины был укреплен и охранен от всякого дуновения свежего воздуха; во-вторых, определение норм пособия голодающим, т. е. указание, поскольку и как надо рассчитывать количество хлеба на «нуждающуюся» семью; в-третьих, выражение отчаянного ужаса по поводу того, что помогать голодающим бросаются «неблагонадежные» люди, способные возбуждать народ против правительства, и принятие заранее мер против этой «агитации». Остановимся поподробнее на каждом из этих пунктов.

Прошел всего год с тех пор, как правительство отняло у земств заведывание продовольственным делом и передало его в руки земских начальников и уездных с'ездов (закон 12 июня 1900 г.)[1] И вот, раньше еще, чем этот закон успел войти в действие, его уже отменяют простым циркуляром. Достаточно было нескольких сообщений губернаторов, чтобы разувериться в пригодности закона! Это как нельзя лучше показывает, какое значение имеют те законы, которые пекутся как блины в петербургских департаментах, без серьезного обсуждения людьми, действительно сведущими и способными высказать самостоятельное мнение, без серьезного намерения создать лучше удовлетворяющий своей цели порядок, просто по честолюбию какого-нибудь пройдохи-министра, желающего отличиться и поскорее высказать свою благонамеренность. Земство неблагонамеренно — отнять у него продовольственное дело! Но не успели еще отнять, оказывается, что земские начальники, даже составленные из одних чиновников уездные с'езды как будто все еще слишком много рассуждают: из земских начальников попадались, вероятно, люди, которые имели глупость называть голод голодом, имели наивность думать, что надо бороться с голодом, а не с теми, кто хочет действительно помочь голодающим; в уездных с'ездах некоторые чинозники, не состоящие в ведомстве министерства внутренних дел, обнаруживали, вероятно, такое же непонимание истинных задач «внутренней политики». И вот по простому циркуляру министра создается новое «уездное центральное»... да, да, это не опечатка: «уездное центральное по продовольственной части управление», все назначение которого в том, чтобы не пропускать неблагонамеренных людей, неблагонамеренных мыслей, неблагоразумных поступков по продовольственному делу. Напр., министр находит неблагоразумным и запрещает «преждевременно» (т. е. не перед самой раздачей хлеба) составлять списки нуждающихся: это вызывает в населении «преувеличенные надежды»! «Уездное центральное по продовольственной части управление» сосредоточивается в руках *одного* лица, а министерство рекомендует при этом *уездного предводителя дворянства*. И в самом деле: он настолько тесно связан с губернатором, он так много исполняет полицейских обязанностей, что наверное сумеет понять настоящий дух продовольственной политики. И притом он—местный крупный землевладелец, почтенный доверием всех помещиков. Такой человек уже наверное поймет лучше всех глубокую мысль министра о «деморализующем» действии пособий, которые даются людям, «могущим обойтись» и без них. Что касается полномочий губернатора, то министр напоминает о них с самого начала и много раз

повторяет, что губернатор за все ответственен, что губернатору все должны повиноваться, что губернатор должен уметь принимать «особые» меры и т. д. Если и до сих пор губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во «вверенной» губернии, то теперь создается уже настоящее «военное положение» в этом отношении. Необыкновенное усиление строгостей — по поводу помощи голодающим! Это совсем по-русски!

Но усиление строгости, увеличение надзора, все это требует увеличения расходов на чиновничью машину. И министр не позабыл об этом: гг. уездным предводителям дворянства или другим лицам, заведующим «уездным центральным по продовольственной части управлением» будет выдана в возмещение их расходов «особая сумма», «относительно размера коей,—добавляет циркуляр на своем «особом» наречии,—ваше прев-во имеете войти ко мне с надлежащим представлением». Затем на «расходы по делопроизводству» уездных советов—по 1000 р. единовременно, на канцелярские средства губернских присутствий по 1000 — 1500 руб. Канцелярии всего больше будут работать, вся работа и будет состоять в канцелярщине — как же тут не позаботиться о канцелярских средствах? Прежде всего на канцелярии, а что останется, то голодающим.

Г. Сипягин проявляет удивительную настойчивость и изобретательность в изыскании мер сокращения пособия голодающим. Прежде всего он требует, чтобы губернаторы обсудили, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю» (окончательно решать этот вопрос будет само министерство: даже губернаторам нельзя доверить, смогут ли они избежать «преувеличений»!). И вот преподаются указания, когда не следует признавать уезда неблагополучным: 1) когда не более трети волостей пострадало; 2) когда недостаток хлеба обычен и хлеб покупается из года в год путем заработка; 3) когда недостает местных средств для выдачи пособий. Мы видим уже здесь маленький образчик чиновничьего решения продовольственных вопросов: одну мерку на всех! Как велико население в одной трети волостей, как сильно они пострадали, не упали ли обычные «заработки» в год сильнейшего промышленного кризиса, — это все праздные вопросы после решительных «предписаний» министерства! Но это только цветики, а ягодки дальше будут. Вся суть в том, кого считать нуждающимся и поскольку выдавать пособия. Г. Сипягин рекомендует следующий «приблизительный расчет», который «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным» (мы больше всего боимся преувеличений; боимся преувеличенных надежд, боимся преувеличенных ссуд! И голод и безработица—все это одни «преувеличения»: таков ясный смысл всех министерских рассуждений). Во-первых, по пробному умолоту определяется «средний сбор с десятины в каждом селении» и затем величина всего посева у каждого хозяина. Почему бы не определить также величины урожаев у хозяев разного достатка? У крестьянской бедноты урожаи ниже и определение «среднего» сбора именно нуждающимся-то и невыгодно. Во-вторых, считается ненуждающимся, у кого приходится не менее 48 пуд. хлеба в год на семью (считая по 12 пудов на трех взрослых и по 6 пуд. на двух детей). Это расчет самого прижимистого кулака: в обыкновенный год даже самые беднейшие крестьяне потребляют хлеба не по 48, а по 80 пуд. в год на семью в 5 — 6 человек, как это известно из описаний крестьянского хозяйства; средний же крестьянин потребляет в обыкновенный год 110 пуд. хлеба на семью в 5 чел. Значит, царское правительство наполовину понижает количество хлеба, необходимое в действительности на продовольствие. В-третьих, «это количество» (т. е. 48 пуд. на семью), — гласит циркуляр, — «уменьшается наполовину в виду того, что рабочий элемент составляет около 50% населения». Правительство неуклонно настаивает на своем правиле, что рабочее население не должно получить ссуду, ибо оно-де может заработать. Но ведь уже раз министр предписал не считать неблагополучными те уезды, где есть обычные заработки. Зачем же второй раз исключать из пособия рабочее население? Ведь всем известно, что в настоящий год не только нет особых заработков, но и обычные-то заработки все упали по случаю кризиса. Ведь само правительство повысылало из городов в деревни десятки тысяч безработных рабочих! Ведь опыт прежних голодовок доказал, что исключение рабочего населения ведет только к разделу недостаточной ссуды между детьми и взрослыми! Нет, поговорка: «с одного вола двух шкур не дерут» была бы еще слишком лестна для министерства внутренних дел, которое в два приема исключает из числа нуждающихся всех способных к работе! В-четвертых, и это вдвое уменьшенное количество совершенно недостаточного пособия уменьшается еще на $^1/_8$—$^1/_5$—$^1/_{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо материальный достаток»! Это уже третья шкура с одного и того же вола! Какой еще «достаток» или «запас» могут быть у крестьянина, собравшего не более 48 пуд. хлеба на семью? Всякие остальные заработки сочтены уже дважды, а, кроме того, ведь одним хлебом не может просуществовать даже русский крестьянин при всем нищенстве, до которого его довела политика правительства, гнет капитала и помещиков. Необходим расход и на топливо, и на ремонт дома, и на одежду, и на пищу, кроме хлеба. В обыкновенный год даже беднейшие крестьяне, как это известно из научных описаний крестьянского хозяйства, расходуют более половины своего дохода на другие нужды, кроме хлеба. Если принять во внимание все это, то окажется, что министр определяет нужду в помощи в четыре или в пять раз меньше действительной надобности. Это не борьба с голодом, а борьба с теми, кто хочет действительно помочь голодающим.

И циркуляр заканчивается прямым походом против частных благотворителей. Нередко обнаруживалось, — гремит г. Сипягин, — что иные благотворители стараются возбудить в населении «недовольство существующими порядками и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству», ведут «противоправительственную агитацию» и проч. Это — обвинения, в сущности, прямо лживые. Известно, что в 1891 г. были рассылаемы прокламации «крестьянских доброхотов», прокламации, справедливо указывавшие народу на его настоящего врага; были, вероятно, и другие попытки агитации на почве голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благотворительностью, вели агитацию

революционеры. Масса благотворителей — это несомненный факт — были только благотворителями, и если г. Сипягин ссылается на то, что из них многие — «лица с небезупречным политическим прошлым», то ведь кто у нас теперь с «безупречным прошлым»? Даже «высокопоставленные лица» отдавали очень часто в юности дань общедемократическому движению! Мы, конечно, не хотим сказать, чтобы агитация против правительства на почве голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборот, агитация необходима всегда и во время голода в особенности. Мы хотим сказать только, что г. Сипягин выдумывает небылицы, стараясь выставить свои страхи и опасения результатом опыта. Мы хотим сказать, что слова г. Сипягина доказывают только одну старую истину: полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает — и подозревает совершенно справедливо — что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренно хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезывают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. Теперь новый циркуляр требует прямо «подчинить контролю властей» все пожертвования и приглашения к пожертвованиям, всякие устройства столовых; требует, чтобы все приезжающие «представлялись» губернатору, выбирали себе помощников не иначе, как с его разрешения, давали ему же отчет в своей деятельности!! Кто хочет помогать, подчиняйся полицейским чинам и полицейской системе всяческих урезок помощи и бессовестных сокращений пособий! Кто не хочет подчиняться этой гнусности — тот не смеет помогать: в этом вся суть политики правительства. Г. Сипягин кричит, что голодом «охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему», а вслед за ним вся реакционная печать повторяет этот крик (напр. «Моск. Ведом.»). Какой ужас! Пользоваться народной нуждой для «политики»! На самом деле ужасно, наоборот, то, что в России всякая деятельность, даже самая далекая от политики, филантропическая (благотворительная) деятельность неизбежно ведет к столкновению независимых людей с полицейским произволом и с мерами «пресечения», «запрещения», «ограничения» и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрывает соображениями высшей политики свое иудушкино стремление — отнять кусок у голодающего, урезать впятеро размер пособий, запретить всем, кроме полицейских чинов, подступаться к умирающим от голода! И мы повторяем еще раз призыв, сделанный уже «Искрой»: открыть обличительную кампанию против продовольственной кампании полицейского правительства, разоблачать в бесцензурной свободной печати все безобразия местных сатрапов, всю корыстную тактику урезывания пособий, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшение голода и позорную борьбу против тех, кто хочет помогать голодающим! Мы советуем всем, у кого есть хоть капля искреннего чувства к народному бедствию, позаботиться о распространении в народе знакомства с истинным смыслом и значением министерского циркуляра. Ведь только бесконечной темнотой народа и можно об'яснить себе, что подобные циркуляры не вызывают тотчас всеобщего возмущения. И пусть сознательные рабочие, которые всего ближе стоят и к крестьянству и к неразвитым городским массам, возьмут на себя почин в деле разоблачения правительства!

[Н. Ленин]

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РАЗВРАТ И «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ» ТУПОУМИЕ.

По поводу одной новой программы.

В Минске недавно распространено на русском и еврейском языках следующее воззвание новой «Еврейской Независимой Рабочей Партии» [2]:

ЕВРЕЙСКАЯ НЕЗАВИСИМАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Взгляды партии.

I. Мы полагаем:

а) что никакая теория не настолько могущественна и неопровержимо верна, чтобы давать право своим приверженцам вести бессознательную массу за собой к цели, которой масса не понимает;

б) что еврейский рабочий класс в настоящее время требует хлеба и знаний и что эти требования должны быть удовлетворены;

в) что преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды;

г) что рабочий, как всякий человек, имеет право быть сторонником какой ему угодно политической партии и все-таки имеет право защищать свои экономические и культурные интересы и быть членом вполне равноправным в экономических и культурных организациях;

д) что экономические и культурные организации должны стать ему необходимы, как воздух и вода, регулировать его экономические интересы, доставлять ему знания, и что таковыми они могут стать только тогда, когда они будут целями сами по себе, а не служить орудием какой бы то ни было политической партии.

II. Мы находим ненормальным современное положение вещей, при котором экономические организации находятся под руководством преимущественно политического по своим целям «Бунда», потому что:

а) экономическая деятельность является для «Бунда», главным образом, средством революционизировать рабочую массу, и потому «Бунд» намеренно игнорирует в своей экономической деятельности многие безусловно полезные для рабочей массы мероприятия;

б) «Бунд», принимая рабочего, ищущего только хлеба и знаний, в свои, на взгляд массового рабочего, чисто экономические организации, навязывает рабочему свои политические взгляды и стремления, не считаясь с его психикой, привязанностями и стремлениями. Рабочих с не-«бундовскими» взглядами в экономические организации «Бунд» не принимает, а инертно консервативную часть рабочей массы отпугивает своей репутацией политической партии. В результате подобная тактика «Бунда»

вредит организованной массе и жестоко поступает с остальными рабочими, которые тоже ищут союза со своими организованными товарищами;

в) «Бунд» развивает рабочих односторонне, ограждая их от не-«бундовских» взглядов и таким образом вносит в рабочую массу дух умственного порабощения;

г) «Бунд» не допускает в рабочие массы интеллигентные полезные силы, с его политическими взглядами несогласные. «Бунд» исполнил великую историческую миссию, развив дух недовольства своим экономическим положением в рабочем классе, но когда это достигнуто и вся рабочая масса стремится к организации, сделалось невозможным держать экономическую и культурную деятельность в политических тисках «Бунда».

Программа партии.

1) Еврейская Независимая Рабочая Партия имеет целью поднятие материального и культурного уровня еврейского пролетариата посредством культурно-экономических организаций как нелегальных, так и легальных по мере возможности. На практике эта цель сводится: а) к развитию широких экономических организаций трэд-юнионов, касс, клубов, ассоциаций, б) к развитию среди рабочего класса научных и профессиональных знаний и к воспитанию его для коллективной жизни.

2) Партия в целом не выставляет себе никаких политических целей и касается политических вопросов лишь в той мере, поскольку они затрагивают повседневные интересы рабочих.

3) Партия об'единяет для экономической и культурной деятельности рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых.

4) Организация партии демократическая, т. е. управляется снизу, а не сверху.

Еврейская Независимая Рабочая Партия.

В мотивировке взглядов новой партии мы находим много знакомого. Здесь, наконец, последовательно проведены все основные положения того направления, которое принято называть «экономическим» и которое до сих пор не договаривалось до конца в гласных заявлениях и программах.

Никакая теория не настолько истинна, чтобы давать право своим приверженцам вести за собой бессознательную массу. Да ведь это только полное выражение тех взглядов на значение «теории», т. е. социалистических принципов, которые проповедывались нашими «экономистами». Для них социалистические принципы всегда были только «книжной выдумкой» — продуктом более или менее гениальных умов, а не выражением действительного хода общественного развития, не выросшей из многолетнего опыта всемирного пролетариата формулировкой общих интересов рабочего класса. Для них между интересами рабочего класса и «теорией» лежала пропасть, и всякая попытка подчинить сознательное движение рабочих требованиям «теории», т. е. социал-демократической программы, казалась «навязыванием рабочему своих политических взглядов», в чем независимая партия обвиняет «общееврейский рабочий союз» («Бунд»).

«Противоположность своей программы и своей группы движению, как чего-то самостоятельного, как верховной теоретической инстанции, как духа, витающего над бесформенным хаосом — такова позиция, которую заняли «Искра» и «Заря», говорит Б. Кричевский в своей последней статье («Рабочее Дело», ном. 10, стр. 29). Мы видим, что Кричевский обвиняет «Искру» и «Зарю», а вместе с ними и всю социал-демократию, в том, что они свою программу и свою «группу» ставят выше рабочего движения, как оно есть, хотя бы в данную минуту это движение шло ошибочным путем, напр., было направлено против инородных рабочих или против социализма, или против политической свободы. «Еврейская Независимая Рабочая Партия» вполне согласна с Кричевским в том, что «движение» бессознательной массы должно вести за собой «теорию», а не обратно. (Не пригласит ли «Независимая Рабочая Партия» Кричевского в редакторы ее изданий? Дух его, во всяком случае, уже теперь «витает над бесформенным хаосом» новой «партии»).

„Еврейский рабочий класс требует в настоящее время хлеба и знаний", а потому «преступно приносить в жертву материальные интересы рабочего класса таким политическим целям, которые в настоящее время ему чужды». Опять знакомая песня о том, что агитационная и организационная работа должна вестись вокруг тех требований и только тех, которые уже «сознаны» массой (см. напр., статью В. И—на в «Раб. Деле», № 2—3). Принимая это положение, люди, конечно, могут расходиться в оценке того, какие требования уже сознаны данной массой; но это разногласие не поколеблет согласия в принципе: не действительные интересы рабочего класса, а те интересы, которые он уже сознал, должны определять собой деятельность партии. И это вполне логично: если рабочая масса сегодня понимает свои интересы не так, как понимала их вчера, то как же нам судить о том, что такое ее действительные интересы? Мы, социал-демократы, судим об этих интересах, руководствуясь своей «теорией», т. е. продуманным опытом движения мирового пролетариата и научным исследованием общественного развития. Но для «экономистов» эта теория—звук пустой: от своих «ученых» — от Бернштейнов, Струве, Прокоповичей — они узнали, что теория научного социализма (марксизм) не есть «настоящая» наука (как известно, настоящая наука, это — та, за которую буржуазное общество платит в университетах). А, стало-быть, такая ненаучная теория не имеет никакого права «навязывать» массам свои выдумки. Только одни «сектанты»-марксисты, для которых «теория» дороже жизненных интересов живых людей, только они могут во имя своей теории не смущаться тем, чего хотят рабочие массы, но учить эти массы тому, какие задачи они д о л ж н ы себе поставить, чтобы удовлетворить свои действительно классовые интересы *.

Для «экономистов» непонятно, что, если рабочий класс «требует хлеба», то этого ему не могут дать социал-демократы. Социал-демократы только могут и должны указать, что этого «хлеба» он добьется в классовой борьбе за уничтожение капиталистического строя, первым шагом к которому будет завоевание политической сво-

* «Поэтому-то нам и приходится делать столь решительное и коренное различие между интересами, которые „мы" (интеллигенты) приписываем рабочим, и интересами, действительно имеющимися у них» («Vademecum», стр. 44, брошюра известного «экономиста», г. NN [3]).

боды. Но это опять будет «сектантское» решение вопроса, которое не может удовлетворить «экономистов». Последние от своих Бернштейнов, Струве и Прокоповичей знают, что хлеба и даже с хорошим слоем масла рабочие могут добиться и при капиталистическом строе, лишь бы быть поумереннее и не рваться к отдаленному социализму, это же самое подтверждает и «настоящая» наука, та самая, которая снабжена клеймом: «дозволено цензурой». И «экономисты», в полном согласии с этой клейменной наукой и к великой радости буржуазии, верят, что, если рабочий не добился при современном строе улучшения, то эта вина не капиталистического строя, а тех социал-демократических агитаторов, которые из-за журавля в небе — социализма и политической борьбы — забывают о синице — о непосредственной «пользе». А потому «экономические культурные организации рабочих должны стать целями сами по себе, а не служить орудием какой бы то ни было политической партии». А кто с этим не согласен, тот «сектант».

Все нападки «Независимой Рабочей Партии» на «Бунд» воспроизводят обычные нападки «экономистов» против революционной социал-демократии. Напр., обвинение в том, что «инертно-консервативную часть рабочей массы «Бунд» отпугивает своей репутацией политической партии». Нам тоже всегда говорили, что мы своей политической и социалистической агитацией можем только «отпугнуть» ту часть рабочих, которая еще предана царизму *.

А что означает обвинение в недопущении «в рабочую массу интеллигентных полезных сил, не согласных с политическими взглядами Бунда»? Да ведь это тот же упрек в «сектантстве», который расточается по адресу революционных социал-демократов всякий раз, как они проявляют стремление организовать партию исключительно из сознательно революционных элементов и отказываются от «полезных» сил буржуазного образа мыслей, говоря, что «нам таких и даром не надо».

Практическая программа новой партии опять вполне согласна с положениями «экономистов». Социал-демократия организует рабочих для классовой борьбы. «Экономисты» наши давно уже провозгласили равноправие организаций боевых и мирных (обществ взаимопомощи, потребительных и т. п.; см., напр., ном. 10 «Раб. Мысли» и приложение к ном. 7 той же газеты), и те и другие одинаково важны с точки зрения непосредственной пользы**. «Независимая Партия» имеет целью «поднять материальный и культурный уровень... посредством культурно-экономических организаций как нелегальных, так и легальных». Ни слова о классовой борьбе. Социал-демократия признает известное значение для рабочего движения за трэд-юнионами, за кооперациями и другими «экономическими» организациями только при условии широкой политической свободы (см., напр., письмо иваново-вознесенского рабочего в приложении к этому номеру). «Экономисты», вместе с ними и «Независимая Рабочая Партия», мечтают о трэд-юнионах и других организациях при самодержавии. Социал-демократия воспитывает рабочий класс для социализма, «Независимая Партия» воспитывает его для «коллективной жизни», хотя бы последняя проявлялась в форме какой-нибудь торгашеской «артели». Социал-демократия об'единяет в своей партии только рабочих-социалистов; «Независимая Рабочая Партия» об'единяет... рабочих всяких политических взглядов и совсем без таковых. Понятно, что при таких «широких» принципах партия устанавливает вполне «демократическую» организацию «снизу вверх». Мы, социал-демократы, не можем себе позволить такой роскоши. Как партия революционная, мы вынуждены подбирать людей с осторожностью, и степень доверия, которой пользуется в наших организациях тот или иной член, зависит от его сознательности, от его опыта, от его преданности делу. Организуемся же мы «сверху вниз», т. е. путем подбора к сплоченному ядру новых надежных элементов, которые еще должны завершить свое политическое воспитание в организации. За это нас уже давно обвиняют в «диктаторстве», в «генеральстве», в «навязывании» массам своих взглядов, своих приемов борьбы. Теперь «Независимая Партия» решительно обещает показать нам пример организации, основанной на широко-демократическом принципе.

А теперь расскажем о происхождении этой новой партии. Вот что пишет наш корреспондент:

«Прилагаемое воззвание распространено на-днях в Минске на русском и еврейском языках (гектографир). Издано оно со дня на день приобретающими все большее влияние сторонниками зубатовской политики (во главе стоят один ретушер и работница, вернувшиеся из московской тюрьмы сторонниками зубатовских взглядов — оба безукоризненно честные люди). Они уже овладели тремя цехами и их кассовыми организациями—переплетным, столярным и слесарным. Устраиваются еженедельно громадные собрания (о которых, конечно, известно, Васильеву и где присутствуют шпионы-рабочие, ибо новая „партия“ принимает всех без исключения). Бундовцы в весьма неудобном положении. С одной стороны, нельзя не противодействовать их агитации, с другой, всех, отстаивающих на этих собраниях революционные взгляды, забирают через пару—другую дней и немедленно ссылают в Сибирь. За последнее время почти еженедельно идут из Минска этапы ссылаемых на 3, 4 и 5 лет.

«Отношение жандармерии к новому течению характеризуется след. фактами: 1) Васильев (жандармский полковник) говорил на допросе одному суб'екту, что намеревался арестовать упомянутую работницу, но получил от Зубатова предписание не трогать, ибо „хотя она и не состоит у нас на жаловании, но своею деятельностью косвенно содействует нам“. 2) Васильев призывал к себе упомянутого ретушера и сообщил ему, что он благосклонно относится к его деятельности и что он может не опасаться ареста, хотя ему, Васильеву, известно, что он устраивает собрания, кассы, читает литературу и проч. „Я ведь знаю, что вы не станете распространять литературу...“ — „Это еще вопрос“, ответил тот. — „Ну даже

* «Так наз. „Непонятливость масс“, которая постоянно служит козлом отпущения при всяких нарушениях принципа, есть в сущности не что иное, как ограниченность тех, кто ссылается на эту непонятливость», замечает совершенно справедливо Роза Люксембург по поводу разговоров об «отпугивании» масс революционной тактикой («Neue Zeit», 1900—901, ном. 50).

** См., напр., в брошюре упомянутого г. NN, написанной в ответ П. Аксельроду («Vademecum», стр. 46): «Всякая организация важна, но особенно важны мирные организации, захватывающие все стороны жизни рабочего»... Стало-быть, чем более «мирная», тем лучше, тем «важнее». Оплаченная «наука» уже давно уверяет в этом пролетариат, но безуспешно. (Там же, стр. 29): «В частности, кооперативы, не непременно классовые, играют очень крупную роль» (мнение NN).

если и распространяете, то тот вред, который вы этим приносите, уравновешивается пользой нового движения. Итак, можете спокойно продолжать вашу деятельность".

«Характерен прием для запугивания массы. По открытии собрания начинают с чтения полученных или будто полученных из Сибири писем с описанием лишений, раскаяний, и пр., и выводится конечно мораль, что лучше всего бросить всякую политику.

«Одним словом, деморализация в Минске полнейшая. На-днях послан на утверждение в Спб. устав общества, устраиваемого „Независимой Партией". В последнее время, как сообщают, полк. Васильев организовал собрания столяров для обсуждения вопроса о рабочем клубе».

Итак, первая, следовательно, «экономическая» партия основана последователями зубатовской политики «союза рабочих с самодержавием». Мы этого давно ожидали и предсказывали такой поворот. Мы указывали на то, что пропаганда наших «экономистов» может и должна послужить орудием отвлечения рабочих от борьбы за свободу, орудием, которое постарается забрать в свои руки наше правительство. По поводу первых шагов Зубатова в этом направлении мы (в ном. 1) указали уже на то, что успех зубатовской политики питается пропагандой «экономистов». Это наше указание известная часть публики поняла как стремление смешать в одну кучку шпионов и товарищей, держащихся неугодных нам взглядов. Нечего и говорить, что такое понимание было только проявлением нечистой совести людей, которые не могли желать разобраться в вопросе по существу. Никакого заподазривания сторонников «Раб. Мысли» в прислуживании правительству у нас не было. Мы хорошо знаем, что среди наших «экономистов» много таких сил, которые по своей преданности делу и по своей самоотверженности могут быть ценным приобретением для всякой партии. Но мы так же хорошо знаем, что по своей малосознательности, обусловленной тем, что они воспитались на модной ныне «критике» социализма, эти друзья рабочих способны принести пролетариату большой вред. Теперь мы видим, что Зубатову удалось вызвать к жизни одну «экономическую» партию для борьбы с революционной социал-демократией. И если ему это удалось сделать, то причины этого успеха коренятся до известной степени в нашей собственной халатности. Пока гром не грянул, мы не перекрестились. Большинство наших организаций спокойно терпело в своих рядах пропаганду «экономистов», тогда как давно уже можно было заметить, что эта пропаганда готовит успех политике «союза царя с рабочими». Многие и многие товарищи оставляли и оставляют без отпора систематический поход наших буржуазных «критиков» против революционного социализма, несмотря на то, что давно уже можно было заметить, что эта «критика» ведет к ослаблению революционной энергии и социалистического самосознания в рядах нашей партии. По поводу первых шагов Зубатова наша газета снова призвала к борьбе с «экономистами», но этот призыв был встречен как новое доказательство нашего «сектантства» и наших «нетоварищеских приемов».

В настоящее время имеется достаточно данных, чтобы утверждать, что политика заигрываний с экономическим движением рабочих практикуется не в одном Минске. Первый адепт Зубатова (см. ном. 1 «Искры») рабочий Ш. — всю зиму «работал» в Екатеринославе, вербуя среди тамошних ремесленных рабочих партию легального движения. В письме рабочего из Ив.-Вознесенска отмечаются попытки жандармов склонить рабочих к «чисто экономической организации», и вполне основательно наш товарищ указывает, что эти факты вынуждают нас к удвоенной осторожности. Что такая осторожность необходима, в частности и по отношению к Московскому Обществу Взаимопомощи — этой первой легальной рабочей организации сколько-нибудь широкого характера — показывает полученное нами сообщение корреспондента.

«В Москве происходит нечто подобное минским событиям. Общество механических рабочих, руководимое Дэном, Озеровым и Онуфриевым, оказывается, тоже организовано рабочим-провокатором и первое время служило ловушкой для интеллигентных и передовых рабочих. Провокатор ловко вызывал на спор намеченных лиц, заставляя их высказаться, а через несколько дней их забирали».

Здесь указана только одна — самая гнусная— опасность таких покровительствуемых правительством организаций: их приспособление к целям сыска. Но с этой опасностью можно бороться, удвоив конспиративную осторожность. Гораздо важнее тот факт, что, пользуясь покровительством властей и руководимые искренними, но мало сознательными людьми, такие организации становятся орудием успешной борьбы с социализмом уже на почве организационной. Наш успех в деле привлечения рабочих к социализму до сих пор в известной мере об'яснялся тем, что всякие буржуазные попытки отвлечь рабочих от классовой борьбы находились под таким же гнетом, как наше собственное дело. А в области нелегальной работы мы, конечно, всегда окажемся впереди всяких буржуазных друзей рабочего класса. Но когда эти господа начинают работать под покровительством полиции, шансы борьбы значительно изменяются.

Петербургские товарищи всю прошлую зиму убили на создание очень широкой и демократической (по уставу) рабочей организации, которая должна была руководить одновременно и стачечной борьбой, и делом взаимопомощи, и политическим движением. Занятые развитием этой организации, петербургские товарищи так углубились в свое дело, завещанное им экономистами «Раб. Мысли», что не смогли ни подготовить петербургских рабочих к поддержке студенческого движения, ни использовать в целях агитации возбужденное настроение, вызванное в рабочих массах безработицей. Во главе рабочей организации стоял некий рабочий, чрезвычайно горячо защищавший «экономическую» программу, боровшийся против всяких попыток вовлечения рабочих в студенческое движение и — говорим это с гордостью —весьма враждебно относившийся к нашей газете. Рабочий этот (к сожалению, нам не сообщена его фамилия; за достоверность факта ручаемся) оказался провокатором, выдавшим довольно много людей (говорят, в том числе и проф. Милюкова). Случайность ли, что втеревшийся в рабочее движение агент правительства отстаивал в нем именно программу «экономизма»? Мы думаем, что нет.

Припомним еще все учащающиеся факты благожелательного вмешательства жандармских офицеров в стачки, где они стараются разыгрывать роль друзей рабочих и иногда настаивают на уступках со стороны хозяев (напр. в Минске, Саратове), припомним известный факт

покровительства властей артельным организациям Левитского на всем юге, — и мы убедимся, что теперь дело идет о начинающемся систематическом применении правительством политики отвлечения рабочих от социалистической классовой борьбы на путь «легализации» экономического движения.

В конечном счете этот факт может служить показателем того, какие успехи сделало у нас рабочее движение, как оно расшатало «устои» царизма, заставляя его пойти на путь очень для него рискованных заигрываний с чудовищем — пролетариатом. Это обстоятельство, однако, не уменьшает серьезности нашего положения.

Для успешной борьбы со всеми провокаторскими затеями Зубатовых мы должны крепко организоваться, но теперь дело идет уже не о борьбе с голым насилием, а о борьбе с систематическим политическим развращением рабочего класса, совершаемом при помощи сумбурных и буржуазных понятий, над распространением которых много трудились наши собственные «экономисты» и их духовные отцы — легальные «критики». На примере Минской «партии» мы видим, что опасность «экономизма» вовсе не исчезла, как в том хотят уверить многие близорукие люди. Напротив, перестав шуметь о себе на столбцах печати, он проник вглубь движения и именно теперь-то он принимает форму, явно враждебную нашему делу.

А потому, поддерживая призыв всех сознательных социал-демократических сил к партийному об'единению, мы обязаны признать, что в основу такого об'единения должно быть поставлено открытое, без всяких оговорок, признание старого знамени революционной социал-демократии, признание, которое требует беспощадной принципиальной борьбы со всякими видами «экономизма», грозящего стать орудием в руках реакционных сил, со всякими видами буржуазной «критики» социализма.

Только такая принципиально твердая партия, ведущая неустанно пропаганду революционного социализма, шутя справится с новой политикой одурачивания рабочих.

Все это, конечно, кое-кому покажется новым доказательством нашей «сектантской узости». Нас это обстоятельство не смущает. Столь ненавистное нашим врагам и нашим недальновидным товарищам «сектантство» революционной социал-демократии есть на самом деле «сектантство» людей, глубоко убежденных в том, что их «теория» выражает истинные интересы пролетариата и готовых отстаивать эти интересы в борьбе со всем миром, со всеми и всякими «независимыми» партиями в том числе, со всеми врагами пролетариата, как и с его недальновидными друзьями.

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

К вопросу о «бессмысленных мечтаниях». Нам пишут с юга: «Как легко провести русского человека, как немудрено водить его за нос! Ему трудно живется, ему нечем дышать, он мечется и рвется, но не хватает духу разбить окно, за которым его ждет целый мир воздуха и света, потому что он может поранить руку. И вот он ждет, как институтка, молодца, который явится и вырвет его из тюрьмы.

«Этим молодцом оказался кто же? Восьмидесятилетний и притом лживый старик Ванновский, — одна только декорация, вывеска, на которой написано: коренная реформа, а за этой вывеской сотни самых алчных, самых наглых аппетитов, готовых каждую минуту сбросить эту вывеску и заменить ее другой с надписью: временные правила и т. п., смотря по обстоятельствам, по духу времени. Но либералы забыли все эти простые вещи, возликовали и пришли в умиление; завидевши кончик пирога, показанный им Ванновским, они забежали вперед его, стали засматривать ему в глаза, холопски повиливая хвостами от радости, и посыпались, как из рога изобилия, проекты и планы, один другого грандиознее и шире. Наступило состояние полной невменяемости российского обывателя: курился фимиам царю за его щедроты, откуда-то выуживались добродетели Ванновского. А Ванновский и его присные только посмеивались: пускай потешатся дети, а усмирить их во всякое время можно. И это время наступило: обывателю скоро указали пределы его фантастических мечтаний. Прошло еще несколько месяцев, призрачные надежды начинают рассеиваться, и остается один скверный осадок от наступающего сознания подлого обмана. Нужно ли еще другого доказательства после новых ограничений в приеме евреев в школы средние и высшие? Может ли существовать более яркий пример цинизма, чем такое противоречие между громкими фразами и наглыми фактами? Евреи, впрочем, уже испытали на себе „сердечность" Ванновского, когда он был военным министром. Он прекратил совершенно прием евреев в военно-медицинскую академию, а солдат-евреев в учебные команды (где подготовляются к унтер-офицерскому званию). Что было первым делом Ванновского, когда он приказом царя был призван на пост „коренного реформатора"? Он циркулярно внушает начальникам учебных заведений строго держаться процентной нормы и устанавливает вторичную норму для окончивших курс прогимназии (впрочем, последнее случается и не с евреями: в Рязани из 31 человека, окончивших курс прогимназии, принято в этом году в 5 класс гимназии лишь 15, при чем преимущество отдается тем, которые поступают в пансион. „Где же связь между семьей и школой?",—недоумевает местный публицист, начиная понимать, что дело неладно). Но это только цветики. В последний месяц стали носиться зловещие слухи, что готовятся новые ограничения. Неужели? Возможно ли? недоумевали все: не хотелось верить, сопоставлялось это с коренной реформой; — действительно несопоставимо. Но прошло некоторое время, и слух сделался фактом, фактом гнусным, нелепым. Установлены новые нормы для приема евреев в университет; вместо 10 — 7%, вместо 5 — 3%, вместо 3 — 2%. В некоторые гимназии совершенно прекращен „на время прием евреев, так как их оказалось немного больше нормы", и приказано ждать впредь до окончательной нормировки. И это все делается волей одного человека, путем даже не циркуляров, а воровских предписаний, чтобы меньше шума было. Можно ли здесь поставить точку? Но ведь еще осенью соберется комиссия для обсуждения еврейского вопроса в школе. До чего она дойдет? Что в подлой угодливости перед Ванновским не будет недостатка, за это поручиться можно. Что делать евреям? Куда деться от того, что есть и что еще будет? Представляет ли себе конкретно читатель все прелести процентной нормы? Случалось мне готовить в гимназию мальчиков-евреев. Мне кажется, что муки инквизиции не могут сравниться с теми, которые приуготовлены самодержавием родителям-евреям, решающимся определить сына в гимназию, и самому мальчику. Я помню одного, который 3 года под-ряд держал экзамен в первый класс, последние два раза получил по две пятерки—и не был принят. Это был щупленький, бледный мальчуган, без кровинки в лице, изведавший уже на своих плечах, несмотря на свои 12 лет, все прелести русского произвола. Он многое мог бы поведать либералам, что могло бы им быть полезно. Каждый день, утром, вечером, за обедом, отец твердил сыну, что он еврей и что забыть ему это преступно и что есть еще другой еврей-конкурент, богатый и влиятельный, с которым тягаться трудно. Достаточно было взглянуть на мальчика, чтобы сказать, что он помнит завет отца. Он бредил уроками, вскакивал среди ночи и хватался за книжку, его глаза блуждали... это

был один издерганный нерв. Самый экзамен тоже обставлен как следует. Евреев экзаменуют отдельно, им задают более трудную диктовку, с них больше спрашивают и на устном испытании. Выходит педагог и читает, что такой-то русский с тройкой и четверкой принят, а еврей такой-то с двумя пятерками должен ждать особого совещания. Придет несчастный мальчик домой и там вскоре узнает, что принят его конкурент-богач потому, что отец его подкупил директора, и т. п.—мерзости без конца, волос становится дыбом. Ну, можно ли говорить о коренной реформе, не разрешив коренным образом еврейского вопроса? Возможна ли сердечная связь, доверие, когда дети знают, что директор—взяточник, а такой-то учитель берется за пятирублевый урок ублажить директора? Возможны ли здоровые нравственные устои, когда гимназия превращается в самый опасный притон умственного и нравственного разложения, где развивается и классовый, и национальный антагонизм, где втаптываются в грязь самые драгоценные свойства детской души?

«Мне пришлось ехать в одном вагоне с евреем-купцом, педагогом и мальчиком-евреем гимназистом, только что принятым в гимназию и жившим у педагога, который и готовил мальчика. Педагог проливал слезы над бедными евреями: „В нынешнем году одна вакансия для евреев, а 18 прошений“ (трогательное чувство, вероятно, явилось от того, что он брал систематически в долг деньги у купца-еврея). Я высказал предположение, что, вероятно, поступит тот, кто даст большую взятку директору. Педагог ответил, что так везде и повсюду: „не помажешь, не поедешь“ и что это дело житейское. Я позволил себе возразить, что уже во всяком случае не в школе место таким правилам; педагог замолк и уж больше со мной не говорил. Стыдно ему стало? Не думаю, вернее, он решил, что я „опасный“ или уж наивный человек».

В. С. Арефьев. 2 августа в селе Турках, Балаш. у., в Саратовской губ. в земской больнице умер от мучительной болезни (гнойного воспаления среднего уха), продолжавшейся два месяца, Виктор Севастьянович Арефьев [4]. Покойному было всего 27 лет от роду, а с 18 лет он уже считался поднадзорным. Он начал работать очень рано, лет с 16—17, и с тех пор непрестанно работал в пользу дорогой ему идеи, до последнего дня своей жизни. Был за это три раза в ссылке: в Нижнем, в Вятке и последний раз в Сибири, откуда вернулся в сентябре прошлого года. В первый раз он был взят за подстрекательство крестьян к бунту во время голодного года; во второй раз за то, что раскрыл и огласил деяния жандармского правления и губернатора в местной газете, и в третий — за принадлежность к вятской революционной организации и за печатание воззваний на земском гектографе.

В Сибири, в ссылке он тоже непрестанно боролся со всякой неправдой и безбоязненно предавал гласности все скрытые проделки темной силы — администрации и местных капиталистов. За эти разоблачения полицейские чины привлекали Арефьева к суду, который его оправдывал в виду обнаружившейся правдивости его сообщений, а высшее начальство гоняло его из одной волости в другую, загнав под конец ссылки в самую дикую местность.

По возвращении из ссылки он тотчас же принялся за работу. Покойный был убежденный социалист-революционер, но человек, чуждый всякой партийности, видевший во всяком революционере, к какому бы флагу и знамени он ни принадлежал, брата и борца за дорогие ему свободу и благо народа. Русская революционная партия понесла в нем несомненную утрату.

Вечная память тебе, дорогой, бескорыстный, преданный друг и товарищ!

Вятские «штрейкбрехеры». Одиннадцать вятских статистиков послали харьковским статистикам, взявшим на себя почин организации бойкота против екатеринославского земского султана Родзянко [5], очень странное заявление. Начав с того, что уже после вступительной речи Родзянко к земским служащим «никто из нижеподписавшихся не пошел бы на службу к г. Родзянко», гг. «нижеподписавшиеся», тем не менее, находят, что екатеринославский инцидент они не могут считать «общестатистическим делом, для которого надо было бы призывать к заговору против г. Родзянко всю земскую статистику». В чем же все-таки дело? Оказывается, что екатеринославские статистики должны были уйти тотчас же после того, как г. Родзянко потребовал от них ведения дневников, что они нашли для себя оскорбительным. А так как екатеринославские статистики не сделали этого тотчас же, а подождали, пока г. Родзянко не уволил их товарищей за неисполнение своего требования, то гг. вятские статистики находят, что «екатеринославская история получила не столько общий и принципиальный, сколько личный характер, не имеющий прямого отношения к профессиональным интересам всех земских статистиков».

Екатеринославские статистики протестуют против несправедливого, по их мнению, увольнения их товарищей председателем управы и призывают своих товарищей в других земствах поддержать их стачку. Гг. вятские статистики не решаются отрицать справедливости требования екатеринославских статистиков, но пускаются в длинные рассуждения о том, что стачку надо было начинать раньше, и кончают тем выводом, что екатеринославская стачка не имеет «прямого отношения к профессиональным интересам всех земских статистиков». Лучше нельзя было обнаружить полнейшее отсутствие у вятских статистиков какой бы то ни было профессиональной солидарности. Фабричные рабочие не вдаются в рассмотрение вопроса о том, рано или поздно устроили их товарищи стачку, но считают долгом классовой чести не мешать успеху этой стачки, становясь на места стачечников. Вятские статистики в своем понимании профессиональных и общенациональных интересов своего «сословия», как видно, очень отстают от наших фабричных рабочих.

Гг. вятские статистики находят, что бойкотирование г. Родзянко «мера слишком серьезная, чтобы ее можно было принять без надлежащего разбора и соответствия с причиной»... «Отказываясь от работы в некоторых земствах и заявляя о том публично, мы только облегчаем этим („совершенно чуждым статистике“) элементам завоевание земской статистики, так как, с одной стороны, очищаем для них бюро, с другой—даем оружие против себя администрации и тем земским управам, которые тяготятся статистиками и не решаются еще пожертвовать опытом и знаниями профессиональных статистиков и интересами дела».

Очень первобытно рассуждают гг. вятские статистики. Администрация и проникнутые самоновейшим «благонамеренным» направлением земские управы подняли систематическую травлю земской статистики, норовя согнуть ее в бараний рог и очистить от всякой неблагонамеренной скверны. В этих видах статистические бюро заполняются проворовавшимися становыми, потерпевшими крушение волостными писарями и т. п. «благонадежными» служащими. В этих же видах из одних статистических бюро всячески выкуривают всяких «поднадзорных», из других специально «марксистов» и т. д. Вятские статистики находят, что для того, чтобы не давать повода гг. Родзянко совершать такое «очищение», профессиональные статистики должны сами содействовать введению в бюро такого режима, который соответствует видам начальства и ради которого последнее ищет себе служащих среди бывших становых. Стало-быть не борьбой гг. вятские статистики думают отстоять свое существование, но принижением своих требований. Боимся, что они прогадают и что в своем стремлении во что бы то ни стало умиротворить свое начальство, «не давая против себя оружия», они только поощряют его увеличивать свою требовательность и еще более неуклонно проводить политику превращения земских учреждений в самые обыкновенные канцелярии.

Полтава. В конце марта местный жандармский полковник Гангарт вернулся с общероссийского с'езда жандармов, умудренный последними выводами жандармской науки и снабженный определенными указаниями насчет

того, когда следует «тащить» и когда не «пущать». И хотя сами жандармы вряд ли ожидали со стороны полтавского населения каких-либо проявлений общественной самодеятельности, но перед 18 апреля на всякий случай были приняты некоторые меры. На главные улицы города была выпущена целая свора жандармов, постовым городовым были даны соответствующие инструкции, а местами можно было заметить трогательную троицу из городового, жандарма и «штатского». В то же время на Подоле, местности населенной железнодорожными рабочими, каждую ночь поочередно дежурили четыре жандарма, а днем железнодорожные жандармы, переодетые в штатское платье, сновали по всем направлениям, возбуждая этим только насмешки со стороны знающего их в лицо населения. Понятно, что все эти меры предупреждения никого не могли испугать и ничего не могли предупредить: 18-го утром в железнодорожных мастерских, равно как и в некоторых ремесленных заведениях, расположенных в городе, были разбросаны и расклеены прокламации. Кроме небольшого количества общерусских прокламаций, отпечатанных в типографии «Южного Рабочего», было выпущено еще две местных, исполненных на гектографе.

Наиболее сильное впечатление прокламации произвели на совершенно серую массу пришлых бездомных рабочих. Среди них слышались возгласы вроде того, что «а мы то, дураки, ничего не знали!» или «да бросим же работу: что же это в самом деле, рабы мы, что ли?».

Целых два дня работа не клеилась: рабочие собирались кучками, читали и обсуждали прокламации. Наиболее горячие головы рвались к демонстрации.

Возбуждение, начавшееся среди рабочих, сильно беспокоило железнодорожное начальство. О всем происшедшем немедленно дано было знать в жандармское управление. Гангарт приезжал самолично, отнял несколько прокламаций, допросил несколько человек, но ничего не добился. После этого рабочие еще несколько дней носили прокламации с собой в мастерские, а затем растащили их по всему городу: отдельные экземпляры попали даже в казармы. О празднике первого мая узнали широкие слои рабочих. Кто не читал прокламации сам, тот слыхал о них от других. И хотя в изустной передаче содержание прокламаций принимало нередко фантастический характер, но уже и эта передача, возбуждая в слушателях любознательность, вскоре приводила их к познанию истины. В этом отношении любопытен эпизод, происшедший на паровой мельнице Молдавского. Рассказывают, что один рабочий с этой мельницы, неграмотный хохол, подойдя после перерыва на завтрак к кучке товарищей, обратился к ним с такими словами: «Оце мини вокзальцы казали, що там якись письма получены. Пишут, шо из губернии приидут пятьсот человик, будут тут бунтоваться у Полтави». Но товарищи, успевшие уже во время перерыва ознакомиться с содержанием прокламаций, раз'яснили ему в чем дело...

В городе 18 апреля прошло в общем спокойно. Только одну работницу из швейной мастерской, прочитавшую во всеуслышание подброшенную ей прокламацию, таскали было в полицию, но вскоре выпустили без всяких последствий. Кроме того, в одной типографии наборщики, проникшись, под влиянием прокламации, духом протеста, потребовали сокращения рабочего дня на один час. Хозяин поспешил уступить. Через несколько дней после 18 апреля среди обывательской публики, особенно в мелкобуржуазной среде, распространился слух о том, что на первое мая назначен «бунт» на Резницкой горе. Судя по некоторым данным, подобных же опасений были не чужды и сами представители власти.

Только слово — «бунт» в слухах, имевших своим первоисточником официальные сферы, было заменено словом «демонстрация». Однако, ни ожидания одних, ни опасения других не оправдались на деле. 1 мая прошло еще спокойнее, чем 18 апреля. Лишь в железнодорожных мастерских было разбросано до сотни прокламаций (общерусских, издание «Искры»), да десятка полтора первомайских номеров «Южного Рабочего». Как и первый раз, прокламации вызвали сильное оживление, но не повели ни к каким практическим результатам.

Справедливость требует отметить, что все это время власти вели себя довольно корректно: не было ни арестов, ни даже обысков. Правда, за последнее время у нас было и то, и другое но это не имеет уже прямого отношения к событиям первого мая.

P. S. Вот уже два месяца в местной тюрьме сидит некто Власов, отбывавший в Полтаве гласный надзор. Вся вина его состоит в хранении нескольких нелегальных брошюр. Убедившись, что сидению не предвидится конца, Власов стал требовать освобождения, угрожая в противном случае голодовкой. На заявления его, разумеется, не было обращено никакого внимания, и с 25-го Власов стал голодать. Трехдневная голодовка подействовала: Власов освобожден.

Кишинев. По поводу полученной из Петербурга прокламации группы студентов — членов землячеств высших учебных заведений, в Кишиневе состоялся ряд студенческих собраний, пришедших к нижеследующей резолюции. Кроме того, на-днях созвано было собрание из представителей местного общества в числе 146 человек. Вопросы, обсужденные на предыдущих собраниях, были рассмотрены и на этом собрании из представителей общества, которые присоединились к студенческому протесту и приняли ту же резолюцию, постановив придать ей самую широкую гласность (путем печати, письменной и устной передачи, созывом подобных собраний и т. д.).

Резолюция такова: «Мы, как студенты-граждане, выражаем свой протест и негодование против возмутительного поведения правительства, выразившегося в ограничении доступа евреев в высшие учебные заведения и в проведении (к тому же административным путем) целого ряда других мероприятий, как, например, подтверждение боголеповского циркуляра о прикреплении к округам, идущих совершенно в разрез с духом реформ, намеченных весной под напором студенческих и общественных волнений.

«Мы полагаем, что студенты и общество должны попрежнему оставаться активными и выставить следующие требования:

1. Отмены стеснений в выборе университета.
2. Возвращения уволенных и отданных в солдаты товарищей.
3. Свободного доступа в высшие учебные заведения всем, без различия религии, пола и национальности.
4. Свободного обсуждения реформ печатью и обществом».

Новые рогатки. Новый циркуляр г. Сипягина преподает местным властям «указания, коими надлежит руководствоваться при выдаче разрешений на устройство публичных представлений, концертов и других увеселений с благотворительной целью». Каких внутренних врагов имеет в виду этот новый циркуляр? Очень многих: и голодающих крестьян, в пользу которых очень часто устраиваются и должны были устраиваться в настоящем голодном году вечера и концерты; и нуждающуюся учащуюся молодежь, против которой особо направлены отдельные пункты циркуляра, запрещающие устраивать вечера в пользу студентов без разрешения их начальства, а студентам — быть устроителями вечеров; всякого рода неофициальные просветительные общества, которые добывают часть своих доходов вечеринками; и, наконец, революционные партии и организации помощи жертвам русского правительства, которые, несмотря на все меры шпионского надзора, ухитрялись кое-что получать с этих вечеринок и концертов. Новый циркуляр требует, чтобы прежде, чем дать разрешение на устройство представления, концерта, вечеринки или чтений, местные власти «удостоверялись в действительных целях, преследуемых оными», т. е. производили сыск о «благонадежности» устроителей.

Далее вводится полицейский контроль за продажей билетов, воспрещается развозить билеты и программы спектакля на дом, равно как раздавать их посторонним лицам для распродажи.

Далее, уплата расходов по спектаклю производится также под наблюдением назначенного губернатором лица, которое представляет властям «оправдательные документы на все расходы по устройству вечера».

Весь чистый доход вручается губернаторскому «наблюдателю», который передает эти деньги губернатору для вручения тому учреждению, в пользу которого разрешен вечер.

Особый пункт воспрещает произнесение на вечерах речей, а равно устройство денежных сборов.

Жизнь, конечно, не преминет обойти все эти новые рогатки, и, в частности, сочувствующая русской революции публика найдет возможность пополнять и при новых порядках кассы наших организаций. Новый циркуляр характерен, как показатель всей безграничной наглости наших правителей. Назойливая полицейская опека залезает во все углы обывательской жизни, ломая все на своем пути. Невинные вечеринки и представления отдаются под надзор разных «наблюдателей», шпионские способности которых должны изощряться именно в деле контроля благотворительных сборов. Вот в разного рода акционерные предприятия попечительное начальство не пытается лезть с усиленным контролем. Там оно чрезвычайно «либерально», туда оно вмешивается только тогда, когда явно запахло уголовщиной, да и вмешивается часто затем только, чтобы затушевать скандальные злоупотребления. А мирное дело обывательской благотворительности оно норовит совершенно парализовать своим «наблюдением».

Советуем русскому обывателю задуматься над очень серьезной задачей: при данной наглости правительства и данном смирении обывателей через сколько, примерно, лет мы дождемся распоряжения о том, чтобы всякий обыватель представлял все свои домашние счета на просмотр ближайшего постового городового?

Боимся, что это время не за горами.

В сибирской тюрьме. ...«Писать много в этот раз не буду, так еще не оправился от последствий жестокой пытки, которой был подвергнут смотрителем-палачом Ачинской уездной тюрьмы 25 июня. Пытка надо мной началась часов в 6 вечера после поверки, когда за мной пришел смотритель со старшим и подстаршим и тремя конвойными солдатами и приказал под ковоем итти в контору, где будто бы меня ожидал жандарм. Не итти под штыками было нельзя. Меня вывели на двор, и смотритель, обратившись к конвойным, сказал, указывая на меня: «это бунтовщик, политический, бунтует против государя императора», и с этими словами ударил меня по голове два раза. Я закричал: „Караул, меня бьют!“ На мой крик выбежал из камеры арестант, техник Петруш, и спросил: что такое? Бить меня больше тут не стали, а, разув и обыскав, повели в контору. Там смотритель, оставив конвойных и сказав им, что сейчас придет жандарм и будет меня сечь розгами, завел меня в посетительскую и, отослав лишних людей, оставил лишь одного надзирателя, прихвостня Бердина, затворил в посетительскую двери и сказал мне: «Как ты смел дерзнуть разговаривать с его превосходительством?» (накануне я делал заявление тюремному инспектору и прокурору по поводу условий и содержания и задержания меня в тюрьме), и с этими словами начал меня бить по левому виску и, ударив раз 6—7, ткнул пальцем в левый глаз и ударил еще раз по этому глазу, отчего он совсем закрылся, а я лишился чувств. В чувство меня привели холодной водой, которую лили на голову и в рот. Когда я пришел в себя, меня опять смотритель начал бить по голове и по лицу, рвать за волосы, за уши, за щеки, за губы до тех пор, пока я снова не лишился чувств. Так повторилось несколько раз. Я бы, наверно, был забит до смерти, что и твердил мне смотритель и даже выхватывал из ножен шашку, говоря, что срубит голову, но в то время пришел письмоводитель (это я узнал потом) и помешал злодейскому замыслу смотрителя. Меня еле живого привели в камеру, в которой наглухо забили окно, лишили воды, кипятку и прогулки и посадили на „парашу“. Когда меня терзали, душа надзирателя, который стоял в нашем отделении, возмутилась зверством пытки, и он донес о случившемся помощнику исправника, а смотрителю заявил, что он не желает больше служить, ибо не желает итти с ним на каторгу. Смотритель уговаривал его остаться, но тот отказался. На другой день был помощник исправника и видел меня избитого, и все арестанты видели меня избитого... Что будет дальше, не знаю. Теперь часто теряется сознание и кружится голова...».

Автор письма — ткач Никифор Махов. За стачку в Иваново-Вознесенске 1898 г. был выслан под надзор в Харьков. В декабре 1899 г. или январе 1900 г. был арестован по обвинению в организации харьковского социал-демократического ремесленного союза. До об'явления приговора (в феврале 1901 г.) просидел в тюрьме, после чего этапным порядком был отправлен на 3 года в Восточную Сибирь. Письмо было им написано частному лицу и попало в редакцию без его, Махова, ведома и согласия.

Редакция.

Приводим присланный нам обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

7 мая 1901 г. среди рабочих Обуховского сталелитейного завода морского ведомства, находящегося в с. Александровском Шлиссельбургского участка, города С.-Петербурга, возникли волнения: они стали собираться группами, а затем одна группа рабочих, в количестве 150 человек, войдя после обеденного перерыва во двор завода вызвала к себе заводское начальство и, пред'явив ему требование о принятии на работы обратно 26 человек, рассчитанных незадолго перед тем за прогул, стали домогаться, кроме того, еще увеличения заработной платы, установления восьмичасового рабочего дня и уничтожения ночных работ. Сопровождая означенные требования дерзкими выходками, рабочие вслед засим дали самовольно тревожный гудок об окончании работ и, вбежав с криком в мастерские, путем угроз заставили прекратить работу тех сотоварищей своих, которые продолжали работать. Шум и бесчинства, произведенные внутри заводского двора, скоро привлекли к воротам завода множество посторонних лиц, из коих некоторые, несомненно, явились с целью участвовать в задуманных беспорядках, так как они всячески пытались проникнуть во двор завода, куда их, по распоряжению начальства, не допускали. — В это самое время в толпе появился кронштадтский мещанин Александр Михайлов Ковальский и, будучи удержан сторожем Алексеем Курниковым, поставленным для охранения калитки у запертых входных ворот завода, набросился на упомянутого Курникова, сбил его с ног и нанес Курникову девять ран в голову, шею и спину, после чего он задержан был околоточным надзирателем Лесневичем. Вскоре после этого толпа рабочих в несколько тысяч человек, окончательно прекратив работу, с криком ура, гиканьем и свистом вышла со двора Обуховского завода на Шлиссельбургский проспект, производя беспорядок и шум. Тем временем исправлявший должность начальника завода подполковник Иванов дал знать о происшедшем, по телефону, в местный полицейский участок, откуда сообщено было о беспорядке полицмейстеру 3-го отделения города С.-Петербурга полковнику Палибину. В виду этого названный полицмейстер тотчас же прибыл на место происшествия в сопровождении эскадрона жандармов, 52 пеших и 19 конных городовых и застал на Шлиссельбургском проспекте следующее положение: в отношении прибывших еще ранее чинов местной полиции толпа вела себя крайне вызывающим образом и осыпала их бранью и насмешками, видимо, стараясь вызвать столкновение. Заметив, что прибывший на место околоточный надзиратель Костюшко-Валюжинич обращает особое внимание на одного из наиболее шумевших рабочих, несколько человек последних накинулись на Валюжинича с криком: «ребята, наших хотят брать, не давайте», а вслед засим кто-то из означенных лиц ударом по затылку сбил с ног Валюжинича, а другие рабочие сорвали с него шашку, сломали ножны об его голову и камнем выбили у Валюжинича два зуба. После того полицмейстер Палибин, нарядив конные и пешие патрули, сделал распоряжение о предложении скопившемуся народу разойтись и очистить проспект, но большинство рабочих, переходя с ме-

Из Якутска. (К положению ссыльных в Сибири). Нам сообщено для огласки письмо к товарищу одного из якутских ссыльных, из которого приводим кое-какие выдержки.

...«Поверишь ли ты, что со мной тут проделали! Слушай, и пусть это будет в назидание всем ссыльным. То свидетельство о болезни, согласно которому я выехал из Верхоянска (в Якутск), было выдано мне фельдшерицей (врача здесь нет), женою одного из ссыльных, которая находилась в постоянных острых отношениях с якутскими медицинскими властями из-за неисправности в высылке медицинских средств. Вследствие этого, когда в середине апреля я был здесь (в Якутске) освидетельствован комиссией, то эта последняя, как раз в противоположность указанному свидетельству, дала заключение, что „я совершенно здоров!". Этот отзыв, конечно, отнял у меня всякий повод для ходатайства о переводе (т. е. оставлении в Якутске) и привел в смущение даже лиц из администрации. Тогда же я подал губернатору заявление, что отзыв комиссии, будто я „совершенно здоров", не только сам по себе невероятен, но и невероятность его подтверждают также все свидетельствовавшие меня в России (и при деле есть бумага — в департаменте полиции, вероятно) и даже здесь летом прошлого года, почему и просил поместить меня на испытание в гражданскую больницу. Пока это заявление рассматривалось (полторы недели!), наступила распутица, и отправили меня обратно в Верхоянск (что было уже решено) стало до лета невозможно. На прошение я ответа не получил, но полиция поместила меня в городскую больницу, и, как я узнал, это сделано было не для проверки указанного отзыва комиссии, а для того, чтобы «удостовериться, нормален ли я психически», что, будто бы, по заявлению верхоянского исправника, подлежит сомнению. В больнице меня поместили в общие палаты (заведует больницей врач, входивший в состав комиссии), а не в психиатрическое отделение. (Значит, люди сами не верили в мою „ненормальность"; но это был лишь предлог не выпускать меня на волю, что подтверждается также и тем, что я был предупрежден о „полном подчинении больничному режиму"). Сначала недели три я лежал в отделении для нервно-больных; затем, оставив свободной эту палату, меня в числе бывших со мною перевели в другую, где в небольшом помещении скопилось более 10 человек. Отчаянная духота и вечный кашель больных не давали мне покою, и я все время страдал бессоницей. Несколько раз обращался я к врачу с просьбой перевести либо в прежнее отделение, либо в другое, где более спокойно. Врач отказывал и предлагал, если хочу, психиатрическое отделение (!). Но туда я итти не хотел, так как, помимо всего прочего, знал от сидевших там, что отделение это почти не посещается ни врачами ни фельдшерами. Не видя другого исхода, кроме вмешательства извне, я отказался от приема пищи и лекарств и так провел четверо суток. Наконец, 26 мая, перед приездом генерал-губернатора, от меня уже потребовали перейти в психиатрическое отделение, при чем не скрыли, что будут держать меня там на запоре. Увидя в этом уже подвох, т. е. желание скрыть меня на время пребывания здесь генерал-губернатора и не дать возможности жаловаться, я категорически отказался перейти. Врач, как я потом узнал из частных слухов, не считал меня ненормальным, не находил возможным употребить надо мной насилия. Однако, несмотря на это, без предупреждения меня, в палату нагнали целую свору городовых и квартальный, бывший во главе их, потребовал „добровольно" перейти в психиатрическое отделение. Я заявил ему, что, пока я не выписан из больницы, с полицией дела по этому поводу не имею и требовал для об'яснения врача. Но тот предпочел не явиться. Видя такую наглость, я решил запечатлеть ее сопротивлением, чтобы придать дело огласке и об'явил, что добровольно не пойду. Тогда на меня, обессиленного четырехсуточным голодом, в присутствии больных, в палате накинулась вся свора городовых... скоро, конечно, я был связан и доставлен, куда требовалось. В психиатрическом отделении меня не только заперли, но забили даже окно и лишили табаку, книг и свиданий. Отказано было и в выдаче письменных принадлежностей для написания деловых бумаг на имя прибывшего генерал-губернатора: — прямо азиатский клоповник! Так просидел я неделю, а генерал-губернатор при посещении больницы в психиатрическое отделение не зашел. Потом мне открыли окно и разрешили табак и книги, но свиданий не давали, письменных принадлежностей тоже и из-под запора не выпускали даже для прогулки. В заключение врач больницы отказался лечить меня, говоря, что признает меня здоровым. Потом стал давать только ванны (через день) и валерьянку (!). Но развинченный окончательно организм мой, наконец, не выдержал, и со мной случился припадок сердцебиения, — не знаю прямо, как жив остался; это было 20 июня ночью; врач и фельдшер кое-как отхо-

---

ста на место, явно не желало подчиниться этому требованию, заявляя, что они, рабочие, у себя дома и уходить не намерены. По адресу же патрульных раздавались площадные ругательства и крики, что ни полиция ни солдаты ничего не значат. Отдельные рабочие и мелкие партии их в несколько человек, обходя толпу и обгоняя патрульников, громко уговаривали народ не расходиться и не поддаваться увещаниям полиции и возбуждали толпу словами: «Что же, братцы неужели мы не постоим за своих, возьмемся же за дело, не робейте, наша возьмет». При этом некоторые из шумевших высказывали, что толпа за них заступится в случае попытки полиции кого-нибудь задержать, а другие брали в руки камни, размахивали палками и старались задеть патрульных крича: «Вот, как соберутся наши рабочие, так мы вам покажем наши порядки». Торговые заведения вдоль Шлиссельбургского проспекта были закрыты из опасения разгрома, но некоторые рабочие пытались воспрепятствовать этому распоряжению, требуя с криком и угрозами открытия пивной, чайной и казенной винной лавок. В это самое время содержателю чайного заведения Малафею Соловьеву бутылкою нанесен был удар по лицу, а одного из рабочих, не желавшего примкнуть к прочим, толпа преследовала с криком: «если ты мастеровой, то и должен быть настоящим мастеровым» и, ломясь в его дом, куда он успел скрыться, требовала от домохозяина его выдачи. Около 6 часов вечера окончились работы на соседней с Обуховским заводом карточной фабрике, а также на Александровском казенном заводе, после чего толпа на проспекте увеличилась еще несколькими тысячами вышедших оттуда рабочих. Постепенно большинство производивших беспорядки скопилось у находящегося на проспекте шлагбаума, ограждающего переезд под'ездной железной дороги через Шлиссельбургский проспект. Такого рода скоплением народа окончательно было прекращено всякое уличное движение и остановлен проезд конных патрулей, которым толпа опускала на головы брусья шлагбаума; подошедший же вагон конно-железной дороги с прибывшими на нем чинами полиции был осыпан градом заранее заготовленных камней. Для освобождения проезда был командирован штабс-капитан полицейского резерва Стахович, но толпа встретила его криком: «нам нужна свобода» и требованием открыть винную лавку, а сопровождавший Стаховича городовой Янутов брошенною бутылкою сбит был с ног, после чего ему нанесен ряд ударов, самому же Стаховичу с большими усилиями удалось вырваться из рук рабочих, пытавшихся втащить его в середину толпы, вооружившейся булыжниками и градом камней, оттеснившей наряд полиции. Извещенный о происшедшем у шлагбаума полицмейстер Палибин приказал тогда конным жандармам силой разогнать толпу, очистить проезд и восстановить движение по проспекту. Под натиском жандармов, обнаживших шашки, толпа действительно освободила временно проезд и даже рассеялась по соседним дворам, но затем из-за заборов и из окон домов с обеих сторон проспекта чины полиции и жандармы были буквально осыпаны градом заранее приготовленных камней; большинство же бесчинствовавших засело во дворе карточной фабрики, заперев и забаррикадировав изнутри все ворота и выходы, и стала бросать камни и кирпичи оттуда. При таких условиях жандармы и конная стража принуждены были отступить, т. к. сыпавшиеся со всех сторон булыжники пугали лошадей. Захватив имевшихся налицо

дили меня. 23-го меня повезли в Областное Правление и тут, в присутствии врачей и чиновника (даже прокурора!), проверили отзыв больничного врача о моей психической нормальности и отсюда уже отвезли прямо в тюрьму. Значит, признали меня во всех отношениях здоровым и решили отправить обратно уже через тюрьму! Возможности подобного случая я поверил бы, если бы он имел место в Персии или Турции только! Вот, брат, какие тут гнусные, вопиющие вещи возможны! Сижу в тюрьме, но мне ничего не об'явлено, сказано только в препроводительной бумаге, чтобы „содержать впредь до отправления в Верхоянск". Повезут ли меня теперь, летом, что очень возможно, раз возможны и не такие еще вещи, или буду сидеть здесь до самого пути (с ноября), — мне неизвестно. Путь по болотам и тайге верхом отчаянный: даже здоровых, обыкновенно в это время (летом) не отправляют, и меня в прошлое лето не отправили, найдя по освидетельствовании неспособным к этому пути

«На-днях об'явили, что меня отправят в Булум: уже сами не знают, куда меня деть».

Самара. Поиски террористического общества. Еще в марте месяце, тотчас же после выстрела Лаговского, служившего статистиком в земской управе, жандармерия пришла в необычайное движение. И не мудрено: всю зиму прокуратура получала доносы на местную интеллигентную публику, а тут вдруг Лаговский. Из Питера полетели одна за другой шифрованные телеграммы с требованием во что бы то ни стало открыть сообщников Лаговского, и вот местный жандармский ротмистр Битепаж всей своей грузной и глупой фигурой двинулся в поход на обывателей, твердо надеясь докопаться до самых корней «революции» и получить обещанную награду—полковничий чин. Но увы! Охота до чинов у Битепажа велика, а глупость его и того больше! Произведя нападение, конечно, прежде всего на служащих в земстве и особенно на статистиков, Битепаж ворочался отовсюду с пустыми руками. Однако, энергия не покидала его, и обыски производились по нескольку раз в одной и той же квартире; инвентарь почти всех статистиков тщательно пересматривался и переписывался, но «крамолы» ни в чем ни оказывалось. Тем не менее несколько человек из земских служащих было все-таки арестовано (Михеев, Владимиров, Кудряков, Вершинин П. Кондратьев, Колманов). Для ареста достаточно было, напр., такого повода: у статистика Кондратьева найдены были те места из «Воскресения» Толстого, которые были запрещены русской цензурой; Битепажу показалось это такой революцией, что он немедленно арестовал Кондратьева. Но когда другие указали ему, что из такой овчинки шубы не сошьешь, а чин получить и мечтать нечего, то Битепаж пришел было совсем в отчаяние. Но тут его выручил какой-то шутник из шпионов, который подбросил ему в квартиру анонимную записку с сообщением, что в Самаре учреждено «анархически-революционное сообщество», во главе которого стоит Севрюк. Жандармское правление возликовало, и Битепаж, вместе с подлейшем из местных товарищей прокурора Микулиным, сделал новое нападение, надеясь на этот раз схватить «революцию» за «голову». Однако, и у «главы» самарской террористической организации компрометирующего найдена была только известная фотография, изображающая борьбу Финляндии с хищным орлом, вырывающим у нее «закон». Севрюка, разумеется, забрали. В то же время было взято еще несколько человек (Юдин, Акрамовский, бывший казанский семинарист). В Бугульминский уезд была снаряжена целая экспедиция для ловли все тех же злополучных статистиков, бывших на исследовании. Нечего и говорить, что в уезде было терроризовано не только темное крестьянское население (статистиков хватали на глазах целого схода в момент опроса крестьян), но даже помещики. Впрочем, большинство последних скорее радовалось произведенному жандармами набегу, так как рассчитывало, благодаря ему, освободиться от переоценки земель. Из арестованных в первую очередь вскоре был выпущен П. Кондратьев. Материал для обвинения оставшихся под арестом был крайне скуден и не давал слугам престола никакой надежды на повышение по службе. Сначала к арестованным торжественно пред'являлось обвинение в участии в террористической организации; когда же дело доходило до подтверждения такого обвинения, то в руках Битепажа не оказывалось никаких доказательств. Арестованные (почти все рецидивисты) очень часто отвечали на обвинения насмешками или же яростно нападали на зарвавшихся мерзавцев-следователей. Особенно обидными для жандармского мундира казались «дерзости» одного из сидящих (Акрамовского), когда он письменно обращался в жандармское управление с просьбой сообщить, как чувствует себя его собака, оставшаяся на воле,—

пеших городовых, полицмейстер Палибин трижды тщетно пытался подойти к воротам карточной фабрики, с целью их выломать; большинство сопровождавших его городовых получило ушибы, а сам он был сбит с ног ударами камней в голову, спину и ступню. Ободренная таким успехом, толпа вышла вновь на проспект и с криком: «Что теперь сделаете с нами! Если возьмете хоть одного, то мы с вами разделаемся», она стала надвигаться на отступающих к Обуховскому заводу чинов полиции, бросая в них камнями и смеясь над выстрелами в воздух, которые городовые принуждены были производить, а оттеснив полицию и жандармов в переулок, ведущий к заводу, толпа и этот переулок осыпала камнями. Тогда исправляющий должность начальника Обуховского завода подполковник Иванов, опасаясь нападения на самый завод, предложил полицмейстеру Палибину воспользоваться имевшеюся налицо и вооруженною оружьями морской воинской командой. Вытребовав по телефону еще эскадрон жандармов, две роты пехоты и отряд городовых, полицмейстар Палибин до их прибытия согласился на предложение подполковника Иванова и распорядился выставить прибывшую на место морскую команду из 20 матросов у входа в переулок и, открыв огонь вдоль проспекта, рассеять наседавшую толпу. Выстроившуюся под начальством боцмана Заставного команду толпа осыпала камнями; сам Заставный получил при этом удар булыжником в левую ногу, а у одного из нижних чинов перешиблено было ложе ружья, после чего в толпу дано несколько залпов боевыми зарядами: толпа рассеялась, и проспект был очищен. Вскоре подошли еще две роты Омского пехотного полка, эскадрон жандармов и 80 чел. городовых, а затем, по распоряжению полицмейстера, приступлено было к заарестованию лиц, скрывшихся в соседние дома, из которых были брошены камни. Несколько из означенных домов оказались запертыми так, что пришлось выламывать двери, при чем из-за заборов в солдат и полицию снова брошены были камни, и в это время, между прочим, ранен был конный городовой Николенко при следующих обстоятельствах: обратив внимание на то, что со двора дома 3/5 по Станционной улице бросают камни, означенный Николенко с другим городовым подошел к воротам и заметил, что калитку изнутри держат несколько человек, в виду чего ему пришлось открыть ее силою; когда Николенко входил во двор, то бывшие там разбежались, за исключением одного, впоследствии оказавшегося рабочим Обуховского завода, крестьянином Афанасием Красулиным, который стал отбиваться от городовых и ударил Николенко три раза ножом в бок, в левую руку и в спину. Выстрелами воинской команды оказался убитым рабочий Обуховского завода Павел Максимов и смертельно раненым рабочий Николай Евдокимов и Адриан Рожков; из остальных же раненых в толпе к врачебной помощи обратились 10 человек, получивших более или менее серьезные поранения ружейными пулями и сабельными ударами. Раны же, полученные при вышеуказанных обстоятельствах сторожем Алексеем Курниковым и городовым Николенко, отнесены были врачем к числу легких. Из числа должностных лиц при нападении толпы пострадали, независимо Курникова и Николенко, полицмейстер Палибин, у которого оказалась ушибленная рана на голове и контузия ступни; помощник пристава Войко, получивший сильный ушиб в живот, околоточный надзиратель Костюшко-Валюжинич, подпоручик Омского пехотного полка

единственное его «имущество», или же просил дать ему свидание с ней!

К маю месяцу начальник жандармского управления полковник Дьяков был переведен в Саратов, а его место в Самаре занял Клыков — плюгавый старикашка, известный своею шпионской деятельностью по Киеву и другим городам. Под руководством нового начальника Битепаж решил попытать счастья еще раз. На этот раз на помощь ему пришел доброволец шпион, — директор мужской гимназии Илья Редников. Еще в апреле этот царский лакей, присутствуя на заседании местного общества поощрения высшего образования, произнес речь, в которой потребовал, чтобы всех студентов, замеченных в участии в последних беспорядках, общество лишило пособий, стипендий и вообще всякой помощи. Надо отдать справедливость директору-шпиону: внося свое гнусное предложение, он понял смысл царской болтовни о «сердечном попечении» гораздо вернее, чем большинство наших либералов, считая в том числе и многих студентов. Но конечно, такое гнусное прислуживание нагайке и кнуту со стороны воспитателя юношества (кстати сказать, беспробудного пьяницы и отчаянного развратника, известного своими грязными похождениями всему городу) не должно остаться без ответа. Через несколько дней он получил письмо, в котором молодежь воздавала его лакейству должное. Письмо это Илья Редников тотчас же отправил в жандармское управление, и вот 30 мая предпринята была новая облава — на этот раз по преимуществу на молодежь. Экспедиция вышла довольно шумной для нашего тихого города: забрали больше 20 чел. студентов и гимназисток, совсем еще юных. Но добычи всетаки взято было немного. У одного студента взяли ответ Толстого синоду, первый номер «Рабочей Газеты» и еще несколько нелегальных бумаг, у других находили тоже некоторые нелегальные издания, но особенно обрадовала их неожиданная находка у юной девицы Хворостовой — письмо ее к сестре, в котором прямо сообщалось, что в Самаре организовано сообщество революционного свойства, при чем было указано несколько фамилий. Это дало повод сделать новый набег на управу: были обысканы оценочностатистическое отделение и дорожное, при чем у запертых столов бесцеремонно сламывались замки. Нелегального не было найдено ничего, но тем не менее, в тюрьму были засажены еще новые лица: А. Шлихтер, Ивлиев, Португалов, К. Медынцев, Т. Семенов (привезен из Смоленска), Веденяник, Рейсс, Ровашев, Рейтлингер и другие и гимназистка Н. Николаева. Но и на этот раз ликование Битепажа было преждевременное: несмотря на указания в письме, материала для «созданий» революционной организации было очень мало. Многим из арестованных не стоило ни малейшего труда доказать усердному царскому слуге, что его действия на основании наивного и явно нелепого письма девочки могут вызвать один только смех. Особенно комично было поведение жандармерии по отношению к Семенову, которому приписывалось руководительство самарской организацией в то время, когда он уже несколько месяцев как выехал из Самары. Один из арестованных студентов (Ивлиев) оказался больным в последних градусах чахотки, и, несмотря на это, его держали довольно долго; выпустили только тогда, когда он окончательно слег и по городу стали циркулировать слухи, что держат в тюрьме умирающего. Большую часть пленников продержали до середины июля; к этому времени остались студент Веденяник и две девицы-гимназистки—Хворостова и Николаева. Из взятых раньше сидит только статистик Кудряков, так как, говорят, его паспорт был найден у Лаговского. Наднях была арестована петербургская курсистка Лебедева по приказу из Петербурга.

Демонстрация в Кишиневе. 11 сентября из Кишинева высылали в Вятскую губ. на три года по делу последних студенческих беспорядков бывшего одесского студента Домбровского. По этому случаю были заранее разбросаны прокламации, приглашавшие публику на демонстрацию. На вокзале собралось провожать высылаемого чел. 60—80. Когда товарищи стали прощаться с уезжавшим, жандармы начали выхватывать из толпы и арестовывать по одному человеку. Толпа заволновалась. Раздались приветствия высылаемому: «Прощай, товарищ, жертва произвола русского самодержавия!» В ответ на это жандармы снова схватили одного человека и потащили его в жандармскую комнату, где вместе с багажными стали его избивать. По отходе поезда толпа заявила, что не уйдет с вокзала, пока не освободят арестованного товарища. Жандармы обнажили шашки и при помощи вооружившихся палками багажных стали бить безоружную толпу. Одну женщину ударили по голове, один получил удар по лбу и щеке; кровь с него лилась ручьями. Одному рабочему шашкой рассекли руку. Все это возмутило по-

---

Кинареев, помощник прист. Старцев и свыше 15 городовых, получившие более или менее значительные ушибы и ссадины.

На возникшем по сему поводу предварительном следствии, кроме поименованных Александра Ковальского и Афанасия Красулина, нанесших при вышеописанных условиях раны Курникову и Николенко, установлено участие еще 35 человек. По удостоверению чинов местной полиции, в числе лиц, шедших впереди толпы со двора карточной фабрики и камнями оттеснявших полицию в переулок к заводу, находились рабочие Обуховского завода: Александр Калинин, Михаил Пошехонов, Захар Анисимов, он же Андреев, Павел Константинов, Дмитрий Кокушкин, Дмитрий Ситников, Дмитрий Саженников, Михаил Федоров, Иван Николаев, он же Иванов. и Дмитрий Вересов; рабочие Александровского завода: Ефим Дахин, Николай Чирков, Евдоким Трушин и Виталий Соколов; рабочий Путиловского завода: Константин Медянцев, бывшие рабочие Обуховского завода, рассчитанные перед беспорядками за прогул ими 1 мая: Дмитрий Петров, Григорий Емельянов и Константин Стефин, а также лица, не имеющие определенных занятий: дворянин Анатолий Гаврилов, крестьяне Александр Александров, Александр Даувальтер, Александр Щербаков, Александр Тарасов, Александр Богданов, Андрей Чирков, Семен Машистов, Михаил Кирилов и Иван Соловьев, он же Яблочкин; из них Медянцев и Соловьев, он же Яблочкин, по словам очевидцев Дмитрия Иванова, Анатолия Федорова и Малафея Соловьева, участвовали помимо того и в нападении на винную и чайную лавки. Кроме этих лиц, по показанию дворников карточной фабрики Андрея Гаврилова и Павла Петрова, во время беспорядков работницы означенной фабрики Марфа Яковлева и Лидия Бурчевская выбирали из мостовой булыжники и в подолах платья подавали их бросавшим в чинов полиции лицам, при чем Яковлева говорила: «мы стоим за братьев» Означенная Яковлева, по удостоверению заведующего домами карточной фабрики Петерса, известна ему как соучастница каких-то тайных сборищ. Далее, по словам ночного караульщика Беньковского и сторожа Александровского завода Матеюнаса, лицом, ранившим полицмейстера Палибина, был не имеющи' определенных занятий крестьянин Василий Моисеев Багров; после беспорядков означенный Багров сам хвастался, что он не бездействовал, бросая в полицию камни; одним из них попал в лошадь какого-то полицейского, а другим в полковника с длинною черною бородой, так что тот упал и шапка свалилась с его головы; товарищ же его, Багрова, попал булыжником городовому в голову. Независимо изложенного, в толпе у шлагбаума замечены были приказчиком мясной лавки Иваном Голубевым рабочий Обуховского завода Александр Зайцев, бросавший с яростью в полицию камни и уволенный с завода Тимофей Завалишин, который бросил булыжником в жандармского офицера, но промахнулся и попал лишь в его лошадь. Еще ранее, нежели толпа начала бросать в полицию камни, городовой Степаненко, между прочим, обратил внимание на рабочего Обуховского завода Николая Васильева Семенова, который, расхаживая с булыжником в руках, в разных местах возбуждал толпу против полиции словами: «Братцы, не поддавайтесь, нам ничего не значит полиция». Во время беспорядков, по показанию городовых Николая Пархимовича, Ивана Кржеминского, Парфена Кузнецова, Иосифа Сташкевича, Але-

стороннюю публику, бывшую на вокзале, которая стала требовать, чтобы ее записали свидетелем того, что жандармы били ни в чем неповинных людей. Публика силой ворвалась в жандармскую комнату, где находились арестованные, и была переписана в качестве свидетелей. Затем, забрав с собой арестованных, толпа двинулась в город к квартире губернатора, чтобы заявить протест. На улице к толпе присоединилось много рабочих. Дойдя до нескольких сот человек, толпа подошла к квартире редактора «Бессарабца», известного негодяя и антисемита, где перебила стекла при криках: «долой Крушевана»[6]. Затем толпа подошла к дому губернатора и стала его требовать, но он не вышел. Когда появился отряд конной и пешей полиции, толпа рассеялась.

На третий день после этого начались аресты и обыски у лиц, записанных на вокзале. Говорили, будто администрация хотела замять дело, но редактор «Бессарабца» подал донос в Спб, вследствие чего и начались аресты. В ночь арестов по городу распространены листки (ном. 3) «Группы об'единенного протеста», несмотря на то, что вся полиция была настороже. В боковых улицах останавливали и обыскивали прохожих. На вопрос: «чего ищете?» полиция отвечала: «бумаги разбрасываете». Для разбора дела назначен товарищ прокурора Шелухин, известный юдофоб и близкий друг Крушевана и сотрудник его в «Бессарабце». Он-то будет вести следствие о демонстрации против Крушевана!

В заключение — интересный эпизод из области добровольного сыска. Есть здесь благотворительное общество «Бессарабец», в котором действует тот же Крушеван. Секретарем общества служил некто Каминский, арестованный за демонстрацию. На второй день после его ареста, во время заседания благотворительного общества, с вокзала зовут по телефону Каминского. Один из членов благотворительного общества, г. Щербан, отвечает, что он—Каминский. Говорившая, однако, зная голос Каминского, не поверила. Тогда другой член, г. Пронин, отвечает по телефону, что завтра в 4 часа Каминский будет здесь. Засим гг. благотворители дают знать об этом в жандармское управление, и на завтра к 4 часам в квартире благотворительного общества засел пристав с городовым. Однако, никто не пришел, и полиция осталась с носом.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
И
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Нижний-Новгород. 12 августа распространена прокламация между служащими на трамвае, приглашающая их к стачке. В числе 18 выставленных в прокламации и принятых рабочими требований отметим требование 11-е («чтобы было уничтожено запрещение курить, разговаривать и здороваться со знакомыми») и 14-е («чтобы обращались вежливо, на „вы“. Остальные требования касаются рабочего дня, заработной платы, праздничного отдыха, штрафов и т. п. 16 августа рабочие пред'явили эти требования директору. Последний, вместо об'яснений, вызвал по телефону жандармов. Жандармский полковник грозил рабочим высылкой, арестом, обещал даже «высечь». Четверо зачинщиков было тотчас же рассчитано и «порядок водворен» — только на долго ли? В течение лета агитация велась еще среди типографских рабочих (выпущены две прокламации). «Письмо товарища к нижегородским ремесленникам», изданное 17 мая, приглашающее многочисленных нижегородских ремесленных рабочих к борьбе с хозяевами, ходит по мастерским до сих пор, вызывая много разговоров.

Орехово-Зуево. Нам пишут: «В виду того, что за последнее время „Искра“ широко распространяется в Орехово-Зуеве и нам нет возможности предупредить всех товарищей словесно, мы просим напечатать, чтобы остерегались следующих лиц: М. Агапов (подмастерье), небольшого роста, рябой, толстые губы, на лице несколько поросших бородавок, говорит скороговоркой и при разговорах слюнявится, лет 35, русый, — старообрядческий миссионер, служит у жандармов, имеет часто собеседования в Орехове с православным миссионером Николаевым; И. С. Сапов, служит в хозяйской харчевой лавке в мясном отделе сторожем при дверях, черный, взгляд свирепый, проницательный, говорит басом, отрывисто, рост средний; В. П. Мазурин постоянно ораторствует в отхожем месте на фабрике о социализме и притеснениях; что выведает,

---

ксея Припатчева и Антона Мѣтелицы, а также штабс-капитана Владимира Страховича и агента сыскной полиции Константина Швейковского, из толпы, а равно из окон дома у шлагбаума и дворов карточной фабрики раздавались револьверные выстрелы. По удостоверению же полицейских чинов села Александровского, в толпе особенно выделялись своей деятельностью рабочие Обуховского завода: Анатолий Ермаков и упомянутый выше Ефрем Дахин, Анатолий Гаврилов, Иван Соловьев, он же Яблочкин, Константин Медянцев, Константин Стефан, Григорий Емельян и Александр Александров; лица эти выбегали из толпы и звали ее за собой, подбодряя ее личным примером и подстрекая к насильственным против чинов полиции действиям. Означенного Анатолия Ермакова видела в толпе у шлагбаума также и подручная казенной винной лавки Прасковья Михайлова: заметив ее, Ермаков крикнул: «Зачем закрыли казенки? Мы бы выпили для храбрости», а потом, обратясь к толпе он взмахнул руками и закричал: «бросать камни», после чего тотчас, как по сигналу, в полицейских из толпы посыпался настоящий град камней. У Ермакова, по словам Михайловой, в квартире хранились прокламации, и он и ранее часто высказывал, что добивается политической свободы и введения восьмичасового рабочего дня. 22 апреля же 1901 г. Ермаков ходил, с целью участия в демонстрации, на Невский проспект, захватив с собой красный флаг. Ефрем Дахин замечен был во все время беспорядков как лицо, принимавшее в них деятельное участие; по удостоверению городового Халдеева, Дахин находился в числе рабочих, избивших околоточного надзирателя Костюшко-Валюжинича, и он же, Дахин, по показанию околоточного надзирателя Максимова и помощника пристава Войко ударил последнего железным прутом по спине в то время, когда Войко с чинами полиции, под натиском толпы, принужден был отступать к заводу. Из остальных поименованных выше обвиняемых Анатолий Гаврилов, по словам околоточного надзирателя Бродовского, подстрекал народ бросать камни в полицию и сам бросал таковые; обстоятельство это удостоверено и помощником пристава Келиным, в которого Гаврилов бросил камнем, но не попал. Точно также Гаврилова видел и мещанин Антон Барак бежавшим по Петровскому переулку и кричавшим толпе: «Что вы стоите и смотрите? беритесь за камни». У Гаврилова, по удостоверению сторожа Обуховского завода, Ивана Павлова, незадолго до 22 апреля 1901 года имелись воззвания, приглашавшие рабочих на означенное число на Невский проспект для какой-то манифестации; одну из этих прокламаций Гаврилов передал ему, Павлову, с просьбой бросить ее в мастерской, упоминая при этом, что 22 апреля он, Гаврилов, непременно пойдет на Невский проспект.

Все вышеуказанные данные послужили основанием для привлечения в качестве обвиняемых... (названных лиц)... Из числа этих лиц одна лишь Марфа Яковлева признала себя виновной, об'яснив, что она действовала из сочувствия к рабочим, так как полицейские, разгоняя толпившихся на улице, били ни в чем неповинных людей. Что же касается Александра Ковальского, то он признал себя виновным лишь в нанесении ран сторожу Курникову, об'яснив, что совершил это преступление в состоянии опьянения, под влиянием происшедшей с Курниковым ссоры, но никакого бесчинства он не производил и в беспорядках не участвовал.

тотчас же сообщает; роста ниже среднего, говорит в нос, тщедушный. Предупреждаем владимирцев-на-клязьме, что Дмитрий Никитин (см. ном. 6 „Искры") теперь уже служит урядником во Владимире. „Искра" у нас читается нарасхват, и сколько доставлено, вся находится в ходу. Благодаря ей, чувствуется сильный под'ем у рабочих. Особенно много толкуют по поводу статьи по крестьянскому вопросу в ном. 3, так что требуют доставить этот номер. А на частном собрании рабочие выразили желание, чтобы „Искра" напечатала еще несколько статей по этому вопросу.

«Много суждений по поводу столкновений рабочих с полицией и войском в Спб. Эти столкновения являются только началом общего такого движения, так что орехов-ские рабочие не заблуждаются, если говорят, что тут такое столкновение в будущем неизбежно, но что оно будет более жестоким и что итти против вооруженной силы с пустыми руками не следует, но „дубина и штык—одно и то же"».

Иваново-Вознесенск. В настоящее время у нас настало гонение на всех рабочих, которые, будучи прилично одетыми, выглядят не совсем глупыми. Каждый фабрикант приказал секретно своим заведующим, чтобы они принимали рабочих, только осмотрев их с головы до ног. И если который хорошо одет, то гнать его в шею с фабрики. Поневоле приходится одеваться в «котовскую» (босяцкую) одежду. Но если плохо принимают мужчин, то охотно раскрывают фабрику перед женщинами, и это понятно: женщина пока еще все терпит молча. В Богородске Захар Морозов отдает особое предпочтение рязанским, как более темным.

Надзор над рабочими усиливается. На одной фабрике недавно у входа сторожем обыскан пришедший в казарму рабочий, желавший собрать кое-какие сведения. По какому это праву? Ивановский городской голова Дербенев на своей фабрике изнуряет рабочих сверхурочными работами, длящимися иногда всю ночь. На фабрике Бурылина практикуется в широких размерах обсчитывание рабочих при выдаче заработка.

Богородск. Глуховская мануфактура в Богородске, занимающая 13.000 рабочих и являющаяся одним из самых крупных промышленных заведений в России, слывет в официальном мире «благоустроенной» мануфактурой, образцом похвальной хозяйской заботливости о рабочих. Корреспонденция в ном. 8 познакомила читателя с одной стороной действительной жизни городских рабочих, — с квартирными условиями. Здесь мы расскажем, руководствуясь присланным нам от местных товарищей сообщением, об условиях труда в Глуховской мануфактуре.

Санитарные условия безобразны, особенно в красильной мастерской, где и работа небезопасна вследствие неряшливой постройки здания и недостаточного ремонта: потолок начал проваливаться, доски пола не прибиты гвоздями и не отстроганы; щели между досками по вершку (сделано нарочно для стока краски). Благодаря этому стоку, из-под пола идут удушливые испарения; вентиляция недостаточна; на стенах и потолке плесень. «Всюду стоит пыль непроходимая», — пишет корреспондент.

Все это не где-нибудь в глуши, а в нескольких десятках верст от Москвы, в Московской губернии, интересы которой правительство близко принимает к сердцу, держа ее на положении «усиленной охраны». Как видно, «охраняя» губернию, да еще усиленно, позабыли об охране жизни и здоровья рабочих.

Работают на Глуховской мануфактуре тремя сменами, так что каждый рабочий работает один день 12 час., а следующий — 6 часов. Заработок ткачей равен 14—18 руб. в месяц, при сильных штрафах, гнилой основе и утке (благодаря чему, как пишет наш корреспендент, зубы рабочего начинают гнить через месяц). Заработок других рабочих не поднимается выше 28—30 руб. (накатчики). Красильщики получают 45—55 коп. в день.

В зимнее время (с 1 октября) заработок ткачей сокращается до 12—14 руб., благодаря тому, что идет самый скверный хлопок (коканский). «В это время частые штрафы, доходящие до 2 руб.». Также часты расчеты до срока найма и всякие прижимки. «За опоздание на 5 минут штрафуют до 20 коп., а сами машину пускают на полчаса раньше и останавливают минут на 20 позднее».

Но если миллионер Захар Морозов не стесняется прибегать к воровским приемам выжимания прибыли из рабочих, то он же и обращается с рабочими, как с крепостными. «У нас хозяин страшно любит стегать плеткой и до сих пор не бросает своего варварского обычая». Боимся, что при такой «страшной любви» г. Захар Морозов не бросит своего «обычая» прежде, чем его самого не отстегают рабочие, и, признаться, удивляемся, как это до сих пор по-

---

Все остальные обвиняемые виновными себя не признали, пояснив, что в буйстве они никакого участия не принимали и на чинов полиции не нападали, при чем некоторые из них сослались на то, что во время бесчинства они находились неотлучно у себя на квартирах, но об'явления эти на предварительном следствии не нашли себе достаточного подтверждения.

Из имеющихся в деле сведений видно, что из числа обвиняемых ранее сего понесли наказание за нарушение общественной тишины: Александр Тарасов 6 раз, Константин Медянцев 3 раза, Дмитрий Вересов и Александр Щербаков по два раза каждый, Константин Стефан, Николай Семенов, Иван Николаев, он же Иванов, Михаил Федоров и Александр Богданов по одному разу; из них Щербакову за порочное поведение, распоряжением министерства внутренних дел, воспрещено было жительство в столицах и столичных губерниях по 11 августа 1902 г. Независимо сего обвинямый Анатолий Гаврилов ранее судился пять раз экипажным и военно-морским судами за неисправимо дурное поведение, промотание казенных вещей и оскорбление своего непосредственного начальства и отбывал наказание в дисциплинарном батальоне.

На основании всего вышеизложенного обвиняются: 1) крестьянин Анатолий Иванов Ермаков, 22 лет, мещанин Константин Иванов Стефан, 36 лет, крестьянин Иван Ильин Соловьев, он же Яблочкин, 24 лет, мещанин Ефрем Степанов Дахин, 30 лет, дворянин Анатолий Иванов Гаврилов, 32 лет, крестьяне Константин Иванов Медянцев, 18 лет, Василий Моисеев Багров, 28 лет, Григорий Емельянов, 28 лет, Александр Александров, 22 лет, мещанин Николай Васильев Семенов, 18 лет, крестьянин Александр Андреев Зайцев, 25 лет, мещанин Александр Савельев Калинин, 30 лет, мещанин Тимофей Степанов Завалишин, 29 лет, крестьяне Михаил Петров Пошехонов, 26 лет, Захар Анисимов, он же Андреев, 26 лет, мещанин Павел Александров Константинов, 27 лет, крестьяне Дмитрий Карпов Кокушкин, 19 лет, Дмитрий Михайлов Ситников, 26 лет, Дмитрий Васильев Саженников, 17 лет, мещане Михаил Дмитриев Федоров 18 лет, Иван Николаев, он же Иванов, 18 лет, крестьяне Дмитрий Никитин Вересов, 20 лет, Николай Иванов Черков, 21 года, Евдоким Григорьев Трушин, 18 лет, Виталий Ефремов Соколов, 25 лет, мещанин Дмитрий Игнатьев Петров, 29 лет, крестьяне Александр Александров Даувальтер, 20 лет, Александр Иванов Щербаков, 24 лет, Александр Степанов Тарасов, 23 лет, Александр Елисеев Богданов, 25 лет, Андрей Иванов Чирков, 17 лет, Семен Петров Машистов, 22 лет и Никитин Красулин, 35 лет, — в том, что 7 мая 1901 года в селе Александровском Шлиссельбургского участка г. С.-Петербурга, по предварительному между собою уговору, и совокупно с другими, следствием не обнаруженными лицами, они после произведенного на Обуховском сталелитейном заводе беспорядка, собравшись толпою на Шлиссельбургском проспекте, встретили явившихся для водворения спокойствия чинов полиции и воинской команды криками и бранью, и, оказав явное противодействие пред'явленному к ним требованию разойтись и прекратить буйство, а также сопротивление задержанию виновных в этих беспорядках, совокупными силами произвели открытое нападение на вооруженные отряды полиции и воинской команды, камнями оттеснили таковую в переулок к Обуховскому заводу, а затем произвели выстрелы и бросали в них булыжниками до тех пор, пока не были рассеяны залпами

следние не применили этого средства, которым в былое время иногда крепостные заставляли своего мучителя-помещика отказаться от предмета своей «страшной любви». 18 июня Морозов встретил четырех возвращающихся из города рабочих; из кармана у одного торчала «монополька». Рабочие направились в купальню. «Но тут налетел, как ястреб, сам опричник Морозов и давай стегать плеткой кого ни попало, говоря: „что же вы заставляете хозяина бегать за собой? Все деньги проживаете в городе, а не у меня“ а затем отправил их в сторожку. Итак, у г. Захара Морозова рабочие о б я з а н ы «проживать» все заработанное в его же лавках и за нарушение этой обязанности могут попасть под арест. Знает ли об этом фабричная инспекция? Или она дожидается, чтобы глуховские рабочие при случае разнесли морозовские лавки? Не будет удивительно, если такие «патриархальные» порядки приведут к такому же патриархальному результату, как это бывало уже во многих местах.

Продолжим, однако, описание кнутобойства г. Морозова. «Сам Морозов часто ходит в фабрике между станками с засунутой за голенищем плеткой и, если увидит, что ткач распускает рвань со шпули, то с остервенением наносит ему удар плеткой, штрафует и прогоняет с работы». Один ткач, которого Морозов в 1899 г. избил плеткой, «оказался не дурак и подал в суд. Дело ползало в трех судах, и, наконец, Морозов, тяжело вздыхая, сказал: „Я бы лучше слил себе золотого ткача, чем мне стоили эти суды“». Плети в ходу также среди десяти «об'ездчиков», содержимых Морозовым. Повидимому, беспорядки в Екатеринославе и в имении графа Рибопьера, вызванные неистовствами подобных «об'ездчиков», не заставили задуматься московских тузов, что такой способ «поддержания порядка» представляет оружие обоюдоострое.

В фабричной больнице «живая умора, а не поправка». Еще бы! Кормят больных щами из кислой капусты, да еще прокислыми!

О рабочих корреспондент пишет: «Они не пугливы, особенно молодежь, но беда в том, что всякий протестует в одиночку и требует расчета, которого ему иногда не выдают.

«Есть у нас библиотека. И, конечно, часто бывает желание прочесть что-нибудь поинтереснее. Отправится кто-нибудь этак за книжкой, смотриш, — тащит оттуда какую-нибудь сказку, и нельзя сказать, что он рад ей. Даже Достоевского нет, а о каких-либо Шелгуновых и Писаревых забудь и думать. Один из рабочих как-то спросил Дарвина, но на его вопрос только разинули рот. Преимущественно дают книжки, которые старательно отупляют мысли рабочего, и без того забитого, а книжки религиозно-нравственного содержания молодежь читать не будет, она точно чутьем слышит их отупляющее и вредное направление... Тайных библиотек пока нет, а потому нет никакой возможности удовлетворить проявляющееся стремление к знанию».

Т а м б о в. Стачка в тамбовских железнодорожных мастерских. 29 июля в кузнечном цехе было вывешено об'явление, в котором говорилось, что по примеру саратовских вагонных мастерских вводятся новые правила о штрафах*. 3 августа после обеденного гудка собрались рабочие в одном из отделений; стали раздаваться голоса: «пускай гудит гудок, а мы работать не пойдем». Эта маленькая кучка рабочих все увеличивалась, а через несколько минут те рабочие, которые начали было работать, вышли из своих отделений и двинулись на площадь двора. Старший мастер Мыльников приблизился к ним, стал упрашивать стать на работу и спрашивал, чем рабочие недовольны. Когда ему об'яснили, в чем дело, Мыльников стал доказывать, что об'явление о штрафах повешено для пользы рабочих: вы-де, господа, будете больше работать и меньше спать, а поэтому зарабатывать будете больше. На это некоторые рабочие отвечали ему, что не видят для себя пользы в новых правилах о штрафах: нас будут штрафовать и увольнять за то, что мы опоздали на 5 минут, — и это для нас польза! Пришел начальник мастерских Зубков; ему рабочие единодушно заявили, что не станут на работу, пока не будут отменены правила о штрафах. Тогда Зубков предложил рабочим выбрать несколько депутатов для переговоров с ним. Рабочие ответили ему, что выборных не пошлют, потому что их могут потом уволить или в тюрьму засадить. Зубков обещал, что с выборными ничего подобного не будет. После этого рабочие выбрали

* За четвертое опоздание делают выговор в конторе; за пятое штрафуют в размере половины денного заработка; за шестое увольняют. Таким образом, рабочий имеет право в течение всей своей жизни опоздать (хоть бы на одну минуту) три раза.

подоспевшей на место морской команды, при чем во время описанных выше беспорядков некоторым полицейским нижним чинам причинены были более или менее значительные повреждения, а поименованные обвиняемые Анатолий Ермаков, Ефрем Дахин, Анатолий Гаврилов, Иван Соловьев, он же Яблочкин, Константин Медянцев, Константин Стефан, Григорий Емельянов и Александр Александров действовали в качестве зачинщиков совершенного преступления. Означенное преступное деяние предусмотрено ст. 13 и 263 улож. о наказ. 2) мещанин Александр Михайлов Ковальский, 26 лет,—в том, что тогда же и там же, по уговору с другими лицами, явился на место преступления для участия в задуманном насильственном противодействии чинам полиции и воинской команды и, желая проникнуть на завод, куда его не пропускал сторож Алексей Курников, в намерении лишить последнего жизни, в состоянии запальчивости и раздражения, нанес ему ножом в голову, шею и спину 9 ран, но намерения своего выполнить не успел, будучи задержан подоспевшими чинами полиции. Преступления эти предусмотрены ст. 13, 266, 9 и 2 ч. ст. 1455 улож. о наказ. 3) Поименованный выше Афанасий Никитин Красулин обвиняется также и в том, что тогда же и там же, с целью лишить жизни пытавшегося арестовать его городового конно-полицейской стражи Матвея Николенко, нанес последнему ножом три удара в руку, спину и бок, но не достиг своей цели по независевшим от воли его обстоятельствам. Преступление это предусмотрено ст. 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ., и 4) крестьянки Марфа Яковлева Яковлева, 18 лет, Лидия Кириллова Бурчевская, 18 лет, обвиняются в том, что тогда же и там же по уговору с другими лицами и с целью оказать им содействие к совершению описанного выше нападения на полицейских и воинских чинов, они доставляли своим соучастникам булыжники, которые были затем брошены в полицейскую и воинскую команду. Преступление это предусмотрено 4 п. 13 и 263 ст. улож. о наказ.

А потому и на основании 201 ст. уст. угол. суд... (обвиняемые)... подлежат суду С.-Петербургской судебной палаты, с участием сословных представителей. Составлен июля 24 дня 1901 г. в городе С.-Петербурге. Подлинное подписал: товарищ прокурора С.-Петербургского окружного суда В. Ф. А р н о л ь д.

Свидетели:

1. Генерал-майор Геннадий Александрович Власьев, начальник Обуховского сталелитейного завода. 2. Подполковник Константин Власьевич Иванов, помощник начальника Обуховского завода. 3. Александр Степанович Демидов, заведующий мастерской Обуховского завода. 4. Полковник Владимир Петрович Палибин, полицмейстер 3 отделения. 5. Помощник пристава Шлиссельбургского участка Николай Иванович Келин. 6. Старший береговой боцман Георгий Павлов Заставной, Обуховский завод. 7. Матрос 19 флотского экипажа Иван Ерофеев Витущенко, Обуховский завод. 8. Полицейский надзиратель Шлиссельбургского участка Константин Михайлов Лесневич через начальство. 9. Алексей Васильев Курников, сторож Обуховского завода. 10. Петр Ефимов Дорохов, сторож Обуховского завода. 11. Василий Ильин Гаврилов, сторож Обуховского завода.

депутатов и затем все (на заводе около 2.000 чел.) разошлись. На следующий день рабочие пришли на завод, но не работали и собрались на дворе, и когда подошел Мыльников и стал звать на работу, то депутаты передали ему список требований, составленный ими отчасти самостоятельно, отчасти на основании заявлений других рабочих: 1. Отменить новые правила о штрафах. 2. Уволить мастера Дрюхова. 3. Внести в расчетные книжки празднование 19 февраля, Ильин день и день Питирима (местного святого). 4. Расценок должен назначаться не по произволу бригадира, а по соглашению его с рабочими бригады. 5. Бригада должна иметь право сама без вмещательства заводской администрации выбирать и увольнять бригадира. 6. Хорошее обращение с рабочими. Мыльников передал требования рабочих Зубкову. В этот день работы не было. 5-го и 6-го были праздники. 6-го арестованы 4 рабочих. Все — депутаты, которым Зубков гарантировал неприкосновенность. В ночь с 6-го на 7-ое жандармы разнесли нескольким десяткам рабочих записки с приглашением явиться 8-го в контору для получения расчета. Из них человек двадцать пошли 7-го жаловаться губернатору. Губернатор их не принял и им было сказано жаловаться, если хотят, письменно. Губернатор издал прокламацию (она была расклеена на заводе и вокзале), в которой грозил всех, кто не станет на работу 8-го августа, выслать на место приписки, а зачинщиков административным порядков в восточные губ. После этого стачка прекратилась.

10 августа местной группой распространена на заводе прокламация. 24-го были арестованы и на следующий день выпущены еще трое рабочих. Во время забастовки стал было уговаривать рабочих начальник железнодорожных жандармов Эрнст. Рабочие встретили его бранью и насмешками.

Саратов. Удаление нескольких «подозрительных» рабочих за участие в июньской стачке вызвало новую забастовку в железнодорожных мастерских. Недовольство рабочих усиливалось тем обстоятельством, что обещание восстановить расценки 1890 г. не было исполнено. 17 августа рабочие бросили работу. Между стачечниками и не желающими примкнуть цехами произошло столкновение. В числе пред'явленных рабочими требований интересно отметить требование устроить особую комнату для совещания депутатов (на выбор последних администрация согласилась в июне), дать рабочим свободно собираться для совещания с депутатами и установить часы для приема последних начальником. 18 августа мастерские **закрыты** по распоряжению начальства.

Во время массовой безработицы три тысячи рабочих выбрасываются на мостовую!

Одесса. 30 июля закончилась стачка портняжной мастерской Богатырского. Стачка продолжалась 10 дней, и в ней приняли участие все рабочие этой мастерской, вплоть до мальчиков включительно, всего около 25 человек. Рабочие добились весьма солидных улучшений (для данного времени): прибавили по 75 коп. на штуку платья тем, которые работают поштучно, и по 6 руб. в месяц работающим помесячно. За каждый прогульный не по вине рабочего день до сих пор рабочие ничего не получали; теперь же они добились того, что за каждый такой день будут получать по полтора рубля. Все рабочие других мастерских и также безработные отнеслись весьма сочувственно к борьбе своих товарищей и деятельно помогали им деньгами, а также и тем, что не допускали, чтобы работа стачечников попадала в другие мастерские. Кто хоть немного знаком с условиями работы портных, тот поймет, до чего должна была дойти эксплоатация труда, если рабочие решились устроить стачку во время мертвого сезона. И условия эти поистине были ужасны! За 14—15-часовой рабочий день взрослый рабочий получал 4—2 руб. в неделю. Выбор был не велик: либо работать, выбиваясь из сил и голодая, либо попробовать бороться за улучшение своего положения. «Ведь, рисковать нам нечем», говорили они. Рабочие выбрали второе. Богатырский — один из тех предпринимателей, которых в последнее время развелось не мало. Крупные магазины готового платья, не успевая выполнять все свои заказы, с давних пор сдавали часть своей работы мелким портным, для которых она являлась серьезным подспорьем. Предприниматели вроде Богатырского лишили мелких портных их запасной работы, забирая оптом всю лишнюю работу из крупных магазинов и производя ее в своих собственных мастерских. Крупным магазинам, конечно, удобнее иметь дело с одним хозяином, чем со многими отдельными портными. Эта у нас среди портных сравнительно новая форма эксплоатации является для нас страшным бичом. Во-первых, она ложится двойным гнетом на нас, работающих на таких посредников, и во-вторых, такие посредники являются запасным резервом для владельцев крупных магазинов в случае стачки в них рабочих. В среде портных наших — сравнительно еще мало сознательной — в последнее время все чаще раздаются голоса в пользу борьбы не с отдельными паразитами-посредниками, а с самой системой этой формы эксплоатации. Предлагают, напр., бойкотировать в сезонное время таких посредников, а пока бастуют и требуют улучшения своего положения. Стачка у Богатырского прошла мирно. Полиция против обыкновения не вмешивалась. Арестов во время стачки не было.

Не успели еще мы позабыть стачку, как наши «охранители» напомнили нам о своем подлом существовании. В ночь с 10-го на 11 августа произведены были у нас повальные аресты и обыски. Арестовано 35 чел., большею частью рабочих.

Тула. Перед 1 мая по городу ходили толки, что 1 мая будет бунт рабочих, что они убьют директора завода и проч. Когда к 18 апреля были в громадном количестве распространены прокламации (расклеены по домам, разбросаны, разосланы по почте и проч.) и публика увидела, что никакого бунта не будет, то встретила их с полным сочувствием. 1 мая несколько сот рабочих не работало. Директору была пред'явлена прокламация с требованиями. Обрадовавшись, что там нет ничего против его персоны, он обещал удовлетворить все местные требования. Характерно, что, когда рабочие одного цеха пред'явили ему свои частные требования, то он ответил: «Я не принимаю никаких требований от отдельных лиц: вот, соц.-демократический комитет выставил общие требования: что от меня зависит, то я выполню, а с отдельными лицами я не могу вступать в разговоры».

Полиция до того растерялась, что производила обыски в тех домах, на которых были наклеены воззвания.

Вильна. Июль прошел здесь довольно оживленно. Произошло несколько крупных стачек, как-то: маляров (до 500 чел., окончилось победой), 40 приказчиков в магазине Залкинда и, наконец, рабочих почти всех кожевенных заводов (свыше тысячи человек).

Приказчики в магазине Залкинда требовали закрытия магазина в 9½ часов вместо 11, устройства сидений для приказчиков, вынужденных стоять весь день, и т. п. Не желавший уступать хозяин заменил стачечников всей своей родней, в числе которой находился, между прочим, его сын, только что окончивший университет. Этот молодой человек, явясь для переговоров с представителем приказчиков, сказал ему: «Да я ведь знаю, что вы все организованы, я ведь сам социал-демократ (!), участвовал в разных обществах». И вот этот-то «социал-демократ» удерживал своего отца от уступок, он же доносил отцу на тех приказчиков, которые осмеливались в «рабочее» время пить чай и, повидимому, по его же настоянию, по окончании стачки (были удовлетворены все требования) был рассчитан упомянутый приказчик-депутат.

Скоро по окончании стачки один из главных приказчиков был вызван в жандармское управление. Расспросив о том, что происходило в магазине и об условиях труда, жандармский офицер признал, что эти условия прескверны, и советовал впредь обращаться к нему, когда приказчики будут чем-либо недовольны. Старик-приказ-

чик ответил на это, что он не знал, что для приказчиков роль фабричного инспектора играют жандармы. «Вот, вот, — подхватил офицер, — именно обращайтесь ко мне, как к фабричному инспектору. Я надеюсь, следовательно, что, если у вас опять зайдут разговоры о стачке и т. п., то вы предварительно придете поговорить со мной. Не так ли?» Приказчик наотрез отказался.

В июле на одном из заседаний думы было прочитано предложение губернатора уплатить 5½ тысяч за экстренные расходы по вызову в Вильну и содержание в течение двух месяцев казаков. Дума единогласно (без всякого протеста) выдала требуемую сумму.

12 августа в городе распространено (на еврейском яз.) воззвание по поводу бывших здесь арестов.

Уволен за... несчастный случай! Из Орехово-Зуева сообщают о несчастном случае с котлочистом, который был обварен паром во время своей работы. Когда рабочий несколько оправился и был в силах пойти в контору, то там ему вместо вознаграждения выдали на руки паспорт. Рабочий обратился к фабричному инспектору. «Но, как известно, наши фабричные инспектора в большинстве случаев большие прохвосты и лакеи капиталистов». Фабричный инспектор в ответ на жалобу рабочего стал сам ему жаловаться на Савву Морозова: «Вот смотрите, какое я занимаю помещение от хозяина; что я с ним могу поделать?» В заключение он дал рабочему совет поискать работы на другой фабрике.

Несчастный фабричный инспектор! Не может ли царское правительство похлопотать у Саввы Морозова, чтобы он не держал прикомандированных от министерства финансов лакеев в черном теле?

А г. фабричному инспектору предлагаем, если у него есть еще какие-нибудь претензии против Саввы Морозова, обратиться в «Искру» для их опубликования.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПИСЬМА ИЗ ФРАНЦИИ.

Письмо третье.

Прерываю свои беседы о социалистической партии во Франции, чтобы поговорить о событии, непосредственно нас касающемся: о приезде царя.

Было бы ребячеством отрицать, что царское самодержавие — но только оно, а отнюдь не Россия — выиграло от поездки царя по Европе. Франко-русский союз — самая выгодная комбинация, к которой царизм мог прибегнуть, чтобы продлить свое существование. Во Франции, классической стране «сбережений», денег много, а рынков и промышленной инициативы мало, — и вот французская мелкая буржуазия охотно несет свои денежки царю, платящему ей 4%, между тем как во Франции она может получить лишь $2^1/_2$—3%, тем более, что оппортунистские правители, за все время своего продолжительного господства бесстыдно спекулировавшие на страх мелкой буржуазии перед новым «нашествием» немцев, выставляют царя как спасителя и могущественного покровителя «отечества в опасности», а финансовые спекулянты, получающие огромные комиссионные проценты по русским займам, восхваляют неисчислимые богатства России, а русские ценности — как самое выгодное и самое безопасное «помещение».

Но царская дружба не давала никаких осязательных результатов, а французские сбережения между тем не переставали уплывать в бездонные кассы царского казначейства: за какие-нибудь 12—13 лет эти кассы поглотили свыше 8 миллиардов французских денег. С другой стороны, как во Франции ни держат в своих руках прессу правительство и финансисты, но то в ту, то в другую газету проникали время от времени глухие известия о хронических голодовках в России, о финансовых фокус-покусах Витте, о росте революционного пролетариата, — и даже меднолобый мелкий буржуа начинал задумываться и уже не так охотно покупал русские бумаги. Всем известно, что Витте, приезжавший сюда во время выставки с целью заключить заем, встретил довольно холодный прием. Правда, Делькассэ потом поскакал в Петербург и сам предложил 400 миллионов, но в общем нельзя было не видеть, что французскому мелкому буржуа начинает надоедать роль дойной коровы. И вот царскому правительству пришла гениальная идея: сблизиться с Германиею и заставить Францию проделать то же самое, посулив ей, вероятно, возможность останавливать в Африке разгоревшиеся аппетиты Англии. Я не хочу сейчас касаться того, какие международные грабежи будут результатом этой новой международной группировки, ни того, какое положительное или отрицательное влияние это может оказать на рост революционного самосознания вообще и русского в частности. Нам важно отметить пока, что по крайней мере в течение нескольких лет царь будет держать Францию в полном подчинении, под угрозой покинуть ее и окончательно сблизиться с Германией, так что Франция попрежнему будет давать деньги царю, да и Германия перестанет, вероятно, так скупиться, а этого ему только и надо.

Тем теснее должны мы сблизиться с французским революционным пролетариатом. С ним у нас общие интересы, общие идеалы, — и он может помочь нам наносить удары царизму даже на почве его международной политики. С этой точки зрения теперешняя поездка царя во Францию очень выгодно отличается для нас, социал-демократов, от его первой поездки в 1896 г. Тогда вся Франция принимала царя и раболепно преклонялась перед ним. Тогда — к чему скрывать? — ни один голос не раздался, который с негодованием и презрением отверг бы царя с его могуществом, дружбой, союзом и который открыто высказал бы свою солидарность с нами, смертельными врагами самодержавия. Тогда до известной степени можно было бы утверждать, что вся Франция соединяется с царем, потому что даже социалисты-революционеры заняли в этом вопросе нейтральную позицию, выжидая, чтобы действительность отрезвила народ, опьяненный царским могуществом и великодушием, о котором подкупленные правительством и финансистами газеты писали каждый день в течение долгих месяцев восторженные статьи. Чем об'яснить эту ошибку французских товарищей, ошибку, которую они теперь сами признают? Отчасти мы, русские социалисты, сами тому были виною. Мы слишком мало держали в известности наших французских товарищей о том, что творилось в России, они почти ничего не знали ни о преступлениях царского правительства, ни о нашей борьбе с ним; они думали, что потрясшие весь мир своим геройством «нигилисты» окончательно побеждены царизмом, сметены им с лица русской земли, и не имели почти никакого представления о том, что на смену «нигилистам» как раз в это время вставала новая партия, партия пролета-

риата, которая исполнит то, чего не в силах были исполнить «нигилисты». С другой стороны — это был как раз тот период развития французской социалистической партии, когда старые революционные организации позволяли уже и в то время обнаружившему свои оппортунистические тенденции Мильерану играть слишком видную роль в партии, выступать почти ее главным представителем (что, кстати сказать, и дало ему возможность пустить столь глубокие корни в партии и послужить впоследствии одной из главных причин ее раскола).

Как бы то ни было, но тогда официальная Франция могла утверждать, что царь был гостем и союзником всей французской нации. Теперь картина совсем другая. Как только было об'явлено, что царь должен приехать, весь организованный пролетариат, от самых умеренных представителей его до самых крайних, единодушно и в самых резких выражениях протестовал против того, что «палач русского народа, убийца русских рабочих и социалистов, наполняющий тюрьмы и далекую Сибирь борцами за свободу и социализм» и проч. и проч., «опозорит своим посещением французскую землю», и не менее единодушно, на этот раз в братских выражениях, заявлял о своей полной солидарности с русским пролетариатом и вообще со всеми, кто борется в России за свободу и социализм. «Petit Sou», орган «гедистов» и «бланкистов», ежедневно печатал множество резолюций, которые присылались рабочими организациями из всех углов Франции. Глубоко сожалею, что недостаток места не позволяет мне привести здесь два-три десятка этих резолюций. Но, чтобы дать вам хотя бы некоторое представление о них, приведу резолюцию, принятую «гедистами» на своем конгрессе в Рубе, происходившем как раз во время пребывания царя во Франции:

«В момент, когда буржуазная республика и министерство, именующее себя „министерством республиканской защиты", собираются вслед за Деруледами и Дрюмонами холопствовать перед царем, являющимся живым олицетворением кнута и Сибири,

«Французская Рабочая Партия, собравшись на своем 19-м национальном годичном конгрессе, приветствует русский пролетариат и русскую социал-демократию; об'-являет себя солидарной с ними в их геройской борьбе и вместе с ними перед лицом Николая Второго и последнего восклицает: Долой царизм!

«Французская Рабочая Партия клеймит перед лицом рабочих и социалистов всего мира республиканцев à la Вальдек-Руссо, радикалов à la Ланессан и Боден, социалистов à la Мильеран, которые, поддерживая своими приветствиями и нашими деньгами русский деспотизм, этот позор двадцатого века, эту главную опору европейской реакции, совершают измену по отношению не только к будущему, но и к настоящему человечества».

Среди единодушного хора всех социалистов — повторяю, всех, без исключения — одни лишь ближайшие приятели Мильерана, и в том числе Жорес, хранили гробовое молчание.

Но против посещения царя протестовали не только рабочие и социалисты, но и та более или менее социалистически настроенная интеллигенция, которая, под влиянием социально-политической эволюции последних лет, все более и более проникается сознанием, что ее спасение в единении с рабочим классом. Многие писатели, художники и ученые отказались поехать в Компьень на торжественное представление приветствовать царя.

Характер «альянса» (союза) таким образом вполне определился: это есть союз царя и его клевретов с французской буржуазией. Оба союзника вполне достойны друг друга. Устраивая друг другу тем более пышные приемы, что расходы покрываются на деньги обворовываемого народа, они только и думают, как бы друг друга перехитрить и обмануть. Увы! Кто бы ни перехитрил, расплачиваться придется все тому же народу...

Но чем яснее определился действительный характер альянса, тем больше презрения и негодования вызвало поведение Мильерана, который вместе со всей буржуазной кликой пресмыкался перед тираном. На этот раз от «гражданина-министра» отшатнулись даже все его неизменные защитники, за исключением, повторяю, некоторых его ближайших приятелей, в том числе и Жореса.

Нет никакого сомнения, что вопрос о поведении Мильерана в этом вопросе будет поднят в генеральном комитете партии, до сих пор не решавшейся порвать с мильеранистами и жоресистами, и это послужит одной из причин окончательного краха «новой методы». Об этом, впрочем, в другой раз.

[В. Даневич-Гуревич]

ГОЛЛАНДИЯ.

В июне происходили выборы в парламент. Они дали повод ко многим перебаллотировкам, и окончательные результаты их выяснились только в августе. Наши товарищи могут быть довольны этими результатами. Хотя избирательная реформа 1896 г. значительно увеличила число избирателей, но это увеличение ограничилось только мелкой буржуазией и наиболее сознательными слоями рабочего класса. Число избирателей в сельских округах увеличилось в несравненно большей степени, чем в городах. Так, напр., в таких крупных городах, как Амстердам и Роттердам, правом голоса пользуется от 6,5 до 7,5% населения, между тем как в сельских округах избиратели составляли 20% всего населения. Этим в значительной степени об'ясняется кажущийся неуспех социал-демократов в городах. К этому надо присоединить еще и те затруднения, с которыми приходится встречаться при назначении кандидатов. Для этого требуется 40 подписей. А так как подписываться приходится рабочим, то это влечет за собою для них целый ряд преследований со стороны предпринимателей. О той кампании клевет и лжи, которая направляется против социал-демократов при выборах, нечего и говорить: это обычное оружие в руках господствующих классов.

И все-таки, несмотря на эти затруднения, несмотря на выделение из либеральной партии группы свободомыслящих демократов, партии социальных реформ и «смягчения» классовой борьбы, наши товарищи одержали крупную победу. В 1897 г. они выставили кандидатов в 29 округах, в этом — в 54. Вместо 13.500 голосов, которые они получили в 1897 г., теперь подано за них 38.648. Особенно прочные корни пустила социал-демократия в провинциях Фрисландии, Гронингене, сев. и южн. Голландии и Оверисселе (наиболее густонаселенные провинции). В Фрисландии и Гронингене, центрах капиталистического земледелия и скотоводства, среди избирателей преобладают рыболовы, сельские рабочие и мелкие арендаторы, в сев. и южной Голландии и Оверисселе — промышленные рабочие (в первых двух—шлифовальщики алмазов, судостроительные рабочие, рабочие, приготовляющие паруса и снасти, в последней —

хлопчатобумажные). Больше всего депутатов социал-демократия получила в так наз. сельских провинциях. Только один депутат (Ван-Коль) выбран в крупном центре хлопчатобумажного производства (Эншеди). Два кандидата были выбраны в двух округах единовременно (Шапер и Ван-дер-Цвсаг). Зато Трульстра, один из главных организаторов партии, был побит. Надежда провести его в палату на дополнительных выборах в Веендоме, где уже был выбран Шапер, не оправдалась. Хотя он получил на 200 голосов больше, но все-таки не был выбран, так как против него соединились все буржуазные партии, в том числе и свободомыслящие демократы. Таким образом, социал-демократы получили бы только 6 мест, но на дополнительных выборах в Лохеме (тамошний депутат должен был сложить с себя полномочия, так как был назначен министром) прошел социал-демократ Гельсинген. Вместе с ним социал-демократы имеют в палате семь представителей (в прошлой — троих). Но эти успехи покажутся еще крупнее, если мы познакомимся с теми трудностями, которые молодой голландской социал-демократии приходилось преодолевать в своем развитии.

На первый взгляд, казалось бы, Голландия представляет самую благоприятную почву для развития социалистических идей. Резкая противоположность между богатством и бедностью, дух свободы, воспитанный столетиями борьбы за независимость, — все это должно было сделать голландских рабочих более восприимчивыми к социал-демократическим идеям. К тому же нигде, кроме Италии, капитализм не развился так рано, как в Голландии. В XVII и XVIII веках Голландия занимала первое место среди торговых и промышленных стран. Еще и теперь Голландия принадлежит к числу таких стран: в иностранные ценности она вложила капитал в 4 миллиарда марок. По количеству дохода и ценности вывозимых и ввозимых товаров, приходящихся на каждого жителя, Голландия и теперь занимает первое место. Но это же обстоятельство смягчало антагонизм классов. Богатая буржуазия, казалось, наживалась насчет иностранных государств. Многочисленные колонии и вызываемые ими постоянные войны поглощали избыточное население. Мало-по-малу общественная жизнь отлилась в определенные, прочные формы. Голландия превратилась в своего рода буржуазный Китай. Буржуазия копила проценты по комиссионным и ссудным операциям, увлекалась искусством и рассадкой тюльпанов, пролетариат, особенно так наз. «городская чернь», приучился смотреть на эти порядки, как из века существующие, богом данные, а крестьянство выращивало скот, вырабатывало масло, сыр и овощи и избытки отвозило в города. Так все обстояло благополучно до 1789 г., когда громы французской революции разбудили и сонное голландское население. Постепенно старые голландские «вольности» уступили напору «нового времени», и в 1848 г., наконец, были заменены «писанной» конституцией, на первых порах считавшейся только с состоятельными классами. Пролетариат молчал. Но отделение Бельгии, происшедшее в 1830 г., дало толчок развитию крупной промышленности со всеми его последствиями. Мелкое производство с его патриархальными отношениями все больше вытесняется. Если еще в 1866 г. рабочих, живших у мастеров, насчитывалось 109.759 чел., то в 1896 г. таких рабочих было уже только 82.691 чел. Особенно быстро развивается крупная промышленность начиная с 70-х годов. Городское население, составлявшие в 1870 г. 936.827 чел., в 1896 г. уже равнялось 1.677.759 чел. Образуется промышленный пролетариат, не похожий на прежнюю «чернь». Начинается рабочее движение, стачки учащаются. Но старые традиции все еще сильны. Рабочие не хотят слышать о социализме и совершенно поглощены, по выражению одного из самых испытанных организаторов голландской социал-демократии (Поляк), «борьбой за сокращение рабочего дня на полчаса и увеличение заработной платы на пару пфеннингов». Главная рабочая организация (Всеобщий Нидерландский Рабочий Союз), образовавшаяся еще в 60-х годах, до сих пор еще занимается «чисто экономической борьбой» и продолжает тянуться в хвосте радикальной партии. Только отдельные личности присоединились к Интернационалу и образовали несколько секций, не имевших никакого влияния.

Кризис 70-х годов сделал рабочих более внимательными к социалистической пропаганде. В 1878 г. образуется маленькая организация (портной Гергардт), к которой вскоре присоединяется Домела Ньювенгауз, начавший в 1879 г. издавать газету «Право для Всех». Бывший пастор, очень состоятельный человек, с крупным литературным и ораторским талантом, он оказал делу социализма неоценимые услуги. К сожалению, он не был человеком, который был бы способен к многолетней систематической борьбе, иногда без всякого видимого успеха. А первый период развития социал-демократии в «классической стране свободы» был особенно тяжел. Правящие классы пустили в ход все средства: собрания разгонялись вооруженной силой, население натравливалось на агитаторов, которых часто избивали, наиболее влиятельных сажали в тюрьмы. Все это ожесточало рабочих: многие разочаровались в политической борьбе. Анархизм с его отрицанием политической борьбы распространялся все больше. Домела был увлечен этим течением. А расцвет промышленности в конце 80-х и начала 90-х годов, доставивший несколько успехов рабочим в их борьбе с предпринимателями, увлек их в сторону «чисто экономической борьбы». Наконец, на конгрессе в Гронингене была принята резолюция, гласившая, что «партия не примет никогда участия в выборах даже ради агитационных целей». Произошел раскол. Небольшое меньшинство, оставшееся верным социал-демократии, отделилось. Их было всего 12 чел. (Трульстра, Ван-Коль, Флиген, Поляк и др.). 26 августа 1899 г. они основали новую партию, под названием «Социал-Демократическая Рабочая Партия». С тех пор начинается ожесточенная борьба между новой партией и Союзом Социалистов (так называлась партия Домелы). Последний продержался недолго. В нем произошел новый раскол. Группы анархистов выделились вместе с Домелой, а остальные члены решили соединиться с сильно разросшейся между тем социал-демократической партией: в 1895 году она имела 19 секций с 700 членами, а в 1899 г. уже 52 секции с 2.500 членами. На выборах 1897 г. ей удалось провести в парламент 2-х кандитатов (Трульстра и Ван-Коль). Об'единительный конгресс имел место 24 июня 1900 г. в Амстердаме. Единогласно была принята резолюция следующего содержания: «Принимая во внимание, что не в интересах рабочего класса, чтобы согласно мыслящие боролись за одно и то же дело враздробь; убежденный, что второстепенные различия по вопросам тактики легко могут быть устранены; сознавая, что многие, солидарные с ним во взглядах, держались вдали от организации только потому, что не было единой об'единенной социал-демократической партии», конгресс признает, что борьба за освобождение рабочего класса должна быть ведена как путем профессиональных организаций, так и посредством политической рабочей партии. Новая об'единенная партия сохранила название старой соц.-демократической рабочей партии и под этим именем приняла участие в последних выборах.

Еще несколько слов о так называемой «аграрной программе», принятой на конгрессе в Аренгейме в 1897 г. От французской и румынской ее отличает «безусловное отсутствие требований, целью которых является поддержка мелкого землевладения или укрепление современных условий существования класса, занимающегося сельским хозяйством». Все постановления ее касаются сельских рабочих и мелких арендаторов.

Только что получено из Голландии известие, что там делаются попытки организовать другую рабочую партию, «в которой интеллигенция не занимала бы такого преобладающего места», как в старой партии. Эти попытки производятся теми же людьми, которые еще так недавно были против политической борьбы. Предпочтение «мускулистой руки» и «чисто экономической борьбы» тут, как и всюду, составляет отличительный признак того течения, которое, смотря по обстоятельствам, является то анархическим, то поссибилистическим. Этой новой партии грозит та же судьба, что и выродившемуся в анархическую группу Союзу Социалистов Домелы.

[Н. Рязанов]

ГЕРМАНИЯ.

Конгресс социал-демократической партии в Любеке.

С 22 по 28 сентября в Любексе происходил годичный с'езд германской социал-демократической партии. Присутствовало 230 делегатов и 8 делегатов от имени социал-демократических партий других стран. Конгресс приветствовали представители французских, австрийских, английских, голландских и швейцарских рабочих. Из России было приветствие от «Искры».

Из отчета, прочитанного правлением партии, узнаем, между прочим, следующее: доходы партии в текущем году составили (в круглых цифрах) 318.000, расходы—314.000 марок. Из них на общую агитацию затрачено 72.000 мар., на агитацию перед выборами — 36.000, на пособие — 12.000, издержки по судебным процессам и издержки заключенным в тюрьмы — около 8.000, жалование депутатам — 29.000, расходы по управлению — 16.000, пособия местным газетам — 67.000 марок. Главный орган партии («Vorwärts») имел 55.000 подписчиков и дал 80.000 марок чистой прибыли в кассу партии.

В небольшой заметке мы не можем перечислить все вопросы, которыми занимался конгресс. Наиболее важным был вопрос об отношении партии к деятельности Эдуарда Бернштейна. Этот бывший друг Фр. Энгельса, как известно, изменил своим старым взглядам и вот уже 4-ый год ведет кампанию в пользу пересмотра всех основных принципов соц.-демократии с целью превращения ее из революционной партии в «партию социальных реформ». На с'езде в Ганновере 1899 г. партия решительно высказалась против идей Бернштейна и выразила намерение держаться прежней программы, но с тех пор Э. Бернштейн, живший в Англии, получил возможность вернуться на родину. Тотчас же вокруг него сгруппировались все элементы, которые давно уже работают внутри партии в смысле «смягчения» ее революционного характера и сближения с буржуазной демократией. Постоянные нападки Бернштейна на социал-демократию, марксизм, нападки, с которыми он выступает перед буржуазной публикой, сделали его «своим» человеком для тех буржуазных политиков (особенно из партии «национал-социалистов»), которые, особенно за последние годы, ревностно стараются втереться в рабочее движение и овладеть пролетариатом, оттеснив революционную социал-демократию. Буржуазные газеты стали открыто провозглашать Бернштейна и его единомышленников спасителями общества, которые утихомирят пролетариат и поведут его по пути «мирного социального развития». Новоявленные друзья рабочего класса поставили на широкую ногу литературное издательство (журнал «Sozialistische Monatshetse»—«Социалистический Ежемесячник», — в котором участвуют Бернштейн, Фольмар, Гейне, Кальвер, Давид и другие «умеренные», на-ряду с национал-социалами. Кстати: заметим для русских товарищей, интересующихся немецкой литературой, что на с'езде неоднократно было подчеркиваемо, что этот журнал не есть партийный орган) — и противопоставили его скудной денежными средствами рабочей социалистической печати. Появились самые недвусмысленные признаки того, что буржуазное течение в партии начинает поднимать голову. В печати и в политической деятельности отдельные члены партии позволяли себе самые грубые нарушения программы и компрометирующие партию заявления. В дебатах на с'езде выяснилось, что центральный орган партии давал неверные сведения о французских делах, умалчивая обо всем, что невыгодно для изменника-министра Мильерана и его друзей-жоресистов; что в интересах Бернштейна он не решился сообщить читателям о прочитанном им в одном студенческом обществе реферате, в котором Бернштейн отрицает за социалистической теорией право на научность. Выяснилось, что во время выборов в парламент в Бранденбургской провинции один из видных бернштейнианцев (Пеус) издал воззвание к «либеральной буржуазии» и приглашал ее голосовать за себя; в доказательство своей «благонадежности» цитировал из национал-социальной газеты похвальный отзыв о себе, мотивированный тем, что он, Пеус, всегда отстаивал «разумные» (для буржуазии) взгляды, что он не придавал значения социализму, а только «текущей» практической работе и т. д. Члены партии, заседающие в ландтаге герцогства Баденского, вопреки прямому решению партии, голосовали за государственный бюджет, т. е. одобрили расходы на войско, на тюрьмы, на тайную и явную полицию и т. д. Но этого мало. Они во главе с депутатом Фендрихом оправдывались тем, что они «приносили присягу» конституции, а потому не могут отказываться давать государству денежные средства. В громовой речи, произнесенной на с'езде против баденцев, Бебель привел в доказательство проникшего в партию разврата такой невероятный факт: когда Роза Люксембург выступила в печати с резким осуждением поведения баденских депутатов, баденская соц.-демократическая газета заявила, что пора, чтобы «свыше» вмешались и прекратили нападки Люксембург. Партийная газета требовала, чтобы заставили замолчать товарища! Дальше этого уже нельзя было пойти. Впрочем, на конгрессе дело пошло еще дальше, и депутат Гейне, нападая на Люксембург и Парвуса, не только «обругал» их евреями и русскими, которые не должны вмешиваться в «наши» немецкие дела, но и совершил по отношению к Парвусу акт, который Ледебур и Штадгаген, при одобрении большинства, должны были назвать «доносом».

Все эти печальные явления, говорящие о том, что в партии растет направление, противное революционным принципам социал-демократии, вызвали в партии сильное раздражение против Бернштейна, как наиболее яркого выразителя этого направления. Бернштейн получил возможность высказать лично перед товарищами свои взгляды и оправдать свое поведение. Несмотря на все его красноречие и на уверения, что он оказывает партии громадные услуги, критикуя ее программу, несмотря на то, что он уверял, что настанет время, когда партия будет гордится его книгой (заявление это было встречено на с'езде смехом), несмотря на все это, партия взглянула на его поведение иначе и приняла громадным большинством голосов (203 против 31) резолюцию Бебеля, осуждавшую деятельность Бернштейна.

Вот текст резолюции: «С'езд признает безусловно необходимость самокритики для духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимался тов. Бернштейн в последние годы, избегая критиковать буржуазное общество и его представителей, поставил Бернштейна в двусмысленное положение и возбудил недовольство большинства товарищей. В надежде, что тов. Бернштейн сознает это и соответственно изменит свое поведение, с'езд переходит к очередным делам».

Несмотря на то, что громадное большинство партии, таким образом, признало, что новая деятельность Бернштейна приносит вред делу, он не вышел из партии, но заявил, что будет считаться с ее решением. Бернштейн давно уже утратил ту прямоту характера, которая обязывает человека, так решительно разошедшегося с партией, сказать ей: «насильно мил не будешь» и уйти в тот лагерь, который так ценит его заслуги в борьбе против революционного социализма.

Общее впечатление, оставленное от с'езда партии, таково: существование в партии сильного оппортунистического течения, стремящегося ослабить классовую борьбу пролетариата и идущего в разрез со всеми принципами революционного социализма, теперь не может подлежать сомнению. Рано или поздно перед революционно-пролетарскими элементами партии станет задача — разорвать с оппортунизмом. Только такой открытый разрыв радикально излечит великую германскую социал-демократию от заразившей ее болезни. Если принять во внимание, каких громадных жертв стоило германской социал-демократии создать теперешнюю ее могучую организацию, неудивительно станет, что она чрезвычайно дорожит своим единством и не спешит привести разгоревшуюся борьбу к неизбежному концу. До поры до времени партия довольствуется тем, что призывает к ответу отдельных чересчур зарвавшихся представителей оппортунизма и выражает им суровое порицание.

В одной из своих речей Бебель выразил надежду, что то благодушное настроение, которое создалось в партии, благодаря нескольким годам промышленного благополучия, теперь, с наступлением кризиса, исчезнет бесследно, и

станет невозможной та вера в «мирное, безболезненное» развитие общества, которое породило успех Фендрихов и Бернштейнов.

Так или нет, но германская социал-демократия рано или поздно справится с проникшим в нее оппортунизмом. Мы, русские, у которых боевая рабочая партия только складывается, должны с самого начала не дать привить эту болезнь молодому организму. При наших политических условиях, при отсутствии той широкой гласности, которая позволяет германской партии развиваться совершенно нормально, мы сделали бы непростительную ошибку, если бы, рабски подражая немцам, вздумали, во имя только необходимости «об'единения», начинать организацию с введения в нее таких элементов, которые способны лишь тащить назад рабочее движение и которые уже успели нанести русской социал-демократии большой вред.

[Л. Мартов]

ИЗ ПАРТИИ

Во время стачки кожевников в Вильне между офицерами вызванных для «усмирения» войск была распространена 3 и 4 августа (в 175 экземплярах) соц.-демократической группой прокламация. Прокламация эта была доставлена всем офицерам четырех пехотных полков, большинству офицеров местной артиллерии, всем казачьим офицерам шести казачьих сотен, некоторым штабным и всем высшим чинам местной дивизии. Впечатление она, по словам корреспондента, произвела громадное. К сожалению, нельзя опубликовать подробности того, что происходило в лагере после ее распространения.

Приводим текст этой прокламации (изданной на гектографе), представляющей первый опыт социал-демократической агитации среди военных. Мы, с своей стороны, рекомендуем товарищам воспользоваться этим удавшимся опытом.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

К ОФИЦЕРАМ.

В прошлую субботу, по требованию виленского губернатора, три батальона пехоты внезапно вызваны были в город и размещены в рабочих кварталах. Они поступили в распоряжение полиции и предназначены для подавления рабочих беспорядков... Три батальона, снабженных патронами, чтобы бить, колоть и стрелять безоружных рабочих!.. За что же? Для защиты чьих нарушенных интересов, чьих попранных прав? Во имя какой правды?

Рабочие кожевенных заводов на прошлой неделе, чувствуя, что они выбиваются из сил, решили сократить свой труд и заявили хозяевам, что впредь они будут работать лишь 12 часов. В течение нескольких дней они, не дожидаясь обычного гудка, в 6 час. вечера, вместо 7, бросали работу. Момент был выбран удобный: запасов товара не было, а спрос на него все увеличивался. Заводчики на собрании условились не уступать рабочим, так как, удовлетворив их справедливые требования, они посягнули бы на свой карман; в противном случае им угрожала стачка, а с нею громадные убытки, поэтому решено терроризировать рабочих, вызвав солдат. Губернатор, этот высший представитель правительства в крае, охотно согласился на их просьбу — и 1.000 человек солдат идет прекращать «рабочие беспорядки»...

1.000 солдат повели вы против их же отцов и братьев, против тысячи с небольшим безоружных рабочих, пытающихся на один час уменьшить свой каторжный, нищенски оплачиваемый труд! Какая славная, почтенная и высокая роль — состоять в распоряжении полиции, на посылках у заводчиков, на страже интересов их кармана! Роль эта в последнее время — увы! — все чаще и чаще выпадает на вашу долю, а в будущем грозит сделаться коронной ролью армии: рабочие сознали всю непримиримость их интересов с интересами хозяев, сознали, что их мозолистые руки создали все богатство, всю роскошь сытых, что их трудом оплачиваются рысаки и любовницы, содержится полиция, жандармы, чиновничество и войско, что на их трупах построены эти громадные фабричные здания и роскошные дворцы, на свою же долю получили лишь нищенскую, полуголодную жизнь где-нибудь в подвале или на задворках, с правом умереть с голоду в безработицу и погрязать в дикости и невежестве; отделенные от орудий труда в длинном историческом процессе, они поняли, что своим трудом создают себе все новое и новое закрепощение капиталу, которому они должны продавать, чтобы жить, свой труд, единственное достояние, полученное ими по наследству. Эти новые цепи, сковывающие сильнее и сильнее, обрекают их на полное бесправие, грозят им и их детям вырождением. Они поняли все это и постигли весь ужас своего положения. В них проснулась потребность быть человеком, а не придатком к машине, и они об'явили борьбу всему теперешнему общественному строю во имя интересов человека, его попранных прав, высшей правды и справедливости. Рабочие сплачиваются, организуются, выставив на своем знамени требование свободы от гнета и насилия. Им еще не раз придется увидеть в своих кварталах штыки, а вам, офицерам, еще не раз, по примеру «славных фаногорийцев», командовать «пли» вашим солдатам, видеть убитых, слышать стоны раненых, плач и проклятие их семей. Вы представляете ту общественную силу, которая подавляет рабочие требования; на вас опирается произвол, всякое издевательство над личностью; вашими штыками поддерживается вся неправда и — горькая ирония — вас, по роковому недоразумению, содержат те же рабочие своим потом и кровью, а ряды ваши пополняют своими сыновьями.

Мы обращаемся к вам, к вашему уму и сердцу, туда мы хотим пробить брешь, чтобы открыть вам глаза на весь позор вашего положения, на всю гнусность вашей роли — роли палача в руках полиции. Мы обращаемся особенно к тем, у которых казарменная муштра не выела окончательно всякую отзывчивость, не убила все, что есть святого в человеке, — его способность сочувствовать борющимся за справедливость. Мы обращаем ваше внимание на ненормальность существующих отношений, мы просим вас задуматься над совершающимися кругом вас событиями, и мы уверены, в какую сторону будут направлены ваши симпатии; прежде, чем послать залп в рабочих, вы вспомните, ради кого совершено будет это преступление...

Вильна, июль 1901 г.

Виленская социал-демократическая группа.

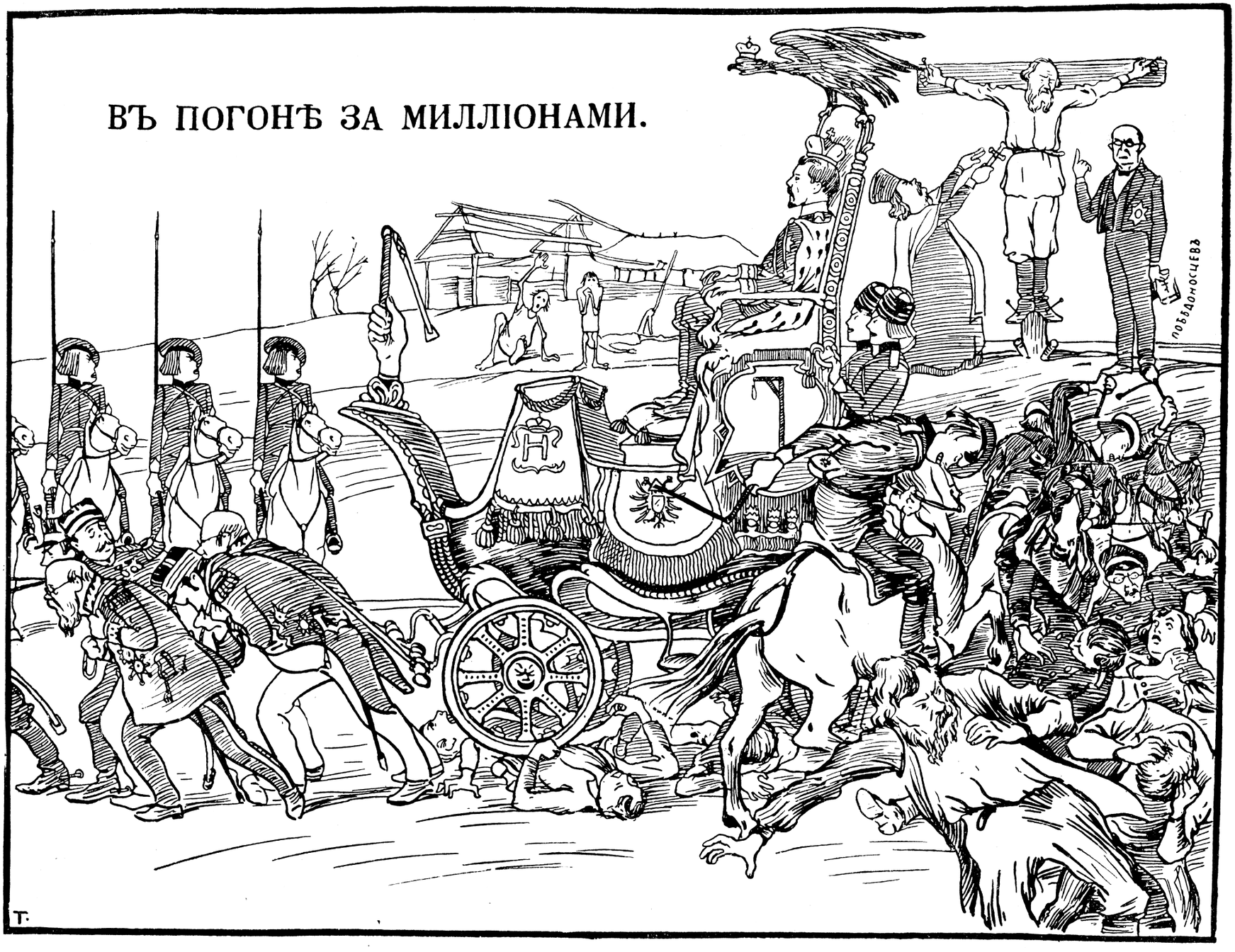
Летняя агитация Петербургского Комитета партии выразилась в ряде прокламаций, изданных в собственной типографии. Большинство прокламаций проникнуто революционным настроением и очень выгодно отличается от обычного типа петербургских воззваний. Темы прокламаций — политические, народное образование, свобода печати, система налогов. Особенно удачна прокламация, подписанная юлием-августом и изданная по поводу массовых арестов среди рабочих и интеллигенции. Впервые за несколько лет, когда петербургские товарищи избегали определнной постановки перед рабочими вопроса о самодержавии, в этой прокламации ясно сказано, что низвержение самодержавия является ближайшей задачей русского рабочего класса. Итак, и петербургские «практики» ныне подтверждают, что та политическая программа, которую отстаивали так называемые «теоретики» русской социал-демократии, достаточно «практична», чтобы теперь же стать предметом повседневной агитации. Факт этот весьма отраден, и нам хотелось бы верить, что этот новый поворот в настроении петербургского «Союза Борьбы» будет достаточно устойчивым, чтобы позволить этой бесспорно самой сильной из местных организаций играть ту роль в общем движении, которой мы все вправе от нее ожидать.

Ответ Спб. Комитету. В ном. 12 «Рабочей Мысли» Спб. Комитет («Союз Борьбы») поместил возражение на заметку в ном. 1 «Искры» о расколе заграничного «Со-

СЕНТЯБРЬ 1901 г.

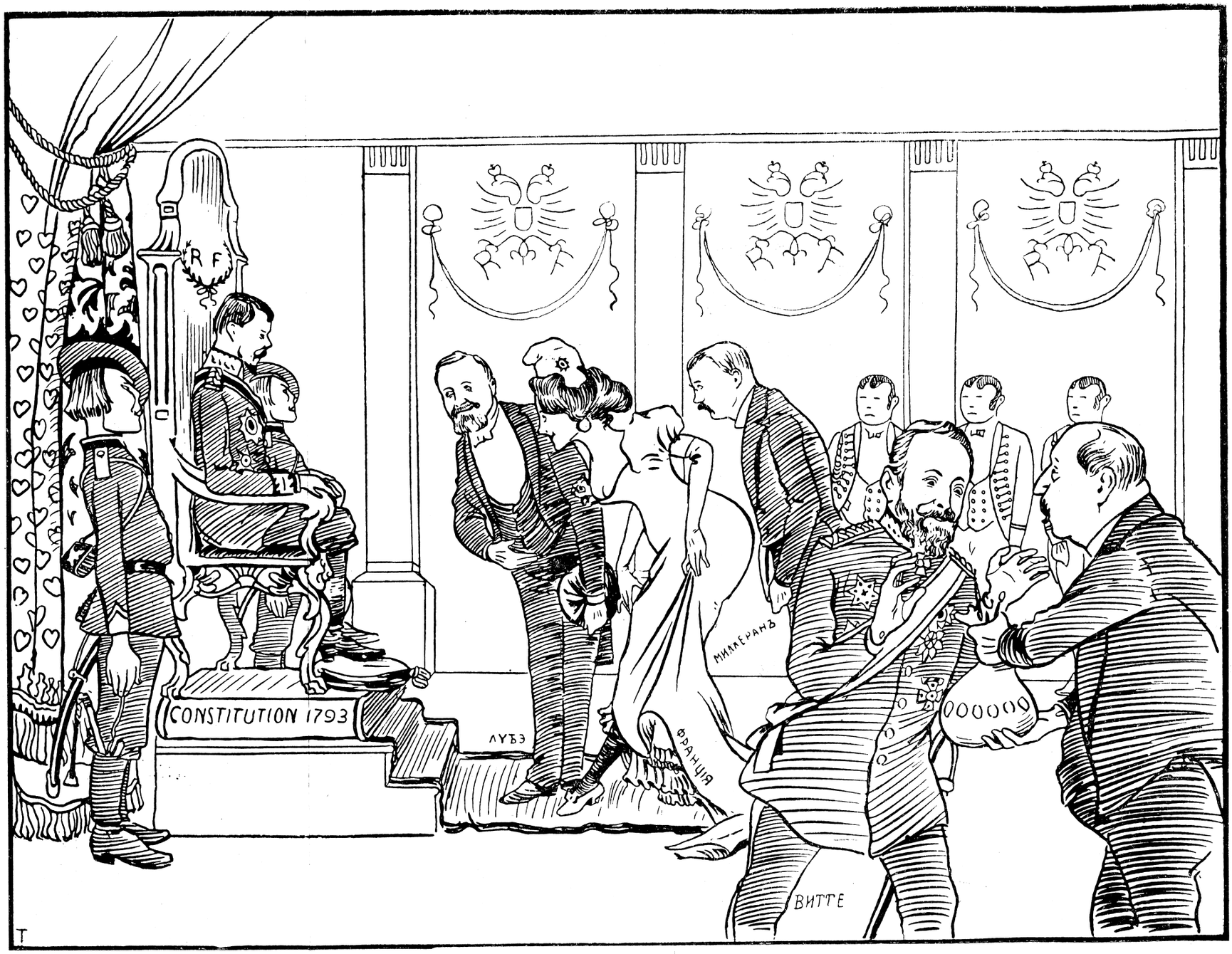
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „ИСКРѢ“

Порядок водворен — мятежники смирились,
И кровью куплено спокойствие царя,
И снова в тьме кромешной скрылась
На миг блеснувшая заря.

И он, счастливый царь несчастного народа,
Дождавшись, чтобы стих последней битвы звук,
Во Францию, туда, где царствует свобода,
Он едет наполнять свой денежный сундук.

Каторга, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейских, шпионов.
Нужны нам сотни миллионов.

И Франция, своих казнившая тиранов,
Тирану русскому холопски бьет челом,
И стая Делькассэ, Вальдеков, Мильеранов
На задних лапках пляшет пред царем.

И Николай Второй с улыбкою надменной
Вождям республики по ордену дает,
А Витте с ловкостью и быстротой отменной
С французской публики златую шерсть стрижет.

Каторга, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейских, шпионов...
Много нам нужно миллионов.

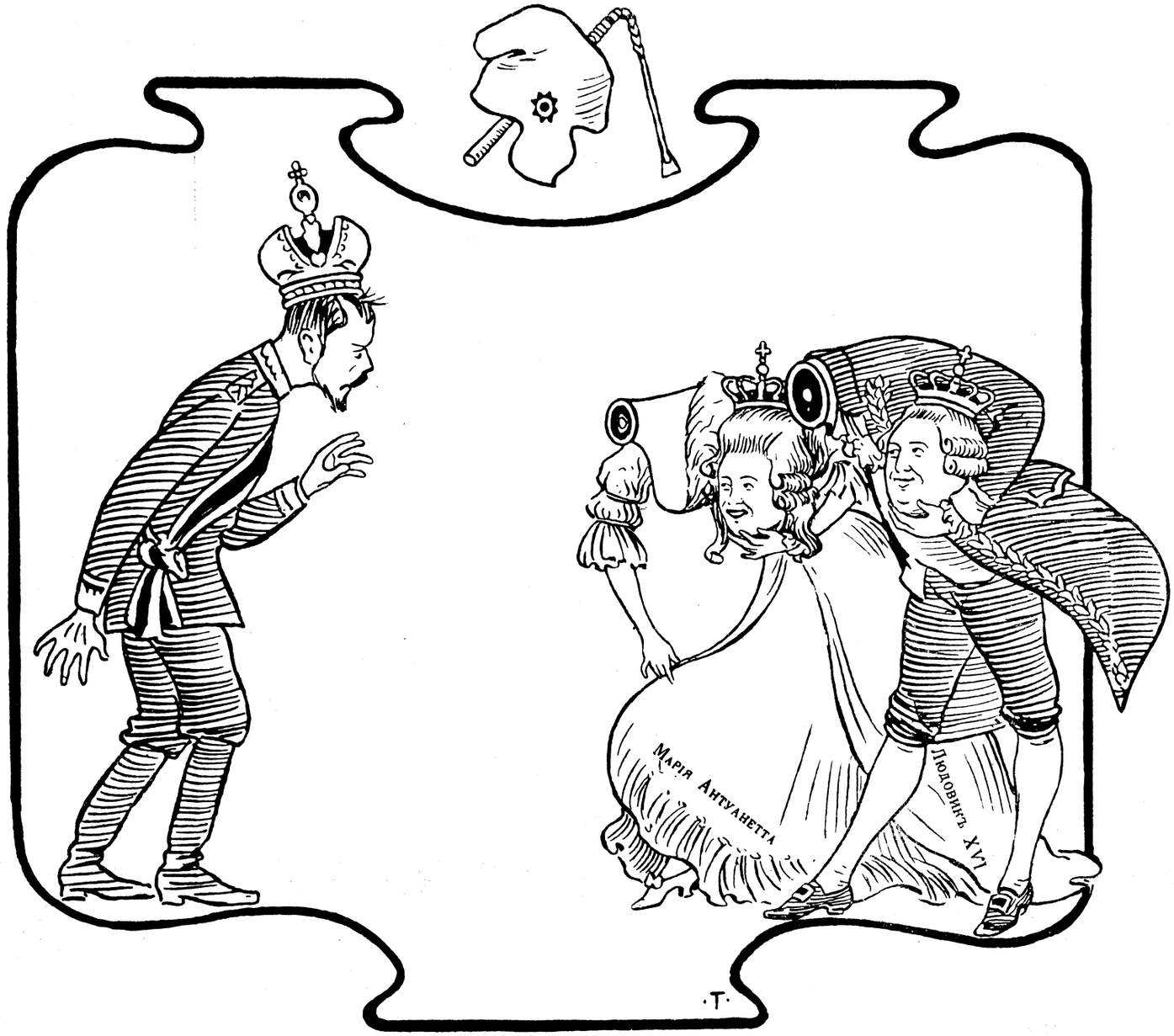
И он вернется к нам с набитою мошною,
Богопомазанный порфироносный шут.
И снова засвистит над бедною страною
В руке державной подлый кнут.

И будет хищникам — бичам земли голодной —
Он с царской щедростью добычу раздавать,
Чтоб нам из золота республики свободной
Покрепче кандалы сковать.

Чтоб заглушить всенародные стоны,
Нужны миллионы, миллионы . . .

ВИДѢНІЕ ВЪ СТАРОМЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ЗАМКѢ.

(НЕПРІЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.)

юза русских социал-демократов». К сожалению, это возражение старательно обходит самое существо спорного вопроса: при такой системе полемика никогда не приводит к выяснению дела. Мы настаивали и настаиваем на том, что в заграничном «Союзе русских социал-демократов» произошел именно раскол, что союз распался на две части после того, как на с'езде 1900 г. удалилось значительное меньшинство членов и в том числе гр. «Осв. Труда», основавшая Союз и бывшая прежде редактором всех его изданий. После раскола ни одна из частей не может занимать то место, которое занимал старый Союз в целом виде. Спб. Комитет не пытается опровергнуть этого мнения, говоря (неизвестно почему) об одном Плеханове, а не об организации «Социал-Демократ» и давая только косвенно понять читателю, что «Спб. Союз Борьбы» отрицает, повидимому, факт раскола и продолжает считать одну из частей бывшего союза за все целое.

К чему вступать в полемику, если нет желания разобрать по существу мнение противника и прямо высказать свое собственное?

Далее. Мы настаивали и настаиваем на том, что основной причиной (не поводом, а причиной) раскола послужило принципиальное разногласие, именно: расхождение между революционной и оппортунистической социал-демократией. Уже по одному этому, между прочим, нельзя смотреть на происшедшее в заграничном «Союзе русских социал-ддемократов» иначе, как на раскол старого Союза. Спрашивается: как смотрит на этот вопрос Спб. Комитет? Решается ли он отрицать существование глубокой принципиальной розни между обеими частями бывшего Союза? Неизвестно, ибо Спб. Комитет ухитрился написать «возражение», не сказав ни единого словечка об этом основном вопросе. И мы еще раз спрашиваем петербургских, да и не одних только петербургских, товарищей: не грозит ли полемика, обходящая суть дела, выродиться в самую неприятную перебранку? Стоит ли вообще начинать полемику, если нет желания или если признается несвоевременным разобрать вопрос по существу и высказать свое мнение с полной определенностью и без всяких недомолвок?

Заграничные дела. Заграничный отд организации «Искры» об'единился с заграничной революционной организацией «Социал-Демократ» в одну организацию: «Заграничную лигу революционной русской социал-демократии». Новая организация, как видно из изданного ею заявления, намерена приступить к изданию ряда брошюр пропагандистского и агитационного характера. Лига является заграничным представителем «Искры». Таким образом, заграничная организация революционных социал-демократов, руководимая группой «Освобождение Труда», окончательно об'единилась с организаций, группирующейся около нашей газеты. Как и прежде, группа «Осв. Труда» принимает ближайшее редакционное участие в ведении наших изданий.

Об'единение русских революционных социал-демократических организаций за границей [7] совершилось после того, как потерпела неудачу попытка этих организаций соединиться с «Союзом русских социал-демократов за границей» (издающим «Рабочее Дело»). В начале лета конференция из представителей всех трех организаций выработала проект соглашения между ними. В основу соглашения положен был ряд принципиальных резолюций, содержавших в себе полный отказ «Союза» от заигрываний с экономизмом и бернштейнианством и признание принципов революционной социал-демократии. Можно было надеяться, что об'единение состоится, ибо до сих пор только принципиальная неустойчивость «Союза» и его органа — «Раб. Дело» — стояла на пути к сближению. Эта надежда не оправдалась: вышедший недавно ном. 10 «Раб. Дела» содержал в себе редакционные статьи, направленные прямо против тех резолюций, которые были выработаны при участии делегатов от «Союза» на конференции. Очевидно, «Союз» опять повернул в сторону правого крыла нашего движения. Действительно на с'езде всех трех организаций «Союз» внес такие «поправки» к упомянутым резолюциям, которые явно показывали, что он возвращается к своим прежним заблуждениям. Остальным организациям пришлось покинуть с'езд, что они и сделали. Очевидно, для наших товарищей из «Союза» все еще недостаточно выяснилась опасность занимаемой их организацией промежуточной позиции между революционным социализмом и играющим в руки либералов оппортунизмом. Мы надеемся, что время и горький опыт убедят их в ошибочности их тактики. Замечающееся повсюду в партии стремление работать не только над развитием нашего движения вширь, но и над его качественным под'емом служит нам лучшей порукой в том, что столь желанное об'единение всех наших сил совершится под тем знаменем революционной социал-демократии, которому служит наша газета.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Кишинев. По поводу демонстрации 11 сентября здесь арестованы: Гельман (поднадзорный), Каминский (секретарь благотворительного общества), Пржеславский, Ендрожиевский, Вассер, Нина Глоба, Полина Шрифтейлик (поднадзорная), г-жа Ханжи, Р. Барч (поднадзорная), две сестры Фукельман (заграничные студентки), Кубиркина, два брата Мичник (заграничные студенты), Савицкий, Кричанеско, Эфруси.

Козлов. В начале сентября были обыски и аресты. Взята типография. Арестованы два брата Авдеевых, студент Надекрн, Лешковский, рабочий Зыков, дантист Маян.

Тамбов (по козловск. делу). Взяты Захарьевский и Гаврилов.

Воронеж. В конце августа арестованы 2 ученика фельдшерской школы: Струц и Поставной (сидят в Полтаве).

Ярославль. По здешнему делу января 1901 г. приговоры: Доливо-Добровольскому 3 года Оренбургской губ., Ярославцеву 3 года Вятской губ., гимназисту Василию Носкову и учителю Бабенко 2 года надзора, Ивану Короткову (рабочему) 1 год тюремного заключения, Федору Семенухе 10 м. тюремного заключения.

С.-Петербург. По делу об обуховских беспорядках суд вынес приговор: двое на каторгу, 8—оправданы, все остальные — в арестантские роты на срок от 3 до 5 лет. В больнице Николая Чудотворца в июле умер Даниил Колотов, арестованный 27 апреля 1900 г., просидел в Д. П. З. более года и заболел душевным расстройством.

Москва. Арестованы в октябре: Лев Львович Никифоров, пом. прис. пов. Шанцер, Иос. Давыдов (литер.), А. А. Рейнгольд (его сестра), Куняев, Скворцов, Петров (инж. гор. управы), Руднев, П. Луначарский выслан в Тульскую г. В сентябре арестован Шмурло; были аресты среди студ. поляков.

Кострома. В дополнение к помещенному в ном. 7 списку приговоренных по делу 1900 г. сообщаем о след. приговорах: Николай Плугин (портной) — 3 года Вятской губ., Григорий Луков (портной) — 1 год Саратовской губ., Алексей Собанинский (сапожник) — 2 года Вятской губ.; Константин Онучин (раб.) — 2 м. тюрьмы и 2 года Вятской губ., Николай Белов (раб.) — 3 м. тюрьмы, статистик Третьяков — 2 года Астраханской губ.

Ив.-Вознесенск. Здесь арестовано 10 рабочих за чтение прокламаций.

Одесса. В тюрьме сидит до ста рабочих без денег, без необходимой одежды. Семьи голодают. Арестованные рабочие получают в тюрьме только раз в день борщ (мясо дают через день). Борщ настолько плох, что рабо-

чие не могут его есть, их тошнит. Иные сидят босые. Неужели одесское «образованное» общество не может организовать помощь жертвам политической борьбы?

Товарищи нам сообщают, что имя доктора, издевавшегося над ссыльным Гуревичем (см. ном. 8 «Искры», корреспонденция «Из Сибири»), Марчевский, кончил Варшавский университет.

Нас просят напечатать предостережение относительно московского шпиона Игнатия Никитича Зеленова. Высокий, здоровенный парень, лицо красное, блондин. Знакомясь, любит говорить об астрономии. В прошлом году для приобретения «интеллигентности» брал уроки у студента. Раз'езжает иногда по провинциальным городам.

МАССОВАЯ РАСПРАВА С ВРАГАМИ ПОРЯДКА.

Секретный документ.

М. В. Д. Совершенно секретно.

Деп. Полиции по 3 делопр.

20 июня 1901 г. Циркулярно.

№ 6234. Гг. губернаторам, градоначальникам, Обер-Полицмейстерам и Начальникам Губер. Жандармских Управлений.

Производившиеся за последнее время наблюдения по С.-Петербургу за лицами, занимавшимися революционной деятельностью, установили группу лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устраняясь от активной революционной деятельности, поставили себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, подготовлять в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов. Лица означенной группы не упускали ни одного случая для возбуждения в обществе неудовольствия по поводу разных мероприятий правительства и подготовления всевозможных манифестаций и протестов, причем особенно вредно влияли в этом направлении на учащуюся молодежь.

В виду сего признано было соответственным в апреле с. г. произвести обыски и аресты среди означенной группы лиц, примыкающих к наиболее противоправительственно настроенным элементам общества. Сообразно полученным результатам, часть этих лиц ныне привлечена к дознанию при Спб. Жандармском Управлении, в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суд., обстоятельства же дела об остальных лицах рассмотрены в Особом Совещании, образованном на основании ст. 34 Положения об охране, причем многие, согласно утвержденных мною постановлений означенного Совещания, подлежат высылке из Спб., с воспрещением им жительства в столицах, столичных губерниях, университетских городах и фабричных местностях, сроком от 2 до 3 лет, соответственно степени виновности каждого, с подчинением одних гласному, других негласному надзору полиции.

Принимая во внимание, что вышеупомянутые лица, по прибытии в ныне избранные ими места жительства, могут продолжать свою противоправительственную деятельность в указанном направлении и группировать вокруг себя местные неблагонадежные элементы, я покорнейше прошу Вас Мил. Гос. в случае появления поименованных в прилагаемом при сем списке лиц в пределах вверенного Вам района, сделать распоряжение об установлении, помимо учрежденного над ними гласного или негласного надзора, тщательного негласного наблюдения за дальнейшей их деятельностью и поведением, дабы иметь возможность своевременно воспрепятствовать возможности продолжения ими преступной пропаганды и образования новых кружков нежелательного направления.

О всем замеченном благоволите немедленно сообщить в Департамент Полиции.

Подписал: Мин. Вн. Дел егермейстер Сипягин.

Скрепил: директор Зволянский.

Следует список пятидесяти семи лиц, а именно:

Под гласный надзор полиции вне университетских городов и фабр. местностей отданы: на 3 года А. М. Калмыкова; на два года: литерат. В. Ф. Тотомианц, Н. А. Рубакин, В. А. Ионов, Г. А. Фальборк и В. И. Чарнолусский и дворянин В. П. Арцыбушев (последнему воспрещено также жительство в Саратове). Воспрещено жительство в столицах и некот. местн.: на 3 г. в столицах, столичных, губ. университет. город. и фабр. местн.: Никонову (помощник присяжного поверен., литер.), М. Е. Ермолаеву (ред. изд. «Жизни»), М. Ю. Гольдштейн (литер., прив.-доц. и статск. советн.), Пантелееву (книгоиздатель), В. Поссе (лит.), М. Филиппову (лит.); на два года в тех же местах: В. П. Воронцову (лит.), Е. А. Ганейзеру (лит.), В. Л. Глинке (лит., прис. пов.), Г. А. Заславскому (студ. институт. пут. сооб.), М. П. Иолшину (пом. прис. пов.), Караваеву (пом. бухгалтера тамож. сборов), В. Ф. Кожевниковой (фельдшер.), Р. П. Кранихфельду (литер.), Кулябко-Корецкому (секрет. В.-Эконом. Общ.), П. Лесгафту (профессор), В. Лесевичу (лит.), Лосицкому (лит., ред. стат. отд. гор. управы), Маслову (лит.), Н. Е. Михайловскому (Гарину, лит., инж.), Мунблиту (врач), Пантелеевой, А. В. Пешехонову (лит.), В. Святловскому (лит., секр. В.-Эк. Общ.); на два года в столицах и университетских городах: К. Д. Бальмонту (лит.), А. А. Корнилову (бывш. чин. особ. поруч. при иркутском ген.-губ.), В. Я. Муринову (лит.), Муриновой (его жена), Родичеву (прис. пов.); на два года в столицах: Е. Чирикову (лит.), Штейнбергу (лит.), Смидовичу (Вересаев, лит., врач); на два года в фабричных местностях: З. Френкелю (лит., врач) и М. Л. Хейсину (врач); на два года в столицах и Петерб. губ.: Н. Ф. Анненскому (лит., председ. 3-го отд. В.-Экон. Общ.); на один год в университетских городах и фабр. местностях: И. Т. Зябицкому (инж.-техн., директ. завода); в университетских городах, Риге и Ярославе: Томилину (студ. петерб. универс.); в столицах и Петерб. губ.; П. С. Анненкову (дворян.), В. А. Анзилинову (дворян.), Ракитину (инж.-техн.); и в столицах: К. Б. Гренгагену (капит. запаса), К. И. Диксону (пот. поч. гражд.), Охроменко (слуш. высш. женск. курсов), Л. Рубакиной (жена литер.), Румянцевой (учительница), Рядченко (бывш. студ. техн. института), Соколову (сотрудн. «Бирж. Вед.»), Славинскому (лит.), Эйнерман (жена чиновника), В. Яроцкому (врач).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Группе «украинских робітников». Вы просите редакцию, чтобы при выработке проекта программы не были забыты «интересы многомиллионного и наиболее культурного» украинского народа. Проект программы партии не может вовсе затрагивать практического вопроса о том, на каком языке следует вести агитацию в той или другой местности. Это дело местных групп. Далее, вы нам предлагаете издавать для малороссийских крестьян и рабочих брошюры на украинском языке, которые вы «сочтете честью» распространять. В виду ограниченности наших средств и необходимости посвятить все силы выработке общей литературы, мы предложим вам обратное разделение труда: если бы вы взялись издавать по-украински наши брошюры и статьи, мы могли бы содействовать их распространению в Малороссии.

В кассу «Искры» поступило:

40 фр. от «инженера», 21 фр. с реферата в Цюрихе, 39 фр. за литературу от Кольцова, 150 мар. из М-а. Через южную организацию: из далека от А — 100 руб.

Из Б-ии 200 руб., из Волжской столицы за литературу 50 руб., из далека: Бел. 50 р., Як. 10 р., С. А. А. 10 р., М. М. и Е. К. 20 р., М-ий 50 р., от Х. 200 р., через Кольцова 100 фр., от К. Р. через Кольцова 75 р., через Б-скую группу: Г. Р. И. 21 мар., из Волжской столицы 30 м., от кружка в Б. 100 м., от Ека 23 м., от Ф. О. Д. из Л. 70 м. и 30 м., от Эта 2 м. и 3 м., от А-ак 14 м. Из Вятки через Л. 100 р., от моск. представителя за август: за литературу из Москвы 25 р. 25 к., за литер. из Саратова 50 р., за литературу из Нижнего 31 р., пожертвования от детей из В. 40 р., от N 2 р. От группы сормовских раб. 5 р. 60 к. Подписка на «Искру» 116 р., от Б. через М. 125 р. Южно-русской группой содействия передано по сентябрь 507 р. 44 к. Б-ской группой заграничного отдела собрано с 1 июня по 1 октября 1.114 мар. 68 пф.

ОПЕЧАТКИ[1]).

В ном. 8 «Искры», в статье «Царский кабак», стр. 1, столбец 3, стр. 39 снизу, вместо этой г., следует Самарской губ.

В «Иллюстрированном Приложении к „Искре“» в стихотворении

	напечатано	следует
стр. 1, строка 8	мешок	сундук
1, « 9	тюрьма	тюрьмы
2, « 9	тюрьма	тюрьмы

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl. J. N. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Так называемые «временные правила по продовольственному делу», изданные 12 июня 1900 г. (для 46 губ.), возлагают заведывание прод. делом на крестьянские учреждения с земским начальником во главе. На обязанности земств остались лишь продажа хлеба по заготовительной цене, обеспечение прокормом крестьянского скота, устройство общественных работ и заведывание продовольственными капиталами. Несмотря на всю свою непригодность, эти правила пережили даже революцию 1905 года.

Прим. 2. «Независимая Еврейская Рабочая Партия» сложилась из элементов, обработанных Зубатовым, который сообщал другому охраннику, Ратаеву, об успехах своей пропаганды, характеризуя полную противоположность понятий о рабочем движении и социал-демократическом. «Там целью является копейка, — писал он, — здесь — идеологическая теория». Весь расчет его провокационной политики в рабочей среде был основан на том предположении, что рабочего очень легко будет отвлечь от социал-демократии («революционной теории») заманчивыми перспективами улучшения своего положения на почве доверяющей царизму экономической борьбы. В Минске слепым орудием в его руках оказались спровоцированные им Мария Вильбушевич, Волин, Гольдберг, Черемисский и др., выпустившие манифест и программу «Еврейской Независимой Рабочей Партии». Независимцы, пользуясь своей близостью к жандарму Васильеву, успели развалить Бунд. Независимая Партия просуществовала в Минске до 1903 г. (Подробности об этой партии см. в журнале «Красная Летопись» № 2—3, Петербург, 1922 г.).

Прим. 3. В плехановском «Vademecum'е» напечатана статья NN — С. Прокоповича (единомышленник Кусковой, автора известного под именем «Credo» наброска взглядов «молодых» с.-д-ов в 1899 г.): «Ответ на брошюру Аксельрода: „К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов“». В этой статье заложены главные основы «экономизма», покоящиеся на той мысли, что «история делается массами, поэтому сознание только масс является историческим фактором». А сознание рабочего—«не тесто, лепить из которого „мы“ (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобию. „Мы“ и „наши“ усилия могут только дополнить то, чему учит рабочего жизнь».

Прим. 4. Некоторые подробности о В. С. Арефьеве (главным образом из периода его ссылки в Сибири) см. в книге П. Лепешинского «На повороте».

Прим. 5. Родзянко, М. В., крупный помещик Екатеринославской губ., оказался впоследствии на высоте своего призвания в качестве председателя черносотенной IV Государственной Думы. После Февральской революции делает попытку спасти монархию, становится во главе (председателем) Исполнительного Комитета членов Государственной Думы, является одним из деятельных организаторов контр-революционного движения после июльских дней и затем, после Октябрьского переворота, эмигрирует за границу, где и работает все время в интересах белогвардейской контр-революции.

Прим. 6. Крушеван, П. А., крайний черносотенец, редактор Кишиневской газеты «Бессарабец», приобрел особенно позорную известность в качестве вдохновителя кишиневского погрома в 1902 г. В 1907 г., став во главе кишиневского отдела союза истинно-русских людей, был избран депутатом во II Госуд. Думу.

Прим. 7. Подробности о неудачной попытке об'единения искровцев с рабочедельцами летом 1901 г. можно найти в статье т. Стеклова «В ссылке и в эмиграции» («Пролетарская Революция», № 5 [17], 1923 г.).

[1]) Приводимые ниже „опечатки“ оригинала, в тексте настоящего издания исправлены. *Ред.*

В ЗАЩИТУ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ РАБОЧИХ.

Где же тута справедливость?
Обижаете вы нас.
Неба грозная немилость
Посетит за это вас!..

Фабричное стихотворение, приводимое в статье Дадонова, стр. 66.

Трудно нашему брату рабочему живется на фабриках и заводах; много приходится переносить разных выжиманий, выколачиваний, угроз: разного рода притеснения процветают всюду, всюду прижимки и штрафы, а заработки плохи, и мало ли что еще делается против нас! И хотя это ведется на фабриках с начала их основания, но привыкнуть к этому мы не можем и ведем против упомянутых зол борьбу и в этой борьбе надеемся остаться победителями. Хорошо прижимают нас капиталисты-хозяева, но хуже еще преследует правительство. А разные длинноволосые попы стараются втолковать нам рабскую покорность и фарисейски упрекают в пьянстве и т. п. безнравственностях. Конечно, мы ко всему этому давно привыкли и знаем всему этому цену: «собака лает»; так, по крайности, говорит русская пословица. Но все же горько становится, когда лучшие в России журналы ополчаются против нас же, рабочих. Где же тут справедливость? Это как будто значит, не только капиталисты и правительство, но и всякие либеральные органы, как «Русское Богатство», по крайней мере, г. Дадонов, не наши доброжелатели? Не утверждаем, но знак вопроса поставить имеем основание. Мы не забываем, конечно, а твердо помним, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» (Ман. Коммун. Партии).

Итак, «Русское Богатство» поместило статью г. Дадонова «Русский Манчестер» (декабрь 1900 г.), в которой г. Дадонов обвиняет нас в пьянстве, равнодушии к знанию и т. д. Обвинения, можно сказать, очень существенные, и мы никак не могли их оставить без ответа. Конечно, если бы это было несколько лет тому назад, то тогда мы не имели бы возможность отвечать, ибо то же «Рус. Бог.» не приняло бы возражения от рабочего, а тем более в настоящем его положении. Но времена те, пожалуй, совсем миновали, и мы постараемся несколько отучить тыканье в нас пальцем.

Мне припоминается теперь один ответ учительницы ученикам в вечерней воскресной школе. Как-то речь коснулась слова «либерал», и вот, об'ясняя это слово, учительница старалась поднять на известную высоту личность либерала и показать ее с хорошей стороны. Тут были и просвещение, и гуманность, и законность, и полная свобода, и много других хороших качеств, которыми обладает личность «либерала». Слушая в числе прочих учеников это перечисление, я тотчас же вспомнил из газет, что за границей либералы очень часто (может всегда?) действуют против социалистов. И вот после этого я долго не мог хорошо переварить этого: все хорошие качества, с одной стороны, противник для нас, стремящихся к счастью всех, с другой. Но это мимоходом.

Постараемся ответить г. Дадонову в порядке упомянутых обвинений и оправдать, насколько возможно, наши поступки.

Г. Дадонов говорит, что «главную статью расходов составляет одежда и водка. На то и другое в отдельности тратится от 30 до 70 руб. в год», и это расход «рабочих с годовым заработком от 100 до 200 руб. в год». Это значит, что рабочий, получающий 100 руб. в год, тратит на водку и одежду 60 руб., т. е. весь год рабочий должен за 3 руб. 33 коп. в месяц иметь харчи, баранки, чай, квартиру, табак, баню, стирку и еще послать в деревню. Ой, ой, какую чепуху говорит г. Дадонов!

Если рабочий тратит на водку 30 руб. в год, то на эти деньги он может купить в месяц пять бутылок водки. Выходит, г. Дадонов, что рабочий, питающийся хлебом, картофелем, гречневой кашей, выпивает в сутки меньше $^1/_{100}$ ведра. И за это вы осмеливаетесь нам кликнуть: «пьяницы»! Не слишком ли через край хватили?! Допустить, что рабочий прогуляет 1 рубль в воскресенье невозможно, это было бы 52 руб. в год, да ведь еще есть, кроме воскресных дней, годовые праздники. Правда, на годовые праздники покупается водка в большом количестве, но сюда-то и уходит большая часть суммы, расходуемой на водку, и если в пасху или рождество рабочий позволит себе выпить лишнее, то отсюда делать заключение, что он пьяница, очень недальновидно. Нужно помнить и то, что рабочий, питающийся чаем, хлебом и картофелем, бывает слаб на ногах от одной рюмки, особенно если он мало работает здоровой физической работой.

Пойдем дальше. В среднем, рабочий, проживающий в артели, тратит на харчи 4 р. 50 к. в месяц, на приварок, чай, сахар, баранки выйдет не меньше 1 руб. Итого в год 66 руб. только на пропитание. Выходит, что для человека, зарабатывающего не 100 р., а даже 125 р., нет возможности тратить на водку и одежду 60 руб. Опять выходит, что г. Дадонов сказал чепуху.

Возьмем бюджет женатого ткача, как лучше оплачиваемого. Ткач зарабатывает от 150 до 180 руб. в год. Берем умеренные расходы: квартира, харчи и чай — 90 руб. в год, на водку, по предположению г. Дадонова, 30 р., на одежду, по его же предположению, 30 р., табак 5 р., вот уже 161 р., но ведь есть еще расходы: выслать родным, баня, болезнь, непредвиденные расходы, — а у нас уже есть недостаток, откуда же взять? Однако, приходится сокращать «главный расход». Но, оказывается, сокращать бюджет на одежду не особенно удобно. В год на обувь, будет ли это штиблеты или сапоги, все равно, — 7 руб. не меньше; предположим, что рабочий справит два пальто в два года, зимнее и летнее — 25 руб., в год 12 р. 50 к., какой-нибудь пиджак в 4 р., на работе порвется разного платья на 2 р., итого 25 р. 50 к., а ведь нужно еще купить «триковые штаны», картуз, шапку, иногда жилет, рубашки, кальсоны, оказывается недостаток. Откуда взять, г. Дадонов? А если у женатого, да еще есть дети, то прохарчуется он на 4—6 р., как думаете, г. Дадонов? Не придется ли ему тогда кое-что купить для ребят: рубашенку и кое-что другое? Не будет ли он принужден лишнее платить за квартиру? Как видели, к бюджету на одежду скорее придется прибавить, а не убавить, но все прибавки приходится брать из бюджета на водку, и последний все делается меньше и меньше. Теперь, если взять рабочего, который зарабатывает 8 р. (есть и меньше заработки—в 6—7 руб.), то насколько применима сумма (наименьшая), вы-

ставленная г. Дадоновым, на водку и одежду, видно из того, что он должен был бы прожить на 3 руб. в месяц, из которых должен уплатить за харчи, квартиру, табак, выслать в деревню и т. п. и т. п. Думать или утверждать это может человек, у которого голова не в порядке, а такие люди не должны заниматься литературой! Г. Дадонов говорит: «что касается заработков, то они колеблются от 8 до 100 р. в месяц». Вот так определил! Уж не на Великом ли океане стоит Иваново-Вознесенск, что там такое колебание? Это такое же определение, как если я скажу, что интеллигентные люди получают от 25 до 2.500 р. в месяц и, хотя это верно, — ведь многие получают по 25 руб. и есть директора, получающие 30.000 и более в год, но это не определение, а чепуха! «Если не вершок, то сажень», такова точность г. Дадонова. Если и бывают люди, которые все, что зарабатывают, несут в кабак, то такие личности больны и очень мало работают, их не держат на фабриках, а человек, зарабатывающий 100 р. в месяц, живет при других несколько условиях и за квартиру платит не «1 рубль с хозяйским приварком», а несравненно больше проживает, и одинаково тратит очень много денег на то, что г. Дадонов строго осуждает. Для иллюстрации позволяю себе привести пример. Мне пришлось работать с иностранцем, который на работе выпивал ежедневно по две бутылки пива; это стоит 30 к., а в год 108 р. Это расход только на пиво. Цифра очень внушительная для нас, русских рабочих, а для г. Дадонова и того больше! И все же никто не думал из администрации (иностранцы) делать заключение, что уважаемый у них работник пропивает много денег.

Г. Дадонов, утверждающий, что пьянство введено в систему, сделал такое заключение на основании показаний общества трезвости. Конечно, мы, рабочие, отлично знаем, что из себя представляют многие общества трезвости и что они будут представлять, благодаря их официальному положению при введении новой системы, т. е. когда царь-батюшка захотел быть кабатчиком, а министр Витте целовальником; достаточно упомянуть исключение графа Толстого из почетных членов московского общества трезвости. Пусть простят мне гг. культурники, — но не нужно быть пророком, чтобы утверждать, что не им суждено быть руководителями названных обществ, а займут эти места разные чиновники и батюшки. «Искра» надеется вскоре познакомить читателей с одним трезвенным обществом, которое усиленно искореняет пьянство... Совершенно верно, г. Дадонов, «могарычи» существуют, и существуют не только в Иваново-Вознесенске, но и в Петербурге, Москве, на юге и почти по всей России. И это есть зло, с которым уже ведется борьба каждым культурным рабочим, но мы не можем согласиться, что это является «одним из страшных зол фабричной жизни», хотя бы потому, что, если поступивший ткач приглашает человек 10—15 и покупает им ¼ ведра водки, то смешно думать, якобы он этим заставляет их пьянствовать, а не просто выпить после работы и поздравить его с поступлением. И ведь это происходит не ежедневно на фабрике и притом на такие «могарычи» удается попасть 1—3 раза в год. И уж поистине «не так страшен чорт, как его малюют» общества трезвости и г. Дадонов. Мы же позволим задать вопрос: почему у нас упомянутые «могарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему» или «являются одним из страшных зол фабричной жизни», а у таких культурных личностей, как даже у литераторов, разные юбилеи, обеды, чествования, где выпивается вина и водки уже во всяком случае не меньше на человека, чем на любых «могарычах», почему, спрашиваем, это не есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а, г. Дадонов? Почему, когда их высочество «выпил бокал за здравие», дальше «провозгласил тост», «ответил здравицей», дальше «выпил за князя» и так без конца, пока от разных «здравиц, бокалов, тостов» не напьются до осатанения, почему, г. Дадонов, это не есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему» и не есть «одно из самых страшных зол жизни» высших образованных классов? Вот, например, министр Сипягин, об'езжая это лето, всюду принимал предлагаемые обеды и был пьян хуже сапожника (извиняюсь перед товарищами за такую фразу), а что это верно, то рабочие видели, как он с морозовского обеда выходил «еле можахом», а приезжал-то, по простому выражению рабочих, «за брюками». И разве, г. Дадонов, все вышесказанное не развивает «поголовное массовое пьянство»? Еще раз: почему наши «могарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а все вышесказанное остальное нет? Мы знаем почему и не будем умалчивать об этом. Разница, г. Дадонов, вся в том, что вы, литераторы, а тем паче разные превосходительства, высочества и т. п. трезвенники, пьете в хороших ресторанах, клубах, квартирах, дворцах, а мы, бедный народ, на задворках, за подворотней буквально и в лучшем случае летом на тощей травке с такого же тощего качества закуской и если выпьем, то особой своей не можем хвалиться, мы тогда бледны, слабы. А видали ли вы пьяного г. Сипягина? Он трезвый выглядит точно большой медный куб, а пьяный еще краснее становится (кстати, советуем ему пить меньше, дабы не сгореть от спирта, подобно бывшему екатеринославскому губернатору ген. Келлеру). Но если мы пьем на задворках, то это не дает вам права называть нас пьяницами, а других трезвенниками! Когда читаешь газеты, то видишь одно и то же: в каждом номере пестрит здравица, бокал, тост и т. п. Всю жизнь люди проводят с поднятым бокалом в руке, гг. же литераторы стараются умиляться, описывая благородные выпивки. Эх, гг. литераторы, что может быть позорнее этого?! Поневоле напрашивается вопрос: где же общества трезвости? Где г. Дадонов? Где его наблюдательность? И почему он не скажет: «и почти ничего не развила из себя» образованность? Чего же они в самом деле молчат? Очень просто, они боятся, чтобы им кузькину мать не показали, а потому молчат про указанное пьянство. Другое дело — рабочие; про них все можно говорить; рабочий связан, а потому почему же не подойти к нему и не плюнуть ему в харю? И вот ополчаются разные общества трезвости, а за ними и гг. Дадоновы.

С пьянством покончили, но с г. Дадоновым еще нет. Относительно того, что приходится встречать у некоторых рабочих триковые штаны, то в этом мы ничего, кроме хорошего, видеть не можем. И в самом деле, что тут удивительного, если, живя в городе, рабочий износит то, в чем ходил в деревне, и теперь покупает городскую одежду? Неужели г. Дадонов признает городской костюм ненужным для крестьян и оставить навсегда деревенский костюм для народа? Если да, то это значит за одно признавать желательным оставление в деревнях черных изб. Я не думаю в данном случае возводить на г. Дадонова обвинение в осмеивании костюма, а подчеркнул то, что желательнее из двух предположений. Очень давно уважаемый нами Плеханов говорил про рабочих («Русский рабочий в революционном движении»), что они часто выгодно отличаются в смысле костюма от интеллигенции (к сожалению сейчас не имею под руками названной книги и не могу процитировать слова уважаемого автора). Во всяком случае, лучше пусть будет излишняя щеголеватость в костюме, нежели небрежность.

Квартирный вопрос, правда, поставлен у нас слишком скверно, чтобы его хвалить или защищать не только в разбираемом нами городе, но и во всей России. И рабочие, живущие в таких тесных квартирах, настолько свыклись с ними, что вызывают чувства возмущения у сколько-нибудь культурных рабочих. Свыкшись, они признают лучшим для себя жить в них, нежели поселиться вдвоем или втроем в одной комнате. Обыкновенно говорят они в таких случаях, что в артели веселее, а там сиди в комнате вдвоем или втроем, как в тюрьме. К этому десятками лет приучало и вырастило житье в таких условиях, а пришедшие из деревни ни о чем не думают в первое время, кроме несчастной высылки 2—3 руб. в деревню, и потому готовы еще ухудшить эти условия. Выросши в таких условиях, масса не может переносить одиночества, смотрит на это подчас, как на наказание. Психология та же, какую описал г. Мельшин в своем замечательном труде: «Из мира отверженных», где культурный человек не переносит жизни в общих камерах и считает это пыткой, где избавлением ему служит одиночная камера. Но там же для человека совершенно темного (некультурного) та же одиночная камера будет служить обратно наказанием, тогда как общая удовлетворит его. В Иваново-Вознесенске всякий, сколько-нибудь культурный рабочий старается жить отдельно, и если многие живут в артелях, то также многие живут по отдельным комнатам или два семейства в комнате, а потому

ставленная г. Дадоновым, на водку и одежду, видно из того, что он должен был бы прожить на 3 руб. в месяц, из которых должен уплатить за харчи, квартиру, табак, выслать в деревню и т. п. и т. п. Думать или утверждать это может человек, у которого голова не в порядке, а такие люди не должны заниматься литературой! Г. Дадонов говорит: «что касается заработков, то они колеблются от 8 до 100 р. в месяц». Вот так определил! Уж не на Великом ли океане стоит Иваново-Вознесенск, что там такое колебание? Это такое же определение, как если я скажу, что интеллигентные люди получают от 25 до 2.500 р. в месяц и, хотя это верно, — ведь многие получают по 25 руб. и есть директора, получающие 30.000 и более в год, но это не определение, а чепуха! «Если не вершок, то сажень», такова точность г. Дадонова. Если и бывают люди, которые все, что зарабатывают, несут в кабак, то такие личности больны и очень мало работают, их не держат на фабриках, а человек, зарабатывающий 100 р. в месяц, живет при других несколько условиях и за квартиру платит не «1 рубль с хозяйским приварком», а несравненно больше проживает, и одинаково тратит очень много денег на то, что г. Дадонов строго осуждает. Для иллюстрации позволяю себе привести пример. Мне пришлось работать с иностранцем, который на работе выпивал ежедневно по две бутылки пива; это стоит 30 к., а в год 108 р. Это расход только на пиво. Цифра очень внушительная для нас, русских рабочих, а для г. Дадонова и того больше! И все же никто не думал из администрации (иностранцы) делать заключение, что уважаемый у них работник пропивает много денег.

Г. Дадонов, утверждающий, что пьянство введено в систему, сделал такое заключение на основании показаний общества трезвости. Конечно, мы, рабочие, отлично знаем, что из себя представляют многие общества трезвости и что они будут представлять, благодаря их официальному положению при введении новой системы, т. е. когда царь-батюшка захотел быть кабатчиком, а министр Витте целовальником; достаточно упомянуть исключение графа Толстого из почетных членов московского общества трезвости. Пусть простят мне гг. культурники, — но не нужно быть пророком, чтобы утверждать, что не им суждено быть руководителями названных обществ, а займут эти места разные чиновники и батюшки. «Искра» надеется вскоре познакомить читателей с одним трезвенным обществом, которое усиленно искореняет пьянство... Совершенно верно, г. Дадонов, «могарычи» существуют, и существуют не только в Иваново-Вознесенске, но и в Петербурге, Москве, на юге и почти по всей России. И это есть зло, с которым уже ведется борьба каждым культурным рабочим, но мы не можем согласиться, что это является «одним из страшных зол фабричной жизни», хотя бы потому, что, если поступивший ткач приглашает человек 10—15 и покупает им ¼ ведра водки, то смешно думать, якобы он этим заставляет их пьянствовать, а не просто выпить после работы и поздравить его с поступлением. И ведь это происходит не ежедневно на фабрике и притом на такие «могарычи» удается попасть 1—3 раза в год. И уж поистине «не так страшен чорт, как его малюют» общества трезвости и г. Дадонов. Мы же позволим задать вопрос: почему у нас упомянутые «могарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему» или «являются одним из страшных зол фабричной жизни», а у таких культурных личностей, как даже у литераторов, разные юбилеи, обеды, чествования, где выпивается вина и водки уже во всяком случае не меньше на человека, чем на любых «могарычах», почему, спрашиваем, это не есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а, г. Дадонов? Почему, когда их высочество «выпил бокал за здравие», дальше «провозгласил тост», «ответил здравицей», дальше «выпил за князя» и так без конца, пока от разных «здравиц, бокалов, тостов» не напьются до осатанения, почему, г. Дадонов, это не есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему» и не есть «одно из самых страшных зол жизни» высших образованных классов? Вот, например, министр Сипягин, об'езжая это лето, всюду принимал предлагаемые обеды и был пьян хуже сапожника (извиняюсь перед товарищами за такую фразу), а что это верно, то рабочие видели, как он с морозовского обеда выходил «еле можахом», а приезжал-то, по простому выражению рабочих, «за брюками». И разве, г. Дадонов, все вышесказанное не развивает «поголовное массовое пьянство»? Еще раз: почему наши «могарычи» есть «пьянство, до некоторой степени введенное в систему», а все вышесказанное остальное нет? Мы знаем почему и не будем умалчивать об этом. Разница, г. Дадонов, вся в том, что вы, литераторы, а тем паче разные превосходительства, высочества и т. п. трезвенники, пьете в хороших ресторанах, клубах, квартирах, дворцах, а мы, бедный народ, на задворках, за подворотней буквально и в лучшем случае летом на тощей травке с такого же тощего качества закуской и если выпьем, то особой своей не можем хвалиться, мы тогда бледны, слабы. А видали ли вы пьяного г. Сипягина? Он трезвый выглядит точно большой медный куб, а пьяный еще краснее становится (кстати, советуем ему пить меньше, дабы не сгореть от спирта, подобно бывшему екатеринославскому губернатору ген. Келлеру). Но если мы пьем на задворках, то это не дает вам права называть нас пьяницами, а других трезвенниками! Когда читаешь газеты, то видишь одно и то же: в каждом номере пестрит здравица, бокал, тост и т. п. Всю жизнь люди проводят с поднятым бокалом в руке, гг. же литераторы стараются умиляться, описывая благородные выпивки. Эх, гг. литераторы, что может быть позорнее этого?! Поневоле напрашивается вопрос: где же общества трезвости? Где г. Дадонов? Где его наблюдательность? И почему он не скажет: «и почти ничего не развила из себя» образованность? Чего же они в самом деле молчат? Очень просто, они боятся, чтобы им кузькину мать не показали, а потому молчат про указанное пьянство. Другое дело — рабочие; про них все можно говорить; рабочий связан, а потому почему же не подойти к нему и не плюнуть ему в харю? И вот ополчаются разные общества трезвости, а за ними и гг. Дадоновы.

С пьянством покончили, но с г. Дадоновым еще нет. Относительно того, что приходится встречать у некоторых рабочих триковые штаны, то в этом мы ничего, кроме хорошего, видеть не можем. И в самом деле, что тут удивительного, если, живя в городе, рабочий износит то, в чем ходил в деревне, и теперь покупает городскую одежду? Неужели г. Дадонов признает городской костюм ненужным для крестьян и оставить навсегда деревенский костюм для народа? Если да, то это значит за одно признавать желательным оставление в деревнях черных изб. Я не думаю в данном случае возводить на г. Дадонова обвинение в осмеивании костюма, а подчеркнул то, что желательнее из двух предположений. Очень давно уважаемый нами Плеханов говорил про рабочих («Русский рабочий в революционном движении»), что они часто выгодно отличаются в смысле костюма от интеллигенции (к сожалению сейчас не имею под руками названной книги и не могу процитировать слова уважаемого автора). Во всяком случае, лучше пусть будет излишняя щеголеватость в костюме, нежели небрежность.

Квартирный вопрос, правда, поставлен у нас слишком скверно, чтобы его хвалить или защищать не только в разбираемом нами городе, но и во всей России. И рабочие, живущие в таких тесных квартирах, настолько свыклись с ними, что вызывают чувства возмущения у сколько-нибудь культурных рабочих. Свыкшись, они признают лучшим для себя жить в них, нежели поселиться вдвоем или втроем в одной комнате. Обыкновенно говорят они в таких случаях, что в артели веселее, а там сиди в комнате вдвоем или втроем, как в тюрьме. К этому десятками лет приучало и вырастило житье в таких условиях, а пришедшие из деревни ни о чем не думают в первое время, кроме несчастной высылки 2—3 руб. в деревню, и потому готовы еще ухудшить эти условия. Выросши в таких условиях, масса не может переносить одиночества, смотрит на это подчас, как на наказание. Психология та же, какую описал г. Мельшин в своем замечательном труде: «Из мира отверженных», где культурный человек не переносит жизни в общих камерах и считает это пыткой, где избавлением ему служит одиночная камера. Но там же для человека совершенно темного (некультурного) та же одиночная камера будет служить обратно наказанием, тогда как общая удовлетворит его. В Иваново-Вознесенске всякий, сколько-нибудь культурный рабочий старается жить отдельно, и если многие живут в артелях, то также многие живут по отдельным комнатам или два семейства в комнате, а потому

наблюдательный г. Дадонов мог бы встретить там и кровати в комнатах.

Поистине наблюдательность г. Дадонова удивительная. Он не то, что крыловский герой, — слона не приметил, о нет! Г. Дадонов, как приехал в Иваново-Вознесенск к фабрикам, так сразу и заметил котловину, да еще какую! в которой все фабрики поместились: вот какая наблюдательность г. Дадонова! Обернувшись кругом, он очень многое подметил, и потому стал понемногу повертываться к котловине, подобно крыльям ветряной мельницы: сверху вниз, сверху вниз, снизу вверх, снизу вверх. Тут были подмечены и фабриканты и администрация, и городское хозяйство и т. п., но мы об этих подмечаниях умолчим и скажем только относительно подмечания нас, рабочих. И вот, повернувшись немного, видит, что «пьянство до некоторой степени введено в систему», еще повернувшись, видит: укладываются спать, да так плотно один к другому, словно астраханские селедки в бочке, и стараются, чтобы голова одного приходилась у ног другого; еще повернувшись немного, он увидал рабочих (всех), у которых нет ни малейшего желания что-нибудь почитать и никакого стремления к знанию; еще повернувшись, смотрит: «распивают штоф водки», еще: «полицейский надзиратель разбирал какое-то дело», и от дела остался изодранный кафтан; еще повернувшись, видит пустой театр, хоровод, слоняющуюся публику, и нигде ни одной книги, и потом еще чуть повернулся, смотрит: железная дорога, а там вдалеке и «Русское Богатство». И хотя наблюдательность была очень зорка, но одного г. Дадонов не подметил и не удостоил начертать на страницах «Русского Богатства». И признаемся, картина вышла неполная, а ведь всего-то недоставало нескольких слов, которых мы в праве были ожидать от наблюдательного г. Дадонова. И правда, что бы ему сказать: «И несомненно, что рабочие Иваново-Вознесенска очень ленивы». А впрочем, может г. Дадонов это вспомнит, а пока вернемся к главному обвинению, что мы «глубоко равнодушны к знанию».

Г. Дадонов уже получил ответ на свою статью от г. Шестернина, который указал наблюдательному г. Дадонову, что он взял ошибочную цифру, т. е. «вместо порося взял вола», мы же скажем, что с ним бывают ошибки и в обратном смысле. Так, говоря о числе читающих, он заявляет: «Группа читателей в возрасте от 20 до 30 лет составляет 23%». Откуда почерпнута эта цифра, мы не знаем, да это и не так важно для нас. Но вот что видно из отчета общества трезвости, который отражает как раз то время, которое описывает г. Дадонов. По возрасту распределение читателей показано в следующей таблице:

В возрасте	до 15 лет	159 чел.		
„ „	от 15 „ 20 „	818 „		
„ „	„ 20 „ 25 „	240 „	16,41%	
„ „	„ 25 „ 30 „	160 „	10,91%	
„ „	„ 30 „ 40 „	54 „		
„ „	„ 40 „ 50 „	27 „		
„ „	Выше 50 „	8 „		

Итак, оказывается не 23%, а 27%. А как много читателей нерабочих, видно из следующей таблицы:

Фабричных рабочих	1155	
Ремесленников	108	
Торговцев	27	8%
Разных	95	
Без занятий	81	
Итого	1466 читателей.	

Это тоже показывает хорошо, кто читает книги, а если еще сопоставим число читателей с одной стороны и число томов книг с другой, то ясно, почему многие читатели не постоянны:

Число читателей	1466
Число книг	1496
Выдано книг за 14 мес.	14211 (первое место—Гоголь).

Выходит, что рабочие, правда, читают очень скверные книги, но это происходит не потому, что у них такой вкус, а за неимением хороших книг. Если бы г. Дадонов вздумал порицать крестьян за то, что они едят лебеду, а не хлеб, то это было бы вполне аналогичное обвинение тому, которое он пред'являет к иваново-вознесенским рабочим. Г. Дадонов, упрекающий рабочих в равнодушии к знанию, что вы сделали, чтобы предотвратить у них такое равнодушие? Ничего! Упрекающий рабочих, что они смешивают земство с урядником, что вы написали хорошего о земстве? Ничего! Когда рабочий получал образование в сельской, в церковно-приходской школе, то что хорошего узнал он там о земстве? Ничего! Если будет написана популярная брошюра о земстве и его деятельности, будет допущена такая брошюра в библиотеку общества трезвости или фабричную? Нет! А будет ли возможность от этого получить ее рабочему? Нет! Хорошие книги, написанные популярными авторами, из которых интеллигенция черпает знания, такие книги может ли получить рабочий в библиотеках о которых вы пишете? Нет! Книги, которые получает рабочий из библиотек, дают ли ему настоящие знания? Нет! Могут ли интересовать получаемые из упомянутых пяти библиотек книги мало-мальски развитого рабочего? Нет! Доступна ли для рабочих лучшая описанная вами библиотека (публичная)? Нет! И так без конца: нет, нет, нет, ничего, ничего, ничего, а потому делать заключение на нет и ничего все равно, что считать от десяти книзу, и получится ничего. Это самое г. Дадонов и доказал, и стоило ли из-за такой чепухи огород городить? Разве не сделано все возможное, чтобы отохотить рабочих от библиотеки, в которой бывает мастер, конторщик и кое-кто другой? Разве у нас культурность и самостоятельность, а тем более возвышение личного достоинства не служит еще во вред рабочему? Разве наши фабричные библиотеки редко служат местом тайного наблюдения за благонадежностью рабочих? А относительно публичной библиотеки есть основание утверждать, что она-то уж в этом отношении не может быть названа безвинной овечкой. Разве в библиотеках для народа не сделано все, дабы по возможности извратить натуру человека из более порядочной в мерзкую? Разве гг. Комаровы мало потрудились и трудятся на этом поприще! Ведь они-то туда несомненно допущены. А допущено ли туда «Русское Богатство»? Сомневаемся. Но главная причина, почему рабочие плохо идут в библиотеки, заключается отчасти в плохом подборе, отчасти в ужасной бедности книгами последних, а потому в трудности получить намеченную книгу даже из такого плохого подбора, и если часто читатели выбывают, то виною тому служит нередко сама библиотека. Мы уже указали на цифры упомянутого отчета: всех читателей 1.466 человек, а томов всего 1.496 или 1.074 названия, что это значит? А то, что, если бы все подписчики взяли по одной книге, то в читальне осталось бы не больше 2% книг или читальня обанкротилась бы. И вот поэтому желающему почитать приходится довольствоваться всякой гадостью. Вот что еще говорит упомянутый отчет: религиозно-нравственных книг 20%, а берут их только 10%, тогда как по словесности книг 60%, а берут 66%. Это как нельзя лучше подчеркивает, в чем чувствуется недостаток. Бросается в глаза то, что г. Дадонов не желает считать читателями людей, которые походят некоторое время и оставят библиотеку за невозможностью получить там книгу.—Дальше. То утвержденье г. Дадонова, что ни одной книги на дому нет в целом районе с 20,000 жителей, — явная и безграничная ложь, чтобы не сказать больше. Рабочие постоянно имеют свои тайные библиотеки, где мало книг, но за то все книги на подбор и постоянно читаются. И вот этот-то настоящий читатель редко когда пойдет в упомянутые библиотеки, во-первых, рискуя выделиться, во-вторых, не имея надежды получить там что-нибудь хорошее. Очень часто и в Иваново-Вознесенске рабочий развитый принужден носить личину глупого человека. Г. Дадонов не знает и не поинтересовался узнать, как оберегается вся Владимирская губерния от знания, а тем более от социализма, — не страшитесь, г. Дадонов, этого слова! Было несколько лиц, желавших открыть в Иваново-Вознесенске книжную торговлю, но они постоянно получали отказ в разрешении. Не отказывали ли им из опасения, что не будет покупателей?

В Орехово-Зуеве есть книжная торговля, но там строго воспрещается продавать хорошие популярные книги, и желающие купить наталкиваются на «нет» и «ничего». Там же рабочие постоянно жалуются на неудачи в библиотеке — это жалобы общие. В Шуе (см. корресп. в ном. 6 «Искры») один из рабочих, выйдя из библиотеки и пройдя несколько саженей, был остановлен городовым, который справился: «что за книга» и потом, убедившись сам, какая и откуда выдана, возвратил обратно рабочему. Не будь на этой книге штемпеля библиотеки, едва ли бы рабочий так скоро получил книгу обратно. Можно быть уверенным, что упомянутый городовой имел инструкции относительно наблюдения. А жандармский ротмистр на чинимом им допросе сурово спрашивает рабочего: почему он взял читать именно такую книгу, а не религиозную, какое-нибудь житие? И диво бы еще книга была какая-нибудь особая, а то по каталогу, одобренному министерством! Все это, конечно, рабочие потом узнают, и слабые духом трепещут потом перед входом в библиотеку: желание получить книгу—с одной стороны и страх — с другой. А знаете ли, г. Дадонов, каково бывает положение рабочего, когда против него действуют темные силы? Возьмем опять Орехово. Там власти арестовали сочинения Решетникова, как воспрещенную книгу, и потом на основании этого уничтожают такие книги. Как говорили, там же в библиотеке нельзя рабочему добиться порядочной книги: говорят — занята, а конторщики держат месяцами по два по три тома на квартирах, и вообще часто замечают, если рабочий спрашивает порядочную книгу в фабричной библиотеке, то почти постоянно получает отказ, — книга занята, хотя на самом деле она спокойно лежит на полке. Как заботятся о развитии у рабочих чтения, видно из того, что существует параграф, карающий за чтение вслух в казарме, хотя бы читали вслух для безграмотного рабочего. Пусть не сердится на меня г. Дадонов, что я зайду за границу Владимирской губернии, в Богородск. Рабочих на фабрике З. Морозова кормят самой отборной умственной гадостью, и потому рабочим незачем ходить в библиотеку. Если там Достоевского нет, то что же можно получить порядочного для удовлетворения умственной потребности, кроме лубочных изданий и поповских глупых наставлений и одурачиваний?

Таковы в общих чертах способы и средства удовлетворения умственных потребностей рабочих. Из вышеизложенного видно, что как будто дают возможность читать и стремятся удовлетворить умственные потребности, признают официально эту необходимость удовлетворения правительство, фабриканты и разные общества, с одной стороны. Но и не как будто, а на самом деле ревут, вопрошают, предписывают: как смеешь читать безграмотному? Как ты выдумал читать в казарме вслух? Выгнать его на вольную квартиру!.. Почему читаешь не религиозные, а такие? Нет такой книги, занята. Кто такой, где работаешь? Это с другой стороны. И вот при таких условиях, когда слышишь, что изрекают: «глубоко равнодушны к знанию», то неужели для нас человек, произносящий такой приговор, не будет казаться возмутительным? Г. Дадонов говорит: «Во всех названных читальнях (пяти) находится около 8.000 томов и ими пользуется около 3.000 читателей» Есть основание не верить г. Дадонову, так как в одной читальне общества трезвости находится, как мы видели, 1.466 человек, почему же при одинаковом количестве книг в каждой (конечно, не абсолютно) не предположить, что и читателей почти столько же во всех прочих библиотеках. Если г. Дадонов тут сказал неправду, то пусть это останется на его совести. Для нас вполне ясно и доказательно, что ни в одной библиотеке хорошие книги не залеживаются, а если разная ерунда и остается «для выбора», то мы не имеем основания печалиться, что ее не читаем. Читать религиозно-нравственные книги может тот, кто желает поглупеть, мы же искренно этого не желаем. Остается еще сказать кое-что о публичной библиотеке, где г. Дадонов видел, что рабочие не считают нужным уделить... «20 коп. в месяц из своего 15—20-рублевого заработка». Пусть простит мне читатель, что я не признал г. Дадонова крыловским героем, который слона-то и не приметил, а очень зорким и наблюдательным человеком. И тяжело мне признаваться, ну, да что делать, покаюсь! Ведь и, правда, читатель, слона-то он и не приметил! Ну, и штуку удумал-таки г. Дадонов! Что же такое? А то оказывается, что нужно внести 2 руб. за чтение, да тут же четыре рубля залогу за книгу оставить. И диво от большого заработка, а ну как в зимнее время рабочий заработает 8—9 руб. в мес., а тут залогу такую оказию — четыре рубля за чтение... Ох, не с руки это нам, г. Дадонов! Поверите, ей богу не с руки! Статочное ли дело половину заработка отдать в залог за книги, когда и на хлеб со щами чувствуем недохватку. Нет уж увольте, как-нибудь обойдемся!.. Да и то по секрету вам нужно сказать, небезопасно туда ходить нашему брату. Пошел так-то один, он не удовлетворился этими библиотеками, про которые вы нам сообщили, ну, вот запомнил он более порядочных книг названий пять, да прямо в публичную.

— Так и так, позвольте, мол, мне такую-то книжку.
— Такой нет.
— Ну, такую.
— И такой нет.
— А такую?
— Тоже нет.
— Позвольте тогда Дарвина.
— Да ты кто такой?
— Рабочий.
— А где работаешь?
— Вам это зачем?
— Ну где ты живешь? — и т. д.

Наконец рассказал рабочий все, где живет, где работает, да так без книги и ушел из публичной. Наверное, потом рабочего искали на фабрике, но оказалось, что он сказал не настоящее имя, а выдуманное. Так вот оно что, г. Дадонов! Уж не потому ли вам отвечали, что рабочие не интересуются бытом рабочих в других странах? А ведь и правда, г. Дадонов, потому! Ларчик-то, оказывается, открывается очень просто, а вы столько времени ходили кругом да около напрасно, совсем напрасно! Для нас очень понятно, что вам ответили относительно отсутствия у рабочих интереса к бытоописанию жизни рабочих в других странах и относительно других вопросов. «Овцы там наверное были? Ох, нет, про них-то и забыли!» Г. Дадонов тоже устроил нечто похожее на волчий суд. Для того, чтобы утверждать, что рабочие равнодушны к знанию и не хотят ничего читать, нужно в Иваново-Вознесенске открыть библиотеку не меньше, чем на 25.000 томов и притом не по выбору министерских каталогов или, еще хуже, каталогов для библиотек обществ трезвости, а по выбору читателей и чтобы там не смотрели на рабочего, как на существо низшее, и чтобы у рабочих не арестовывали Решетникова, как книгу воспрещенную, — тогда и видно было бы стремление рабочих к знанию. Гг. Дадоновы, действующие в интересах Сипягиных и т. п., пусть не забывают, что последние держат дубинку с надписью: «на основании 144 ст.» и т. д., которой постоянно готовы ошарашить по голове «Русское Богатство» и другие органы и таким органам не удастся замолить своих грехов перед Сипягиным статьями гг. Дадоновых.

А позвольте спросить вас, г. Дадонов, что сделано для нас в смысле газет? Есть ли хоть одна порядочная газета? И если есть, доступна ли она по цене иваново-вознесенским рабочим? Рабочие, выписывающие газеты, могут ли они что-нибудь почерпнуть из них порядочное? Нет! И пока нет надежды получить порядочную газету, дающую рабочему что-нибудь добросовестное, которая говорила бы правду прямо в глаза, не стесняясь. Газеты же, подобные «Свету», могут только унизить, одурачить рабочих; «Биржевые Ведомости» тоже стараются доказать, что рабочие невежественны, тогда как жалованье получают большое (должный ответ получил г. Независимый от слесаря). «Биржевые Ведомости» рассуждают так: стоит их величеству слово сказать, и земной шар тотчас же раскроется пополам, и из него, как из арбуза, посыпятся зернышки в виде разных циркуляров об ослаблении цензурных условий, и гг. редакторы умильно будут их подбирать. Их же величество, выбросивши несущественную часть, продолжает сосать соки из русского народа. Выходит, что русскому рабочему нет никакой возможности развиваться цензурно, и потому он охотно склоняется достигать этого бесцензурным путем, и вот выходит, что где бы ни появлялась нелегальная литература и в каком-угодно количестве, ее все равно чув-

ствуется большой недостаток, рабочие читают ее, интересуются ею, скрывают ее, хотя все это сопряжено с большими неудобствами и нередко небезопасно для личности. Пусть доставит нам г. Дадонов что-либо порядочное, и мы найдем желающих прочесть доставленное и людей, несомненно интересующихся наукой и знанием. Вообще лучше было бы, чтобы гг. Дадоновы приходили не смотреть, что читают, а принесли бы что-нибудь прочесть. Если этого они не желают нести рабочему, то пусть несут крестьянину, который духовно в десять раз голоднее рабочего фабричного или заводского, и все же для таких голодных гг. Дадоновы не желают пальцем о палец ударить. У нас хулителей всегда было и есть слишком много, а порядочных людей нам редко приходится встречать и тем с большим удовольствием встретим всякого желающего делать посильное для просвещения. Да простится мне: хотел бы спросить: много ли читает интеллигенция с клеймом известного образования в каком-нибудь провинциальном городке, как-то: становой, исправник, следователь, поп, помещик, чиновники, земские начальники, офицеры? Можно сказать, не преувеличивая, что они больше заняты картами и пьянством, нежели чтением, а, кажется, и образование получили не такое, как рабочий, времени имеют чортову пропасть против рабочих, не так тесно живут, да и кормятся против нашего куда как не плохо. Отчего это, г. Дадонов?

Относительно театров—факт общеизвестный и подтверждения не требующий, что всюду бывают театры полнехоньки, если только в них ставятся порядочные вещи и хорошо исполняются и если цены местам недороги, да притом слышно со сцены в дешевое место, что не всегда на самом деле бывает. И если г. Дадонов рабочих не заметил, то возможно, что он ожидал в театре встретить рабочих с засученными рукавами, как они бывают на фабрике или выходят из последней. Наблюдательность г. Дадонова мы знаем.

Пойдем дальше. Г. Дадонов говорит вот что. «Незаметно никаких симптомов кооперативного движения». Если он не заметил никаких симптомов, то мы заметили целое общество потребителей, его лавки, его устав. На это же самое отвечал г. Шестернин, но мы скажем по этому поводу кое-что другое, чего не сказал г. Шестернин. Именно, что в данный момент в России какая бы то ни была правильная кооперативная деятельность парализована или, если хотите, терроризована. Если рабочие где что-либо подобное вздумают устроить и сразу не будет видно, что это учреждение чисто буржуазное, то прежде всего они должны доказать свою благонадежность, а так как в благонадежность предержащие власти постоянно не верят, то и выходит, что еще устав общества не выработан, а некоторые члены уже знают кузькину мать. А пока этот устав таскается по канцеляриям, то и остальных членов постараются силой куда-нибудь спровадить. В России было очень большое количество подано всяких уставов, но утверждено было слишком мало и то такие, где почетным членом или обязательным состоит губернатор, фабрикант, заводчик, фабричный инспектор и т. п. И быть уверенным, что в таких обществах есть основание думать об улучшени положения рабочих, все равно, что утверждать, якобы земские начальники отцы родные для крестьян...

Постоянно у рабочих в больших городах есть желание открыть клуб для рабочих, но его пока еще не разрешили. Поэтому рабочий в силу необходимости шел в трактир послушать орган или гармонику, и остроумничать над этим нехорошо господам литераторам. Разрешенные же общества постоянно должны чувствовать и находиться под страхом закрытия, на собраниях должны говорить оглядываясь, как бы какая жаба или гадюка не прыгнула на шею; постоянно дрожать за денежный фонд, как бы его не арестовало и не присвоило правительство. Стоит только допустить мысль о стачке и помощи такого общества своим членам-стачечникам, как уже общество прикажет долго жить по распоряжению губернатора. Очевидно, г. Дадонову неизвестно, что случаи очень не редки, когда рабочие вырабатывали уставы и, только написавши, успевали подать, как все подписавшиеся были арестованы и административным порядком попадали в Архангельскую, Вологодскую, Вятскую губернии. И уж не потому ли, что у них было «незаметно никаких симптомов кооперативного движения»! Сумеем уверить г. Дадонова, что мы это говорим на основании фактов, и не в наших интересах говорить против кооперации. Только трезво смотря на действительность, приходится признаться, что при современном политическом бесправии, кооперации не могут быть настолько полезны рабочим, насколько правительству. Всякий энергичный рабочий, увлекшись кооперациями, этим осудит себя на толчение воды в ступе или топтание на одном месте. В десять лет при современном бесправном положении кооперация не сможет дать того, что она сможет дать в один год при политической свободе, а потому мы больше желаем, чтобы увлекались нелегальным просвещением масс (агитацией), а не кооперациями. Всякий знает, каковы современные существующие кооперативные общества и потребительные лавки, во что они выродились в России. Именно, местами они носят характер чисто буржуазных учреждений, местами—хороших хозяйских способов получения от рабочих обратно заработка, местами—чисто бюрократическое (чиновничье) учреждение, местами — затрудняюсь назвать, но смысл таков: дайте ваши деньги, мы ими будем распоряжаться! Теоретически цель обществ почти всюду одинакова и выражается словами § 1: «учреждается с целью доставления своим членам по возможно дешевой цене жизненных продуктов» и т. п.; это, как мы сказали, теоретически, а на практике совсем другая песня.

К первому порядку можно причислить лавки на паях (например, такая лавка в Спб. на Путиловском заводе). Устанавливаются сначала основания нескольких паев. Часто, конечно, пайщиками состоят не рабочие, и вот как только дело встало в коммерческом смысле на ноги, пайщики стремятся сократить число паев или, если этого нельзя сделать, забрать паи в меньшее количество рук, и тогда ценность пая растет так, что простой рабочий сделаться пайщиком не может; правда, он перестает и думать об этом. Пайщики получают хороший дивиденд, а заборщики, если кое-что и получат, то только в хорошей лавке и в счастливый год. Делами лавки вертят несколько лиц, и заборщики никакого влияния на них не имеют. Другой случай. На фабриках и заводах очень много лавок, открытых на средства хозяев, и ими же ставится администрация, они же и получают все доходы. Захоти рабочий там устроить что-нибудь свое кооперированное, и они немедленно будут уволены с фабрики или даже познакомятся с гг. Сипягиными, и последние не преминут применить к ним административные меры воздействия. Рабочие же, приходя в лавки, где они принуждены платить кровные деньги, должны себя держать, как на фабрике: тут тоже фабричное начальство, оно одинаково может прогнать с фабрики, а потому — бери, не разговаривая, что дают. Служить средством борьбы кооперации не могут, в данном случае приходится рамки экономической борьбы расширить до политической. В третьем случае лавки при железных дорогах всюду носят характер чиновничий и, хотя главный доход получается с рабочих, но последние не могут провести достаточное число рабочих в управление лавки, а те, которые попадают, идут на помочах у чиновников. В-четвертых. Есть лавки, где трудно отличить администрацию лавки от администрации завода, несмотря на то, что первая выборная (Брянские заводы). Представьте себе, что в администрацию лавки попадает человек, нежелательный администрации завода. И что же? Она такого человека спокойно увольняет с завода, и он тогда лишается права быть не только членом правления лавки, но даже простым заборщиком таковой. И это может случиться не только в упомянутой лавке (Брянских заводов), но почти в каждой. В-пятых, Ореховская лавка функционирует на деньги рабочих, и всякий, кто желает забирать в ней, должен определить сумму своего забора, предположим, 10 руб., и таковую вперед внести и только тогда может быть заборщиком, но не больше, как на ту сумму, какую внес. Это, кажется, последнее слово кооперации в России. И тут администрация выборная, но при выборах собравшиеся мастера, конторщики и прочая фабричная администрация фактически являются вершителями судеб лавки. Рабочие стоят позади и только поддакивают контористам, которые, конечно, предлагают своих кандидатов... Вот в общих коротких словах система наших кооперативных обществ, и та работа, которая в них

выпадет на долю рабочих, работа незавидная! Но зато рабочие повсюду в них являются стадом овец, которых стараются почаще стричь. Посмотрим, что выигрывают рабочие, если они забирают в кооперативных или общественных лавках. Всюду в России в любой такой лавке вот как поступают. Самая хорошая, мягкая часть мяса попадает управляющему на стол, потом мастерам, конторщикам, смотрителям, приказчикам, а кости, жилистая часть, словом, плохое мясо попадает рабочим, залежалое мясо — тоже рабочим, попортилось — тоже им. Недавно пришлось слышать, как в Орехове усиленно сбывали рабочим солонину с червями. Именно — «сбывали»: кто написал 2 фунта, тому весили 3 фунта и т. п. Спохватившись, рабочие перестали писать мясо и этим только спаслись; кто выписал, тот уже не мог не взять. Если кто из заборщиков сделает замечание на плохое качество товара, то целая буря поднимется против него. В лучшем случае вырвут у него из рук и крикнут, что, мол, если не хочешь брать, тогда и писать было не нужно. Хорошо, если рабочий молча уйдет, а то бывает и хуже: запишут номер книжки, а там вызов в контору, где громовые слова: бунт, возмущение, стачка, тюрьма, Сибирь так и сыпятся на голову строптивого рабочего. Бывает, что управляющий лавки заставляет уволить рабочего с завода или фабрики, и это только за то, что рабочий не пожелал взять плохое мясо или же указал на какой-нибудь случай злоупотребления. Нужно еще взять во внимание, что постоянно приходится долго ожидать, пока получишь желаемый продукт. Бывают очень нередко ошибки, что заборщик наберет на 8—9 р., а у него вычтут в получку 12—15 р. Туда-сюда суется рабочий, наконец, удается установить ошибку, но деньги-то задержали, и потому жди до следующего месяца. Но если ошибка произошла не на 5—6 руб., а на 1 рубль или 50 коп., то рабочий махнет рукой в большинстве случаев: так приятно для него доискаться ошибки! Но самую главную вину можно выставить против современных кооперативных лавок ту, что они поступают как раз наоборот против целей своего основания, т. е. продают товары не всегда доброкачественные, а берут очень часто дороже частных торговцев. Так, упомянутая (брянская) лавка берет на некоторые товары 20—25% дороже, а 5—10% — это явление у нас самое заурядное; ив.-вознесенская продает товар не дешевле частных лавок, но зато последние при расплате скидывают 2—5%, общество же этого не делает; в Орехове мясо продают в потребительных лавках дороже, чем в частных, и притом третий сорт не записывают, это значит, что его считают за второй сорт. Обращение всюду с заборщиками грубое, кто почище и с положением, тот постоянно пользуется привилегиями... Это все, во что выродилась у нас благородная идея кооперации. То, что местами за границей служит облегчением и помощью для рабочих, то у нас пока еще есть бич рабочих, и немудрено, что повсюду кооперативные лавки не приобрели еще симпатий рабочих, и не сладки плоды, пожинаемые рабочим от кооперацій!

Потому-то гг. Дадоновы и могут говорить об отсутствии симптомов и стремлений...

Еще не все! Относительно кооперацій наши Сипягины могут сказать, что они у нас разрешаются и никаких особых препятствий против них нет. Они (Сипягины) все делали, дабы загадить благородную идею и идут уже гораздо дальше. Так, недавно один жандармский ротмистр раз'яснял, что его превосходительство г. губернатор охотно разрешает и даже сочувствует артелям Левицкого, и потому-де рабочим этого опасаться не следует: преследовать, мол, за это не будут. А Святополк-Мирский тоже говорил: «Чего бы тут (в Екатеринославе) не устроить какого-нибудь рабочего союза?» Не знаем, легко ли он разрешает теперь рабочие союзы? Впрочем, он человек предупредительный... Едва ли мы ошибемся, если скажем, что правительство позаботилось своевременно извратить смысл кооперации, загадить благородную идею, а теперь, чувствуя приближение неизбежности рабочих союзов, оно старается направить их по руслу ошибок, неудач и тем парализовать их хорошие стороны. Таков смысл их неподдельного сочувствия. Поэтому приходится быть вдвойне осторожным и очень зорким, чтобы все подметить своевременно (советуем гг. московским профессорам, устроителям бесед с рабочими, вникнуть в эти слова. *Редакция*). Вполне ли это удастся, сказать трудно.

Заканчивая свою статью, г. Дадонов говорит: «Точно также извне пришла на фабрику жажда света, культуры». Не думает ли г. Дадонов, что свет пришел на фабрику с военной службы? И что солдаты несут туда культуру? Если да, то очевидно, что у г. Дадонова и чертополох сойдет за шелковицу. Я же приведу такой пример: в настоящее время служит в солдатах один из бывших фабричных, который видел фабричный «бунт», да и сам не был простым зрителем; уходя в солдаты, он оставил после себя товарищей. Так вот пишет этот солдат: «Я своего дела и тут не оставляю, и есть у меня таких же людей, как и я, человек десять»... Ага! оказывается, опять ларчик открывается просто, и становится понятно, каким путем знание проникает в головы солдатиков. А нужно сказать, теперь из фабричных и заводских рабочих попадает-таки на службу не мало людей, которые просят прислать им книжонок, да получше, а при случае с оказией и нелегальных послать. Вот что знаем мы, рабочие. Скажу еще вот что: из Иваново-Вознесенска высылают рабочих, не менее интеллигентных, чем Иван Фролов (о котором упоминает г. Дадонов), хотя, может быть, они и не занимаются стихами и вам известны не были. И все же в Иваново-Вознесенске остаются еще развитые рабочие, хотя сюда никаких неблагонадежных не пускают. Выходит даже некоторая аналогия (сходство) с университетом: как университет выпускает и высылает часть «света и культуры» в разные уголки России, так точно и Ив.-Вознесенск рассылает со своими рабочими «свет культуры» во все концы России.

Рабочий за рабочих.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 10 НОЯБРЬ 1901 ГОДА № 10

КАТОРЖНЫЕ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОР.

Еще одни «временные правила»!

На этот раз дело идет только не о студентах, повинных в непокорности, а о крестьянах, повинных в том, что они голодают.

15 сентября высочайше утверждены и немедленно вслед за этим опубликованы «Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ». Познакомившись с этими правилами (конечно, не по газетным публикациям, а по собственному опыту), русский мужик увидит новое подтверждение той истине, которую вбило в него вековое порабощение помещикам и чиновникам: когда начальство торжественно заявляет, что мужику «предоставляется участие» в большом или маленьком деле, в выкупе помещичьей земли или в общественных работах по случаю голода — надо ждать какой-нибудь новой казни египетской.

В самом деле, временные правила 15 сентября всем своим содержанием производят впечатление нового карательного закона, дополнительных правил к уложению о наказаниях. Прежде всего, самое устройство и ведение работ обставлено такой сугубой осторожностью и волокитой, как будто бы дело шло об обращении с какими-нибудь повстанцами или ссыльно-каторжными, а не с голодающими. Казалось бы, устроить работы — дело самое простое: земские и другие учреждения получают средства и нанимают рабочих строить шоссе, расчищать леса и т. п. Обыкновеннно работы подобного рода так и производятся. А теперь создается особый порядок: земский начальник указывает работы, губернатор составляет свое заключение, которое идет в Спб., в особое «совещание по продовольственному делу», состоящее под председательством товарища министра внутренних дел из представителей разных министерств. Кроме того, общее заведывание возложено на министра, который может назначать и особых уполномоченных. Петербургское совещание будет даже устанавливать предельные размеры вознаграждения рабочих — то есть, должно быть, следить за тем, чтобы не «развращали» мужика слишком высокой платой! Очевидно, что временные правила 15 сентября имеют целью затруднить широкое применение общественных работ, точно также как сипягинский циркуляр 1 августа затруднил выдачу пособий голодающим.

Но еще гораздо важнее и гораздо вреднее особые постановления о порядке найма крестьян на работы.

Если работы производятся «вне районов их оседлости» (так будет, естественно, в громадном большинстве случаев), то рабочие образуют особые артели под наблюдением земского начальника, который утверждает и старосту для надзора за порядком. Сами выбирать старосту, как делают обыкновенно рабочие, голодающие крестьяне не смеют. Их ставят под начало вооруженному розгой «земскому»! Членам артели составляется особый список, который заменяет для них установленные законом виды на жительство... Вместо отдельных паспортов будут, следовательно, артельные списки. К чему эта замена? К тому, чтобы стеснить мужика, который при отдельном паспорте свободнее мог бы устроиться, как ему удобнее, в новой местности, легче мог бы уйти с работы в случае недовольства.

Далее. «Забота о сохранении должного порядка во время пути и передача доставленных партий рабочих заведующим работами вверяется чинам, особо командируемым мин-ством внутр. дел». Свободным рабочим выдают задатки на проезд, крепостных — «доставляют» «партиями» по списку и «передают» особым чинам. Не правы ли крестьяне, когда они смотрят на «общественные» и казенные работы, как на новое крепостное право?

И действительно, закон 15 сентября приближает голодающих крестьян к крепостным не только в том отношении, что отнимает у них свободу передвижения. Закон дает чиновникам право удерживать часть заработной платы для отсылки семействам рабочих, если это находит нужным «губернское начальство местностей, где остались семьи». Заработанными деньгами будут распоряжаться без согласия самих рабочих! Мужик глуп: сам о своей семье позаботиться не сумеет. Начальство это все гораздо лучше сделает: кто не слыхал, в самом деле, как оно хорошо заботилось о мужицких семьях в военных поселениях?

Одна беда: мужики теперь не так уже, пожалуй, покорны, как во времена военных поселений. Могут ведь и потребовать, чтобы им выдали обыкновенные паспорта, чтобы не смели, без их согласия, удерживать заработанных денег? На этот случай надо строгости усилить, и закон постановляет в особой статье, что «надзор над сохранением рабочими должного порядка в местах производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников, офицеров отдельного корпуса жандармов, полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». На голодающих крестьян правительство, очевидно, заранее смотрит, как на «бунтовщиков», устанавливая, кроме общего надзора всей российской полиции за всеми русскими рабочими, еще особый строжайший надзор. Мужика заранее решили взять в ежовые рукавицы за то, что он осмеливается «преувеличивать» голод и проявляет (как выразился Сипягин в своем циркуляре) «ничем неоправдываемую требовательность по отношению к правительству».

А чтобы не возиться с судами в случае каких-либо неудовольствий рабочих, временные правила дают чиновникам право подвергать рабочих аресту до трех дней без особого судебного производства за нарушение тишины, недобросовестность в работе, неисполнение распоряжений!! Свободного рабочего надо привлекать к мировому, перед которым он может защищаться, и на решения подавать жалобу, — а голодающего мужика можно сажать в кутузку без всякого суда! Свободного рабочего за нежелание работать можно только рассчитать, — а голодающего мужика новый закон предписывает «за упорное уклонение от работ» отправлять по этапу на родину, вместе с ворами и разбойниками!

Новые временные правила, это — настоящие каторжные правила для голодающих, правила об отдаче их в работы с лишением прав за то, что они осмелились утруждать начальство просьбами о помощи. Правительство не ограничилось тем, что отняло у земства заведывание продовольственным делом, запретило частным лицам устраивать, без разрешения полиции, столовые, предписало уменьшать впятеро действительные размеры нужды, — оно еще об'являет крестьян неполноправными и приказывает расправляться с ними без суда. К постоянной каторге вечно голодной жизни и непосильного труда присоединяется теперь угроза каторгой казенных работ.

Таковы мероприятия правительства по отношению к крестьянам. Что касается рабочих, то расправа с ними всего ярче характеризуется напечатанным в предыдущем номере нашей газеты «Обвинительным актом» по делу о майских волнениях на Обуховском заводе. «Искра» писала уже о самом событии в июньском и июльском номерах. О суде наша легальная печать молчала, памятуя очевидно, как даже благонамереннейшее «Новое Время» «пострадало» за попытку писать на эти темы. В газеты попала пара строк о том, что суд был в конце сентября, да затем в одной из южных газет случайно был сообщен приговор: двоим — каторжные работы, восемь оправдано, остальным — тюрьма и исправительные арестантские отделения на сроки от двух до $3^1/_2$ лет.

Итак, в статье «Новое побоище» (№ 5 «Искры») мы еще недостаточно оценили мстительность русского правительства. Мы думали, что к военной расправе оно прибегло как к последнему средству борьбы, боясь обращаться к суду. Оказывается, сумели соединить и то и другое: после избиения толпы и убийства трех рабочих выхватили 37 человек из нескольких тысяч и присудили их к драконовским наказаниям.

Как выхватили и как судили, об этом дает некоторое представление обвинительный акт. Во главе зачинщиков поставлены Ан. Ив. Ермаков, Ефр. Степ. Дахин и Ан. Ив. Гаврилов. Обв. акт указывает, что Ермаков имел прокламации на квартире (по словам подручной в казенной винной лавке Михайловой, не вызванной на суд в качестве свидетельницы), что он говорил о борьбе за политическую свободу и ходил 22 апреля на Невский, захватив красный флаг. Далее подчеркивается, что и Гаврилов имел и раздавал прокламации, призывавшие на демонстрацию 22 апреля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала в каких-то тайных сборищах. Несомненно, таким образом, что прокурор постарался выставить зачинщиками именно людей, в которых сыскная полиция подозревала политических деятелей. Политический характер дела виден также и из того, что толпа кричала: «нам нужна свобода!», виден и из связи с первым мая. В скобках сказать, расчет 26 человек за «прогул» первого мая и зажег весь пожар, но прокурор, разумеется, ни словечка не проронил о незаконности такого расчета!

Дело ясное. Для суда выхватили тех, в ком подозревали политических врагов. Сыскная полиция представила

О ТАКТИКЕ ВООБЩЕ, О ТАКТИКЕ НИКОЛАЕВСКОГО ГЕНЕРАЛА РЕАДА В ЧАСТНОСТИ И О ТАКТИКЕ Б. КРИЧЕВСКОГО В ОСОБЕННОСТИ.

Слово тактика заимствовано политическими деятелями от теоретиков военного искусства. Военное искусство состоит, как известно, в приспособлении средств, которыми располагает полководец, к цели, которую он преследует. Что касается тактики в собственном смысле этого слова, то под нею понимают искусство располагать войска для битвы и руководить ими во время самой битвы. Это понятие значительно уже того, которое связывается со словом тактика в политике. Политические деятели часто называют тактикой то, что теоретик военного дела назвал бы стратегией. Но как бы там ни было, всякий без труда согласится, что иное дело цель, преследуемая политической партией или военным начальником, а иное дело приспособление к этой цели средств, находящихся в распоряжении этой партии или иного полководца. Ясное представление о цели еще вовсе не ручается за умелое пользование средствами. И кто, отправляясь на войну, воображает, что ему достаточно знать, зачем она ведется, тот рискует испытать тяжелые поражения.

Сознание этой аксиомы выражается в социалистической литературе различением между принципами партии и ее тактикой. Люди, согласные между собой в принципах, могут разойтись по тому или другому тактическому вопросу. Это ясно само собою. Спрашивается поэтому: можно ли относить тактические разногласия к числу таких разногласий, наличность которых лишает данных политических деятелей возможности принадлежать к одной и той же политической партии?

При невнимательном отношении к предмету кажется, что на этот вопрос нельзя ответить иначе, как отрицательно. Тактические вопросы не должны вести к разрыву; если люди согласны между собою в принципах, если они стремятся к одной общей цели, то они — товарищи и должны оставаться таковыми; им грешно разрывать из-за второстепенных частностей...

Так говорят обыкновенно дилетанты социализма. Но они говорят так единственно потому, что в своем качестве дилетантов они невнимательно относятся к предмету. Им представляется, что тактические вопросы отделены от принципиальных непроходимою пропастью. На самом же деле такой пропасти не существует, и вот почему тактические разногласия, перейдя известный предел, превращаются в разногласия принципиальные.

За доказательствами ходить недалеко; достаточно обратиться к Франции. Жорес уверял и уверяет, что он только в вопросах тактики расходится с Гедом, Вальяном и другими сторонниками революционной социал-демо-

списки. А полицейские, разумеется, «удостоверили», что эти лица были в толпе и бросали камни и выделялись среди других.

Судом прикрыли вторичный (после побоища) акт политической мести. И подло прикрыли: о политике упомянули для отягощения вины, но политической обстановки всего происшествия раз'яснить не позволили. Судили как уголовных по 263 ст. Улож., т. е. за «явное против властей, правительством установленных, восстание», и притом восстание, учиненное людьми вооруженными (?). Обвинение было подтасовано: полиция приказала судьям разбирать лишь одну сторону дела.

Заметим, что по 263 — 5 стт. Уложения можно закатать на каторгу за всякую манифестацию: «явное восстание с намерением не допустить исполнения предписанных правительством распоряжений и мер», хотя бы «восставшие» не были вооружены и даже не производили явных насильственных действий! Русские законы щедры на каторгу! И нам пора позаботиться о том, чтобы каждый такой процесс был превращаем в политический процесс самыми обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовщины!

А какой «прогресс» в самом судопроизводстве, по сравнению, напр., с 1885 г.! Тогда морозовских ткачей судили присяжные [1], в газетах были полные отчеты, на суде свидетели из рабочих вскрыли все безобразия фабриканта. А теперь — суд чиновников с безгласными сословными представителями, закрытые двери суда, немое молчание печати, подтасованные свидетели: заводское начальство, заводские сторожа, полицейские, бившие народ, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!

Сопоставьте этот «прогресс» расправы с рабочими в 1885 и 1901 гг. с «прогрессом» борьбы против голодающих в 1891 и 1901 гг., — и вы получите некоторое представление о том, как быстро растет и вглубь и вширь возмущение в народе и в обществе, как яростно начинает метаться правительство, «подтягивая» и частных благотворителей и крестьян, устрашая рабочих каторжными приговорами. Нет, каторга не устрашит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятерит силы новых борцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые, как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: «Мы стоим за братьев!» Правительство намерено, кроме полицейской и военной расправы с манифестантами, судить их еще за восстание; — мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!

[Н. Ленин]

ЕЩЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВРАТЕ НАШИХ ДНЕЙ.

В редакцию поступило письмо от незнакомого нам товарища, озаглавленное «О зубатовщине». Недостаток места не позволяет нам, к сожалению, поместить письмо целиком, и мы ограничимся подробными выдержками из него. Надеемся, что автор ничего не будет иметь против.

По вопросу о провокаторских приемах Зубатова в письме сообщаются следующие интересные факты, за достоверность которых автор ручается. «„Зачем вам, господа, перестукиваться? — обратился недавно Зубатов к сидящим в одной из московских тюрем рабочему Z и девице Y. — Ведь я же могу разрешить вам видеться, сде-

---

кратии. И в известном смысле он, пожалуй, прав. Если под принципами понимать общие положения социализма, — напр., то положение, что капиталисты эксплоатируют рабочих; что эксплоатация должна быть устранена; что для ее устранения необходима социализация средств производства и т. п., — то можно почти с уверенностью сказать, что Жорес искренно разделяет эти принципы. И тем не менее всякий видит теперь, что Геду и Вальяну невозможно итти вместе с Жоресом. Тактические разногласия, существующие между этими старыми борцами и красноречивым другом его превосходительства барона фон-Мильерана *, несомненно достигли теперь таких размеров, что стали принципиальными.

Дело в том, что кроме тех принципов, которые, подобно вышеперечисленным, представляют собою формулировку и обоснование конечной цели социализма, существуют еще те принципы, на которые опирается тактика борьбы за эту цель. Люди, несогласные между собой в этих последних, не могут итти вместе, как бы ни было велико их единомыслие в том, что касается общих положений социализма. Для примера укажем хоть на тех социалистов-утопистов, которые смотрели на классовую борьбу как на величайшее зло и утверждали, что полное прекращение этой борьбы есть первое практическое условие освобождения пролетариата. Социал-демократы не могли бы считать таких социалистов своими товарищами даже и в том случае, если бы они совсем не разошлись с ними в определении конечной цели. Выше мы сказали, что ясное представление о цели еще вовсе не ручается за умелое пользование средствами ее достижения. Теперь мы прибавим, что именно поэтому единомыслие по вопросу о конечной цели не может считаться условием, достаточным для об'единения практических борцов под знаменем одной партии.

Правда, Жорес и его единомышленники об'являют себя такими же убежденными и решительными сторонниками классовой борьбы, как гедисты или бланкисты. Но их пример лучше всякого другого показывает, что не всякий-то, кто признает известный принцип, руководствуется им в своей практической деятельности.

Классовая борьба пролетариата с буржуазией предполагает развитие классового самосознания рабочих. Поэтому нельзя считать истинными сторонниками классовой борьбы таких людей, которые навязывают рабочей партии тактику, не только не развивающую это самосознание, но прямо затемняющую его. При этом почти все равно, почему именно эти люди придерживаются такой вредной тактики: потому ли, что они обманываются сами, или же потому, что им хочется обмануть других. Главное дело в том,

* Известно, что Мильеран недавно возведен в баронское достоинство австрийским императором.

лайте одолжение". И „господа" соглашаются на любезное предложение любезного генерал-провокатора... А Зубатов продолжает любезничать. Тому же рабочему Z он позволяет выходить за пределы тюрьмы и даже быть на собрании пресловутого московского общества взаимопомощи машиностроительных рабочих. Далее. Когда выпускают соседку Z — г-жу Y, он милостиво разрешает ей еще раз на прощание повидаться с Z. Приходит очередь выпускать последнего. Выпускают. Любезный генерал-провокатор шлет девице Y телеграмму: такой-то выпущен, можете приехать повидаться. Натурально — приехала. Нужно прожить в Москве несколько дней. Паспорта нет. К Зубатову! „О, не беспокойтесь,—галантно уверяет г. Зубатов,—живите и без вида. Чуть тронут, — ко мне"... Пожила девица, повидалась с Z, и раз'ехались».

Совершенно верный вывод делает автор письма относительно значения таких, повидимому, мелких фактов. «Зубатов хочет сменить нетерпимость революционеров к рыцарям застенка — добродушием, вражду — амикошонскими отношениями, на почве этого добродушия и амикошонства он будет вселять доверие к себе в рядах нелегальных деятелей с тряпичной душой, а там — там недалеко будет и до бессознательного предательства по доверию».

«В рассказанных фактах,—продолжает автор,—есть одна любопытная черта: Зубатов пускал Z из тюрьмы на собрания о-ва взаимопомощи рабочих. Делал он это тоже не спроста. Он распинался перед Z за преимущество мирной самодеятельности рабочих перед революционной борьбой и пустил его на собрание, чтобы воочию убедить в прелестях этой самодеятельности и в той „свободе", которая ей предоставляется правительством... Зубатов хочет сбить рабочего с пути революционной борьбы на путь развития мирной самодеятельности; революционера он стремится превратить в сторонника потребилок и касс взаимопомощи, в противника политической борьбы. Впрочем, он готов помириться и на меньшем. Пусть революционер останется при сознании необходимости даже борьбы рабочих за улучшение своей доли, но только борьбы не политической! Известная история с „Зубатовской партией" в Западном крае показывает, насколько успешно может действовать в этом направлении Зубатов».

О московском обществе взаимопомощи автор сообщает следующие сведения:

«Зародилась у московских машиностроительных рабочих мысль обратить на путь спасения своих собратий от зол капитализма вспомогательной кассой. Кто натолкнул их на эту мысль — бог весть, но можно думать, что исходила она от Охранного Отделения, а в нем—из кабинета г. Зубатова, и через агентов его была пущена в оборот среди рабочих, которые и откликнулись на нее. Мысль эта росла и ширилась, и, наконец, вынырнула на свет божий. Несколько рабочих, ничего общего с г. Зубатовым не имеющих, взяли на себя инициативу, подобрали товарищей, и мысль о вспомогательной кассе машиностроительных рабочих начала приводиться в исполнение. Для обсуждения устава, для пропаганды этой мысли необходимы были, конечно, открытые собрания. И что же? В то самое время, когда реакция после мартовской бойни не знала никакого удержа, когда на Руси душили всякое проявление мысли и самодеятельности, когда разгоняли и сажали по тюрьмам даже мирных литераторов и закрывали даже самые невинные общества, вроде общества доставления книг больным (в Спб.: председателем был известный профессор Лесгафт, теперь высланный из столицы), в такое темное и дикое время разгула царских опричников московским рабочим милостиво разрешается открыто собираться для обсуждения вопросов, касающихся

что они в своей практической политике стремятся повернуть назад движение пролетариата. С такими людьми — а жоресисты несомненно принадлежат к их числу — революционная социал-демократия не может иметь ничего общего.

Для того, чтобы две социалистические группы (или организации, или фракции, или партии) могли об'единиться с пользой для дела, необходимо, стало-быть,— кроме единодушия по отношению к конечной цели,— чтобы ни одна из них не придерживалась такой тактики, которая могла бы показаться другой группе (или организации или и т. д.) вредной для развития классового самосознания рабочих. Это предел, который не может и не должен быть перейден. Как только тактические разногласия между двумя группами перешли за него, они приобретают принципиальное значение, и тогда разрыв становится неизбежным: препятствовать ему значит вредить делу.

Так представляется нам этот вопрос с нашей точки зрения. Но мы не должны забывать, что нашу точку зрения вряд ли можно назвать правильной. Известно, что мы — сектанты, зараженные «догматизмом», ослепленные фанатизмом и грешащие еще целой дюжиной таких же смертных грехов. В виду этого нам полезно будет выслушать человека, имеющего полное право благодарить творца за то, что тот не создал его по образу и подобию нашему. Этот человек — Б. Кричевский.

В № 10 «Рабочего Дела» он поместил статью: «Принципы, тактика и борьба», в которой он выясняет свои разногласия с «Зарей» и «Искрой». В деле этого выяснения первое место отведено им вопросу о том,—«каково правильное и нормальное отношение между принципами и тактикой и что собственно нужно понимать под тактикой» (курсив Б. Кричевского). Это как раз то, что нам нужно. Послушаем же Кричевского.

«Правильная тактика,— говорит он,— есть результат взаимодействия между принципами, указывающими цель движения, и конкретными условиями, в которых происходит движение» («Раб. Дело», № 10, стр. 5. Курсив Кричевского).

Дав нам это определение, Кричевский прибавляет, что под тактикой он разумеет здесь «общий, руководящий дух деятельности, ее философию, так сказать, в отличие от самой деятельности, от тактики в смысле общего характера практической деятельности, а тем более от тактики, как техники, от отдельных приемов и средств деятельности».

Мы имеем, значит, три вида тактики: 1) тактика-философия, 2) тактика - деятельность; 3) тактика - техника. Оставляя без рассмотрения «технику», мы хотим поближе приглядеться к первым двум видам тактики.

как кассы, так и вообще рабочего быта!! Делается это с одобрения и по ходатайству московских властей и, разумеется, прежде всего по рекомендации г. Зубатова. Столь необычайная вещь и заставляет меня держаться только-что высказанного предположения, что московская касса взаимопомощи—дело не только самих рабочих и гг. профессоров, но и... агентов Охранного Отделения. Это тем более вероятно, что г. Зубатов сам усиленно пропагандирует идею вспомогательных касс, усиленно рекомендует при этом рабочим, с которыми его сталкивает судьба, книги гг. Прокоповича, Бернштейна, Геркнера [2]...

«И вот в результате в России, в Москве, под руководством людей науки — Дэна, Озерова и Вормса — происходят открытые собрания, и на них дебатируются вопросы о различных нуждах рабочего класса! О чем только не говорят там! И о потребительных обществах, и о кассах взаимопомощи, и о читальнях-библиотеках для рабочих, и об унизительных для человеческого достоинства рабочего обысках при уходе с работы, и о различных условиях труда на заводах и т. д. и т. д. — ни слова, разумеется, только об одном — о политике. Говорят и гг. доценты, и мастеровые и — в этом едва ли можно сомневаться в виду горячего сочувствия со стороны г. Зубатова — агенты от Охранного Отделения. Картина умилительная и достойная быть отмеченной летописцем русского рабочего движения!

«Дело, разумеется, будет двигаться. Идея мощи вспомогательных касс и потребительных обществ будет, при ближайшем участии Охранного Отделения, широко распропагандирована, касса начнет существовать и, быть может, развиваться, хотя, конечно, о последнем можно спорить, имея в виду неуспех подобных предприятий в Харькове. Но все это мы увидим в будущем, а теперь меня интересует другой вопрос: зачем понадобилось г. Зубатову, этому верному, подлому и умному слуге русского политического режима такое покровительство, такое близкое участие в деле искоренения зла капитализма вспомогательными кассами и потребилками? Нам думается, что разрешение этого вопроса коренится в следующем: г. Зубатов гораздо вернее, чем многие из наших „экономистов", понял значение для России настоящего момента подобных средств борьбы с капитализмом. Он понял, что шум и гром, с которым осуществляется дело взаимопомощи, отвлечет от нелегального движения не мало интеллигентных рабочих, ищущих какого-нибудь приложения своих сил и еще не нашедших его в революционной борьбе; он понял, что правительственное покровительство организации таких мирных учреждений обманет многих и многих рабочих, уверит их, будто правительство всегда готово отечески заботиться об их интересах; понял, наконец, что люди, положившие свои силы и деньги в эти мирные учреждения, будут дорожить ими, будут каждую минуту дрожать за их существование, станут поэтому избегать всяких резких столкновений с правительством, проводить миролюбивую политику и отвлекать товарищей от политики революционной. Он понял, словом, что мирные учреждения, вроде вспомогательных касс, прекрасное средство борьбы с нарастающим революционным настроением масс; понял, что ими, если они разовьются и окрепнут, можно **задержать** близкую, неминуемую гибель царского правительства. И вот он хлопочет об этих учреждениях, он пропагандирует их, пропагандируя, вместе с тем, трогательную дружбу, трогательное амикошонство царского правительства с рабочей массой. Не ясно ли, что он действительно далеко не дурак, что его политика как нельзя более на руку правительству, и что правительство ухватилось за нее обеими руками, что оно будет теперь всеми силами стараться внести мир и спокойствие в рабочие массы заботами о развитии их мирной самодеятельности? Не ясно ли

Начнем с «тактики-философии». По смыслу определения, данного Кричевским, выходит, что философия деятельности (партии), ее руководящий дух, есть результат взаимодействия между принципами, указывающими цель движения, и конкретными условиями, в которых происходит движение. А так как принципы, указывающие цель движения, с полным правом могут быть названы руководящими принципами, и так как эти принципы, очевидно, руководят не чем иным, как деятельностью партии и потому составляют ее руководящий дух, то мы получаем следующий глубокомысленный тезис.

Руководящий дух деятельности (партии), философия этой деятельности, есть результат взаимодействия между руководящим духом деятельности и теми конкретными условиями, в которых эта деятельность совершается.

Что есть А? А есть результат взаимодействия между А и В. Не знаем, как вы, читатель, а мы не охотники до такой «философии», и мы думаем, что Б. Кричевский сделал бы гораздо лучше, если бы, не пускаясь в «философию», просто выразил бы ту простую мысль, которую ему хочется выразить, т. е. сказал бы, что деятельность социалистической партии должна определяться не только общими положениями социализма, но также и данными условиями окружающей действительности. Такой способ выражения имел бы то неоспоримое преимущество, что он был бы совершенно чужд «элемента»... «философской» **галиматьи**. Правда, он имел бы и крупный недостаток, а именно — он привел бы к тому, что «тактика-деятельность» совершенно слилась бы с «тактикой-философией», и тогда у нас было бы только два вида тактики. Но Б. Кричевский мог бы помириться с этим неудобством, утешаясь тем, что у него имеется в запасе еще два вида тактики: тактика-план и тактика-процесс.

«**Тактика-план**, — сообщает наш автор, — естественно может основываться только на принципах да еще на самых общих условиях деятельности, напр., в России на существование самодержавия». Поэтому она неудобна и в последнем счете ведет к вредным шатаниям. По уверению Б. Кричевского, Либкнехт метко характеризовал тактику-план, сравнив ее с теми планами, которые когда-то составлялись венским обер-кригсратом для австрийских генералов, воевавших с французами: «Планы в своем роде были безупречны, — говорит Либкнехт, — но не годились для данной местности, а французские генералы не были настолько любезны, чтобы сообразоваться с предложениями венского обер-кригсрата, и сражения были потеряны по всем правилам искусства».

На основании всего этого Б. Кричевский самым решительным образом осуждает «тактику-план». «Вообще, — заявляет он, — „Искра" и „Заря" видимо тяготеют к взгляду на тактику, как на заранее установленный и не-

также, что русская социал-демократия не может пойти рука об руку с Охранным Отделением, не может способствовать развитию этой самодеятельности, так горячо рекомендуемой г. Зубатовым? „Экономисты“ (правда, не все) говорили нам, что вспомогательные кассы и проч. нужны даже будущему (как известно, политическая борьба массы считалась ими делом неопределенного будущего) политическому движению рабочих масс, потому что они-де развивают солидарность, способность самодеятельности и привязанность к свободным учреждениям, сознание необходимости их вообще. Г. Зубатов думает иначе. И он прав! Движению, которому прежде всего нужно снести со своего пути политические преграды, революционному политическому движению нужна солидарность борцов за свободу, а не мирных штопателей дырявых штанов, ему нужна самодеятельность опытных конспиративных деятелей и сознающей свои политические интересы рабочей армии, а не самодеятельность мирно настроенного стада овец под опекой Охранного Отделения, ему нужна любовь к свободным учреждениям с враждой к царскому правительству, с готовностью бороться за свободу на жизнь и смерть, а не с готовностью гнуть шею перед этим правительством, с рабьей трусостью. Г. Зубатов понял то, чего не могли понять искренние доброжелатели рабочих, и он стремится потушить разгорающееся революционное пламя как раз теми средствами, какими, между прочим, думали потихоньку да полегоньку раздуть его гг. „экономисты“...

«Что же делать русским социал-демократам, как откликнуться им на всю эту „зубатовскую политику“ во всей ее совокупности, от заигрывания с отдельными лицами до заигрывания со всей рабочей массой? Остается одно: встречать эту политику резким словом ненависти, строго осуждать всякое амикошонство с русским правительством и его отдельными агентами и горячим призывом к революционной борьбе парализовать усилия интеллигентов и рабочих, насаждающих в России овечью самодеятельность. Экс-экономист».

В дополнение к этому сообщению приведем еще два следующие известия, доставленные нам из другого источника:

«В московском „обществе“ председательствует рабочий Михаил Афанасьев. Начал он пропагандировать в 1894 г., в 1896 г. был в московском „Союзе“, привлекался к следствию, привлекался также в 1899 г., но все оставался в Москве. Провокатором его не считают, но это человек, вполне подпавший влиянию зубатовской политики. Теперь он везде заявляет открыто, что его знамя — „легальность“, „нелегальность погубит русское движение“. На одно из собраний попал с разрешения руководителя (проф. Озерова) один из „интересующихся“. Дня через три Озеров получает письмо с указанием, что на собрании был такой-то. Известно-де, что он социал-демократ и может погубить столь хорошее дело. В конце донос, что он раздавал листки.

«В числе непременных пунктов устава Трепов потребовал присутствия полицейского чиновника. В качестве такового присутствует помощник Зубатова — Сазонов. Он говорит пламенные речи о нуждах рабочих, амикошонствует с рабочими, обещает уладить все затруднения с утверждением устава (в настоящее время — по газетам — устав уже утвержден. Редакция). Рабочим льстит, что о них печатают в газетах, жмут им руки и очень дружески с ними обходятся. Во многих ремесленных цехах и отраслях фабричного производства идут толки об устройстве таких же обществ. Многие из членов-рабочих бывают очень часто у Зубатова и Сазонова и при этом скрывают друг от друга свои посещения.

«Не так давно Зубатов предлагал одному заключенному рабочему свободу, если он будет в других городах,

---

изменный план деятельности. Мы же видим в тактике процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией» (стр. 11).

Процесс роста задач, растущих вместе с партией! О каких задачах говорит здесь Б. Кричевский? Очевидно, о тактических. Выходит, стало-быть, что, по его мнению, тактика есть процесс роста тактических задач, растущих вместе с партией. Тактика состоит в том, что растут тактические задачи. Это, поистине, бесподобно! Нехитрому уму не выдумать и в век!

Наш тактик, которому, кажется, не суждено расти вместе с партией, совершенно напрасно прячется за спину Либкнехта. Чтобы иметь право на такую «тактику», он должен был бы сначала показать, что покойный вождь немецких социал-демократов был близок к нему по своим практическим взглядам. Но в этом трудно было бы убедить нас, хорошо помнящих, как возмущали Либкнехта некоторые суждения о тактике французских социалистов, высказанные Б. Кричевским в немецкой печати. Поэтому мы оставляем в покое Либкнехта и обращаемся к нашему автору.

Слова Либкнехта ввели его в глубокое заблуждение, он вообразил, что французские генералы, сражавшиеся с австрийскими, пренебрегали планами и, подобно ему, ограничивались тем глубокомысленным соображением, что тактика есть процесс роста тактических задач, растущих вместе с ходом кампании. Но пусть Кричевский заглянет, напр., в знаменитые «Commentaires» Наполеона I: он увидит из них, как внимательно обдумывал и как заботливо составлял свои стратегические и тактические планы тот французский полководец, который нанес Австрии (да и не одной Австрии) самые жестокие поражения. Наполеон не только не чуждался «тактики - плана», но утверждал, что в хорошо составленном плане должны быть наперед приняты меры против всевозможных случайностей *. И если бы какой-нибудь глубокомысленный Кричевский того времени вздумал уверять его, что «план» - пустяки, а главный залог успеха заключается в том, что тактика есть процесс роста тактических задач, растущих и т. д., то деспотический корсиканец, наверное, скоро оборвал бы его с обычной своей солдатской бесцеремонностью.

Из всех героев военной истории мы знаем только одного, отчасти подходящего к идеалу Б. Кричевского. Это николаевский генерал Реад, тот самый Реад, о котором говорит Липранди в известной песне, приписываемой гр. Л. Толстому:

* Просим Б. Кричевского заметить, что Наполеон заранее составлял не только тактические, но и стратегические планы, т. е. не только планы отдельных битв, но и планы целых кампаний.

пользуясь своим влиянием, пропагандировать легальные союзы.

«Цех кондитеров и пекарей находится в раздумьи, по легальной или нелегальной дороге им итти. Кондитеры, народ более развитой, отправили делегата к одному господину за советом. Пекаря стоят больше за легальный союз с печатанием в газетах отчетов и проч.»

Недавно появилось в печати известие об открытии в Николаеве общества наподобие московского. А назначенный в Саратовскую губернию новый губернатор Энгельгардт заявил в Царицыне, что, если рабочие захотят устроить клуб, то он поддержит ходатайство.

В Минске на 5-м собрании столяров, состоявшемся с разрешения жандармского полковника, выбрана постоянная комиссия для наблюдения за исполнением мастерами закона о 12-часовом рабочем дне. В случае замеченных нарушений комиссия обращается к полиции за составлением протокола. Лет пять назад в Минске те же еврейские столяры выбирали тайные комиссии для наблюдения за тем, чтобы работа не длилась долее 6 час. вечера. Против нарушавших порядок мастеров столяры действовали иногда очень энергичными мерами — даже побоями. Правда, в то время рабочих не приглашали собираться вместе с жандармами «для обсуждения нужд своего ремесла», как говорится в пригласительных билетах, печатаемых ныне с разрешения и за подписью полицмейстера...

Когда-то «Раб. Мысль» уверяла, что рабочие должны и могут провести (при самодержавии) своих представителей в Департамент Торговли. Как видит читатель, департамент, в который нынче приглашают рабочих отстаивать свои нужды, есть департамент государственной полиции... Кто мечтает о «легализации рабочего движения», должен понять, что при самодержавии такая «легализация» возможна только под крылышком Зубатова.

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

БРОЖЕНИЕ В СТУДЕНЧЕСТВЕ.

Немного более полугода прошло со времени назначения «сердечного генерала», а благодушие россиян уже, кажется, совершенно отрезвилось от чада надежд, возбужденных пресловутым царским рескриптом. Изменили гимназическую программу, поговорили о реформе университетского устава, а все прочее решили оставить по-старому. Под сурдинку «благонамеренных речей» правительство стало понемногу вводить «реформы», отдающие блаженной памяти николаевщиной.

Сознание того, что общество и студенты еще раз обмануты, начало проникать в студенческую среду. Помеченная 19 июля прокламация «группы студентов — членов землячеств» — в Спб. призвала товарищей к возобновлению борьбы с реакцией. Приведем следующее место из этой прокламации:

«Прошло четыре месяца. Допустим, что после резкой критики и беспощадного осуждения, высказанного лучшими профессорами, старый устав не долго будет жить. Но какова будет эта реформа? Вознаградит ли она нас за годы борьбы и сотни жертв? После небольшого антракта слова „разума, сердечности и любви“ были забыты, и вновь подтверждено прикрепление к университетам*, провинции попрежнему полны уволенными студентами, и вместо обратного приглашения в университет они получают годы полицейского надзора; даже вопиющее беззаконие отдачи в солдаты исправлено лишь наполовину, и еще до сих пор многие продолжают нести тяжесть военной службы. В последние дни издан новый циркуляр, по которому евреи вовсе не принимаются в некоторые специальные учебные заведения; вместе с тем в газетах стали циркулировать упорные слухи об ограничении приема евреев в средние и высшие учебные заведения двухпроцентной нормой. Далекие от сердечности и любви, эти новые ограничения

* Имеется в виду обязательство для студентов вступать в определенный университет — по месту окончания гимназии.

Туда умного не надо
Вы пошлите-ка Реада,
А я посмотрю...

Реад, как видно, совершенно пренебрегал „тактикой-планом“:

А Реад возьми да спросту
Поведи нас прямо к мосту,
Ну-ка, на ура!
Вот ура мы зашумели,
Да резервы не поспели... и т. д.

Словом, не захотела победа улыбнуться простодушному сыну Марса. Если бы Б. Кричевский вспомнил его печальную историю, то он, может быть, не написал бы знаменитого отныне «Исторического поворота», который представляет собою настоящее реадовское «ну-ка, на ура!».

Почему Б. Кричевский вообразил, что «тактика-план» может основываться только на принципах да на самых общих условиях действительности? Это покрыто мраком неизвестности. Мы решительно не понимаем, в силу каких причин русские социал-демократы, при составлении плана действий должны принимать в соображение только «существование самодержавия», а не соотношение русских общественных сил; степень развития русского пролетариата; свою собственную организованность (или дезорганизованность) и, наконец, величину «свободной наличности», находящейся в их кассе. По нашему скромному рассуждению выходит, что все эти вполне «конкретные» условия гораздо более способен упустить из виду тот человек, который, начитавшись Б. Кричевского, пренебрегает «планами» и твердит, что «тактика есть процесс роста задач, растущих» и проч. и проч. Мы убеждены — и пример Кричевского еще более укрепляет наше убеждение — в том, что, если кто осужден на беспрерывные «шатания», то именно мудрецы этого калибра.

Б. Кричевский уверяет, что «Заря» и «Искра» склоняются к неизменному плану действий. Он хочет подтвердить это ссылкой на передовую статью в № 4 «Искры», где сказано, что названия тактики заслуживает только систематический и неуклонно проводимый план деятельности. Но неуклонное проведение принятого плана вовсе не означает решения никогда не изменять его. И это прекрасно видно из цитируемой Б. Кричевским статьи. Ее автор прямо говорит, что тактика может быть изменена, но он не без ехидства прибавляет при этом, что изменить тактику может только тот, кто ее имеет, и что нельзя говорить о тактике партии, лишенной крепкой организации, а след. и единства действий. И эти соображения сопровождаются у него насмешкой над Б. Кричевским, обнаружившим легкомысленную готовность к скоропалитель-

требуют особенно дружного отпора со стороны студентов и всего общества. Проводя их как раз в то время, когда под давлением общественного мнения, студенческих и народных волнений, правительство сулит реформы школьного дела, оно как бы идет навстречу требованиям самого общества, ставя эти ограничения во главе своих „реформ". Таким образом гнусная мера правительства как бы санкционируется желаниями самого народа. В равнодушии его к сеянью правительством национальной вражды и преследованию, оно черпает свою силу и потому легкой рукой сыплет ограничение гражданских прав евреев за ограничениями. Мы обязаны в данном случае загладить свою исконную несправедливость по отношению к угнетаемой национальности, выражающуюся в том, что мы молчали, когда нужно было протестовать; мы должны громко заявить правительству, что в этих своих преследованиях оно, как и всегда, действует наперекор желаниям лучших представителей русского народа, и откровенно указать еврейской и другим национальностям, что, борясь за „разумное, доброе, вечное", мы боремся вместе с этим рука об руку с ними и за их гражданские права».

Заканчивается прокламация приглашением требовать возвращения в университеты всех уволенных за беспорядки и отданных в солдаты товарищей, предоставления свободного доступа в университеты и другие учебные заведения всем, без различия национальности, религии и пола, отмены всяких стеснений в выборе университета и предоставления земствам и городским думам свободного обсуждения школьного дела.

В Харькове с начала учебного года в университете и ветеринарном институте изданы прокламации, говорящие о совершенном «с высоты престола наглом обмане русского общества и студентов» и о предстоящем возобновлении недавно прерванной борьбы. Вместе с тем среди харьковских же студентов циркулируют воззвания о поддержке бастовавших в Харькове портных. Очевидно, прошлогоднее участие рабочих в студенческом движении привлекло внимание и сочувствие студентов к борьбе рабочих.

Как и всегда, киевский студенческий «Союзный Совет» в своей прокламации проявляет наибольшую политическую революционность. Призывая к слиянию борьбы студенческой с общеполитической, Союзный Совет заявляет: «студенчество слишком хорошо помнит весь ход только что окончившегося движения, помнит, чем было вызвано у правительства обещание уступок и чем, следовательно, можно добиться их осуществления. Это — борьба жестокая, самоотверженная борьба, но борьба, вооруженная опытом прошлых движений, освященных их жертвами. Опыт же прошлого движения нам говорит, что студенческое движение дает только тогда результат, когда оно становится общественным, когда к нему примыкают все оппозиционные элементы общества».

11 октября в киевском университете произошла сходка 800 студентов. Обсуждались требования о возвращении сданных в солдаты студентов и отмене ограничения приема евреев.

Около этого времени в Спб. возбужденное настроение студентов было подогрето наглой статьей кн. Мещерского в «Гражданине», который (не в первый уже раз) распространился о «безнравственности» русских студенток. Грязные клеветы грязного князя, конечно, не могут никого оскорбить. Но студенты справедливо увидели в выходке кн. Мещерского один из эпизодов той кампании, которая ведется печатью его лагеря против освободительных стремлений общества и студентов. В университете произошла бурная сходка, на которой ректор упрашивал студентов отказаться от намерения демонстрировать перед ред. «Гражданина», дабы не затруднять неспокойным поведением «дела реформы». Жалкое лицемерие! *. Кого оно теперь обманет? Студенты убедились уже, что только тогда, когда они своими «волнениями» начинают «мешать» своим начальникам вырабатывать новые «препоны», тогда только им удается получить хоть какую-нибудь уступку.

Можно ожидать, что под тем или иным знаменем студенческое движение опять примет широкие размеры. Комитетам нашей партии и всем революционным группам следует теперь же начать готовиться к тому, чтобы события вроде прошлогодних не застали нас врасплох.

Киев. Борьба в тюрьме. Числа 15 августа товарищ Берлин, просидевший в тюрьме уже около двух лет по делу 1899 г. о типографии газеты «Вперед» [3], успе-

* Газета «Россия» — к стыду ее надо отметить — поддерживала это лицемерие холопскими статьями г. Дорошевича.

ным изменениям тактики «в 24 часа» и пытавшегося прикрыть свое ребяческое легкомыслие авторитетом Либкнехта. «Имя Либкнехта,—заметил автор указанной статьи,—„Раб. Дело", конечно, приемлет всуе. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу... а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев». Это замечание попало не в бровь, а в глаз Кричевскому, который, увидев свой смешной промах, пустился в «неудобь-сказаемые» рассуждения о тактике, чтобы хоть как-нибудь скрыть от читающей публики затруднительность своего положения.

«Тактика-процесс,—продолжает тактик «Раб. Дела»,—это есть вечное искание новых путей в свете принципов,—искание, сопряженное, как всякое человеческое искание, с заблуждениями, но единственно гарантирующее поступательный рост движения. Давно известно, что не ошибается тот, кто ничего не делает».

Друг мой, Аркадий Николаевич, пожалуйста не говори красиво! Вечное искание новых путей, да еще при свете принципов, разумеется, хорошее дело. Но оно хорошо только тогда, когда «ищущий» находит что-нибудь действительно новое. А когда оно открывает «вечно» такие Америки, которые давно открыты, но в существовании которых он, по своему крайнему неразумению, сомневался, то его «вечное искание» означает лишь столь же «вечную» неспособность понять то, что ему говорят более опытные люди. И тогда это «вечное искание» не представляет собою ничего, заслуживающего «высокого штиля». Тогда оно должно вызывать не похвалу, а строгое осуждение.

На основании предыдущего читатель уже мог составить себе надлежащее понятие о преимуществе рекомендуемых Б. Кричевским видов тактики. Но для законченности впечатления ему надо прочитать еще следующие строки:

«Революционер-социал-демократ имеет задачей —своей сознательной работой только ускорять об'ективное развитие, а не отменять его или заменять его суб'ективными планами. „Искра" в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к преуменьшению значения об'ективного или стихийного элемента развития. Мы уже указывали, что тактика-план противоречит основному духу марксизма. Неудивительно поэтому, что „Искра", склоняясь к тактике-плану, тем самым вынуждена также, помимо своей воли, приближаться к заговорщицкому взгляду на „подгото-

вший и жениться в тюрьме, просил начальника тюрьмы дать ему личное (а не через решетку) свидание с женой. Просьба эта не заключала в себе ничего особенного, неудобовыполнимого, ибо следствие по делу Берлина уже закончено, решение постановлено, оставалось только приложить руку царю, — и Восточная Сибирь готова. Начальник тюрьмы не возражал, но так как в то время в тюрьме было высшее начальство — тюремный инспектор, то он и предложил Берлину обратиться со своей просьбой к инспектору. Инспектор сказал Берлину, что разрешить ему личное свидание — это такая роскошь, какой политические не заслуживают. Они-де и так пользуются разными удобствами. Берлин ответил ему: «Я просил вас, вы не исполняете моей просьбы; так я потребую, и вы исполните!» Разговор происходил в конторе тюрьмы. Берлин через несколько минут удалился в свою камеру, а часа через два его снова вытребовали в контору. Он думал, что будет об'яснение по поводу его заявления насчет его требования, но оказалось, что ему предложили место в тюремной карете и отвезли в арестантские роты. Узнав об этом, остальные товарищи сильно возмутились и стали требовать возвращения Берлина, угрожая не принимать пищи. На утро он был возвращен и решил не принимать пищи, пока не удовлетворят его просьбы. Через день или два к Берлину присоединилось два или три товарища, еще через день-два несколько человек, наконец на шестой день никто из политических не принимал пищи, даже и тот, которому товарищи вначале не позволяли вовсе голодать, ибо, по заявлению доктора, голодовка могла бы кончиться для него смертельно. Всех голодавших было 28 человек. По доходившим из тюрьмы сведениям, на девятый день человек 18 было снесено в больницу. Киевский Комитет решил устроить по этому поводу демонстрацию, но рабочие сочли момент неудобным. Тем не менее, до 250 экземпляров прокламаций Комитета было распространено в нескольких промышленных заведениях, и полиция заволновалась. В воскресенье 26 августа на Крещатике был усилен полицейский наряд, в некоторых дворах были скрыты казаки, а в конце Крещатика — на Бессарабке — был поставлен верховой городовой. Арестов не было. На одиннадцатый день после начала головки Берлина увезли в Москву, и голодовка прекратилась.

Евреи-капиталисты в борьбе с евреями-рабочими. О том, какой страх нагоняет на еврейскую буржуазию движение еврейских рабочих, можно судить по нижеследующему документу, составляющему перевод с воззвания, разосланного одним фабрикантом г. Двинска к своим товарищам:

«М. г. У нас в Двинске образовалась шайка стачечников-социалистов, одетых в синие рубахи на выпуск, с красными поясами, в белых фуражках и с ножами в карманах. Они позволяют себе грабить, убивать людей средь бела дня и совершать всевозможные злодеяния. Многие, на глазах которых совершаются эти подвиги социалистов, не решаются вмешиваться из страха подвергнуться той же участи. И, таким образом, они стараются стереть с лица земли или в лучшем случае превратить в нищих большое число фабрикантов, купцов, подрядчиков и даже мелких ремесленников. Они травят и нападают на всех зажиточных людей, как голодная кошка нападает и выслеживает трусливых мышей.

«Для борьбы с подобного рода людьми, не признающими ни бога, ни властей, у которых кровь человеческая ценится ниже воды, нам, купцам и фабрикантам, необходимо прежде всего соединиться. Мы не должны бездействовать и утешаться, говорить: это волнение только дело мальчишек и оно скоро пройдет.

«Нет, дорогие друзья, это не мальчишеское дело. Присмотритесь поближе, и вы увидите, что натворили эти люди в самое короткое время, скольких разорили, скольких просто убили. Сначала это действительно проделывали какие-то скандалисты, лентяи, — мастеровые-красильщики, но они ограничивались самыми ничтожными требованиями. Купцы и хозяева мастерских, которых это тогда нисколько не касалось, не обращали внимания на них, а в некоторых случаях даже находили их правыми. Но смотрите, какие размеры приняло это движение теперь. К нему примкнули все рабочие-ремесленники, приказчики и вообще весь простой народ. Теперь требованиям их не видно конца, и со временем они дойдут до того, что капиталисты принуждены будут отдать им все свое состояние, своих жен и детей, а, наконец, и душу, потому что это их конечная цель, как можно заключить из их прокламаций и газет. Кому приходилось читать их бесцензурный журнал „Рабочий Голос“

вление“ революции, т. е. уделять об'ективному или стихийному процессу второстепенное место и в конечном акте революционного развития».

Очень хорошо. Б. Кричевский «показал» (мы уже знаем, как показал он), что «тактика-план» противоречит основному духу марксизма; поэтому нам остается только обратиться к знаменитой «тактике-процессу» или к не менее занаменитой «тактике-деятельности». А когда мы найдем не бесполезным узнать, в чем же состоит такая тактика, тогда наш философ важно повторит нам, «браду свою уставя», что она состоит в процессе роста тактических задач, растущих вместе с ростом партии. Если же нас не удовлетворит такой ответ, то всем и каждому станет ясно, что мы заражены доктринерским взглядом на тактику. Вот что значит хорошо аргументировать!

Покидая «тактику-план», мы должны будем, кроме того, уделить «об'ективному процессу» гораздо больше места, чем «суб'ективным планам», которыми мы увлекались до сих пор. Тогда мы будем настоящими марксистами. Это опять чрезвычайно глубокое соображение. Жаль только, что наш автор не совсем складно излагает свои мысли и что, вследствие этого, у него встречаются некоторые неясности. Попробуем же мы, — по выражению Белинского — внести факел поэзии во тьму вопроса. Нам думается, что тактическая философия Б. Кричевского хорошо иллюстрируется стихотворением Козьмы Пруткова: «Перед морем житейским»:

Все стою на камне:—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне:
Радость или горе?

* * *

Может, озадачит,
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда, — не видит.

Это стихотворение издавна нравилось нам тем, что в нем отдается должное «стихийному, об'ективному процессу», а «тактике-плану» не придается ни малейшего значения.

Суб'ективисты à la гг. Кареев и Михайловский думали, что теория Маркса противопоставляет об'ективный процесс развития общественных отношений суб'ективным планам людей и осуждает эти планы ad majorem gloriam об'ективного процесса. На этом основании они упрекали марксистов в проповеди квиетизма. Г-да «суб'ективисты» были уличены в неправильном понимании Маркса. Им показали, что с точки зрения автора «Капитала» указанное противопоставление не имеет смысла, так как суб'ективные планы людей сами являются выражением об'ективного развития. После

и вообще всю их литературу, тот не может в этом сомневаться.

«Поэтому, дорогие друзья, мы неотложно должны взяться за лечение этого недуга, как эпидемия, как холера, охватившего весь мир. Мы должны для этого пользоваться всеми средствами, которые они употребляют против нас. Первое средство это — единодушие. Мы, фабриканты, купцы и подрядчики, должны единодушно, соединенными силами, взяться за лечение этой болезни, которое должно выразиться в том, что каждый должен стараться вредить социалистам чем только возможно. Если кому-нибудь представится случай извести хоть одного из бунтовщиков — рабочего или приказчика, кто проведает что-нибудь об их делах и замыслах, тот не должен молчать и не имеет права молчать, а обязан воспользоваться этим случаем и действовать им во вред. В борьбе с ними, победа в которой принесет нам наше спасение, мы не должны знать жалости. Сказано в Писании: убивай намеревающегося тебя убить.

«Это первое средство; второе — деньги.

«Мы должны основать общество и собирать деньги, потому что за деньги можно все купить. Мы должны подкупить всю полицию, чтобы она с большим усердием работала для нас; нужны деньги для ходатайства в губернии и Петербурге. Мы все должны взывать о помощи, чтобы нас спасли от всепожирающего огня, с минуты на минуту увеличивающегося и грозящего не только нам, — но всему настоящему строю, религии и государству. Так как у нас мало свободного времени, мы должны нанимать свободных людей, которые могут все свои силы уделить преследованию стачечников, но все-таки мы должны и их контролировать. Мы должны нанимать людей преимущественно из христиан, которые хорошо умели бы проучить стачечников, восстающих против своих хозяев; должны завести себе собственных шпионов, чтобы выследить все их тайные места и сборища, выведать их планы, чтобы предать их в руки правительства, не щадя ни своих родных братьев, ни сестер. Наконец, нужны деньги для составления приговоров о выселении лишних людей, которые ничем не занимаются, а только работают в союзе стачечников. Нужно хлопотать перед правительством, чтобы у мастеровых не было биржи, куда они собираются не для того, чтобы искать работу, а исключительно для того, чтобы условиться как действовать, кого убить или разорить; чтобы или совсем закрыть городскую синагогу или же приставить к ней, по крайней мере, пять городовых и десять или двадцать солдат, которые должны стоять у входов и на дворе и не допускать стачечников во время молитвы ходить по двору или даже по той улице. Они должны гнать их или в синагогу, где они должны стоять на одном месте, или домой, потому что они устроили себе там своего рода сборный пункт, где могут совещаться. Там происходят скандалы, драки, там убивают людей... Стыдно должно быть всему еврейству, что дом божий превратился в место сборищ социалистов, стачечников, жуликов, воров, разбойников, криминалистов... Скольких людей они уже там убили!.. Ах, стыдно, стыдно!..

«Итак, дорогие друзья, фабриканты и купцы Двинска, пользуйтесь временем и спасайте, пока возможно, пощадите ваше состояние, ваших жен и детей, а также и самих себя. Нужно стараться работать в этом направлении, насколько возможно больше.

«Распространяйте и показывайте это письмо всем вашим друзьям — фабрикантам и купцам — и уговорите их присоединиться к нам, так как, если мы будем бороться соединенными силами, мы сумеем оправдать сказание: „искореняйте возникшее между вами зло“.

* * *

Само собою разумеется, что все описанные здесь страхи непомерно преувеличены. Никаких массовых убийств в г. Двинске не происходило, а имели место только случаи избивания упорных хозяев и изменников-рабочих. Но это не важно. Интересно в этом документе то, что хозяева-евреи для борьбы со своими единоверцами-рабочими готовы требовать закрытия синагог и нанимать рабочих-христиан для грязных услуг против своих же единоверцев. Но ведь, чтобы побудить рабочего-христианина избить еврея, придется, пожалуй, разжигать в нем вражду к евреям? Двинские фабриканты о таких пустяках не беспокоятся. Мы надеемся, однако, что среди рабочих-христиан они не найдут себе союзников, что их глубокое убеждение в том, что за деньги все купить можно, не найдет себе подтверждения. Вот полицию царского правительства они действительно смогут купить — в этом не может быть сомнения

этого можно было надеяться, что придуманное «суб'ективистами» противопоставление не найдет места, по крайней мере, в сочинениях тех писателей, которые выдают себя за марксистов. Эта надежда оказалась теперь неосновательной. Явился Б. Кричевский и снова разогрел старое измышление «суб'ективистов», исправив и дополнив его в интересах своей „тактики-философии“. Если г. Карееву случится прочитать статью г. Кричевского, то он с удовольствием отметит, что ошибка „суб'ективистов“ была в сущности очень незначительна: они полагали, что истинный марксист ставит ни во что суб'ективные планы людей; а из слов Б. Кричевского оказывается, что марксист не может признать своими философскими единомышленниками тех революционеров, которые стремятся предусмотреть направление об'ективного процесса общественного развития и построить сообразно с ним свои планы. C'est tout comme (это одно и то же) не без основания может воскликнуть «старый водолей»...

Б. Кричевский глубоко убежден в том, что его взгляд на тактику является «применением к борьбе партии одного из самых глубоких философско-исторических положений Маркса». Мы бьемся об заклад, что вы, читатель, не угадаете, какое именно «положение» имеет он в виду. Слушайте и удивляйтесь. Б. Кричевский говорит о знаменитом положении, согласно которому человечество ставит себе только выполнимые задачи. «Подобно человечеству, — говорит Кричевский, — соц.-демократическая партия, в нашу эпоху представляющая собою движение вперед, ставит себе... одну тактическую задачу за другой, сообразно с возникновением материальных условий для решения данной задачи» (стр. 26).

В этих строках поразительнее всего то обстоятельство, что соц.-демократия оказывается стоящей за пределами человечества. Правда, она «представляет собою» его движение вперед; но что она не является его составною частью, видно из того, что она подражает ему, поступая «подобно человечеству». Наш «человекоподобный» тактик забыл только пояснить нам, по какую же сторону человечества стоит социал-демократия: выше она или ниже?

В заключение заметим, что Б. Кричевский опустил еще один вид тактики, именно — тактику-болтовню. Этот чрезвычайно важный вид тактики может быть, в свою очередь, рассматриваем: 1) как болтовня-план, 2) как болтовня-процесс и 3) как болтовня-техника. Нам сдается, что статья подобного человечеству Б. Кричевского представилась бы нам в совершенно новом свете, если бы мы взглянули на нее с точки зрения болтовни-плана и болтовни-процесса.

[Г. Плеханов].

Нам пишут: «Во все земства разослан „совершенно доверительно“ циркуляр мин. вн. д., по которому губ. земским управам воспрещается сноситься между собой иначе, как через губернатора. Земцы считают циркуляр провокаторством со стороны министерства, которое надеется, что он, как прямо противоречащий положению о земских учреждениях, не останется неопротестованным, а протесты, которые последуют по поводу циркуляра, можно будет выставить как крамолу, что даст предлог урезать и без того жалкое местное самоуправление. А между тем, ст. 194 пол. о Зем. Упр. запрещает непосредственно сноситься между собой лишь земским собраниям, что же касается управ, то по ст. 104... „Земские управы с прочими губ. и уездными установлениями сносятся отношениями“».

Что эта выходка министерства есть провокация, это очень вероятно. Мы надеемся, что земцы, однако, не последуют в этом случае обычному либеральному приему: не откажутся от протестов против незаконного распоряжения под тем предлогом, что протесты-де будут на руку министерству.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ива́ново-Вознесенск. (Фабричные порядки. — Социал-демократическая агитация.) На ткацкой фабрике Антона Гандурина практикуется обычай заставлять запасных ткачей, получающих 20 коп. в день, исполнять самую тяжелую черную работу. Тем же запасным, когда им придется отработать смену на станке, платят лишь половину обычного заработка. Протестующие немедленно увольняются. Между тем, в этом году в положение запасных попали многие старые ткачи: Гандурин занял после пасхи их места новыми рабочими, благо в безработных недостатка нет. В теч. июня и июля последовали сбавки с ткани по 2%. На фабрике очень часто бывает простой паровой машины, заставляющий ткачей гулять по двое суток, теряя заработок. Табельщик на фабрике отличается площадной бранью и приставаньем к женщинам и девушкам. Работница, не желающая выслушивать его мерзости, подвергается частым штрафам, иногда за то, что оправляет волосы или моет руки. На фабрике Бурылина 26 июля 46 рабочих отправились жаловаться фабричному инспектору на неправильную выдачу заработка. Инспектор принял рабочих очень ласково, но затем отправился к фабриканту и посоветовал ему рассчитать жалобщиков, что и было сделано.

С 1 октября расценки на Ивановских фабриках, обыкновенно понижаемые на 10%, понижены на 30%. Фабриканты, очевидно, пользуются тем, что кризис создал массу безработных. Местный Комитет Партии выпустил три прокламации: одну по поводу сбавки расценков, другую — специально к рабочим ситценабивных фабрик и третью — политическую. Рабочие ситценабивных фабрик приглашаются требовать 9-час. рабочего дня (вместо 11) по образцу ткацких и прядильных. Общая прокламация выставляет требования сокращения рабочего времени, восстановления летних расценков, отчетности в расходовании штрафного капитала и т. д. У Бурылина рабочие начали было стачку, но ее сорвали пришедшие из деревни рабочие. Вот она, «связь с землей»! Настроение очень неспокойное, можно ждать большой стачки.

Все арестованные в мае по делу майских листков выпущены до решения дела. Рабочие держали себя на допросах стойко. Жандармский ротмистр Тимофеев отличается грубым обращением с рабочими, кричит, топает, говорит на «ты», прибегает к угрозам и предлагает рабочим поступить к нему на службу.

Серпухов (письмо рабочего). Летом нынешнего года в Серпухове было интересное движение рабочих, к несчастью окончившееся ничем. Дело разыгралось по следующей причине. На ситценабивных фабриках Коншина и Каштанова была об'явлена сбавка расценка за работу, а между тем жизнь вздорожала, так что жить на эти средства было почти невозможно. Подтвержу это примером. Вместо 65 коп. рабочему пришлось 50 коп. в день, а его жене вместо 45 коп. — 30 коп., его сыну вместо 60 коп. — 40 коп. Рабочие решили требовать или прежних условий или других каких-либо льгот. В это же время было подлито масла в огонь большими несправедливостями в расчетах по книжкам фабричной лавки, в которой забирался товар фабричными. Через два-три дня на работу не вышло у Каштанова 200 или 300 чел., в точности неизвестно. Стачечники держались тихо. Вскоре присоединились рабочие с Коншинской так наз. новой мызы. Эти уже стали силой заставлять бастовать других коншинских рабочих, живущих на фабричных квартирах, обещая сжечь их и пустить по миру. Такие разговоры заставляли часть небастовавших других коншинских рабочих присоединиться, но большинство работало. Вскоре мирная стачка перешла уже в действие. Был подожжен склад дров Коншина. Тогда администрация вытребовала казаков и об'явила, что фабрика запирается. Фабричные решили прекратить стачку и принять новые условия расценков: «зачинщики» уволены с фабрики.

С.-Петербург. Нам пишут: «В среду 19 сентября около народного дома Николая II (в Александровском парке) в конце девятого часа утра можно было видеть мирно стоящую плотною кучею толпу рабочих в 300—400 чел., перед которыми стояли до 40 городовых пеших и 30 конных. Конки задерживались, и пассажиров, не хотевших ждать, не выпускали выйти. Потом приехали два эскадрона жандармов, еще до 100 чел. конной полиции, Клейгельс и проч. Лишь в третьем часу рабочих, не желающих разойтись (несмотря на всяческие угрозы), оцепили и куда-то повели. Из разговоров с публикой узнал следующее (хотя не ручаюсь за достоверность, так как слышал и другие версии): каменщики и маляры по постройке электротехнического института (на Аптекарском острове), возмущенные безобразными порядками, бросили работу и решили итти на Невский, вызвать Клейгельса и пред'явить ему свои требования. Их успели задержать только у народного дома. Мне лично пришлось слышать негодование публики против полиции. Несколько раз слышал, как замечали: „рабочих едва три-четыре сотни, — а полиции и войск почти вдвое больше“; к концу поязвились и солдаты: „это у нас всегда так, чуть что, соберется кучка рабочих, а полиция тут как тут, трое на одного“».

Урал. По поводу годовщины смерти замученного в тюрьме рабочего А. С. Тютева на уральских заводах была распространена прокламация «К уральским рабочим». Приводим из нее отрывки: «Товарищи! 19 июня 1899 г. умер в Златоусте мастер Андрей Степанов Тютев. Всего за несколько дней до смерти, 2 июня, он был выпущен из уфимской тюрьмы полуживой,—до тюрьмы это был совершенно здоровый человек. Годичное заключение в затхлой, полутемной, отвратительной тюрьме сделали из этого здорового человека цынготного больного; у него развилась в тюрьме скоротечная чахотка, и тогда правительство выпустило его из тюрьмы, уверенное в том, что больного не спасет ничто на свете. 21 июля толпы златоустовских рабочих хоронили своего товарища». Далее излагается политическое бесправие русского рабочего и его экономическая необеспеченность, сломить которые прокламация призывает рабочих. «Память о погибшем Тютеве побудит каждого сознательного рабочего посвятить все силы рабочему делу, делу освобождения рабочих от бесправия и угнетения; это единственный достойный способ почтить память замученного товарища... И когда окрепнет рабочее движение на Урале и во всей России, тогда рабочие встанут, как один человек, и раздастся клич: „Долой царское правительство! Мы требуем политической свободы, мы требуем права открыто вести и рабочее свое дело и открыто бороться за освобождение труда от всякого угнетения“».

Усть-Катавский завод (Уфимской губ. и уезда). (Письмо рабочего.) С февраля месяца нынешнего года Усть-Катавский завод перешел в руки уфимского горнопромышленного общества; с февраля же месяца новое общество и принялось за свою бесцеремонную эксплоатацию, не гнушаясь никакими средствами: начать свою кампанию оно решило с подлого обмана. В виду того, что завод только что начинал еще свою новую деятельность, разумеется, понадобились хорошие рабочие руки,—вот общество и решило выписать себе хороших мастеровых. Выписали. Обещали тот же заработок, какой они получали на последнем месте. Когда же рабочие с'ехались, то им предлагают плату, гораздо низшую, приблизительно три четверти той, какую они получали ранее. Попробовали было не согласиться, да ничего не вышло; за дорогу, нередко очень дальнюю, поиздержались, места потеряны, а новые когда-то найдешь, а пить, есть и сейчас надо. Так, делать нечего, пришлось согласиться.

По имеющимся сведениям всем вообще в Усть-Катаве живется невесело, но хуже всего пришлось, видно, литейщикам, так что у них вышла даже маленькая стачка. Мало обществу того, что оно гнусным обманом заманило в свои лапы рабочих, оно решило предпринять обычную систему прижимок, сбавки расценков и прочих приемов капиталистической гидры, вывесив на литейном цехе в конце июля об'явление о сбавке расценков с 1 сентября. Литейщики пораскинули умом и порешили с середины августа, так недели за две до 1 сентября, заявить расчет, если расценки будут сбавлены. Но события предупредили это их решение, и сама администрация завода ускорила такое заявление литейщиков, вызвав в то же время забастовку тем, что работы, исполняемые учениками, стали давать старым мастерам, и те, таким образом, с трудом могли вырабатывать свое и без того ничтожное поденное жалованье. Работать при таких условиях стало невмоготу, и вот все литейщики, как один человек, в пятницу, 10 августа, с обеда не вышли на работу. Собрались на следующий день на соседней горке и решили бастовать до четверга, 16 августа, а там об'явить расчет, если не будут удовлетворены их скромные требования, т. е. оставлены прежние расценки и работы даваться соответствующие.

В понедельник прискакал из Уфы с громом и молнией сердитый окружной горный инженер Кихлер, исправник и начали успокаивать. Исправник сначала напустил гнева и ужасов, обещая замуровать живой рукой в каменные стены, кроме которых-де рабочие ничего за это не увидят, но потом, положив гнев на милость, стал разные добрые советы давать, — например, чтобы рабочие не предпринимали ничего сообща, а поодиночке заявляли бы в конторе о своем личном нежелании работать при таких условиях, но работ чтобы отнюдь не покидали, и т. д.; такой слишком немудреной политикой ему удалось все же расположить к себе рабочих. Кихлер же, тот все кричал и приговаривал: «так это у вас стачка!» и грозил распорядиться по-своему... Так и улеглось потихоньку это дело, многие со вторника стали на работу, с четверга же все пошло по-старому, только расценки оказались пониженными, старым литейщикам пришлось стать за ученическую работу, да одиннадцати лучшим товарищам об'явлен расчет.

Курск. 29 августа облетела весть о небывалом событии в летописях города: «на трамвае бунт!» Привыкший к грохоту и звону вагонов обыватель с изумлением взирал на пустые пути и, скрепя сердце, нанимал повеселевших извозчиков. Однако, к часу дня показались первые вагоны, медленнее обыкновенного и как-то неуверенно скользившие по рельсам. К вечеру движение приняло обычный, правильный характер, но на улицах долго еще слышались разговоры и замечания о сенсационном событии, взволновавшем наш мирный земледельческий город.

Вот подробности «бунта».

В 7 час. утра около парков трамвая собрались машинисты и кондуктора (около тридцати человек), но на работу не стали, а потребовали, чтобы к ним явился для об'яснений директор трамвая. Немедленно прибыл к ним один из администраторов и первым долгом, по российскому обычаю, стал ругаться скверными словами. Недвусмысленный ропот забастовавших и внушительный кулак одного из них тотчас прекратили, впрочем, поток начальственной ругани, и волей неволей начальство вынуждено было узнать, чего требуют недовольные: уменьшения рабочего времени путем увеличения числа смен, упорядочения штрафов, на которые у иных выходит за месяц чуть ли не половина жалованья, которое колеблется от 20 до 25 руб., и раздачи от общ. трамвая теплой одежды на зиму. Тем временем к месту «бунта» прибыл полицмейстер Стеткевич во главе отряда приставов и городовых, человек в 18, и само собой тотчас же принялся усмирять: «Молчать! Сгною! Всех вышлю административным порядком!» так и посыпалось из уст рассвирепевшего охранителя порядка. Г. Стеткевич, как и администратор трамвая, тотчас же осекся. «Мы сюда не ругаться пришли, ваше высокородие»,—заявил ему кондуктор Павлов. «Ты разговаривать! Арестовать его!» — приказал держиморда.—«Арестовывайте всех!»—послышались голоса среди шума ругательств и восклицаний забастовавших, выведенных из терпения руганью начальства. Г. Стеткевич понял, что зашел далеко в усмирении, и переменил тон. «Что же, братцы, все хотите в часть? Пойдемте». И вот «братцы» во главе с приставом двинулись по Херсонской улице мимо губернаторского дома (пристав хотел было миновать дом нашего Милютина-паши, да кондуктора настояли) к зданию третьей части, в которой и водворились. В часть приехал местный жандармский ротмистр. Этот повел дело тактичнее и убедил забастовавших дать подписку, что все они станут на работу. Подписку дали под условием, что начальство выслушает их требования и жалобы. На следующий день служащие трамвая узнали, что десять человек из них администрация уволила и что Павлов посажен в тюрьму как «зачинщик». Вероятно, трамваю пришлось бы снова стать, если бы не попечительная жандармерия, по настоянию которой уволенных снова приняли. Кроме того, депутатов от рабочих соблаговолил выслушать управляющий губернией фон-Бюнтинг в присутствии директора трамвая, которому и указал, как слышно, что надо порядки улучшить, время работы сократить... Нет сомнения, что администрация трамвая, вкупе с попечительной жандармерией, успеет еще разделаться с «бунтовщиками» и помаленьку, исподволь переменит состав «беспокойных». Но пока последние торжествуют и уверены, что хотя часть их требований будет уважена. Павлов просидел три дня—в действиях его «состава преступления» не усмотрели, выпустили из тюрьмы и даже приняли на службу.

Надо отдать справедливость забастовавшим, — держали они себя очень тактично и обдуманно: единодушно показывали начальству, что действуют они без уговора и что забастовка их вовсе не забастовка.

Во всех слоях населения забастовавшие вызвали самое полное сочувствие (на словах пока, к сожалению), и «бунт» трамвая живым и веселым лучем скользнул по нашей монотонной, серенькой жизни.

Харьков. 8 сентября в Харькове забастовали портные четырех главных военных портновских мастерских: Ласса, Халевского, Грозберга и Ищенко. Причиной забастовки, которая была задумана еще в мае и для осуществления которой с того времени начались сборы денег по 20 коп. с человека, послужили чрезвычайно низкие расценки (почти все портные работают в означенных мастерских поштучно), результатом которых было то обстоятельство, что хозяева наживали на каждой вещи 75—120% и более. Было выставлено два требования: 1) увеличение и уравнение расценков для всех четырех мастерских и 2) прекращение той площадной ругани, которая прежде висела в мастерских. Всего забастовало 85 человек и к ним примкнуло еще 20 чел. дамских портных «Еврейского магазина». Небастовавших было всего около 10—11 чел.

Приглашенные хозяевами портные из Полтавы были уговорены бастующими уехать обратно в Полтаву. Привезены были также мастера-портные из Киева, но эти, узнав в чем дело, сами побросали работу и выехали.

После 12 сентября было несколько совещаний владельцев магазинов с депутатами от стачечников; 20 числа были

выработаны правила и новые расценки так, как хотели бастовавшие. С 24 числа работы будут возобновлены, и выработанная таблица цен будет прибита в каждой мастерской. Цены увеличены от 50 коп. до 1 руб. 50 коп.

В случае неисполнения условий хозяевами, решено снова об'явить забастовку. Во время забастовки Комитетом Партии и группой «Союз Борьбы» были выпущены воззвания к обществу о поддержке стачки.

Крым. Стачка у русского царя! 7 октября в находящемся на южном берегу Крыма имени русского царя «Ливадия» произошел великий скандал: забастовало 50 рабочих. Причина забастовки — недовольство рабочих неисправной выдачей денег и грубым обращением. Главный управляющий имений царя, генерал Евреинов, пытался «успокоить» собравшихся в конторе рабочих, уверяя их, что «они шумят из-за пустяков», что «их сбивают злые люди» и проч. Но увещания от'евшегося на жирных хлебах царского холопа никакого впечатления на рабочих не произвели, и они, выставив категорически свои требования, бросили в 5 ч. вечера работу. Царская контора не замедлила пойти на уступки и выразила на следующий же день готовность удовлетворить выставленные стачечниками требования, выдала им из конторы счета для просмотра, обещали вперед «вежливое обращение».

Среди крымских рабочих этот отрадный факт производит сильное впечатление, содействуя росту классового и политического сознания. Вот тебе и царь, — говорит даже темная еще рабочая масса, — выходит, что кровь нашу он пьет не хуже любого подрядчика.

Сознательные крымские рабочие должны воспользоваться этим фактом для усиления соц.-демократической агитации среди местного рабочего класса, указывая на резко сказавшуюся здесь солидарность интересов царя и всяких иных эксплоататоров трудящегося люда.

Кстати отметим, что, как нам сообщает побывавший на работе в царских имениях пролетарий, у царя существует, напр., строгое воспрещение курить в его имении (рабочему люду, конечно). За нарушение этого приказа штрафуют в 10—25 руб.!

ИЗ ПАРТИИ

Орехово-Зуевская рабочая организация расширилась и приняла название «Орехово-Богородской организации», принадлежащей к Росс. С.-Д. Раб. Партии. Устав организации свидетельствует о том, что орехово-богородские товарищи положили в основу строго-конспиративные и революционные принципы.

Организация заявляет в своем уставе, что признает своим руководящим органом «Искру». Имея в виду издание агитационных листков на местные злобы дня, организация оговаривается, что, хотя эти листки могут носить «экономический» характер, но это не значит, чтобы организация держалась «экономического направления». Согласно уставу, 10% средств кассы отчисляются в стачечный фонд, 25% на нелегальную литературу, 10% на помощь арестованным и 30% на конспиративные расходы.

Приветствуем новую организацию и надеемся, что ей удастся осуществить поставленные ею задачи. В недалеком будущем постараемся познакомить читателей с извлечениями из устава.

Опечатка[1]). В № 9, в статье о Голландии, вместо «ожидали повода» следует: «они дали повод».

За неимением места отчет отлагается до след. №.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Дело о стачке морозовских ткачей разбиралось дважды: сначала во Владимирском окружном суде без участия присяжных заседателей (из 19 рабочих двое были оправданы и 17 приговорены к аресту при полиции на сроки от 10 дней до 3 месяцев). Во второй раз судились там же 33 рабочих с участием присяжных заседателей. Обвинение было пред'явлено по статьям, по которым полагалось наказание 15—20 лет каторги (за подстрекательство толпы к нападению на военный караул для освобождения арестованных, привсдение этого намерения в исполнение, разрушение фабричных зданий и разграбление имущества). На этот раз все обвиняемые были судом присяжных оправданы. По этому поводу Катков, захлебываясь от бешенства, писал в «Московских Ведомостях»: «Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса».

Прим. 2. Бернштейн, Эдуард — немецкий социал-демократ, наиболее типичный представитель ревизионизма (пересмотр марксизма). Прокопович — один из наиболее откровенных марксистообразных либералов, проповедывавший вместе с Кусковой «экономизм», доведенный до своих крайних логических последствий (напр., в известном документе «Credo»). Геркнер—либеральный немецкий экономист, написавший между прочим книгу «Arbeiterfrage», ценную по своим материалам и переведенную Мартовым в 1899 г. («Рабочий труд в Зап. Европе»).

Прим. 3. Соц.-демократическая газета «Вперед» издавалась группою «Рабочее Дело» в Киеве в конце 90-х годов (№ 1 «Вперед», помеченный 8 дек. 1896 г., вышел в январе 1897 г. Составлен Вигдорчиком и частью Розенбергом. № 2 вышел 28 февраля 1897 г.).

---

[1]) Опечатка в тексте настоящего издания исправлена. Ред.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 11 — 20 НОЯБРЯ 1900 ГОДА — № 11

ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА.

Приводим полностью новый массовый адрес, посредством которого финляндский народ выражает свой решительный протест против политики правительства, посягнувшего и продолжающего посягать на конституцию Финляндии, в нарушение клятвы, торжественно данной всеми царями, начиная с Александра I и кончая Николаем II.

Адрес этот подан 17 (30) сентября 1901 г. в финляндский сенат для доставления царю [1]. Подписан он 473.363 финляндцами обоего пола и всех слоев общества, т. е. почти полумиллионом граждан. Все население Финляндии равняется 2½ миллионам, так что новый адрес является поистине голосом всего народа.

Вот полный текст этого адреса:

«Державнейший Всемилостивейший Государь Император и Великий Князь! Изменение Вашим Императорским Величеством закона о воинской повинности Финляндии вызвало повсеместно в крае всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденные Вашим Императорским Величеством 12 июля (29 июня) сего года повеления, манифест и закон о воинской повинности составляют коренное нарушение основных законов Великого Княжества и драгоценнейших прав, принадлежащих финскому народу и всем гражданам края в силу его законов.

Правила об обязанностях граждан по защите края не могут, на основании основных законов, издаваться в ином порядке, как с согласия Земских Чинов. В этом порядке и был издан закон о воинской повинности 1878 года согласным решением Императора Александра II и Земских Чинов. В царствование Императора Александра III последовали многие частные изменения этого закона, но каждый раз не иначе, как с согласия Земских Чинов. Вопреки сему ныне без согласия Земских Чинов об'явлено, что закон 1878 года отменяется, между тем как изданные взамен его новые постановления всецело расходятся с решением Земских Чинов Чрезвычайного Сейма 1899 года.

Одно из важнейших прав, принадлежащих каждому финляндскому гражданину,— жить и действовать под защитою финляндских законов. Ныне этого права лишены тысячи и тысячи финляндских граждан, так как новый закон о воинской повинности обязует их служить в русских войсках, превращая выполнение воинской повинности в страдание для тех сынов края, которые насильственно будут зачисляемы в войска, чуждые им по языку, религии, нравам и обычаям.

Новые постановления отменяют всякое законом определенное ограничение ежегодного контингента. Сверх того, в них нет какого-либо признания указанного в основных законах права Земских Чинов участвовать в определении военного бюджета.

Даже ополчение, вопреки основного положения закона 1878 года, поставлено в совершенную зависимость от усмотрения военного министерства.

Впечатление от подобных установлений не смягчается об'явленными в манифесте облегчениями в продолжение неопределенного пока еще переходного времени, так как вслед за временным уменьшением числа призываемых последуют неограниченные призывы на службу в русских войсках.

Финляндский народ не просил какого-либо облегчения в несомой им ныне военной тяготе. Земские Чины, высказавшие мнение народа, доказали готовность со стороны Финляндии по мере сил увеличить долю участия по защите Государства, при условиях сохранения правового положения финских войск в качестве финляндских учреждений.

В противоположность сему установляется в новых постановлениях, что финские войска по большей части будут упразднены, что русские офицеры могут поступать на службу в немногие остающиеся части; что даже унтер-офицеры в этих частях должны владеть русским языком, чем финляндские уроженцы по преимуществу из крестьянского сословия совершенно устраняются от занятия названных должностей; что эти войска поступают под ведомство русских управлений и что они также и в мирное время могут размещаться вне пределов Финляндии.

Эти повеления, не составляющие какой-либо реформы, а преследующие лишь уничтожение национальных войск Финляндии, указывают на недоверие, к которому финляндский народ ничем не дал повода за все время почти столетнего его соединения с Россией.

В новых постановлениях о воинской повинности встречаются также выражения, заключающие в себе отрицание существования у финляндского народа особого отечества, а у уроженцев края — прав финляндского гражданства. В этих выражениях просвечивают цели, несовместимые с непременным правом финляндского народа сохранить в соединении своем с Россиею то политическое положение, которое непоколебимо было удостоверено за Финляндиею в 1809 году.

За последние годы накоплялось над нашим краем тяжелое горе. Раз за разом убеждались, что установления основных законов края игнорировались, отчасти в законодательных мероприятиях, отчасти замещением важных должностей русскими уроженцами. Администрация края направлялась таким образом, как будто задача ее поколебать спокойствие и порядок, препятствовать

общеполезным стремлениям и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

Самым тяжелым несчастием для края является однакож введение новых постановлений о воинской повинности.

В всеподданнейшем ответном представлении от 27 мая 1899 года Земские Чины подробно доложили о том порядке, который по основным законам Финляндии должен быть соблюдаем при издании закона о воинской повинности. При этом они указали, что, если новый закон о воинской повинности будет издан в ином порядке, то подобный закон, даже если он будет действовать под давлением насилия, не может быть признан правовым законом, а в глазах финляндского народа покажется лишь повелением силы.

Все, что Земскими Чинами было указано, продолжает неизменно составлять правосознание финляндского народа, которое насильственно не может быть изменено. Надо опасаться весьма тяжелых последствий от повелений, несогласованных с законами края. Для чиновников и правительственных учреждений возникает мучительный разлад с чувством долга, так как совесть побуждает их не руководствоваться подобными повелениями. Число трудоспособных переселенцев, уже ранее вынужденных выселиться из опасения грозящих перемен, еще более увеличится, если об'явленные постановления приведены будут в действие.

Новые постановления о воинской повинности, как и другие мероприятия, направленные против прав финляндского народа на особое политическое и национальное существование, неминуемо должны подрывать доверие между монархом и народом, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствие, чувство всеобщего гнета, неуверенность и величайшие затруднения для общества и для его членов в работе на благо края. Для предотвращения сего не имеется иных средств, как заменить вышеприведенные повеления законом о воинской повинности, изданным при участии Земских Чинов, а правительственным властям края вообще руководствоваться точно указаниями основных законов.

Финляндский народ не может перестать быть особым народом. Сплотившийся благодаря общей исторической судьбе, правовым понятиям и культурной работе, наш народ останется верным своей любви к финляндскому отечеству и к своей закономерной свободе. Народ не уклонится в своем стремлении с достоинством занимать в среде народов свое скромное, судьбою ему указанное место.

Так же твердо, как мы верим в наше право и уважаем наши законы, служащие нам опорой в общественной нашей жизни, так же твердо мы убеждены в том, что единству могущественной России не может быть причиняем вред, если Финляндия и впредь будет управляема в согласии с основными началами, определенными в 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною в соединении своем с Россиею.

Чувства долга перед родиною заставляют жителей всех общин и слоев общества обратиться к Вашему Императорскому Величеству с правдивым и неприкрашенным изложением положения дела. Выше мы указали, что недавно обнародованные постановления о воинской повинности, противоречащие торжественно удостоверенным основным законам Великого Княжества, не могут быть признаны правовым законом. Считаем долгом добавить к сему, что военная тягота сама по себе не такое значение имеет для финляндского народа, как потеря твердых правовых установлений и законом обеспеченное спокойствие по отношению к этому столь важному вопросу. Всеподданнейше просим посему, да соблаговолите Ваше Императорское Величество подвергнуть вопросы, затронутые в этом представлении, такому Всемилостивейшему рассмотрению, которое вызывается серьезностью их свойства. Пребываем и проч.»

Нам остается немного добавить к этому адресу, который выражает собою настоящий народный суд над шайкой нарушающих основные законы русских чиновников.

Напомним главные данные по «финляндскому вопросу».

Финляндия присоединена к России в 1809 г. во время войны с Швецией. Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию. По этой конституции, иначе, как с согласия сейма, т. е. собрания представителей всех сословий, не может быть издан, изменен, пояснен или отменен никакой основной закон. И Александр I в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил «обещание о святом хранении особенной конституции края».

Это клятвенное обещание подтверждали затем все русские государи, в том числе и Николай II в манифесте 25 октября (6 ноября) 1894 г.: ...«обещая хранить оные (основные законы) в ненарушимой и непреложной их силе и действии».

И вот не прошло и пяти лет, как русский царь оказался клятвопреступником. После того, как продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндию, был издан «манифест» 3 (15) февраля 1899 г., установивший новый порядок: без согласия сейма могут быть изданы законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством Империи».

Это было вопиющее нарушение конституции, настоящий государственный переворот, потому что ведь про всякий закон можно сказать, что он касается общегосударственных потребностей!

И этот государственный переворот был совершен насильственно: генерал-губернатор Бобриков грозил ввести войска в Финляндию, если сенат откажется опубликовать манифест. Русским войскам, расположенным в Финляндии, были уже розданы (по словам русских же офицеров) боевые патроны, лошади стояли под седлом и т. д.

За первым насилием последовал бесчисленный ряд других: запрещали одну за другой финляндские газеты, отменили свободу собраний, наводнили Финляндию сворами русских шпионов и гнуснейших провокаторов, которые возбуждали к восстанию, и т. д. и т. д. Наконец, без согласия сейма, издан был закон 29 июня (12 июля) о воинской повинности, — закон, достаточно разобранный в адресе.

И манифест 3 февраля 1899 г., и закон 29 июня 1901 г. незаконны — это насилие клятвопреступника

с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы все еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы все еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу!

[Н. Ленин]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Из-за решетки. В листке Спб «Кресного Креста» приведено письмо одного из осужденных за Обуховские беспорядки товарищей. Перепечатываем здесь это письмо, которое достаточно красноречиво говорит о том, каких людей царское правосудие клеймит званием уголовного преступника.

...«Так два Анатолия, один Гаврилов, другой Ермаков, оба идут в мир отверженных (сосланы на 6 и 5 лет каторги. Редакция). Не по заслугам кару понесли. Все мы сильно пострадали, остальные осуждены в арестантские роты и тюрьмы, и все на очень большие сроки, даже наши победоносные девицы, и тех не миновала горькая участь — одну на три года, другую на полтора в тюрьму; да не хуже нас пострадали и будут страдать ни в чем неповинные наши семьи. Да, трагическая была ночь, положим, это было уже пять часов утра, когда читали приговор, от которого поднялся плач, и надолго, может быть, на веки не изгладится печаль; одна чья-то жена или мать, бедняжка, так и грохнулась на пол, и ее плач сменился каким-то удавленным скрипучим стоном; моя жена, бедняжка, тоже горько плакала, жаль бедняжку, да вдобавок она еще в таком положении, что должна на-днях родить, а тут такое горе случилось, что отразится даже на том, кто совершенно невинен и не успел даже появиться на свет, а уже лишается отца навсегда. И видевши все это, и подойти и утешить, и то нельзя, жандармы несчастные, как столбы, стоят вокруг. Я уже просил своего защитника, чтобы он хоть слова два сказал в утешение, и он все с ней стоял и утешал, да, видно, измучившись была, бедная,—все, все четыре дня сидела, а последний день и ночь пришлось сидеть и, наверно, бедняжка, голодая, ожидала; вот оправдают, а тут еще хуже.

Все защитники резали хорошо, а ничего не вышло. Свидетели против нас врали, путали, и на все прокурор нуль внимания, говорит: я буду верить первым показаниям, потому что они позабыли. Много, много тут было несправедливости, и ни на что не обратили внимания... оправдали, кажется, 4 или 5 человек, наверно не знаю»...

Следующее письмо из тюрьмы характеризует настроение, вызванное этим приговором среди заключенных вообще: «Как раз в это время у меня было начато письмо к тебе. Понятно, я его разорвал. Что бы я мог написать? Дескать, вообрази, милый друг, на месте этих „каторжан“ своего отца, брата, сестру, вообрази меня, если хочешь, и тогда мне скажи, что ты почувствуешь... Не разучилась ли бы ты смеяться, если бы увидела, как эти „каторжане“ прощались со своими матерями, женами?.. На каторгу за то, что подставляли себя под пули солдат, не тех на каторгу, что убивали, а тех, кто сами рисковали быть убитыми. А разве это единственный случай или что-нибудь новое, неслыханная жестокость? Каждый день и по всем закоулкам России творятся еще даже худшие жестокости. Только это происходит там, где-то за кулисами, не режет нам глаз... нет, ты, похоже, не чувствовала своего бессилия, не задыхалась от злобы при подобных фактах; конечно, я должен сильнее чувствовать, сильнее, чем ты, сильнее, чем я сам, если бы был на свободе. Но ведь это понятно, почему. Ведь у меня на глазах все эти „преступники“, „бунтовщики“. Ведь я день и ночь слышу под собой кашель и бесконечные шаги, и над собой, вверху и внизу — всюду слышится это воплощение тюрьмы. Ведь ты только слышишь о насилии, а я стою лицом к лицу с ним, оно ежеминутно перед глазами, если бы хотел, то нет сил отвернуться. Мы здесь разговариваем, шутим, смеемся, а стоит только коснуться до больного места — хотя бы такого факта, как этот суд, мы ненормальные люди, мы бешеные...».

«Искра» предлагает свои услуги для направления (непосредственно или через «Красный Крест») пожертвований в пользу осужденных героев-обуховцев и их семейств. Поддержать их — нравственная обязанность всех, кто готов подхватить их боевой клич: «Нам нужна свобода!».

О московском «Зубатовском» обществе нам сообщают следующие новые сведения:

«Теперь дело обстоит так: выбран совет из 15 рабочих. Кроме общих собраний происходят районные (восемь районов). Рабочие в районах собираются по пивным, чайным, без полиции, за ответственностью члена совета (со знаками они). Было с неосведомленной еще полицией вначале два инцидента. Раз пристав разогнал такое собрание. Члены совета пошли в охрану жаловаться, там им сказали, что пристав, должно быть, подкуплен капиталистами, они-де его вызовут и узнают, какую взятку он взял. Другой раз, дворник увидел собрание в пивной, увидел стоящего на столе оратора и доложил помощнику пристава. Последний явился, собрание разогнал, а оратора арестовал. Получил от Трепова строгий выговор и приказ не вмешиваться там, где ничего не понимает. Деятельное участие в обществе принимает Леденцов, прежде занимался отдачей в рост денег. Он состоит председателем „Музея Труда“. Так вот при этом „Музее Труда“ образована для рабочих юридическая консультация, при чем Афанасьевым (председатель-рабочий, см. № 10) и К° ведется усиленная агитация, чтобы рабочие обращались за советами именно сюда, а отнюдь не к „либеральным“ адвокатам Муравьеву и К°. Точно так же из Зубатовско-Озеровского общества ведется поход и против местного „Общества народных развлечений“, которое, повидимому, на худом счету у начальства. Против этого общества намерены, по слухам, организовать народные спектакли в императорских театрах. В совещаниях по этой интриге участвуют, вместе с Афанасьевым, с одной стороны, помощник Зубатова — Сазонов, с другой — гг. профессора Озеров и К°. Проф. Ден уже устранился от общества».

По поводу Зубатовской политики изданный харьковскими социалистами-революционерами листок говорит:

«В Москве Зубатов (начальник Охранного Отделения) расставил свои тенета в рабочей среде. В качестве загонщиков из'явили свои услуги гг. московские профессора. Мануилов студентам на лекции об'явил громогласно: „Нет более у нас ни народников, ни марксистов, а есть социально-политическое направление, которое стремится улучшить быт рабочих и народа на почве существующего строя“. И вот стала применяться на русской почве система бернштейнианства под непосредственным наблюдением Зубатова. Действительно творится в России что-то небывалое. Открывается настоящий рабочий парламент. Мануилов, Ден и К° дебатируют о насущных нуждах трудящегося народа, забывая поднимать лишь один самый насущный вопрос русского рабочего люда: значение самодержавного деспотического правительства для русского рабочего. Мудрые лекторы сразу превратились в неучей: они моментально забывают основные вопросы всякой живой общественной жизни; они, конечно, не внушают рабочим, что без свободы совести, свободы слова и печати немыслим прогресс общественный. Такие же сети расставляются и в непокорной студенческой среде. В газетах и в университетских советах все лето трудились над новым университетским уставом. Открывается действительно заманчивая перспектива: в самодержавной, раболепной, угнетенной России рабочим пре-

доставлено будет открыто, свободно дебатировать о своих нуждах, что, скажем кстати, упростит труд агентов Зубатова. Рядом с рабочим парламентом откроется и студенческий парламент, в котором тоже агенты Зубатова будут почерпать некоторые сведения».

Иркутск. В конце прошлого года иркутским ген.-губернатором назначен бывший помощник шефа жандармов — Пантелеев. Первый дебют его по управлению краем состоял в том, что он призвал иркутского городского голову Жарникова и потребовал, чтобы дума постановила ассигновать известную сумму на постройку памятника Александру III. В заседании думы по этому поводу никто из гласных, конечно, не дерзнул ничего возразить против этого предложения. Вся оппозиция выразилась лишь в том, что 3—4 гласных предложили почтить Сибирь памятником царя-миротворца не в виде статуи, а учебного заведения или моста через реку Ангару, в чем город так нуждается. Но трусливое большинство всецело подчинилось требованию Пантелеева.

Затем ген.-губ. пригласил к себе всех именитых граждан и предложил им сделать пожертвование на памятник, а сам ушел в свои комнаты. Ад'ютант его подал подписной лист, и «граждане» подписали, — кто тысячные, кто сотенные суммы. Когда лист был подписан, ген.-губ. не удостоил выйти, чтобы поблагодарить и попрощаться с им же приглашенными лицами.

Таковы уж нравы наших помпадуров, не перестающих смотреть на наше «третье сословие», на наше купечество, как на дойных коров, у которых можно на что вздумается требовать деньги, третируя их при этом как лакеев. Хороша и наша буржуазия, безмолвно переносящая подобного рода обращение.

Далее пошла так называемая добровольная подписка, т. е. начальникам разных учреждений предложено произвести подписку на памятник среди подчиненных. Недовольство было всеобщее, и Александр III не раз переворачивался в своем гробу от сыпавшихся на его голову проклятий. Подписка дала уже 100 тысяч рублей. Из купцов нашелся один — Замятин, который отказался подписать. Всех удивил его героизм. Но и он сдался, после того как у него был произведен обыск и Пантелеев пригрозил выслать его в Колымск.

Замечательнее всего то, что крестьянским начальникам предписано было собирать на памятник среди крестьян, и предписание это немедленно было исполнено. Не трудно представить себе, каким бременем лег этот новый налог на сибирских крестьян в голодный год и при разорении населения, вызванном прошлогодней мобилизацией. Ничто так не подорвало монархизма среди сибирского населения, как эта история с памятником. Нужно за это сказать большое спасибо ген. Пантелееву.

Дальнейшим его подвигом по части революционизирования сибиряков явилась его борьба с городским самоуправлением. Началось оно с того, что дума отказалась построить казарму для войск. По приказу Пантелеева, губернатор не утвердил постановления думы. Последняя обжаловала это постановление в сенат и выиграла дело. Тогда Пантелеев пришел в ярость и послал в Питер доклад об упразднении выборного начала в городском самоуправлении, ссылаясь на неурядицы и бездействие иркутской думы. Что выйдет из этого представления, пока еще неизвестно. Но очистка думы от неудобных для Пантелеева гласных уже началась. Считая почему-то главой оппозиции секретаря думы Кларка (вероятно, потому, что он был во времена Очакова и покорения Крыма политическим ссыльным), ген.-губ. потребовал от городского головы его увольнения. Жарников попросил изложить это требование на бумаге, просьба его была удовлетворена. И вот Кларк без малейшей вины уволен, на основании лишь упраздняющего все законы постановления об охране. Правда, дума решила выдать Кларку денежную субсидию, но нашелся такой лакей Пантелеева, как гласный Белоголовый, который на протоколе думского же постановления написал свой протест, мотивируя его тем, что пособие это определено под давлением некоторых неблагономеренных гласных, радеющих «своему человечку» (кавычки Белоголового).

Мелочность Пантелеева не ограничилась вышеописанным. Он велел немедленно выслать Кларка из города, и только благодаря ходатайству губернатора Малериуса, указавшего на многочисленность семьи Кларка и на нелегкость скоро ликвидировать хозяйство (Кларк — домовладелец), высылка его была отложена на месяц.

Инциденту с Кларком предшествовало нашествие жандармов на думский архив и квартиру секретаря. Ничего, конечно, не было найдено, тем не менее делопроизводителя и других служащих тягали на допрос в жандармское пра-

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЕВРОПЫ.

Фабричный феодализм *.

В ряду самых колоссальных промышленных предприятий в Зап. Европе одно из первых мест принадлежит фирме «пушечного короля» Круппа.

Круппу принадлежат: сталелитейный завод в г. Эссене, такой же завод в Аннене, завод панцырных броней в Букау возле Магдебурга, 4 доменные печи в Дюисбурге, Энгерсе, Нейвиде и Рейнгаузене (из них три производят ежедневно 28 тыс. пудов), далее чугунно-плавильный завод с машиностроительным отделением в Сайне, 5 угольных копей (кроме того, Крупп участвует, как акционер, во многих других угольных предприятиях), 500 железных рудников в Германии, несколько рудников в Испании, три морских парохода, плац для стрельбы в Меппене (15 верст слишком в длину), каменоломни и т. д. Наконец, фирма Круппа сняла по контракту корабельное и машиностроительное предприятие «Германия» в Берлине и Киле.

Главное предприятие Круппа—его фабрика в Эссене—состоит из различных мастерских для производства пушек и снарядов, приготовления рельсов и прочих железнодорожных материалов, далее, из газового завода с двумя газоемами, вместимостью в 60.700 куб. метр., фабрики для производства огнеупорного камня, брикетов и кокса, нескольких кирпичных заводов, литографских и фотографических заведений, переплетной, щетинной фабрики, фабрики для производства льда, собственного полицейского учреждения и пожарной команды (100 чел.), затем из портняжной и сапожной мастерских, мясной, множества портерных и харчевых лавок и т. д.

До 1 апреля 1901 г. эта фабрика изготовила 39.006 пушек. В 1900 г. во всех заведениях Круппа потреблено 95 милл. пудов угля, из них 56 милл. на одной его фабрике в Эссене. В день потребляется 320 тыс. пудов угля. Воды употреблено в 1900 г. 16 миллионов куб. метров, светильного газа 19 милл. метров, т. е. больше, чем потребил целый город Бреславль, один из крупнейших в Германии.

К фабрике в Эссене принадлежат еще рабочие «колонии» (кварталы с домами для рабочих), в которых имеются 4.853 семейные квартиры, больница с бараками для заразных больных, рабочая казарма, ночлежные дома,

* «Neue Zeit», 1901 г. № 4, статья Дювелля.

вление, при чем никто из допрашиваемых не мог понять, за что и про что их тягают. На их вопросы о причине они получали один ответ: на основании закона об охране. Задаваемые им вопросы заключались исключительно в выяснении влияния на городские дела некоторых лиц: Кларка, Корнилова, Попова, Замятина. Все эти лица почитаются неудобными лишь потому, что они принадлежат к интеллигенции и в своей деятельности они руководятся законом, а не желаниями Пантелеева. В этом и только в этом вся их неблагонадежность.

Но далее. Вместо удаленного Кларка ген.-губернатор хотел навязать в секретари думы проворовавшегося жандарма Телешова. Господин этот пользуется такой нечистой репутацией, даже в синей среде, что думцы осмелились вежливо отклонить этого кандидата. Вообще, Пантелеев большой жандармофил. Так, в иркутские губернаторы он тоже прочит жандармского генерала Демидова и на парадах и смотрах является не иначе, как в жандармском мундире, что вызывает большое неудовольствие среди военных. Возмущает многих также его полное пренебрежение к публике. Просителей он принимает на задах своего дома, где их заставляет ждать себя в грязном, тесном и холодном помещении. Ждут его по многу часов, и в заключение яьляется ад'юдтант и заявляет, что «их высокопревосходительство не выйдут». В последнее время он вовсе не выходит, и просьбы принимаются полицейским чиновником. Пантелеев полагает, что после убийства Боголепова и покушения на Победоносцева иметь об'яснения с просителями безрассудная смелость, и решил перед публикой не показываться. Но он совершенно напрасно трусит, так как смерть такого правителя края была бы чувствительной потерей для антиправительственных слоев: его система правления и отношение к управляемым самым добросовестным образом дискредитирует монархию Николая II, и за это ему нужно сказать большое спасибо, но никак не подвергать участи Боголепова.

Вопрос о розге в Государственном Совете. Нам сообщают, что в Государственном Совете обсуждался вопрос о введении в сибирских областях института земских начальников. В законоположении об этих начальниках есть статья о телесном наказании; в названных же местах проживают инородцы: якуты, бурята, тунгусы и др., которые такого наказания не ведают, — оно у них никогда не практиковалось. И вот в Государственном Совете возник вопрос, как в этом случае быть с инородцами: отменить для них телесное наказание — значит, поставить инородцев в более привилегированное положение, чем в каком находится господствующая народность; ввести же его — конфузно для культурной миссии россиян. Тогда стали раздаваться голоса о всеобщем уничтожении этого гнусного наказания, и в таком смысле высказалось большинство. Но Победоносцев заявил, что Государственный Совет не в праве обсуждать эту меру, так как ему не принадлежит право инициативы. Ему возразили, что дело идет пока только о ходатайстве перед царем об отмене телесных наказаний. В конце дебатов вопрос пошел на голоса, и большинство высказалось за полную отмену телесных наказаний. Только Победоносцев и два-три его прихвостня остались за продолжение господства розги над крестьянами. Теперь вопрос, с чьим мнением согласится Ник. II?

Нижний-Новгород. Читатели «Искры» еще не забыли корреспонденцию из Нижнего с описанием бывшего там весной набега жандармов на местную интеллигенцию. Выдающаяся роль в этом событии безусловно принадлежит г. прокурору местного суда. Подобно щедринскому прокурору, сей ретивый чиновник решил найти в Нижнем крамолу и этим сразу выдвинуться в глазах начальства. Как помнят читатели, замыслы г. Утина оказались безнадежными. Как ни старался, как ретиво ни искал, собственными руками лазя по всем щелям, действительной сколько-нибудь существенной крамолы ему не удалось найти. Несчастного, не по разуму усердного прокурора ожидала печальная участь, выговор со стороны начальства и насмешки со стороны сослуживцев и жандармов, его конкурентов в разыскивании крамолы. Обманутый в лучших своих надеждах, г. Утин решил начать гонение против юнцов, гимназистов и гимназисток. Дело в том, что последние образовали общество для совместного чтения и завели свою библиотеку из легальных книг. Часть этого кружка, наиболее горячая, вздумала заняться пропагандой. Поймали какого-то отставного солдата, впоследствии оказавшегося сыщиком, и занялись им. Последний и дал о библиотеке сведения Утину. Наконец-то г. Утин разыскал давно

два клуба, четыре ремесленные школы, книжный магазин и две часовни.

По переписи с 1 апреля 1901 г. во всех заведениях Круппа было занято 46.077 чел., в том числе 3.823 служащих (остальные—рабочие). Из этого числа 25.925 приходится на фабрику в Эссене, 2.968 на завод панцырных броней, 4.731 на завод «Германия» в Берлине и Киле, 6.291 на угольные копи, 6.162 на прочие заведения. Сверх того, 150 чел. заняты постоянно в «усадьбе» г. Круппа.

Перед нами, таким образом, громадный производительный организм, обнимающий самые разнообразные отрасли производства, самые разнообразные виды человеческого труда — от портного и сапожника до матроса и углекопа. И все эти разнородные отрасли производства соединены в одном предприятии, которого неограниченным, самодержавным владыкой является один человек — Крупп. 50.000 чел., население целого города, работает изо дня в день на этого одного человека, работает с помощью самых усовершенствованных орудий, по «последнему слову науки», создавая колоссальные богатства, создавая во много раз больше, чем могло создавать такое же количество людей, работавших в доброе старое время на какого-нибудь могущественного помещика-феодала.

Но что самое интересное, этот владыка труда 50.000 чел., этот господин колоссального предприятия, является совершенно неважным винтиком в этом громадном механизме. Крупп совершенно не заботится о технической стороне своего предприятия, не вмешивается в его администрацию. Вся его «работа» состоит в том, чтобы подсчитывать свой ежегодный барыш, доходящий до 15 и более миллионов марок (8 и более миллионов рублей). И если бы даже его сиятельство Крупп был гениальным и деятельным человеком (чего о нем нельзя сказать), он бы не мог самолично управлять своим предприятием. Оно уже давно переросло контроль одного человека. Фабрика Круппа в Эссене разделена на несколько самостоятельных отделов, которые об'единяются центральным управлением, состоящим из нескольких директоров. Эти директора, не г. Крупп, управляют заводом.

И вот, представьте себе, что этот ненужный для дела Крупп будет устранен от предприятия. Оно пойдет тем же ходом, как шло раньше. Никакой перемены в технической стороне дела не произойдет. Только те миллионы, которые Крупп кладет в карман в виде «честно заработанного» дохода, останутся в руках производителей этого богатства. Существование собственника-капиталиста, таким образом, излишне для хода производства. Заведующие производством люди со специальными техническими знаниями могут с таким же успехом служить

желанную крамолу!.. Юнцов начали таскать на допросы, а троих даже засадили в острог. В мин. вн. дел было послано Утиным подробное донесение с ясными доказательствами, что крамола поймана и уничтожена, что г. Утин принес колеблющемуся престолу не малую услугу, за что-де следует...

14 чел. гимназистов VIII, VII, VI, V и даже IV класса ожидали казни.

Наконец, из Питера пришла бумага, вручающая судьбу гимназистов их гимназическому начальству. Министерство, конечно, поступило весьма умно, с одной стороны, оно умывало руки в избиении младенцев, а с другой — более исполнительных палачей оно найти не могло. Страшно перепуганное гимназическое начальство решило доказать, что оно благонадежно, что всей душой готово исполнять волю начальства. Директор собрал совет и предложил всех 14 чел. исключить без права поступления в другое учебное заведение. Часть педагогов, во главе с законоучителем, попыталась было возражать и доказывать всю несправедливость, жестокость и нетактичность такой меры, но директор с помощью других более покорных педагогов настоял на своем. Укажем, между прочим, фамилии этих особенно усердных педагогов: директор Самойлович, педагоги Песков и Юшков. Бедных юнцов ожидала печальная судьба. Но округ смягчил наказание. Только троих решено было исключить, остальным же сделать предупреждение на будущее; одного же, кончившего теперь гимназию, не приняли ни в один университет. Как видите, вся история кончилась еще не так плохо, могло бы, конечно, быть и хуже.

Нижегородское общество сильно взволновано всей этой историей; обыватели начинают понимать свое беспомощное, бесправное положение. Спасибо за это господам Утиным, Самойловым, Юшковым, Песковым и проч.

Кишинев. Остроумный документ представляет постановление кишиневского жандарма о привлечении к дознанию лиц, арестованных за участие в демонстрации 11 сентября. Приводим его полностью:

«Постановление № 3. 1901 г. сентября 19 дня в г. Кишиневе я, отдельного корпуса жандармов штабс-ротмистр Барбашев, принимая во внимание, что 1) 5 сентября в г. Кишиневе издана была от имени „Группы об'единенного протеста“ и распространена гектографированная прокламация, в которой порицается существующий в России государственный порядок и говорится о необходимости рабочих волнений, крестьянских бунтов и студенческих движений, как о желательной форме протеста против правительственного режима. Молодая Россия,—говорится в прокламации,—таким путем 4 марта вырвала у правительства победу, но последнее только надавало обещаний, а ничего не исполнило и снова проявило себя изданием таких циркуляров, как, напр., „Об уменьшении процентной нормы поступления евреев в высшие учебные заведения“ и о „прикреплении студентов к округам“, в виду этого „Гр. об'единенного протеста“ обращается ко всем с призывом: „Об'единитесь все и заявите правительству, что гражданское чувство, пробужденное выстрелами последнего года, не спит, — что оно не исполнилось (?) его лживыми обещаниями, что оно требует удовлетворения“ и, пользуясь каждым случаем, „требуйте политической свободы“. Наконец, особой припиской к прокламации „Группа об'единенного протеста“ анонсирует о том, что „11 сентября в 6 час. 34 мин. вечера из г. К. отправляют товарища Домбровского в административную ссылку“ и приглашает воспользоваться этим случаем для демонстративного протеста на вокзале против этого распоряжения властей, тем более, что „без боя“ с правительством, как заключает „Группа об'единенного протеста“ свою прокламацию, „мы не отвоюем у него ни одной пяди“.

«2) 10 сентября та же „Группа об'единенного протеста“ издала вторую прокламацию, в которой говорит о необходимости свободы слова и протеста против таких органов печати, как „Новое Время“, „Южный Край“, „Московские Вед.“, „Бессарабец“ и редактора этой газеты Крушевана, который, как сказано в прокламации, „душит“ своих типографских рабочих „вычетами“. Народ просит хлеба, а правительство дает ему „камень“, а „Бессарабец“, „когда Толстой говорит о хлебе для народа“, порицает Толстого „за разрушение иллюзий и обмана“ и „всему, что ищет свободу, он кричит свое грязное: в клетку!“: этим прокламация, очевидно, указывает на статьи в „Бессарабце“ о Толстом и об убийстве Мак-Кинлея: последняя озаглавлена была „В клетку“ и заключала в себе энергическое осуждение анархизма. Прокламация эта, подобно первой, имеет в виду защиту евреев; это видно как из того, что после заявления о преследовании иноверцев перечисляются вышеприведенные газеты, известные своими разоблаче-

---

организованному обществу. В самом деле, если устранить совершенно ненужного собственника, разве этот громадный производительный механизм не будет представлять собой, в миниатюре, организованное социалистическое общество?

Но зло теперешних гигантских промышленных предприятий, вроде Крупповского, далеко не исчерпывается тем, что производители должны львиную долю продукта своего труда отдавать капиталисту. Крупп не только присваивает ежегодно десятки миллионов, он в то же время является по отношению к служащим почти полновластным господином; его подданные зависят от него, как люди и как граждане, почти в такой степени, как крепостные зависели от своего феодала. Прежде всего эта зависимость выражена в правилах внутреннего распорядка. «Кто участвует в агитациях или союзах, стремящихся к низвержению существующего порядка, получает расчет». А между тем, германская конституция предоставляет всем гражданам свободу собрания и союзов. Когда в 1893 г. в Эссене был основан отдел германского союза рабочих по металлу, который вскоре стал насчитывать довольно много членов, правление произвело однажды обыск в мастерских, у многих рабочих была найдена газета «Союза», и «бунтовщики» были рассчитаны массами. Этот порядок остается в силе до сих пор, и всякий, заподозренный в революционных стремлениях, выбрасывается за порог завода.

Какими же средствами достигает фирма Круппа возможности в свободной стране лишать признанных конституцией прав целые сотни тысяч людей? Это самая интересная сторона дела. Крупп прославился не только как производитель знаменитых пушек, не только как архимиллионер и как ненавистник рабочего движения, но и как великий благотворитель. Благотворительные учреждения фирмы Крупп знамениты во всем мире. Это — верх того, что царями капитала сделано для своих наемных рабов. Но эти-то благотворительные учреждения и служат к тому, чтобы «свободных» рабочих превратить в безвольных рабов. Благодаря им, интеллигентные рабочие крупной промышленности попадают в более тяжелую зависимость от хозяина, чем иной неразвитой сельский батрак — от своего помещика. Посмотрим же, как на практике буржуазная «благотворительность» служит целям закрепощения рабочего.

Как уже сказано, 4.853 рабочих семейства пользуются квартирами. Рабочий, уволенный с завода, должен немедленно очистить квартиру. А так как квартиры в фабричном городке дороги, а в крупповских домах плата ниже обычной, то рабочий соглашается молча терпеть всякий гнет, лишь бы не потерять разом работу и кров.

ниями относительно евреев, так и из того, что на редактора Крушевана возводится обвинение в принятии им подкупа от какого-то „магната", почему он и „облил грязью" одно из уездных земств, тогда как в действительности в „Бессарабце" были напечатаны обличительные статьи только против Оргеевской земской управы и евреев, поставщиков голодающему населению испортившейся, гнилой и вообще недоброкачественной кукурузы, за что некоторые из поставщиков-евреев уже приговорены судом к наказанию.

«3) Таким образом, уже из содержания этих двух прокламаций можно было видеть, что в г. Кишиневе готовятся политические демонстрации: на вокзале при от'езде бывшего студента Домбровского, против существующего в государстве порядка, и в городе против редактора газеты „Бессарабец" Крушевана за разоблачение еврейских злоупотреблений, за критику учения Толстого и за строгое осуждение анархизма.

«4) 11 сентября около 7 часов вечера, ко времени отхода поезда, на кишиневском вокзале собралась толпа молодых людей, мужчин и женщин, около 100—120 чел., в подавляющем большинстве—евреи, сгруппировавшихся у того вагона, в котором находился от'езжающий Домбровский, при чем в числе руководителей толпы были замечены следующие лица: Антонина Глоба, Полина Фукельман, Хава Ханжи, Раиса Бар, Песя Шрифтелик, Глафира Кубаркина, Израиль Гельман, Фортунат Каминский, Василий Ендржиевский, Владимир Пржецлавский, Арон и Самуил Мичник, Моисей Вассер и др. в числе около 20 чел. Первым из толпы выделился Вассер и сказал Домбровскому несколько слов, после чего одна из женщин поднесла Домбровскому букет, потом еще кто-то из толпы произнес несколько слов, и толпа закричала „ура!". Затем к вагону подошел Гельман и громко воскликнул: „Прощай, товарищ, обидела тебя Держава (?!), не беспокойся, единство у нас есть, да здравствует свобода, ура!". В это время кто-то, когда поезд стал уже отходить, произнес фразу, окончив ее словами: „Помни единство (?), да здравствует свобода и единство". Кто-то из толпы начал было петь, почему багажный Рачко, по распоряжению полиции, хотел было задержать его, но в тот же момент получил от одного из толпы удар палкой по голове, а затем Антонина Глоба и Полина Фукельман беспорядочно затянули песню, подхваченную другими. Когда Гельман был задержан, то Каминский, обозревая толпу, стал махать руками, как бы давая знак, и толпа, вслед за ним, кричала: „Да здравствует свобода! Ура!". Жандармам и багажным, ранее заметившим тех лиц, которые руководили толпой, удалось, хотя с большим трудом, под ударами палок, зонтиков и кулаков, задержать восемь человек и для установления личности увести в комнату для дежурных жандармов; тогда некоторые из участников демонстрации стали возбуждать толпу ложными (?) сообщениями о том, будто жандармы и багажные бьют арестованных и будто избили некоторых из публики так сильно, что одну женщину свезли в больницу, при чем агитаторы кричали, чтобы присутствовавшие записывались в свидетели. Смешавшись, таким образом, с некоторыми из публики, введенными в заблуждение относительно случившегося, они ворвались в дежурную для жандармов комнату, потребовали записать их в свидетели, что и было исполнено.

«5) Выполняя намеченную в приведенных выше прокламациях программу демонстрации, толпа с криком: „Идем к губернатору! Ура!" направилась с вокзала в город, распевая революционные песни, крича „Ура!", остановилась возле типографии „Бессарабца". Здесь кто-то из толпы произнес речь, и затем стали раздаваться крики: „Долой Крушевана! Смерть Крушевану, ура!". Не встретив сочувствия у наборщиков, толпа, оглашая воздух криками, двинулась к губернаторскому дому, у ворот коего, встретив отпор со стороны полиции, распалась на несколько групп, при чем более значительная по численности направилась в городской сад, где нескольким городовым нанесла побои, и затем с криками: „Да здравствует свобода печати, долой произвол, ура!" направилась к ред. газеты „Бессарабец" и квартире редактора ее Крушевана, где выбила палками стекла, а затем, увидев приблизившихся наборщиков типографии, в беспорядке разбежалась.

«6) 14 сентября с. г. та же „Группа об'единенного протеста" издала третью прокламацию, которая начинается фразой: „Тяжело живется русскому человеку, а если он к тому еще рабочий, то ему приходится гнуть спину по 16—18 часов в сутки, если еврей, то его презирают, на него натравливают голодных людей, а он — он должен прятать свое лицо, чтобы на нем не видели ненависти к притеснителям". Описывая в тенденциозном и извращенном виде проводы Домбровского, утверждая, будто жандармы и багажные набросились на публику с обнаженными шашками и палками и избили так сильно, что одного раненого отвезли даже в больницу, тогда как в действительности участники беспорядков сами избили жандармов, причинив двум

Потребительные лавки, устроенные Круппом, продают только за наличные деньги и по обычным ценам. Но ежегодно покупателям возвращается 6 — 7% дивиденда, выдача дивиденда производится в декабре; если рабочий рассчитан в течение года, он теряет право на его получение. Новая причина молча сносить прижимки мастеров.

Но всего лучше «благотворительные кассы», которые всячески расхваливались разными проповедниками «мира между классами», как высшее проявление «попечения» о рабочих. Платя в эти кассы, рабочие не принимают никакого участия в управлении. Пособия выдаются по усмотрению дирекции; протекция играет здесь главную роль.

Но на заводе имеются, между прочим, и больничные кассы, учрежденные на основании закона, требующего, чтобы рабочие принимали участие в их управлении. Но удивительное дело: стоит только выбранному в правление рабочему заявить какие-нибудь претензии на ведение дела, как он тотчас же оказывается «ненужным» на заводе и получает расчет, теряя тем самым право быть членом кассы. Естественно, что представители рабочих хорошо помнят об этой опасности и ведут себя, как шелковые.

Венец «благотворительности» Круппа это — пенсионная касса. При вступлении в нее (а вступление обязательно) рабочий платит 6 марок (3 рубля) и ежегодно вносит в среднем около 35 марок (17 руб.). Если он, проработав не менее 20 лет (а при особо тяжелых работах не менее 15 лет) под-ряд, окажется совершенно негодным к труду, и если это засвидетельствуют два врача, тогда он получает пенсию. Но при вычислении этого срока не принимаются в расчет ни годы работы до 18-летнего возраста (хотя с него все-таки и в эти годы вычитывают в кассу), ни время болезни, если она длилась более 13 недель, ни то время, в течение которого рабочий, будучи полуинвалидом, получал пособие.

Зато, если рабочий, плативший в пенсионную кассу хотя бы 19½ лет, будет рассчитан как «ненужный», он лишается всех прав на помощь и не получает обратно ни копейки из того, что внес (а иногда этих взносов накопляется до 1000 марок). А между тем, число увольняемых Круппом рабочих не мало! В последние два года ежегодно увольнялось 7 — 8 тыс. чел. И так как из увольняемых очень не мало таких, которые проработали по 10 лет, то нельзя не признать, что пенсионная касса не безвыгодное дело для фирмы Крупп.

За 1900 год в заведывание кассы поступило 2.250.000 марок, а израсходовано 1.108.000. Половина взносов рабочих остается в руках завода, а сами вкладчики тысячами выбывают, теряя все свои права!

даже раны на голове, прокламация устанавливает, что участники беспорядков принадлежат к „Группе об'единенного протеста", шли по городу для протеста и для того, чтобы у горожан „вызвать дух протеста", а к губернатору они направились „не жаловаться, не правды искать у него—у полиции". Заканчивается прокламация утверждением „Группы об'единенного протеста", что демонстранты разошлись по домам с тем, чтобы начать „подпольную борьбу с жгучей, непримиримой ненавистью ко всему режиму и со стремлением к свободе".

«7) При обыске квартиры В. Пржецлавского и Ф. Каминского найдены были: черновик проекта устава организации противозаконного сообщества для политической пропаганды среди рабочих и письмо некоего Авдея к Пржецлавскому, из коего видно, что Авдей принадлежит к какому-то противозаконному сообществу, к которому в прошлом принадлежал также и Пржецлавский, но его первый дебют в роли члена этого сообщества был так неудачен, что сообщество осудило его и готово было поступить с ним жестоко (?). Авдей берет Пр. под свое покровительство в надежде на исправление его в будущем; из дальнейшего содержания этого письма видно, что автор его, Авдей, состоит в близких отношениях с Каминским и находится с ним в переписке, — на основании постановления Бес. Губ. Жандармского Управления от 16—18 сентября за № 1 по соглашению с тов. прокурора Кишиневского Окружного Суда С. П. Шелухиным постановил: вышеперечисленных А. Глобу, Полину Фукельман, Х. Ханджи, Раису Бар, Песю Шрифтелик, Глафиру Кубаркину, Израиля Гельман, Ф. Каминского, Василия Ендржиевского, Вл. Пржецлавского, Арона и Самуила Мичник и Моисея Вассера привлечь к настоящему дознанию в качестве обвиняемых, о чем им и об'явить.

Барбашев. С. П. Шелухин.»

Москва. Московские товарищи сообщают нам следующие подробные сведения о Михаиле Афанасьеве — председателе «собрания механических рабочих», о котором мы писали в предыдущих номерах «Искры».

Михаил Афанасьев, по профессии модельщик, работал до 1898 г. на разных заводах и в мастерских города Москвы. В 1898 г. он просидел две недели в предварительном заключении; в то же время и по тому же делу сидели в тюрьме несколько интеллигентов и рабочих. Некоторые из них были высланы до разбора дела из Москвы, двое же оставшихся по рассмотрении дела отбыли двухмесячное заключение и на неопределенное время лишены права проживать в Москве и Петербурге. После разбора дела Афанасьев в тюрьме не сидел и не был выслан: «Я выбрал для житья себе Москву», говорил он одному рабочему, спрашивавшему его о снисхождении к нему правительства. Но чтобы ни говорил Афанасьев, с трудом верится, что недреманное око Москвы — Зубатов — оставил в Москве товарища людей, гонимых правительством, да при этом допустил его стать во главе рабочих сооранний. Зимой 1900 г. Афанасьев жил на заводе Листа за Бутырской заставой; весной на заводе вышло недоразумение из-за расценка между модельщиками и администрацией завода. Был вызван фабричный инспектор, для переговоров с которым рабочими был выбран Афанасьев; после этого его рассчитали с завода, и он с разрешения Охранного Отделения уехал искать работу в Киев. Воротясь в Москву, он поступил на фабрику Прохорова и усиленно начал хлопотать о кассе взаимопомощи, чему содействовали во многом интеллигенты, относившиеся к нему как к порядочному человеку.

За образец устава взят был устав харьковского общества без всяких изменений. Под проектом устава подписалось 12 человек, в том числе и Афанасьев. 9 февраля устав был подан на разрешение «хозяина Москвы», а оттуда перешел к Трепову и Зубатову. В руках последних устав был в деталях подвергнут изменениям и в таком виде возвращен учредителям, которые за такую заботливость поблагодарили начальство и решили, что их устав гораздо содержательнее харьковского: большинство не понимало значения изменений, сделанных Зубатовым. Интеллигенты протестовали против урезок и старались оказать влияние на рабочих в этом направлении, за что они—по доносу Афанасьева — были арестованы.

На собраниях Афанасьев председательствует и имеет себе подобных помощников: секретаря Слепова, слесаря от Прохорова, и старшего контролера Красивского, папиросника, работающего на дому, агента Зубатова, допускаемого на собрания с разрешения Афанасьева.

Понятно, что рабочий, который несколько лет платил в кассу, не станет рисковать потерей всех своих надежд на пенсию. Всякий ожидает, что за свое терпение и покорность он будет награжден когда-нибудь пенсией. Но — много званых, мало избранных. Дослуживаются до своего «счастья» немногие, но за то все почти из кожи лезут, чтобы не потерять право на это «счастье». А для этого: проявляй безусловную покорность, сноси грубое обращение, терпи постоянные вычеты из заработка. Совсем недавно с завода уволен рабочий, прослуживший у Круппа более 20 лет, за то, что на кассовом собрании внес предложение об изменении устава.

Прибавим, что для того, чтобы не проглядеть среди своих рабов самого малейшего недовольства, Крупп содержит целую армию шпионов из числа самих рабочих. Каждый должен быть вечно настороже, чтобы по доносу шпиона не получить расчета. Каждый таит про себя свое мнение, каждый сторонится от товарищей и годами такой иезуитской муштровки превращается в безвольную машину.

При таких условиях, когда производимая за счет самих рабочих «благотворительность» держит их в самой надежной кабале, Крупп может уже не бояться умственного развития своих рабочих. Читальня, устроенная для рабочих Круппом, превосходна, выбор книг громадный. Обеспечив себя от опасности какого бы то ни было протеста, Крупп заботится об умственном развитии рабочих, зная хорошо, что интеллигентность рабочего повышает производительность его труда, т. е. доходность затраченного на его наем капитала.

Такова картина современного «фабричного феодализма» в свободной стране. Русский читатель невольно сопоставит эту картину со сходными явлениями фабричного быта на нашей родине: систему пенсий в железнодорожных мастерских, квартиры для рабочих на Брянском заводе, у Морозовых и у других тузов, те же потребительные хозяйские лавки и т. п. Разница лишь та, что бесправное по закону положение русского рабочего позволяет русским Круппам не прикрашивать свои «благодеяния» даже той прозрачной дымкой, которой прикрывают их Круппы немецкие. Голое насилие и произвол выступают у нас откровеннее. Но бесправие русского народа рано или поздно прекратится. Политическая свобода будет завоевана, и тогда — тогда система «благодеяний» в руках наших Морозовых послужит к тому, чтобы права, признанные за рабочим на бумаге, он не мог осуществить на деле.

Как бороться рабам современного фабричного феодализма против этого гнета, лишающего их всякой возможности сопротивления? Профессиональная организа-

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Общество трезвости в Орехово-Зуеве. В статье «Ответ г. Дадонову» (см. приложение к № 9) был затронут вопрос об обществах трезвости и было высказано, что эти общества в последнее время играют очень странную роль. Здесь мы намерены обрисовать Ореховское «общество трезвости» и его деятельность. Считаем это тем более необходимым, что эта вновь изобретенная язва, наверное, не ограничится одним Ореховым. Харьковский преосвященный Амвросий выразил опасение, не к социализму ли ведут общества трезвости, и так как не был вполне в этом уверен, то прибавил: «Дай бог, чтобы мы ошиблись!» Поэтому мы советуем харьковскому архиплуту, то-бишь архиерею, прочесть нижеследующее и убедиться, что он ошибся и ошибся очень порядочно*.

В минувшем 1900 г. 6 августа возникло Ореховское «общество трезвости» по инициативе петербургского священника А. Рождественского (сына) и при содействии местного священника В. Рождественского (отца), церковного старосты инженер-технолога С. Назарова (заведующий отбельно-красильным заведением Саввы Морозова) и служащего той же фабрики технолога Хренникова. Из этих почтенных лиц С. Назаров особенно известен тем, что запер на две недели обитателей Ореховской фабричной богадельни и заставил их все это время молиться за умершего отпрыска его рода.

Нужно сказать, что приезжавший из Петербурга о. Рождественский, хорошо знакомый со взглядами высшего духовного начальства, заранее определил направление деятельности этого общества, а, следовательно, взгляд на рабочих, как на людей, с которыми нечего церемониться... Основатели отнеслись к своему четырехголовому детищу очень серьезно и решили не на шутку уничтожить пьянство. И вот один стал действовать молебном с акафистами, другой — штрафами, третий — расчетами, а четвертый уехал в Питер и шлет оттуда писульки с советами. И, можно сказать, двинули свое дело настолько хорошо, что ни одно подобное общество в России не имеет, пожалуй, такого количества членов, как Ореховское.

Первоначально охотников записаться в трезвенники было очень мало; записывались только те, которые и до существования общества пили очень мало или совсем не употребляли спиртных напитков. Видя такое равнодушие к своему детищу, основатели принялись вербовать себе членов своеобразными средствами. Так, напр., Назаров предлагает рабочему, с которого следует взыскать за прогул смены, записаться в члены общества, за что его вознаграждают, не записывая прогула. Но горе рабочему, если он не согласится итти в трезвенники: его сгоняют со станка, ставят в простые рабочие или делают скидку с поденной платы в 5—10 коп. Или тот же Назаров предлагает рабочему, замеченному в ссоре с соседом по хозяйской квартире, либо выбираться из казармы, либо стать членом общества. Разумеется, навербованные такими средствами члены оказываются «трезвенниками» пьющими. Тем не менее, поведение таких господ, как Назаров, носит еще джентльменский характер, а вот управляющий фабрики Микулы Морозова, Свешников, тот прямо кричит, как щедринский генерал: «Разорю». «Ступай, запишись в трезвенники или сейчас получи расчет».

При таких условиях понятно, насколько симпатично рабочим «общество трезвости», как они выполняют обет трезвости и как быстро растет текущий номер, выражающий число записавшихся. В настоящее время этот номер доходит до 3.000; если дело пойдет так хорошо, то года через два на морозовских фабриках не будет ни одного пьющего рабочего. Но что в этом случае будет делать целовальник Витте?

Несмотря на столь внушительное число членов общества, налицо нет никаких внешних проявлений его деятельности: ни чайной лавки, ни читальни, ни библиотеки, ни сада, ни гуляний, словом, ничего из того жалкого запаса, которым дышат вообще такие общества. Управляется общество без всяких выборов теми же учредителями да еще Свешниковым, которые придумывают для членов общества разные обязанности. Первая обязанность — не пить водки,

* К сожалению, харьковский владыка не может последовать совету нашего товарища, так как он недавно умер. Спешим отметить, что в некрологе, посвященном памяти покойного, «Моск. Ведомости» подчеркнули его постоянную борьбу с социализмом и всякими вообще вредными движениями. Ред.

ция рабочим Круппа недоступна: она убивается в зародыше удалением всякого «агитатора». Если другой капиталист позволит себе посягнуть на право рабочих организоваться, немецкие рабочие ответят ему стачкой и принудят уважать свое право. У Круппа, благодаря могуществу его капитала и разврату, который сеет его «благотворительность», такой протест невозможен. Что же делать?

Германские рабочие владеют одним правом, против которого, в конце концов, бессилен и Крупп. Это — всеобщее тайное избирательное право. Тайна голосования дает возможность даже рабочим Крупповских заводов работать над своим освобождением. Лишенный возможности открыто организоваться, рабочий может на выборах поддержать кандидата социал-демократической партии. Социал-демократическая рабочая партия, достигнув известной силы, сумеет заставить государственную власть вмешаться в «патриархальные» порядки Крупповского царства для ограждения законных прав рабочих. Государство, которое в настоящее время так заботливо охраняет интересы частной собственности, сможет — если захочет — обуздать всевластие современных фабричных феодалов. Оно сможет взять под свой контроль Крупповские «благотворительные» кассы и оградить их членов от самодержавия «хозяина», от его обирательств; оно может оградить права рабочих, как съемщиков хозяйских квартир; оно может воспретить произвольное увольнение рабочего за то, что он пользуется законным правом принадлежать к какому-либо союзу или партии.

Но все это государство захочет сделать только тогда, когда его к этому принудит рабочий класс, социал-демократическая рабочая партия. Пользуясь правом голоса на выборах, крупповские рабочие могут содействовать усилению этой партии.

Где экономическая борьба обречена на неудачу, там приходится прибегать к борьбе политической. Завоевывая себе влияние на государство, рабочий класс может освободить от крепостного гнета рабов г. Круппа. Завоевав окончательно это государство, он сможет устранить Круппа от того колоссального промышленного механизма, в котором он является пятой спицей в колеснице, и тем самым сделать работу этого механизма источником благосостояния и свободного развития для его теперешних жертв.

что на деле, конечно, выполняется немногими; вторая — посещать обедню и вечерню, после которых бывает постоянно молебен с акафистом Николаю угоднику и неизбежный сбор с большой тарелкой с бедняков-рабочих в пользу дородных и богатых попов. Третья обязанность— ходить на чтения, на которых рабочих угощают все той же Демьяновой ухой, т. е. говорят о любви к ближнему и о вреде пьянства. Практический урок любви к ближнему дают ежедневно своим рабочим гг. Назаровы и Свешниковы, упражняясь в штрафовании, рассчитывании и грубой ругани.

6 августа этого года «общество трезвости» праздновало годовщину своего существования. Кроме обычной обедни и вечерни было устроено собрание общества в училище Саввы Морозова под председательством вышеупомянутых заправил. На обсуждение был поставлен вопрос: «Куда употребить имеющийся наличный капитал общества?». Некоторые рабочие предложили уделить часть капитала для выдачи заболевшим трезвенникам, другие — для выдачи сиротам умерших трезвенников. То и другое предложение было отклонено, а по предложению Назарова решили «благодарить священника В. Рождественского, как основателя этого общества. Отблагодарили поднесением креста в 500 руб. Тогда домовладельцы-трактирщики Бобров и Татаринов предложили благодарить Назарова иконой (в 65 руб.). Принято и это. На покупку креста и иконы израсходовали весь капитал, да еще остались должны 100 руб. Впрочем, может быть, должны и больше: никакой отчетности не производится. Таким образом, сироты и больные остались ограбленными в пользу основателей «общества трезвости».

В прошлом году перед рождеством нашлись чудаки, которые просили у священника Рождественского разрешения выпить по рюмке «для праздника». Он им разрешил. Большинство же «трезвенников» пили с своего собственного разрешения во славу божию. Разумеется, есть много проказников, которые пользуются «обществами трезвости» для своих целей: так, понадобятся деньги просто, чтобы гульнуть, но достать их трудно; запишешься в трезвенники, получаешь от Назарова разрешение на выдачу денег.

Ореховские не-трезвенники.

Саратов. 14 августа на гвоздильном заводе Б. Гантке вывесили новые правила внутреннего распорядка и новую табель штрафов. Первые отменяли десять праздников, а последняя устанавливала штрафы за всякую мелочь. Рабочие решили дать отпор. Неудача вспыхнувшей в то время стачки на железной дороге поколебала решимость рабочих. Только 29 августа они бросили работу. В ночь с 22-го на 23-е были распространены прокламации, требовавшие отмены штрафов, восстановления старых праздников, увеличения расценков на 25%, увольнения директора Тиле, выборных депутатов от каждого цеха и пр. Сверх того, требовали, чтобы никто не был уволен за стачку.

Как только полиция узнала о прокламациях, на завод прибыл исправник, но увещания его оказались напрасны. Администрация обещала удовлетворить требования рабочих.

Из Литвы. В Сморгони (Виленской губ.) в начале октября вспыхнула стачка 1.000 кожевников (поляков и евреев). Ближайшим поводом послужил набег в Сморгонь виленских и минских жандармов, которые по доносу фабрикантов произвели аресты среди местных рабочих и интеллигентов. Когда арестованных ночью повели на вокзал, собралась толпа любопытных. Сопровождавшие арестованных казаки ударили в нагайки, вообразив, что толпа собирается отбивать пленников. После этого рабочие забастовали, требуя освобождения арестованных и введения 12-час. раб. дня. 30 октября из Вильны отправлена в Сморгонь вторая сотня казаков. Польской социал-демократией выпущена прокламация к стачечникам.

Одесса. В «Вед. Одесского Градоначальства» был напечатан приказ одесского градоначальника об арестовании (на основании положения об охране) несколько рабочих-заготовщиков за то, что они силой не давали рабочим итти на работу. На деле никто из арестованных не работал в той мастерской, в которой была стачка, но заведующий мастерской Турьянский, подкупив предварительно полицию, оговорил первых попавшихся и дал ложное показание, будто они работали в его мастерской и избили Менделя Вейцмана и Бронштейна. Конечно, пострадавшие от побоев могли обратиться в суд, но, ведь, обвиняемые могли бы оправдаться тем, что Вейцман (здоровенный парень) первый затеял драку, да, кроме того, поди, устанавливай на суде, кто был в толпе. Куда проще обратиться «к усиленной охране»! Тяжело за невинно страдающих от полицейского произвола, но гг. Турьянские и Вейцманы и с ними и полиция роют себе сами яму. При таком способе действий трудно удержать массу от насильственных поступков, от самозащиты и мести. Пока удастся внушить массе спокойствие, она, пожалуй, станет расправляться с провокаторами по-свойски. Мендель Вейцман — типичный штрейкбрехер (так в Германии называют тех, кто изменяет стачке), уже давно ненавидимый рабочими и бесконечно дорогой для хозяев. Не довольствуясь тем, что мешает стачке заготовщиков, он недавно избил без всякого повода двух стачечников, что и вызвало его собственное избиение толпой. Из арестованных по доносу этого негодяя трое семейных, семьи их обречены на голодание.

В последнее время здесь стали практиковаться рабочими демонстрации при похоронах товарищей, умерших от непосильной работы. В августе и сентябре было три случая таких демонстраций, которые оказывают хорошее влияние на раб. массу.

Кишинев. В апреле н. г. арестован был здесь рецидивист Яневич за пропаганду среди рабочих. Держат его еще до сих пор. Потом жандармы успокоились на все лето. В конце августа месяца произошел ряд стачек. Первыми забастовали переплетчики в 8 мастерских, в количестве 26 чел. взрослых рабочих и 14 мальчиков. Они выставили требование о сокращении рабочего дня до установленной законом нормы (раньше они работали по 16—18 час в сутки) и о повышении заработной платы. Описывать все перипетии этой стачки, продолжавшейся семь недель, не стоит: слишком известны уже все приемы, к которым прибегают в таких случаях хозяева и их верные защитники-жандармы и полиция. Были тут и доносы, было и застращивание рабочих, были и аресты нескольких рабочих (их, впрочем, через две недели выпустили), но... рабочие стойко держались и требовали своего. Тогда один из крупных хозяев, Идельман, у которого, кстати сказать, хуже всего живется рабочим, привез из маленьких окрестных местечек рабочих. «Лучше, — говорил Идельман, — переплачу другим, чем уступлю этой дряни». Вновь привезенных рабочих к стачке склонить не удалось. Тогда рабочие частью сдались, а частью раз'ехались. Не ожидая окончания стачки переплетчиков, забастовали и шорники, условия работы которых были ужасны: они работали с 5 ч. утра до 12 час. ночи, а иногда и целые ночи напролет, получая за это жалкую плату от 12 до 15 руб. в месяц. Вслед за шорниками забастовали и токари (26 человек, стачка продолжалась 4 недели). Как те, так и другие добились удовлетворения требований (те же, что и у переплетчиков).

Интересна попытка хозяев-токарей составить товарищество для совместной работы с целью обойтись без рабочих. Попытка эта, как и следовало ожидать, не увенчалась успехом, и хозяева, перессорившись, уступили своим рабочим. Хозяева же шорники, уступив рабочим, попытались было ввести поштучную плату и, таким образом, удлинив рабочий день, свести стачку на нет, но рабочие вновь забастовали, и через два дня хозяева окончательно сдались. Такова история здешних стачек. Весной этого года была здесь еще крупная стачка булочников. Забастовали они в количестве 200 человек во всех имеющихся

здесь мастерских. Требования их сводились все к тому же: сокращение рабочего дня до 12 часов, повышение заработной платы, лучшие помещения. Стачка длилась всего три дня и окончилась частичной победой булочников. В течение этих трех дней некоторых рабочих заманивали под видом обещания работы в полицию и арестовывали их, а полицмейстер, который во время стачки обещал рабочим позаботиться о них, после стачки переменил фронт и ругал рабочих площадной бранью.

Стачка в Якутской области. Забастовало на Ленской системе 1.700 человек, стачка длилась со 2-го по 9 января; на Бодойбине 800 чел. с 9-го по 16 января. Ленские требования: 1) выдача ежемесячно $^2/_3$ выписки деньгами и $^1/_3$ припасами (выиграно: раньше выдавали 5 руб., после стачки—не меньше 8 руб.); 2) разрешение свободной торговли хлебом, мясом, рыбой, овощами (выиграно частью: рыбой, овощами, молоком — добились, хлебом не разрешили, а мясом, смотря по запасам мяса); 3) смена заведующего полицейской частью казачьего урядника Селиванова и замены некоторых служащих другими (выиграно: Селиванова перевели, избрана комиссия из трех рабочих посредников: эти выборные-рабочие получают жалованье во время работы); 4) устранение неправильностей в подсчете заработка (обещано быстро проверить претензию); 5) никого из рабочих не рассчитывать (обещано).

Петиция Бодойбинской команды в управление Бодойбинской золотопромышленной компании: «Команда Бодойбинской компании уполномачивает из своей среды депутатов для доклада о нижеследующем: 1) Подсчеты за забойную работу в ортах весьма обидны, несмотря на подаваемую выработку в просечках от 10 до 12 верст, а в... до 16 верст. В общей сложности прием работы производится очень недобросовестно и слишком обидно, а также не принят в расчет грунт забоев, не прибавляется плата за скалистые и мокрые работы. Команда, кроме того, просит правление выдавать на отрядные работы книжки для выработки забойной работы, в каковых бы записывалась выработка забойной работы смотрителями орт с приложением именного штемпеля: выработка такая же, как и в журнале. Если же правление не желает продолжать выработку отрядными работами, то команда просит подсчета окладным хозяйским жалованьем.

«2) Уволить совсем от должности помощника инженера Оправеднева за слишком пристрастную его службу, ибо все его распоряжения настолько чувствительны у всякого рабочего в горбу, что мы не в силах дальше выносить ни его присутствия, ни его распоряжений по работе, а потому просим заменить его место другим лицом. Еще просим сменить фельдшера Ивана У. и заменить его другим лицом. Причина — его страшно грубое обращение с больными рабочими. Грубость его настолько велика, что даже обращающихся к нему больных он обносит матерными словами. Просим сменить И. Коташевцева и Р. Александрова. Еще просит команда окончательно сменить старосту Вехнестанской артельной кухни за все его неправильные выдачи с'естных припасов команде. Команда желает совместно с правлением избрать из своей среды старосту.

«3) Команда просит правление удешевить по возможности цены на с'естные продукты и товары и притом при выписке на книжку выдавать часть деньгами и часть — провиантным продуктом.

«4) Команда просит правление без уважительных причин, без согласия на то каждого рабочего, безвременно не увольнять».

Весьма отрадным фактом представляется это спокойное и достойное отстаивание своих интересов со стороны самых отверженных слоев русского пролетариата. Напомним, что это уже второй случай организованной стачки рабочих на золотых приисках Восточной Сибири (первый был в 1900 г.)[3].

ИЗ ПАРТИИ

Местная социал-демократическая агитация продолжает развиваться во всех концах России, захватывая новые и новые слои рабочего класса. Возникают новые с.-д. группы, проявляющие деятельность в листках, обращенных к рабочим массам. Так, во время майской агитации появилась впервые прокламация к рабочим в Перми (кстати сказать, определенно политического направления). Впервые в этом году появились местные социал-демократические прокламации в Воронеже, Курске, Пензе, Полтаве, Кишиневе, в Сибири. В Нижнем-Новгороде местная группа приняла название Комитета Партии и издала недавно новое воззвание к ремесленникам. Летом издана прокламация от имени Костромской с.-д. группы, обращенная ко всем пострадавшим рабочим. В Риге возникла «русская с.-д. группа», впервые начавшая широкую агитацию среди многочисленных здесь русских рабочих. В прокламации, изданной этой группой, русские рабочие призываются к политической борьбе и к соединению с рабочими других национальностей, обитающих Россию. Саратовская группа выпустила №№ 6 и 7 своей «Рабочей Газеты». В Кременчуге образовался «Комитет Партии», издавший воззвание ко всем местным рабочим. Из старых особенно правильную агитационную деятельность ведет Киевский Комитет. Как можно судить по двум десяткам листков, имеющимся у нас и вышедшим за пять месяцев (июнь—октябрь), агитация эта распространилась на самые разнообразные профессии. Здесь и булочники, и обойщики, и рабочие спиртоочистительных заводов, и кровельщики, и мебельщики, и машиностроительные рабочие, и портные, и служащие в гостинице «Гранд-Отель», к которым Комитет выпустил прокламацию 18 октября.

Столько же энергична агитационная деятельность Тифлисского Комитета, которому приходится вести трудное дело агитации среди разноплеменного рабочего населения. Из присланного нам Комитетом сообщения заимствуем следующие данные о размерах этой агитационной деятельности. С января по октябрь Комитетом издано 16 прокламаций в 19.800 экз., из них 7 на русском, 8 на грузинском и 1 на армянском языках. Одна из последних прокламаций Комитета обращена к солдатам и издана по поводу маневров. Все издания — печатные.

Другая прокламация, по поводу милитаризма, распространена недавно центральным комитетом «Бунда» (на еврейском языке) к евреям-новобранцам. В Лодзи вышел № 1 еврейской газеты «Колокол Свободы» (орган местного комитета «Бунда»).

Петербургский Комитет продолжает издание листков на политические темы (о фабричных законах, о свободе печати и проч.). В Одесском Комитете Партии произошел раскол: выделилась из него «Южная революционная группа социал-демократов», которая особым воззванием сообщает о мотивах своего решения работать отдельно от Комитета. Насколько можно судить из этого воззвания, которое мы надеемся поместить в следующем номере, главной причиной раскола является различное отношение к вопросу о политической борьбе: Одесский Комитет, исходя из представления, что «русский царизм, как и всякое правительство, есть не более как равнодействующая сил, существующих в обществе», считает наш царизм простым политическим выражением интересов имущих классов. Напротив, новая группа (и мы с ней в этом вполне согласны) полагает, что царизм является врагом рабочего класса не только как защитник интересов буржуазии, но и как режим, опирающийся на господство бюрократии над всеми вообще гражданами, поэтому приписываемый новой группой Одесскому Комитету тот взгляд, что «возможно добиться при абсолютизме расширения политических прав рабочих», возвращающий нас к самому крайнему «экономизму», делает безусловно невозможной совместную работу для тех, кто считает низвержение абсолютизма первым условием нормального развития рабочего класса и сколько-нибудь существенного улучшения положения пролетариата. Было бы желательно, чтобы Одесский Комитет, с своей стороны, систематически изло-

жил свои принципиальные взгляды. Открытая полемика по программным вопросам — лучшее средство достижения прочного об'единения, которое должно покоиться на общности программы и тактики.

В центральном районе основан «Северно-Русский Рабочий Союз», в который, как мы слышали, вошел и Иваново-Вознесенский Комитет Партии. Волжские с.-д. группы также об'единились в «Приволжский с.-д. союз» [4].

В Сибири образовался «социал-демократический союз», об'являющий о своем возникновении особым воззванием, напечатанным в собственной типографии. Как указывается в воззвании, в последнее время в разных местах Сибири возникли организации, ставящие себе целью революционную пропаганду среди рабочих. Эта пропаганда ведется весьма успешно, но разрозненно; задачей сибирского союза является об'единить усилия отдельных местных групп и расширить рамки их деятельности. В этих видах союз, между прочим, предполагает издавать периодический орган: «Сибирский Рабочий».

Образование сибирского союза показывает, что и среди деятелей еще молодого сибирского движения назрела потребность раздвинуть рамки агитационно-организаторской деятельности за пределы местной «кустарной» работы. Эта потребность, судя по получаемым нами сведениям, начинает теперь сознаваться в самых широких кругах партии. Можно только радоваться этому явлению, как показателю того, что песенка старого «экономизма», воспитавшегося на преувеличенном почитании «местной» деятельности, уже спета.

Приветствуя поэтому об'единение сибирских социал-демократических групп, мы считаем, однако, нужным заметить, что полезный результат этого об'единения мог бы быть значительно парализован стремлением об'единившихся групп обособиться от общерусского движения в какую-то самодовлеющую силу. Делаем это замечание потому, что в воззвании союза говорится: «Когда в России окончательно сформируется с.-д. партия, союз войдет с ней в возможно тесное соприкосновение». Почему же не просто вступить в нее — как одна из составных частей? Общеклассовые интересы русского и сибирского пролетариата одинаковы; одинаковы и ближайшие политические задачи того и другого, — мы, по крайней мере, не знаем особых политических задач сибирского пролетариата, да и союз в своей майской прокламации их формулировал не иначе, как формулируются политические задачи русских рабочих. Чем же об'яснить в таком случае желание союза сохранить свое отдельное существование наряду с Российской партией?

С другой стороны, почему союз говорит об «окончательном сформировании» российской партии, как о деле, в котором он сам как бы не намерен принимать участие? Общерусская рабочая партия сформируется только в результате параллельных усилий всех отдельных социал-демократических организаций, и в этой общерусской партии найдут себе место и сибирские группы. И только такая окончательно сформированная общерусская партия позволит нашему движению бесповоротно выйти из стадии младенчества и избавит его от риска променять пережитую уже узость местной обособленности и кустарничества на столь же нежелательную узость обособленности областной.

С развиваемой здесь точки зрения мы смотрим и на новые попытки основания новых «областных» органов. Как показатель недовольства прежним типом «местных», по большей части узко-экономических листков и газет, эти попытки знаменуют рост политического движения. Но они рискуют задержать дальнейшее развитие движения на сравнительно низком уровне, если, поглощая главные силы новых слагающихся организаций, ослабят их интерес к активному содействию правильной постановке общепартийной политической печати. Последняя может стать тем, чем она должна быть — важным средством общеполитической борьбы организованного пролетариата — только в том случае, если в ее издании и распространении примут участие соединенные силы всех районов.

«Группой саратовских рабочих» нам прислано обстоятельное письмо в ответ на заметку в № 7 о помещенном в местной «Рабочей Газете» заявлении саратовских рабочих. Об'ясняя, почему саратовские рабочие не хотели принять опубликованного впоследствии протеста против тактики Петербургского «Союза Борьбы», авторы заявления приводили мотивы, с которыми мы не могли согласиться и по поводу которых мы выразили свое удивление. В теперешнем своем письме саратовцы заявляют, что они продолжают считать, что поступили бы «мальчишески», если бы согласились заняться критикой действий Петербургского Комитета. В свою очередь, мы остаемся при своем мнении, что эта скромность неуместна и вредна. Единой рабочей партии у нас не сложится до тех пор, пока все группы и кружки не будут стремиться принимать активное участие в партийной жизни. А в это участие входит, между прочим, и обсуждение тактических приемов деятельности той или другой организации.

Далее, авторы письма очень обстоятельно сообщают историю злополучного «ответа Союзу Борьбы». Из этого рассказа ясно, что этот «ответ» был принят всего двумя пятыми участников собрания. Из этого, конечно, следует, что те, кто опубликовали «ответ», как «мнение саратовских рабочих», поступили неправильно. Но столь же неправильно поступили и сами саратовские рабочие, когда заявляли в «Рабочей Газете»: «Саратовские рабочие тут совершенно не при чем. Ни один из них не участвовал в ответе». Оказалось, что участвовало и подписалось под ответом меньшинство. Правда, авторы письма далее говорят, что это меньшинство состояло из не вполне сознательных людей, но так как, по их же словам, такой же упрек делает им противная сторона, то ясно, что мы не можем вдаваться в разбор этих пререканий.

Нам кажется, что из всего этого следует сделать один только вывод: товарищи, заинтересованные в ограждении газеты от шагов, которые им кажутся неправильными, должны были бы своевременно сноситься с редакцией и сообщать ей те (не для печати предназначенные) сведения, которые позволили бы нам судить о деле с большей осведомленностью. Пока этого нет, мы обязаны считаться с печатными документами и только с ними. Надеемся, что саратовцы признают справедливость наших слов и что полученное письмо послужит первым шагом к более тесному сближению между нами.

В заключение письма «группа» касается еще эпизода с рабочим Трусовым, о котором у нас (в № 7) было сообщено, что он выступил перед серыми рабочими в роли «попа-увещевателя». Группа высказывает по этому поводу, что нелегальный орган должен сообщать только «безусловно достоверные факты, потому что этим фактам... приходится безусловно верить в виду невозможности проверить их на месте». Но если на месте нельзя проверить факта, то как же это сделать нам? Мы думаем, что при условии нелегальной деятельности таких средств нет, и от нас можно лишь требовать, чтобы мы щекотливые известия принимали только от лиц, заслуживающих доверия. Так было и в этом случае: заметку о Трусове прислало то самое лицо, которое нас связало с «Рабочей Газетой» и которому вполне доверяем как мы, так и последняя. Но если бы при таких условиях вышли ошибки, то заинтересованным в раскрытии истины остается прислать фактическое опровержение. Такого опровержения авторы письма не дают. Заявляя, что «осуждают помещение в № 7 „Искры“ письма о рабочем Трусове», они прибавляют: «факт этот даже здесь, на месте, недостаточно проверен, и из имеющихся налицо данных можно заключить разве только о неопытности Трусова, но нельзя обвинять в чем-либо, противном общественной совести. А, между тем, „Искра“ не проверив факта, помещает, можно сказать, смертный приговор (!) рабочему, зарекомендовавшему себя с хорошей стороны». Так как саратовские товарищи не поясняют, какие из сообщенных в нашей заметке подробностей фактически неверны или сомнительны, то их опровержение остается бездоказательным. Поэтому их «осуждения» мы не можем принять ни по отношению к себе, ни по отношению к нашему корреспонденту.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Существует в Петербурге литератор Петр Эммануилович Панкратьев, сотрудник «Права», «Сев. Курьера», «Петерб. Вед.», «Жизни» и других органов и бывший член В.-Э. Общ. Оказывается, что, сверх того, он еще является членом... департамента полиции. Об этом свидетельствует следующий перехваченный кое-кем подлинный документ:

«Его Высокородию, г. Начальнику отделения по охранению общественной безопасности и порядка.
Агента 1-ой степени Петра Эммануиловича Панкратьева

РАПОРТ:

«Сим честь имею довести до сведения Вашего Высокородия, что, согласно распоряжению Начальника Деп. Полиции, я прибыл 10 июня в Одессу.

П. Панкратьев».

Просят пропечатать провокатора рабочего Соркина в Спб. Он известен под именем Семенова, и его шпионской деятельности обязаны своим арестом многие, взятые в апреле. Нам известно, что Соркин сыграл роль провокатора еще в первом деле «Рабочего Знамени» летом 1898 г. (дело Арона Лурье, Ромма и других).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Южным отделом «Искры» получено:

За июль: от путешественника 100 р., от него же 170 р., от инженера 300 р., из Х-ва от молодежи 37 р. 50 к., от читателей 13 р. 50 к. Всего 621 руб.

За август и сентябрь: от NN 16 р., от марксистки 100 р., от профессора 50 р., за З. и С. 15 р., от сочувствующей 5 р. 50 к., от читательницы 3 р., за чтение через В. 6 р. 75 к., от читателей из Х. 20 р., из Киева за литературу 10 р., от доктора 5 р., собрано 6 р. 50 к., от С. за «Искру» 5 р. Всего 242 р. 75 к.

Киевским представителем получено: из Спб. 50 р., кредитный бил. сер. АВ № 39315 и 10 р., от Киевского Комитета на изд. «Искры» 50 р. и за литературу 135 р.; собранные «гением Дегерра» 100 р., за чтение 5 р. Всего 350 руб.

Л. Л. получено: из А. 240 р., из Волжской столицы 90 р. Всего 330 руб.

Московским представителем получено: от «Провинциалки» 30 р.

Через Кольцова получено: 10 фр. от Гамма, 15 фр., собранных им же, 5 фр. 75 с. за литературу, 330 фр. переданы револ. организацией «Социал-Демократ». — Из С. получено 38 р., оттуда же 50 р., от скептика получено 37 р. 50 к., из Сибири 144 р., остаток от мартовских сборов; из Ф. 100 мар.; через редакцию «Зари»: из О. 25 р., от «Харьковца» 93 р.

Через Г. Плеханова 292 фр.

Через Б—скую группу поступило: от Злаго 11 р. 82 к., от студента Востока 20 р., из тайги 28 р., с вечеринки и с сбора гимназистки 21 р. 18 к. Всего 82 р. Кроме того, поступило на покупки библиотеки 30 р., 20 р. и 15 р. Итого 65 р. За литературу (прод. в Томске, кроме сбора) 9 руб. 50 коп.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Эта петиция финляндских граждан не была принята Николаем II. В последующее время репрессии и насильническая политика русского правительства по отношению к Финляндии приняли еще более острые формы: в 1901 г. отменена свобода собраний, в 1902 г. ген.-губернатору предоставлено право замещать финских чиновников русскими. В 1903 г. ген.-губернатор облечен чрезвычайными полномочиями по борьбе с финской «крамолой» и т. д. Революция 1905 г. на время задержала этот процесс руссификации края.

Прим. 2. Телесные наказания для крестьян, а также в армии и флоте были отменены только в 1904 году (11 августа и 30 июня).

Прим. 3. Рассказанный здесь эпизод имеет некоторое историческое значение в связи с знаменитым ленским расстрелом 4 апреля 1912 г. «Ленское золотопромышленное товарищество» («Лензото») образовалось в 1882 г., после перехода части паев Ленского паевого т-ва в руки барона Гинзбурга и торгового дома Майер и К°. С этого времени «Лензото» быстро растет, обращаясь в мощное монопольное капиталистическое предприятие, по добыче золота в Сибири стоящее вне конкуренции. Об условиях невероятной эксплоатации рабочих на Ленских приисках имеется обширная литература (см., напр., книгу А. М. Никитина: «Правда о ленских событиях», или В. Ф. Плетнева: «Лена» и др.).

Прим. 4. Указанное в этой заметке расхождение во взглядах одесских с.-д-ов на природу самодержавия более ярко выявилось на с'езде представителей южных комитетов и организаций в январе 1902 г. (Об этом, напр., см. в предисловии к «Протоколам II с'езда Р. С.-Д. Р. П.», изд. «Прибой», стр. 10 и след.). «Искра» и «Заря» не подхватывали этого вопроса в его теоретической постановке. Но точку зрения «Искры» на природу самодержавия в его последней стадии вырождения можно усмотреть из некоторых мест статьи Ленина: «Политическая агитация и классовая точка зрения» (в № 16 «Искры»), а также из статьи того же автора: «Гонители земства и Аннибалы либерализма».

«Северно-Русский Рабочий Союз», о котором говорится в заметке, образовался по инициативе социал-демократов, связанных по партийной работе с Иваново-Вознесенском и Ярославлем и встретившихся в Воронеже в 1900 г. (В. Носков, О. Варенцова, студент Доливо-Добровольский, рабочий Мих. Багаев). В союз, оформленный на совещании представителей заинтересованных организаций в августе 1901 г., вошли: Ярославский, Костромской, Иваново-Вознесенский с.-д. комитеты и Владимирская группа. Союз был разгромлен в апреле 1902 г., благодаря провокаторской деятельности охранника Меньщикова.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 12 | 6 ДЕКАБРЯ 1901 ГОДА | № 12

ЮБИЛЕЙ КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ В С.-ПЕТЕРБУРГЕ.

И вот на площади соборной
В столице русского царя
«Земли и Воли» флаг народный
Взвился шестого декабря.

Из революционной песни того времени
«Красное Знамя».

6 декабря минет 25 лет со времени первой социально-революционной демонстрации в России—демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6 декабря 1876 г. Первая попытка открытого народного протеста разыгралась на той площади, которая до сих пор служит как бы общепризнанным революционным сборным пунктом столицы.

Казанская демонстрация 1876 г. произошла в момент перелома в направлении деятельности революционеров того времени. В 1874 г. разгромлены были пропагандисты, ушедшие «в народ», в деревню, чтобы поднимать крестьянство. Тысячи людей заполнили тюрьмы и казематы, и в ожидании грандиозного процесса 193-х (1877—1878 гг.) происходили один за другим процессы пропагандистов отдельных кружков [1]. Массовое движение революционеров в деревню было подорвано в корне; если еще то там, то сям устраивались «поселения» революционеров и велась более или менее успешная пропаганда, то, во всяком случае, прежнего беззаветного увлечения этим движением в массе революционеров уже не было. Остатки разбитых кружков собрались в крупных городских центрах, в той лаборатории, где непрерывно продолжался процесс воспитания новых и новых революционеров. Политическое недовольство толкало в ряды революционной партии лучшие элементы учащейся молодежи, а рядом с ней уже формировались отряды привлеченных пропагандой рабочих. Оправившись от понесенных жестоких ударов, революционеры, обогащенные опытом последних лет, снова организовались, готовясь к новому походу. Только теперь сила событий—вопреки теории—переместила главное место войны из деревни в город. И в городе же разыгралась первая попытка применения новой «бунтарской» тактики, рассчитанной на революционное воспитание народных масс при помощи всякого рода открытых протестов.

Зимой 1876 г. петербургские рабочие кружки захотели выйти из тесных рамок подпольной кружковщины и тем сообщить сильный толчек дальнейшему развитию социалистического дела. Интеллигенты-бунтари сильно упирались, не желая растрачивать свои силы на работу в городе: по их тогдашним взглядам «бунтарское» дело должно было начаться в деревне. Но рабочие настояли на своем, и было решено устроить демонстрацию на площади перед Казанским собором во имя «Земли и Воли».

Демонстрация вышла менее внушительной, чем предполагали ее устроители. Рабочие явились, но в меньшем количестве, чем на то рассчитывали. Явилась и учащаяся молодежь. Одним из «бунтарей», Г. В. Плехановым, была произнесена речь, было развернуто красное знамя... После этого произошло нападение полиции на безоружную толпу, жестокая схватка и множество арестов.

Затем последовал процесс. На первую революционную демонстрацию правительство ответило суровым, до тех пор небывалым приговором. Пятеро из демонстрантов—Гервасий, Боголюбов, Бочаров, Чернявский и Бибергаль—были приговорены к каторжным работам (на 15 лет!), десять других—на поселение в Сибирь [2].

За Казанской демонстрацией последовало еще несколько открытых протестов. Демонстрации устраивала, главным образом, учащаяся молодежь, но и рабочие принимали в них участие.

Но революционное движение не удержалось на пути открытых массовых протестов. Революционные силы были еще слишком незначительны, чтобы заставить правительство отказаться от всех тех средств подавления «бунтов», которыми оно владеет. Драконовские приговоры против революционеров и пассивное отношение широких народных слоев к открытым протестам заставили тогдашних революционеров отказаться от этого пути. Революционная борьба пала всецело на плечи организованного передового отряда движения, и эта борьба была поведена самыми отчаянными средствами. Настала пора террора, истощившего в неравной борьбе организованные революционные силы. А на смену ей пришла пора полного затишья.

Вместе с новым широким размахом революционного движения недовольные общественные элементы вновь почувствовали потребность вылить свой протест в форме уличной демонстрации. Не прошло и года после знаменитой петербургской стачки, как 4 марта 1897 г. Казанская площадь снова увидела демонстрантов, протестовавших против правительственного произвола, замучившего в тюрьме Марию Ветрову [3].

Демонстрация эта, произведшая громадное впечатление повсюду, была совершена, правда, одной интеллигенцией. Рабочие организации считали себя еще слишком слабыми, чтобы рискнуть вывести на улицу рабочие массы. Но что последние не отнеслись равнодушно к протесту учащейся молодежи,—это видно из того, напр., факта, что в Киеве власти приняли ряд энергических мер, чтобы помешать рабочим итти на подобную же демонстрацию, устроенную местными студентами вслед за петербургскими.

Студенты и студентки, участвовавшие в «Ветровской» демонстрации, пострадали очень легко. Правительство Николая II еще не сочло возможным бросить вызов

солидному «обществу», стоявшему решительно на стороне протестовавших. С тем большей поспешностью оно бросилось наказывать невольную попустительницу стольких «беспорядков» — соборную площадь. Градоначальник внес в думу «предложение» (читай — приказ) разбить на революционной площади сад, который, правда, должен был исказить своеобразную красоту этой площади (самодержавию не нужны широкие перспективы!), но зато, предполагалось, насажденные мощной рукой помпадура Клейгельса деревья затруднят движение будущих демонстрантов.

Но—гнилые деревья реакции растут медленнее, чем молодые побеги революционного движения. Прошло ровно четыре года, и 4 марта 1901 г. многие тысячи демонстрантов явились на Казанскую площадь протестовать перед заранее собранным царевым воинством против нового проявления произвола. И в этот раз главную массу демонстрантов составляла интеллигенция, среди которой терялись кучки рабочих. Но уже за этим протестом «общества» явственно слышался шум приближающихся «рабочих батальонов», и в то время, как на Казанской площади готовилась Клейгельсом бойня, на окраинах города принимались «предупредительные меры» против могущих явиться пролетариев.

На этот раз Казанская площадь увидела ужасное побоище. Расправа 4 марта превзошла по своей хладнокровной жестокости и гнусности все доселе проявленное царскими башибузуками. И точно так же небывалой по количеству жертв была последовавшая затем кара, постигшая—в виде высылки или ареста — сотни людей. Интересная подробность: в числе высланных за демонстрацию учащихся находилась курсистка Бибергаль, дочь того самого Бибергаля, который 25 лет тому назад был выслан на каторгу за участие в Казанской демонстрации 6 декабря. Так второе поколение протестующих проходит уже мимо могучих колонн Казанского собора... Суждено ли этому поколению сделать то, чего не могли сделать его отцы?

Демонстрация 4 марта, благодаря стараниям башибузуков Клейгельса, вызвала новый ряд протестов по всей России. Эта волна разлилась по всей стране вплоть до Сибири и Кавказа и в течение двух месяцев наполняла революционным шумом ее сонную жизнь. Прошло два месяца, и по улицам Петербурга и Тифлиса рабочие показали России, как они умеют умирать за свободу.

Предстоит ли нынешнему демонстрационному движению истощить свои силы так, как это было 25 лет тому назад, и уступить место единоличной борьбе организованных революционеров? Мы уверены, что нет. Мы уверены, что тысячи передовых рабочих и студенческой молодежи поддержат это движение и сумеют не дать ему угаснуть до тех пор, пока его подхватят десятки и сотни тысяч. А втянув в себя народные массы, это движение станет непобедимым, оно станет непосредственным прологом революции.

«Земля и Воля»—писали на своем знамени демонстранты 6 декабря 1876 г. При всей туманности этого девиза на него откликнулись и революционная молодежь и сознательные рабочие: революционное чувство недовольства побуждало протестовать независимо от того, насколько выставленный девиз выражал положительные стремления пролетариата.

«Долой временные правила!»—таков был девиз демонстрации 4 марта 1901 г. Место широкой, но несколько туманной формулы 70-х годов заняло узкое «практическое» требование, которое столь же мало, как и былая туманная формула, могло выразить действительные стремления всех протестующих и тех, кто готовится их поддержать.

Русским социал-демократам предстоит теперь усиленно работать над тем, чтобы начавшееся вновь демонстрационное движение принимало все более массовый, народный характер. Но роль наша не может ограничиться тем, чтобы «втянуть» рабочую массу в противоправительственное движение, начатое теми или другими угнетенными царизмом группами. Если бы мы ограничились только этой задачей, мы бы сделали не более того, что делали при подобных условиях в З. Европе буржуазно-демократические партии. Нам предстоит сделать нечто гораздо большее. Рабочие массы должны не только придать демонстрациям физическую силу численности и нравственную силу народности, — нет, они должны усилить революционный характер самого движения, должны положительно выразить в нем политическую программу и социальные интересы своего класса. Поверх частных поводов протеста против самодержавного произвола они могут и должны поставить общий лозунг борьбы за низвержение самодержавия и за установление демократии. И если рабочие массы под руководством организованной пролетарской партии выставят этот боевой лозунг, он удесятерит революционную силу движения; и в то же время они, став общепризнанным революционным авангардом, достигнут того, что в момент окончательной развязки общенародной борьбы с самодержавием окажутся действительной политической силой, способной сознательно отстаивать свои классовые интересы против кого бы то ни было.

«Земля и Воля»—было написано на знамени социалистов-интеллигентов 70-х годов. «Политическая свобода для борьбы за социализм» — под этим знаменем рабочие займут окончательно свое место в общедемократической борьбе с царизмом.

Эта задача будет выполнена лишь в том случае, если русская социал-демократия станет действительно организованной боевой политической партией.

[Л. Мартов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Безгрешные доходы наших министров. Нам сообщают из Москвы: Правление общества Московско-Киево-Воронежской ж. д., председателем которой состоит г. Коковцев, сделало заказ на доставку для дороги 50 милл. пудов каменного угля организующемуся обществу разработки каменноугольных копей, одним из устроителей и главных пайщиков которого является другой г. Коковцев, товарищ министра финансов и брат председателя правления названной дороги. Заказ должен быть выполнен в течение 8 лет по цене 6¾ коп. за пуд (рыночная цена угля в настоящее время 6½ коп. пуд). Так как образующемуся обществу требуются, надо полагать, не малые деньги для того, чтобы приступить к будущим операциям

по добыванию угля, то правление дороги любезно выдало обществу копей (товарищу министра финансов г. Коковцеву?) аванс в размере 500 тыс. рублей. Таким образом, несмотря на то, что уголь на рынке стоит 6½ коп., г. Коковцев-председатель дает г. Коковцеву-товарищу министра по 6¾ коп. (на 50 милл. пудов разница составит, если не считать % на аванс, 125 тыс. рублей). Далее, — несмотря на то, что у общества М.-К.-В. ж. д. нет денег и для обновления и пополнения подвижного состава (плохих паровозов своих и проч.), дорога вынуждена была прибегнуть к облигационному займу, — г. Коковцев дает г. Коковцеву кругленький аванс в полмиллиона рублей.

Не знаем, выгодна ли будет эта сделка акционерам дороги, братцы же во всяком случае вряд ли останутся в накладе. Ну, а что же министерство финансов? Министерство финансов (гг Витте и Коковцев) сделку (проделку гг. Коковцевых?) разрешило.

Еще о деревенских прокламациях. В одном из сел —ского уезда бедным и неграмотным крестьянином было получено письмо. За прочтением письма крестьянин обратился к учителю. «Прочитайте, сделайте милость. В первый раз в жизни получил — откуда и от кого придумать не могу». Письмо было прочитано учителем, и содержание его произвело на чтеца и слушателя столь сильное впечатление, что с общего согласия было решено отправиться к о. дьякону и у него еще раз прочитать диковинное послание.

К о. дьякону гости попали весьма кстати: по какому-то делу у него оказалось человек десять мужиков.

Послание было громогласно прочитано о. дьяконом и, разумеется, произвело сенсацию, впрочем, далеко не одинакового характера. Дьякон с письмом отправился к попу, крестьяне же разбрелись по селу, каждый по-своему уразумев письмо «от добрых людей». В результате — поп отправил письмо к властям «в губернию», мужички же стали толковать, что «царь от податей ослобоняет». Когда доступок священника сделался известен на деревне, к сказанной фразе стали прибавлять: «царь не велел, а попы с господами скрывают: коли б не добрые люди, и посейчас бы платили». В этой мысли человек десять так укрепились, что простодушные люди и становому заявили: «Свобода от податей вышла — по доброй воле платить не станем. От царя приказ вышел!». Расследовать смуту умов были командированы жандармы. Произвели, как водится, обыск у учителя, но ничего предосудительного не нашли. Тем не менее, в предотвращение развития заразы, в селе оставлен представитель царской власти — жандарм, который и по сей день проживает в «зараженном» селении.

Начальником —ской губернии дан по полиции приказ следующего содержания: «Строго предписываю волостным и сельским властям при получении противозаконных сочинений, не читая их, немедля доставлять оные местному начальству. При этом ставится на вид то, что до сих пор означенные власти не только сами читали противозаконные воззвания злонамеренных лиц, но созывали целые сходы, на которых разбиралось, довести ли о них начальству или же нет».

Еще циркуляр о борьбе с крамолой. Мин. вн. дел разослан нижеследующий конфиденциальный циркуляр (за точность передачи содержания и отдельных выражений ручаемся; точной же копии достать, к сожалению, не удалось).

Некоторые злонамеренные лица, получив заграничные виды на жительство, успевают несколько раз побывать за границей, вернуться в Россию, привезти с собой противозаконные воззвания и брошюры и распространить таковые, при чем о выдаче означенных видов департамент полиции узнает только через девять месяцев.

В виду изложенного предлагается вашему превосходительству с особой осторожностью и вниманием относиться к выдаче заграничных паспортов и своевременно уведомлять о том департамент полиции, так как в противном случае департамент не в состоянии принять необходимых мер для борьбы с преступной деятельностью означенных лиц.

Одесса. В изданном Одесским Комитетом Партии воззвании сообщается следующий факт.

«В субботу 20 октября на Разумовской улице состоялось сионистское собрание для избрания делегатов на конгресс сионистов. Дело самое невинное, к потрясению основ никакого касательства не имеющее. Но не так показалось царской полиции, у которой от страха глаза велики. Пронюхав про собрание, полиция направилась туда. Помощник пристава Соколов приказал всем сесть и пригрозил, в случае сопротивления, призвать казаков. Затем присутствовавших переписали и в ожидании высшего начальства продержали до 4 часов утра, когда приехали Чебанов и Головин. После насмешек и издевательства над собравшимися их начали выпускать поодиночке из залы. Но при выходе их встречали городовые и надзиратели, которые обрушивались на ничего не подозревавших людей с кулаками и шашками и нещадно били их, не щадя ни пола, ни возраста. Это возмутительное проявление бесшабашного самоуправства полиции должно вызывать чувство негодования у всех, кто еще способен возмущаться надругательством над человеческой личностью». Обращаясь ко всем, терпящим от правительственного произвола, Комитет приглашает их присоединиться к борьбе за политическую свободу.

Происшествия, подобные описанным в прокламации, неизбежны в стране, где закон не ограждает прав личности. Но если они неизбежны, то было бы желательно, чтобы они действовали просвещающим образом на тех, кто, как гг. сионисты, воображают, будто бы вне политической борьбы можно разрешить какой-нибудь (в данном случае еврейский) общественный вопрос. Отвлекая еврейскую интеллигенцию и еврейскую рабочую массу от борьбы вместе с русским населением за свободу, сионисты играют в руку тому политическому режиму, который в периодических припадках самодурского бешенства подвергает дикому насилию самых мирных обывателей.

Из Ярославля пишут: Положение Ярославля довольно выгодное вследствие близости его к обеим столицам. Казалось бы, эта близость должна отзываться на культурном состоянии города. На деле этого нет. Мы всем богаты: богаты торговыми рядами, богаты церквами, различными обществами велосипедистов, вольной пожарной дружиной и проч., но умственной культурной жизни нет. Благодаря отсутствию умственной жизни, известных культурных традиций, у нас могут происходить грустные вещи. В редакции «Северного Края», газеты очень почтенной, возле которой группируется вся соль г. Ярославля, служит некто Леонов, история которого следующая. Леонов — бывший студент Петербургского университета, привлекавшийся в 1898 г. по делу соц.-революционеров, сделал полное признание и выдал своих товарищей по делу. Одна колония ссыльных, где ему пришлось жить до решения дела, порвала с ним товарищеские сношения. Вот история этого господина. И что же мы видим! Несмотря на то, что история известна всем, с ним водят знакомство, сживаются и т. д. Эта нравственная притупленность, нравственный индиферентизм все более и более распространяется среди либерального общества. «Моя хата с краю», хотя бы эта хата стояла на навозе! Заключение в свою «ячейку», в свое дело (статистика, земская служба), боязнь высовывать нос на общественную улицу, хотя бы пришлось жить и работать со всяким сбродом, настолько в'елись в плоть и кровь русского либерала, что можно считать это явление хроническим и безнадежным в смысле исцеления. В Ярославле Леонов служит в редакции и принимает участие в ярославском обществе распространения народного образования, этом детище местной либеральной публики. А в Перми не менее комфортабельно устроился еще более вредный человек — Румa. Как известно, Рума был провокатором по делам 1896—97—1900 гг. (московским). Когда часть пермской радикальной публики

подняла свой голос против Рума, либеральная публика взяла его под свою защиту. Товарищи, мы должны горячо восстать против такого индиферентизма, который терпит в своей среде таких негодяев! Не так ведет себя народ, тот «мужичек», который так дорог либералу. Он прямо говорит мерзавцу, что он мерзавец. Так, Федору Дорофееву, предателю по делу Носкова в 1898 г. и по последнему ярославскому делу 1901 г., который уже снова работает на одной из ярославских фабрик, рабочие в глаза говорят, что он шпион, и не здороваются с ним. Пора бы нашим либералам поближе присмотреться к их «идеалу»— народу и кое-чему у него научиться.

Екатеринослав. Вряд ли кто-либо из «просвещенных» администраторов, которыми правительство от времени до времени осчастливливает и наш город, был предметом таких разнузданных прощальных оваций со стороны «общества», как князь Святополк-Мирский [4], когда его из узкой сферы губернаторского воздействия призвали на широкое поле деятельности всероссийского шефа жандармов. Путь от губернаторского дома до клуба, где от'езжающему был дан прощальный обед, украшен был массой арок с разноцветными плошками, которые должны были освещать, иллюминовать и, конечно, опозорить всех тех, которые после торжественных застольных речей, торжественно проводят нового жандарма домой. От избытка чувств наши отцы города и избранные представители местного общества пришли в совершенное неистовство, а их и без того не сильные умы до того омрачились, что в своем позорном адресе они пожелали даже новому шефу жандармов всяких успехов на его новом посту. И лишь после того, как улегся этот избыток чувств, дипломированный представитель общества, хлопнув себя по медному лбу, сообразил, что ведь пожелать шефу жандармов всяких успехов — значит пожелать нагайке побольше спин. Этим, конечно, не кончилось дело, и позор довершон был тем обстоятельством, что шефу жандармов поднесен был адрес и от местной комиссии народных чтений, под каковым адресом подписался весь распорядительный комитет комиссии, в полном его составе.

Тот, в ком еще циркулирует хоть одна капля благородной крови, поймет, что всякие комментарии тут совершенно излишни. Гораздо важнее уяснить себе причины этой позорной эпопеи, и здесь мы сталкиваемся с тем курсом, который взял в последнее время наш судорожно приспособляющийся абсолютизм. Курс этот можно кратко охарактеризовать в двух-трех словах: не препятствовать и даже поощрять в культурных промышленных центрах общественную инициативу на почве просветительной деятельности (конечно, в предписанных цензурой и городовым пределах), об'явив в то же время эти самые центры вне закона, даже закона российского. Для культурного обывателя получается, таким образом, иллюзия самодеятельности на почве просвещения рабочего люда, — иллюзия, которая, конечно, на каждом шагу разбивается о нагайку сбиров, призванных бесконтрольно и безотвественно охранять царство временных правил и усиленной охраны, где первый встречный бандит в полицейском мундире значит больше, чем десятки лучших сынов России.

Как только наш город сделался одним из центров рабочего движения в России, как только движение это приняло характер вполне сознательного политического движения, — на сцену резко выступил новый курс и дал здесь свою иллюстрацию, настолько характерную, что она могла бы послужить прекрасным материалом для картины переживаемого нами момента.

Святополк-Мирский, действительно, больше всех своих предшественников не только не препятствовал, но даже всячески поощрял местное общество в его стремлениях к культурной деятельности. Когда некая г-жа Журавская задумала учредить вечерние классы для взрослых рабочих, он всячески покровительствовал ей. Ласково принимал как ее самое, так и ее сотрудников, и даже обещал свое содействие в деле устройства народного дома, который одно время всецело овладел умами наших культурников. Мало того. Он лично посещал народные балы, т. е. два-три вокально - музыкально - инструментальные вечера, устроенные той же г-жей Журавской для рабочих, ремесленников и домашней прислуги. Здесь он в антракте появлялся на эстраде, благодарил исполнителей-рабочих и в дружеской любезной беседе с Журавской и ее кружком изложил свои положения и виды на будущее. Правда, едва только лекторы вечерних классов попытались выйти за пределы грамоты, рисования, закона божьего и другой незатейливой культуры, на место происшествия прискакал лектор от полиции и жандармского управления и прочел лекцию о том, что собственно должно понимать под словом просвещение «с точки зрения видов правительства».

БЕСЕДА С ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА.

Приводим целиком присланное нам одним из наших представителей

ПИСЬМО В РУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ.

«В ответ на предложение наших товарищей по ссылке высказаться по поводу „Искры“ мы решили заявить о причинах нашего несогласия с этим органом.

«Признавая вполне своевременным появление особого с.-дем. органа, специально посвященного вопросам политической борьбы, мы не думаем, чтобы „Искра“, взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрешила. Основной ее недостаток, красной нитью проходящий через все ее столбцы и обусловливающий все ее остальные крупные и мелкие недостатки, заключается в том, что „Искра“ отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление. В то же время „Искра“ мало считается с теми материальными элементами движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается известный тип рабочего движения и определяется его путь, совлечь с которого его не в состоянии все усилия идеологов, хотя бы и вдохновленных самыми лучшими теориями и программами.

«Этот недостаток „Искры“ особенно резко бросается в глаза при сравнении ее с „Южным Рабочим“, который, поднимая, подобно „Искре“ знамя политической борьбы, ставит ее в связь с предыдущим фазисом южнорусского рабочего движения. Такая постановка вопроса совершенно чужда „Искре“. Ставя своей целью создать „из искры большой пожар“, она забывает, что для этого необходим подходящий горючий материал и благоприятные внешние условия. Обеими руками открещиваясь от „экономистов“, „Искра“ упускает из виду, что их деятельность подготовила то участие рабочих в февральских и мартовских событиях, которое она с особенным старанием подчеркивает и по всей видимости значительно преувеличивает. Отрицательно относясь к деятельности соц.-дем. конца 90-х годов, „Искра“ игнорирует отсутствие условий в то время для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, и то громадное воспитательное значение, которое имела эта борьба. Совершенно неправильно и неисторично оценивая этот период и это направление деятельности русских соц.-дем., „Искра“ отождествляет их тактику с тактикой Зубатова, не видя раз-

Но этот неприятный инцидент каким-то образом растворился в розовом масле диктатуры сердца, как растворилась и вся оборотная сторона этой диктатуры, завершившаяся, как известно, мариупольской кровавой баней, которую будущий шеф жандармов задал рабочим, при первой же серьезной попытке отстоять свои самые примитивные материальные интересы, свои самые примитивные права личности.

А на этой оборотной стороне выгравирована фигура Делло, жандармского полковника из кантонистов, представляющего собою удивительную смесь старческой болтливости, глупости, невежества непроходимого, бессердечия и заплечных дел мастерства. Первые три качества служат для общества материалом увеселительных анекдотов, а его бессердечие и заплечных дел мастерство до того терроризовали и деморализовали то же общество, что его обычная гражданская трусость и животный страх за свою шкуру выродились в ежечасную, ежеминутную панику. До момента всемилостивейшего призвания Святополк-Мирского на его нынешний пост это общество серьезно было убеждено, что положение последнего крайне шатко, так как, мол, старый кантонист осаждает высшие сферы доносами на его неблагонадежное послабление и благоволение к «революционной» комиссии народных чтений. Понятно, что, когда Святополк-Мирский получил пост шефа жандармов, то все облегченно вздохнули: теперь уж старик получит отставку, и наступит конец террору. И Делло, действительно, получил... генерала.

Метод Делло столь же прост, сколь просты приемы управления бесправной страной. В ночь с 14-го на 15 апреля 1900 г. он в погоне за типографией «Южного Рабочего» устроил настоящую облаву в Екатеринославе, Кременчуге и Полтаве, при этом не пощадил ни пола, ни возраста, ни болезни, ни беременности, ни даже относительно высокого общественного положения. Во многих случаях жандармы даже не знали фамилии лиц, у которых они делают обыск и которых даже арестуют, как это было, например, при аресте помощника прис. пов. Чуйкова. Не знали они также фамилии одного из служащих в материальной службе Екатеринославской жел. дор., который никогда, кроме трепета перед начальством, ничего не испытывал, а между тем здесь разыгралась следующая сцена: ворвавшись ночью в его квартиру, они застали там обезумевшую от страха беременную жену его и мальчика лет шести, которым не дали даже одеться. На грозный вопрос ротмистра, где ее муж, она едва в состоянии была пролепетать, что он уехал на линию и вернется с девятичасовым поездом. Тогда, перерыв все вверх дном и, конечно, ничего не найдя, они об'явили ее под домашним арестом до приезда мужа и отправились продолжать свою работу, приставив к квартире городового. Часа через два, когда она уже успела уснуть после испытанного страха, опять раздается громовой стук в двери: явился жандармский унтер-офицер, при виде которого несчастная женщина упала в обморок. Долго, вкупе с приставленным городовым, этот новый посланец Делло возился с ней, пока привел ее в чувство, и тогда дело раз'яснилось: ротмистр забыл заставить ее расписаться на протоколе обыска. Ну, как же! Ведь мы живем в стране, во всем управляемой благодетельными законами, как с циничной иронией просвещает г. Витте г. Горемыкина!

Нужно ли прибавить, что, когда на другой день муж этой облагодетельствованной законом женщины явился в жандармское правление, то Делло, даже не глядя на него, с эпическим спокойствием заявил: «Нас мало, вас целая пропасть... дело наше большое, и недоразумения неизбежны». Буквально той же фразой он отделался тут же и от прис. пов. Лаврова, который своим трусливым запросом об обыске, вероятно, хотел просто-напросто реабилитировать себя.

Так как при такой грандиозной облаве не хватило даже околоточных надзирателей, то в дело пущены были жандармские «ундерцеры», которые, при просвещенном содействии прикомандированных к ним городовых, самостоятельно производили обыски. Один из таких «ундерцеров» с двумя городовыми и был отряжен произвести обыск у массажистки Скудиной-Энгель. После первого же удара в дверь она проснулась, как проснулась и ее четырехлетняя девочка, поднявшая неистовый плач. Не успела она накинуть на себя и нижнюю юбку, как раздался второй громовой удар и угроза: «двери выломаем». Пришлось выбежать в одной сорочке, в каковой она вынуждена была пробыть во все время обыска, так как ей приказали не шевелиться (таковы, конечно, были инструкции Делло). А каков был этот обыск, видно из того, что даже пришитое к новой кофточке клеймо с оттиснутым там «Екатеринослав, магазин Рашинского» было отшито и приложено ко всему прочему, что имелось в комнате печатного или писанного.

ницы между „борьбой за мелкие требования", расширяющей и углубляющей рабочее движение, и „мелкими уступками", имеющими целью парализовать всякую борьбу и всякое движение.

«Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, „Искра" всякое разногласие с нею готова заклеймить не только как отступление от соц.-дем. принципов, но даже как переход во враждебный лагерь. Такова ее крайне неприличная и заслуживающая самого строгого и беспощадного осуждения выходка против „Рабочей Мысли", которой она посвятила статью о Зубатове и влиянию которой приписала его успехи среди некоторой части рабочих. Отрицательно относясь к другим социал-демократическим организациям, иначе, чем она, смотрящим на ход и задачи русского рабочего движения, „Искра" в пылу полемики с ними забывает подчас истину и, придираясь к отдельным действительно неудачным выражениям, приписывает своим противникам взгляды, им непринадлежащие, подчеркивает пункты разногласия, часто мало существенные, и упорно замалчивает многочисленные точки соприкосновения во взглядах: мы имеем в виду отношение „Искры" к „Рабочему Делу".

«Эта чрезмерная склонность ее к полемике вытекает прежде всего из переоценки ею роли „идеологии" (программ, теорий...) в движении, отчасти же является отголоском междуусобной брани, которая возгорелась на Западе среди русских эмигрантов и о которой они поспешили поведать миру в ряде полемических брошюр и статеек. На наш взгляд, все эти их разногласия не имеют почти никакого влияния на фактический ход русского социал-демократического движения, разве только вредят ему, внося нежелательный раскол в среду действующих в России товарищей, а потому мы не можем не отнестись отрицательно к полемическому задору „Искры", особенно, когда она выходит из допускаемых приличием рамок.

«Тот же основной недостаток „Искры" является причиной ее непоследовательности в вопросе об отношении социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел, но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, „Искра" начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции и в своих

На следующий день, часов в 10 утра, в губернскую земскую больницу является один из бравых ротмистров Делло с требованием указать ему палату, где находится больной рабочий такой-то. Последнему накануне ампутировали большой палец на правой ноге и ему даже еще не успели сделать временных костылей. Обыскали его лично, обыскали его вещи в цейхгаузе, не нашли ничего, но тем не менее его положили на носилки и повезли в тюрьму. К стыду и позору русского общества, ни смотритель больницы Щетинский, ни главный врач Бутаков, ни хирург Вебер ни одним словом не протестовали против этого разбоя.

На протяжении полутора месяцев Екатеринослав пережил три такие облавы, и трудно было бы отдать какой-нибудь из них первенство в смысле проявления жандармами беспардонности. Делло не стесняется прибегать и к ударам из-за угла. Так, например, встретившись с одним из учредителей местной зубоврачебной школы, Львовым, он, словно невзначай, сообщает ему, что муж одной из учениц школы, г-жи Волошкевич, арестован. Понятно, что отнюдь не нужно быть таким жалким трусом, каким является затерроризованный екатеринославский обыватель, чтобы понять это сообщение Делло в смысле приказания удалить г-жу Волошкевич, что и было сделано на другой же день.

Мы ограничивались только вполне проверенными фактами, но из них мы не привели и десятой доли. Заметим в заключение, что «курс», господствовавший при «диктатуре сердца» г. Святополк-Мирского, не изменился и при г. Келлере, который, в свою очередь, тоже покровительствует просветительной деятельности, поскольку она не выходит за пределы терпимого нашим абсолютизмом культуртрегерства. Например. Воспользовавшись пушкинскими днями, некоторые представители местного общества задумали обратиться с ходатайством о разрешении основать «Пушкинское общество любителей наук и искусств». Два года ходатайство оставалось без ответа. Наконец, Келлер приглашает к себе всех членов-учредителей общества и предлагает им составить «Екатеринославское ученое общество». В числе приглашенных ученых оказался и Делло, который, так. образ., на почве беспристрастной науки лично встретился с некоторыми из тех, чью политическую благонадежность проверяли во время облав его компетентные «ундерцеры».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Кострома. Какой пищей костромские помещики кормят своих рабочих. В нескольких верстах от Костромы находится усадьба Караваева, принадлежащая генеральше Усовой; генеральша ведет хозяйство и держит 8—10 земледельческих рабочих, которых кормит совершенно невозможной пищей. Работники уже несколько раз пробовали протестовать против подобных харчей, но экономка в ответ на это советовала есть, что дают, и быть этим довольным, и пища нисколько не улучшилась; пробовали и жаловаться исправнику, но последний, будучи хорошо знаком с генеральшей, прогонял жалобщиков и даже обещал засадить их, если они еще раз вздумают жаловаться, в холодную. Наконец, однажды на обед было подано такое мясо, что, несмотря на сильный голод, рабочие совсем не могли его есть: оно совершенно было гнилое и воняло падалью. Тогда они отдали часть этого мяса собаке, которая, с'евши его, в тот же день издохла, другую же часть мяса они, чтобы не отравить еще кого-нибудь, зарыли в землю. Это происшествие с мясом ужасно возмутило рабочих, они думают снова итти в Кострому с жалобой, но на этот раз думают уже обращаться не к полиции, так как судьба предыдущих жалоб ясно показала им, что последняя держит сторону хозяев (это убеждение глубоко вкоренилось теперь в умах караваевских рабочих), а к прокурору окружного суда. Говорят, что не лучше караваевской пища у работников и во многих других усадьбах Костромского уезда. Скоро ли настанет пора, когда живущие продажей своей рабочей силы крестьяне поймут, что их интересы одинаковы с интересами городских рабочих и вместе с ними, под знаменем российской социал-демократии, выступят на борьбу за лучшую долю?

Рига. У нас страшная безработица, на главных заводах работают только четверть рабочих, и то — от 8 до 4 пополудни. Оставшиеся без работы рабочие уезжают или в деревню к родным или ищут какого-нибудь занятия за

поисках нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у „союзников“ весьма различны. Таковы, напр., отношения „Искры“ к земству. Фрондирующие выходки его, вызываемые нередко недостаточной по сравнению с промышленностью защитой правительством аграрных вожделений гг. земцев, „Искра“ старается раздуть в пламя политической борьбы и обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения. Мы можем допустить, что говорить о пробуждении земщины и указывать на земство, как на элемент, борющийся с правительством, можно, но только в ясной и отчетливой форме, которая не оставляла бы сомнений о характере нашего возможного соглашения с подобными элементами. „Искра“ же ставит вопрос об отношении к земству так, что это, по нашему мнению, может только затемнять классовое сознание, так как здесь она наравне с проповедниками либерализма и различных культурных начинаний ставит противовес основной задаче социал-демократической литературы, задаче, заключающейся в критике буржуазного строя и выяснении классовых интересов, а не в затемнении их антагонизма. Таково же отношение „Искры“ и к студенческому движению. Между тем, в других статьях „Искра“ резко осуждает всякие „компромиссы“ и выступает, напр., на защиту нетерпимого поведения гедистов.

«Не останавливаясь на других менее важных недостатках и промахах „Искры“, мы в заключение считаем долгом заметить, что мы своей критикой отнюдь не хотим умалить того значения, которое может иметь „Искра“, и не закрываем глаз на ее достоинства. Мы приветствуем ее, как политическую социал-демократическую газету в России. Мы считаем ее крупной заслугой удачное выяснение вопроса о терроре, которому она своевременно посвятила несколько статей. Наконец, мы не можем не отметить столь редкий в нелегальных изданиях образцовый литературный язык „Искры“, регулярность ее выхода в свет и обилие свежего и интересного материала».

«Сентябрь 1901 г. Товарищи».

Заметим, прежде всего, по поводу этого письма, что мы от всей души приветствуем прямоту и откровенность его авторов. Давно пора перестать играть в прятки,

одно пропитание только, и то напрасно. Настроение в массах нерешительное и удрученное. Кое-кто поговаривает, что нужно было бы итти толпой к губернатору и требовать хлеба и работы, но до осуществления этого плана, кажется, теперь еще далеко. Недавно были здешней группой распространены в небольшом количестве гектографированные воззвания к здешним рабочим в виде брошюрок.

В октябре в Царском саду, где каждый год заседает призывная комиссия и где происходит осмотр новобранцев, были расклеены воззвания к новобранцам на латышском языке, но, к сожалению, только в нескольких экземплярах.

Москва. Машино-строительный и чугуно-литейный завод Бр. Бромлей. У нас на заводе в литейной часто разыгрываются драматические истории между рабочими и мастером Рунтом. Отлил ли литейщик брак, плеснул ли нечаянно расплавленным чугуном на землю, наступил ли нечаянно рабочий на формовку — беда, если увидит Рунт; у мастера на этот счет строгие карательные меры; после предварительной ругани — пускает в ход и кулаки — дело оканчивается штрафом.

Расценок литейных работ, исключая крупных, поразительно низок; частенько литейщику средней и мелочной работы за двухнедельный тяжелый и продолжительный труд приходится получить всего 7—8 руб. Работают в день по 10 час., но по случаю литья ежедневно опаздывают на полчаса, а так как все литейщики работают сдельно, то за сверхурочное время платы не получают. Ежели литейщик не выработает поденного жалованья (которое очень низко и которое все-таки, несмотря на это, частенько не вырабатывают), то ему добавляют до такового, но в следующий месяц надбавку вычитают из сдельной платы, если она превышает поденную.

Рабочие же, под страхом остаться под открытым небом, переносят безнравственные выходки Рунга и ежедневные сбавки жалованья. Бывали случаи, что рабочие, дорожащие своею честью, отвечали на плюху плюхой. Но всегда верх брал произвол, таких смельчаков тотчас же требовали к заводскому полицейскому и, предварительно прочитав нотацию, давали расчет; тем же, которые протестовали против неправильного разрыва договора и требовали за две недели вперед, говорили: «иди, ищи защиты». Ходили к инспектору, — а известное дело, эти господа всегда тянут руку фабрикантов — им и царь-батюшка так приказывает, да и сами они не глупы, что понимают: на фрак и на брюки с бедного рабочего не получишь. Так где же твое право, рабочий?

Москва (письмо ткача). Кто не знает фабрики Бутюгина, расположенной по Кирочному переулку Лефортовской части? На этой фабрике производятся ткацкие работы. Работающие на фабрике люди — все, без исключения, деревенские крестьяне.

Жизнь этих рабочих так тяжела и угнетена, что и выразить трудно; кто только мало знаком с фабричной жизнью, тому не мешало бы узнать, как здесь теснит рабочего фабричная администрация. В корпусе теснота, страшная пыль, вредно действующая на здоровье рабочих, и отсутствие вентиляции; в проходах навалены груды основ, грозящих падением; в трех этажах только одно стхожее место, тесное и грязное; во время работы отперта только одна дверь, что небезопасно на случай пожара. Рабочие сами наставляют уток на воронки, что продолжается с полчаса, и за это ничего не получают; к тому же еще сами сдают товар, что тоже отнимает минут 20—30. В субботу, по правилам, чистка машин должна производиться за 5 минут до остановки машин, а у нас производится после остановки в течение около получаса, за что тоже не платится в течение нескольких лет. На обед и на чай полагается по получасу, но во время обеда машины не останавливаются, и он продолжается не более 15 минут, то же самое и с чаем: пока слазишь на 5 этаж за чайником, да потом опять вниз, чтобы заварить чай, так измучаешься больше, чем на работе.

Девушки от 15 лет таскают пряжу весом до трех пудов на 4 этаж, что для них очень трудно.

Спальные казармы грязны и темны, нары сплошные, очень неудобны, полы никогда не моются, много паразитов, воздух тяжелый, так как помещение рассчитано не по числу людей. В четвертом этаже настолько сыро, что с потолка течет, и, если повесить одежду, то через день появляется плесень; топят, в виду экономии нефти, очень мало. После работы за ворота пускают только с ярлыком, выданным из конторы, каковой выпросить очень трудно,

---

скрывая свое экономическое «credo» (как это делает часть Одесского Комитета, от которого отделились «политики») или заявляя, точно в насмешку над истиной, что в настоящее время «решительно ни одна с.-д. организация в экономизме не повинна» (изд. «Раб. Делом» брошюра «Два с'езда», стр. 32).—А теперь к делу.

Основная ошибка авторов письма—совершенно та же, в какую впадает и «Раб. Дело» (см. особенно № 10). Они путаются в вопросе о взаимоотношении между «материальными» (стихийными, по выражению «Раб. Дела») элементами движения и идеологическими (сознательными, действующими «по плану»). Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет вперед и стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь поднимать стихийность до сознательности[5]. Говорить же, что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могут совлечь движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов,—это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность участвует в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе—тоже необходимый результат взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов. Теоретические взгляды авторов письма (как и «Раб. Дела») представляют из себя не марксизм, а ту пародию на него, с которой носятся наши «критики» и бернштейнианцы, не понимающие, как связать стихийную эволюцию с сознательной революционной деятельностью.

Это глубокое теоретическое заблуждение необходимо приводит в переживаемый нами момент к величайшей тактической ошибке, которая уже причинила и причиняет неисчислимый вред русской социал-демократии. Дело в том, что стихийный под'ем и рабочей массы и (благодаря ее влиянию) других общественных слоев происходит в последние годы с поразительной быстротой. «Материальные элементы» движения выросли гигантски даже по сравнению с 1898 г., но сознательные руководители (социал-демократы) отстают от этого роста. В этом — основная причина переживае-

да и неудобно просить каждый день: можно попасть на замечание. На фабрику проведен водопровод, и за это вычитают с рабочих 30 руб. в год, а в то же время остатками рабочего обеда кормят двух коров и пять лошадей и за это платят рабочим только пять рублей. Сторож при спальных казармах нанимается от артели, освещение в кухне тоже артельное, вообще стараются везде и на всем сорвать. И даже если захотел подышать свежим воздухом, то и это с разрешения администрации, если позволит, а то и нет. — Вот какова жизнь бутюгинского ткача.

Света, воздуха жалеют
За тяжелый, честный труд;
Отчего ткачи болеют,
От чахотки часто мрут?

Москва. Раменская мануфактура Милютина. Летом рабочим удалось добиться мирным путем сокращения рабочего времени с 11½ до 9 час., которое обещано администрацией ввести постепенно. Расценки остались прежние. Причины успеха: 1) промышленный кризис; 2) об'единенность рабочих. В связи с движением рабочих стоит увольнение фабричного врача Руднева; поводом к его увольнению послужило то обстоятельство, что он «делал много пенсионеров», т. е. заставлял администрацию фабрики расплачиваться за увечья рабочих.

(По недостатку места, откладываем до след. № письма с булочных и кондитерских фабрик. Ред.)

Киев. Отголосок агитации среди вагоновожатых. 8 ноября в киевском с'езде мировых судей разбиралось интересное дело на нелегальной подкладке. Как известно, весной этого года среди вагоновожатых конки началось брожение. В одной из соц.-дем. прокламаций указывалось, между прочим, на взяточничество высшей администрации конки. Сообщение это вызвало раздоры среди представителей администрации: воры перессорились! Стахович (начальник мастерских кузнечного цеха) утверждал, что Лашевский (старший контролер) за взятки переводит кондукторов в первый разряд, что он часто видит, как г. Лашевскому «таскают гусей, кур, уток, индюков и яйца и что он видел, как кондуктор Утвенко принес ему четырех кур». На суде Стахович побоялся доказывать правдивость сообщенного в прокламации, отказался от своих слов и был приговорен к аресту на 7 дней.

Стачка портных. В настоящее время (20 октября) идет стачка крещатицких портных. Началась она самопроизвольно и ведется неорганизованно: рабочие из разных мастерских выставили разные требования, начали стачку неодновременно и заканчивают в разное время с неодинаковым успехом.

Вниманию рабочих Гретера! Нам достоверно известно, что мастер Щепановский был вынужден притеснениями и угрозами заводской администрации принять на себя шпионские обязанности. За это ему значительно увеличили жалование.

Тифлис. Рабочее движение с января по октябрь 1900 г. 1900 г. окончился большой стачкой в железнодорожных мастерских, где 4.000 раб., прекратив работу, потребовали от правительства сокращения рабочего времени до 8 ч., увеличения заработной платы и улучшения условий труда. Стачка длилась 15 дней, но рабочие, подавленные царским правительством, которое окружило полгорода войском, арестовало свыше 1.500 человек рабочих и большинство из них повысылало «на родину», сгоняло насильно на работу некоторых рабочих и проч. и проч. — приступили к работе. С этого времени жандармы начинают хватать и сажать в тюрьмы встречного и поперечного. Напустив на город целую свору шпионов, выписанных из России, наполнив мастерские и фабрики провокаторами, жандармы готовы были думать, что им наконец-то удалось в корне подточить всякую возможность развития рабочего движения. Но им пришлось скоро убедиться, что рабочее движение в Тифлисе «развивается вглубь и вширь», как заявили они шефу своему, министру внутренних дел, испрашивая у него новый кредит на усиление корпуса шпионов.

В начале 1901 года Тифлисский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии выпустил прокламацию на русском, грузинском и армянском языках, призывая всех рабочих возобновить прерванные временно занятия и продолжать упорную борьбу с угнетателями трудящихся масс — капитали-

---

мого русской социал-демократией кризиса. Массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованным от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию.

Все это, однако, было бы еще полбеды. И теоретические знания, и политический опыт, и организаторская ловкость, — все это вещи наживные. Была бы только охота учиться и вырабатывать в себе требуемые качества. Но вот с конца 1897 г. и особенно с осени 1898 г. подняли в русской социал-демократии голову такие люди и такие органы, которые не только закрывали глаза на этот недостаток, но и об'явили его особой добродетелью, которые возвели в теорию преклонение и раболепство перед стихийностью, которые стали проповедывать, что социал-демократы должны не итти впереди, а тащиться в хвосте движения. (К этим органам принадлежала не только «Раб. Мысль», но и «Раб. Дело», начавшее с «теории стадий» и кончившее принципиальной защитой стихийности, «полноправности движения в настоящем», «тактики процесса» и проч.)

Вот это уже была настоящая беда. Это было образованием особого направления, которое принято называть экономизмом (в широком смысле слова) и которого основная черта состоит в непонимании и даже защите отсталости, т. е. как мы уже об'ясняли, отсталости сознательных руководителей от стихийного под'ема масс. Это направление характеризуется: в принципиальном отношении — опошлением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении — стремлением сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в свои руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавия; в тактическом отношении — полной неустойчивостью («Раб. Дело» весной в недоумении остановилось перед «новым» вопросом о терроре и только полгода спустя, после ряда колебаний, высказалось в очень двусмысленной резолюции против него, волочась, как и всегда, в хвосте движения); в организационном отношении — непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, спо-

стами и царским правительством. Рабочие с радостью откликнулись на призыв Комитета, и закипела работа. Возобновились старые кружки, организовались новые, усилилась агитация как устная, так и литературная. Не заставили себя долго ждать и стачки; в течение января и февраля месяцев имело место до 15 стачек (в табачных фабриках Энфианжанца 600 раб., «Мир» 700 раб., Самарова 200 раб. и Бутулова 100 раб., в типографиях Либермана 140, Козовского 40, Грузинского издат. товарищества 150, в восточных банях Мирзоева, Бубутова и «Ираклий II», в механ. маст. Котрини, Рукса и проч.). Все стачки, за исключением одной-двух, окончились в пользу стачечников. Некоторые из них имели громадное значение для отдельных категорий рабочих. Так например, стачки в восточных банях, где забастовали банщики или терщики, неграмотные и забитые персы и армяне, пробудили чувство классового самосознания в рабочих этих национальностей. Кроме того, те же стачки показали стачечникам, за кого стоит правительство. Когда арендаторы бань принуждены были сдаться на требования стачечников, то приехал полицмейстер, собрал всех арендаторов и хозяев и заявил, что, если они уступят рабочим в чем-нибудь, то будут считаться подстрекателями бунтовщиков, и с ними будет поступлено «по закону». Такое «покровительство» полиции, конечно, было оценено рабочими в должной степени, и они усиленно настаивали на своих требованиях и победили. Стоит отметить еще одну стачку, показывающую, что некоторые хозяева тянут свою лямку и числятся в списке «хозяев» до тех пор, пока рабочие не выйдут из положения вьючных животных. На табачной фабрике Бутулова забастовали набивщики, требуя увеличения платы на 20%. Стачка длилась две недели, и после всевозможных усилий сломить солидарность рабочих хозяин открыто заявил, что в виду конкуренции с другими фабрикантами, он не может уступить рабочим, а так как рабочие знать не хотели никакой конкуренции, то он принужден был ликвидировать свое предприятие.

Не дремали, конечно, и жандармы. Почти ни одной стачки не обошлось без их вмешательства. Были большие аресты на табачных фабриках, в типографиях и т. п., но это не мешало успешному ходу стачек. В феврале пошли повальные обыски среди интеллигенции; было арестовано несколько человек, но освобождены за недостатком улик. Были обыски у нескольких гимназистов и учеников института. Один из гимназистов, взятый за хранение прокламаций, указал на лицо, передавшее ему прокламации (фамилия гимназиста Стан. Сарповский).

Студенческое движение в центрах отозвалось и на местной жизни. Всякого рода литература (нелегальная), листки, воззвания, брошюры, карикатуры ходили из рук в руки. Чувствовалось всеобщее оживление. Выстрелы Карповича и Лаговского пронеслись и над Кавказом, и на время развязались языки, начали говорить, хотя и не громко, но с одушевлением, с проблеском пробудившегося гражданского чувства. Приближался майский праздник.

Жандармы теряли головы, не знали чем предотвратить надвигающуюся бурю. Начали сажать в тюрьмы без всякого разбора рабочих, интеллигентов, учеников, мужчин, женщин. Так как Комитет начал выпускать одну за другой прокламации, отпечатанные довольно чисто, то жандармы направили все свое внимание на типографии. Каждая типография была осаждена шпионами; еженедельно обыскивали наборщиков, но все безуспешно: при обысках ничего не находили. Тогда начали арестовывать типографских рабочих без всякого повода. Закрыли одну типографию, хотя ничего в ней не нашли. Был обыск в ред. «Нов. Обозрения» и грузинской газеты «Квали», и хотя там ничего не нашли, тем не менее арестовали несколько сотрудников — И. Франческо и С. Джибладзе. Из арестованных называли: рабочих: Цервадзе, Бинанов, Вадачкория, Хуциев, Алшевский, Петров, Хатисон, Егоров, Сулханов, Шарадзе, Флегентов, Яшвили, Чантладзе, Майсурадзе, Абрамчишвили (15-летний мальчик), Никаноров, Крылов, Березняков (выдавал), Гогуа, Стуруа и проч. и проч.; из интелл.: Простосердов, Домостроев, Мещерин, Пушкарев, Перетц, Курнатовский, Скорняков, Комадзе (2 брата), Калантадзе (2 брата), Жардиния (сотрудник «Квали»), Командаришвили, Цулукидзе и пр.

Майский праздник прошел удачно. Арестованные по делу демонстрации 70 человек, кроме одного Мамаладзе, были выпущены к 20 октября. В мае и июне имели место стачки на механических заводах Яролова и К°. (500 раб.), Рукса (200 раб.), Котрини (150 раб.), Гауфа (50 раб.). Во всех стачках было выставлено требование сокращения рабочего дня с 10½ час. до 10, увеличение заработной платы на 10—20%, улучшение положения учеников и урегулирование получки платы. Кроме завода Яролова, стачки окончились в пользу рабочих, а на заводе Яролова проиграли благодаря насилию жандармов! Согнали до 30 человек в мастерские и заставили работать: остальные под-

---

собную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом и, наконец, последним решительным нападением.

С этим направлением мы вели и будем вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами к нему принадлежат. Они указывают нам, что экономическая борьба подготовила участие рабочих в демонстрациях. Да, и именно мы раньше всех и глубже всех оценили эту подготовку, когда высказались еще в декабре 1900 г. (№ 1) против теории стадий, когда в феврале (№ 2), тотчас после отдачи студентов в солдаты и еще до начала демонстраций, звали рабочих итти на помощь студентам. Февральские и мартовские события не «опровергли страхи и опасения „Искры“» (как думает — «Раб. Дело», № 10, стр. 53 — Мартынов, обнаруживающий этим полное непонимание дела), а всецело подтвердили их, ибо руководители оказались п о з а д и стихийного под'ема масс, оказались неподготовленными к исполнению своих обязанностей как руководителей. Подготовка эта и в настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякие толки о «переоценке роли идеологии» или роли сознательного элемента по сравнению с стихийным и т. п. продолжают оказывать самое вредное практическое влияние на нашу партию.

Такое же вредное влияние оказывают толки о том, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрения, поменьше подчеркивать общность недовольства правительством разных слоев населения. Напротив, мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во в с е х слоях населения, и жалеем только, что нам не удается делать это в еще более широком размере. Неправда, что мы затушевываем при этом классовую точку зрения: ни одного конкретного примера такого затушевывания авторы письма не указали и указать не смогут. Но, как передовой борец за демократию, социал-демократия должна—вопреки мнению «Раб. Дела» № 10, стр. 41 — руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, раз'яснять им общее политическое значение их частных и профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна вырабатывать в своей среде таких вождей, которые бы умели политически влиять на все и всякие оппозиционные слои. Всякий отказ от этой роли, в какие бы пышные фразы о тесной органической связи с пролетарской борьбой и т. п. он ни облекался, равносилен новой «защите отсталости» социал-демократов, отсталости от под'ема демократического общенародного движения, равносилен

дались. Стачки эти продолжались 17 дней; розданы были по этому случаю прокламации Комитета на грузинском и русском яз.

18 августа забастовали 250 чел. кучеров и кондукторов трамвая. Конка не выходила до 10 час. Видя такое упорство рабочих, администрация конки посадила конторщиков и контролеров вместо кондукторов и кучеров и выпустила десять вагонов. Подоспели жандармы и казаки и стачечников заставили насильно работать. Каждый вагон сопровождали двое городовых. Стачка проиграна наполовину. Требовали сокращения рабочего дня с 14 до 8 час. с оставлением той же платы. Рабочий день был сокращен до 9 час., но плату понизили на 10%.

В августе же забастовали на кожевенном заводе Аделханова войлочники до 300 человек (на всем заводе до 2.000 рабочих); требовали увеличения рабочей платы на 25% и улучшений условий труда. Стояли шесть дней. Кончилась стачка в пользу рабочих. Арестов не было. В августе же забастовали набивщики и мундштучники табачной фабрики Базардонианца (всего 500 раб., забастовало 100 чел.), требовали увеличения платы и улучшения материала для папирос, требовали, чтобы табак выдавался не сильно крошеный). Стачка проиграна; стояли шесть дней. Были аресты.

Аресты продолжаются и в последнее время; с арестантами обращаются скверно. Прокурор не присутствует на допросах. Рабочих ругают, покрикивают, даже бьют (особенно отличается зверскими выходками ротмистр Лавров).

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТАЧКА АМЕРИКАНСКИХ РАБОЧИХ ПО ОБРАБОТКЕ СТАЛИ (STEELWORKERS).

Когда наши радикалы из буржуазной среды, апостолы мирных реформ и другие благодетели рода человеческого трактуют о том, что в Америке, мол, нет классов, что здесь в этом отношении все обстоит благополучно, никто из нас больше этому не удивляется, — ведь затем эти господа и существуют, чтобы не знать и не понимать, что вокруг них происходит. Но очень странным и непонятным покажется всякому, если сказать, что и в рабочей среде очень долго эта легенда находила и, пожалуй, еще и в настоящее время находит благоприятную почву. Ведя почти не прекращающуюся борьбу против своих непосредственных врагов — капиталистов, американские рабочие в большинстве случаев из-за деревьев не видят леса, в многочисленных мелких стычках своих с капиталистами не замечают классового характера своей борьбы, не в состоянии подняться на высоту его понимания. Этим можно об'яснить, почему в Америке, стране крупного капитала и гигантских трэдюнионов, политическая организация пролетариата лишь теперь начинает выходить из своего зародышевого состояния. Но прогресс капиталистического развития, сильно изменяющий характер отношений и борьбы рабочих с капиталистами, беспощадно разрушает вредные иллюзии рабочих. Теперь чуть ли не каждая стачка расширяет их кругозор и будит классовое сознание.

Стачки рабочих у нас самое заурядное явление. Но бывают разные стачки. Десятки и сотни их проходят совершенно незаметно, не возбуждая ни в ком, кто непосредственно не заинтересован в них, никакого решительно интереса. Другое дело — крупные стачки; они не только привлекают к себе всеобщий интерес, но и отодвигают на задний план все другие вопросы общественной жизни и политики, о них только и пишут и говорят. И немудрено — в этих стачках экономическая борьба рабочих проявляется в самой резкой своей форме; в них втягиваются в сферу борьбы рабочие разных профессий; в этой борьбе ставится на карту благосостояние десятков и сотен тысяч рабочих семейств, а с другой стороны, от нее сильно страдают интересы крупного капитала. Каждая такая стачка некоторым образом потрясает основы капиталистического общества.

передаче руководящей роли в руки буржуазной демократии. Пусть авторы письма пораздумают над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных и несоциал-демократических направлений вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии!

Мы не можем не восстать также против поразительной близорукости, которую обнаруживают авторы письма по вопросу о полемике и междуусобной брани среди эмигрантов. Они повторяют старые пустяки о «неприличии» посвящения статьи о Зубатове «Раб. Мысли». Не вздумают ли они отрицать того, что распространение экономизма облегчает задачу гг. Зубатовым? Только это мы и говорим, отнюдь не «отождествляя» тактику экономистов и тактику Зубатова. А что касается «эмигрантов» (если бы авторы письма не были так непростительно беззаботны насчет преемственности идей в русской социал-демократии, то им было бы известно, что предостережения «эмигрантов», именно группы «Осв. Труда», насчет экономизма оправдались самым блистательным образом!), то вот послушайте, как судил действовавший в 1852 г. среди рейнских рабочих Лассаль о спорах в лондонской эмиграции:

«Едва ли,—писал он Марксу, — со стороны полиции встретятся затруднения к изданию твоего сочинения против „великих людей“—Кинкеля, Ругэ и др... Правительство, я полагаю, даже радо появлению таких сочинений, ибо оно думает, что „революционеры перегрызут сами себя“. Что партийная борьба придает партии силу и жизненность, что величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, что партия укрепляется тем, что очищает себя,—этого чиновническая логика не подозревает и не опасается». (Из письма Лассаля к Марксу, 24 июня 1852 г.).

К сведению всех, столь многочисленных ныне, прекраснодушных противников резкости, непримиримости, полемического задора и проч.!

В заключение заметим, что мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора.

[Н. Ленин]

Очень понятно, что такого рода стачки и на рабочие массы оказывают свое влияние. С одной стороны, организация помощи стачечникам скрепляет узы солидарности рабочих, а с другой — рев и вой капиталистической прессы, проявление враждебности к борющимся рабочим со стороны всех капиталистов и, наконец, вмешательство власти не могут не влиять на развитие классового сознания рабочих.

Стачка рабочих по обработке стали (Steelworkers) и была одной из таких крупных стачек. Хотя она ни количеством участвовавших в ней рабочих, ни продолжительностью, ни своим результатом не отличалась многим от таких же бывших до нее стачек, тем не менее она возбудила больше толков и обратила на себя более сильное внимание как со стороны рабочих, так и со стороны капиталистов. Дело в том, что в этой стачке столкнулись лицом к лицу, с одной стороны, один из самых сильных и хорошо организованных трэд-юнионов — Соединенная Ассоциация рабочих по обработке стали (Amalgamated steelworkers association), а с другой — самая могущественная и богатая в Америке, а, пожалуй, и в мире, капиталистическая организация — так наз. «трест * с двумя биллионами долларов» (two billion dol. trust), во главе которого стоит самый крупный финансовый деятель Пиерпонт Морган и в котором участвуют самые крупные капиталисты Америки. Это была схватка, в которой мерялись силой на поле экономической борьбы пролетариат и капиталисты Америки, в лице самых сильных своих отрядов.

Поводом к стачке послужил вопрос более принципиального, чем экономического свойства — «Ассоциация» требовала себе право организовать всех без исключения рабочих, работающих на заводах треста. Дело в том, что, когда все заводы по обработке стали, железа и жести соединились в трест, рабочие не всех заводов принадлежали к рабочей организации. Пока заводы эти принадлежали отдельным компаниям, «Соединенная Ассоциация» имела дело с каждой из них, независимо от того, каковы ее отношения к другим заводам: одни заводы были юнионистскими, другие — нет. С соединением же всех отдельных компаний в одну, положение вещей значительно изменилось. Выходило, что один и тот же работодатель по отношению к одной части своих рабочих признает организацию, по отношению к другой — нет. Вожди рабочей организации справедливо опасались, что такого рода двойственное отношение скверно отразится на их организации. Трест может воспользоваться неорганизованными рабочими, чтоб постепенно замещать ими организованных; с другой стороны, совместная работа организованных с неорганизованными может деморализующим образом влиять на самую организацию, ослабляя узы солидарности ее членов. Так или иначе, но «Соединенная Ассоциация» должна была предпринять что-нибудь в этом направлении. Все попытки организовать неорганизованных рабочих ни к чему не привели, хотя последние этого очень желали: трест этого не допускал. Начались переговоры, которые капиталисты умышленно затягивали, но из всех этих переговоров ничего не вышло. Во время переговоров на одном из заводов треста нескольким десяткам рабочих отказали от работы за то, что они присоединились к юниону. Этим была брошена перчатка «Ассоциации», и она после этого не могла молчать. Была созвана конференция ее представителей, и там решили, что «Ассоциация» должна добиваться, чтобы всем рабочим были даны одинаковые права организоваться и чтобы скала поденной платы, установленная «Ассоциацией» и принятая трестом, одинаково применялась на всех без исключения заводах треста. Это был сигнал к битве.

Рабочие прекрасно понимали, что, об'являя стачку, они затевают очень серьезную и трудную борьбу, борьбу, которая притом может продолжаться очень долго, может истощить все средства их боевой кассы, сломить и ослабить самую организацию. Зная все это, рабочие все-таки шли в битву, и редко стачка начиналась здесь с такой решительностью и энтузиазмом, как в этот раз.

Впоследствии, во время полного разгара битвы, капиталисты, чтобы свалить с себя ответственность за стачку, утверждали, что им невозможно было удовлетворить требования рабочих, так как неорганизованные рабочие сами не имели никакого желания присоединиться к «Ассоциации». Это чисто голословное, ни на чем не основанное утверждение. И капиталисты сами знают, что это не так. Когда еще до начала стачки, во время переговоров, нечто подобное было сказано представителям «Ассоциации», то в ответ на это почти все неорганизованные рабочие из'явили желание присоединиться к «Ассоциации». В одной своей речи во время стачки президент Ассоциации, Шэфер, коротко и ясно формулировал требования рабочих: «Мы никогда не просили предпринимателей,—заявил он,—заставлять своих неорганизованных рабочих организоваться. Наша организация вообще не желала бы иметь среди своих членов людей, которые присоединились к ней по принуждению. Пусть предприниматели вычеркнут из контракта, который они навязывают своим неорганизованным рабочим, ту его часть, которая обязывает последних не поступать в юнионы, и мы будем вполне удовлетворены, мы от них ничего больше не потребуем». Но именно этого капиталисты не хотели; для них это требование сводилось к следующему: должны ли предприниматели управлять своими заводами, или рабочие будут им диктовать, как себя там вести?

Стачка была формально об'явлена 15 июля. Администрация рабочих выслала для начала лишь несколько отрядов своей армии в том расчете, что капиталисты будут готовы на уступки, как только увидят, что рабочие начинают серьезную борьбу. Сначала показалось бы, что соображения рабочих довольно основательны — капиталисты сейчас же из'явили согласие на конференцию с представителями рабочих. Но и эта конференция ни к чему не привела. Соглашаясь на некоторые мелкие уступки в частностях, капиталисты в основном пункте — в признании за Ассоциацией права организовать рабочих — не сдавались. Ничего не оставалось, таким образом, как продолжать стачку. После неудавшейся конференции с капиталистами, энтузиазм и охота к борьбе еще в большей степени охватили рабочих, и не только тех из них, которые принадлежали к Ассоциации, но и членов других рабочих юнионов. В тот момент стачка могла бы распространиться и на другие отрасли производства, связанные с производством стали. Если бы, напр., рабочие на

* Трест — то же, что синдикат (или картель): организация фабрикантов для совместного установления размеров производства, цен продуктов и проч. Ред.

других заводах и фабриках отказались обрабатывать сталь, железо и жесть, получаемые на заводах треста, или, если бы железнодорожные рабочие отказались перевозить материалы треста, — несомненно, это обстоятельство заставило бы управление треста серьезнее призадуматься, и—кто знает — может быть, оно проявило бы большую уступчивость. Но Шэферу неудобно было до такой степени утилизировать симпатии других рабочих организаций в виду того, что к тому времени еще не все рабочие собственной организации «Соединенной Ассоциации по обработке стали» были призваны к стачке. Все ждали со дня на день, что вот забьют общую тревогу, и все до единого члены Ассоциации будут вызваны к фронту. Но Ассоциация медлила, рассчитывая, очевидно, более на силу своих дипломатических переговоров, чем на активную борьбу рабочих. Драгоценное время пока проходило, а с ним значительно уменьшались шансы рабочих. Энтузиазм борьбы, который первоначально охватил таким ярким пламенем рабочие массы, начал порядком остывать. Когда пару недель спустя президент Ассоциации, Шэфер, выпустил прокламацию, в которой об'являлась генеральная стачка Ассоциации, она не имела уже большого эффекта. Ясно было, что стачка потеряна. Рабочие, однако, долго еще не складывали оружия, долго еще боролись, не желая сдаться. Через три месяца после начала стачки была опять созвана конференция капиталистов и рабочих, где сошлись на так наз. компромиссе, равносильном полному поражению рабочих. Как и на первой конференции, капиталисты уступили в мелочах, а в вопросе о праве рабочих организоваться они настаивали на своем.

Стачка эта охватила всю отрасль производства стали, железа и жести и была распространена в районе нескольких штатов: Пенсильвания, Висконсин, Огайо, Иллинойс и др. Число участвовавших в стачке рабочих едва ли превышало сто тысяч.

По окончании стачки очень резко нападали на Шэфера, считая его ответственным за ее поражение. Теперь, конечно, легче и удобнее находить недостатки и критиковать, чем совершить самое дело, тем не менее, надо признать, что упреки, которые делались ему, не совсем лишены основания. Нет никакого сомнения, что Шэфер вполне честный и в высшей степени преданный делу рабочих человек. Но этого недостаточно для ведения крупных стачек; для этого еще требуется более серьезное понимание силы и характера своего противника и, главное, более решительности. Вообще говоря, победа рабочих в чисто экономической борьбе становится тем менее возможной, чем крупнее капиталистическое предприятие, с которым они сталкиваются, и шансы ее достигают крайнего своего минимума, когда борьба происходит между рабочими и трестами, монополизировавшими известное производство. Помимо того, что такого рода крупные предприятия и тресты имеют в запасе громадные средства и очень мало опасаются конкуренции в своей отрасли производства, в каждой крупной стачке на исход борьбы решающее влияние имеют факторы, выходящие из узких пределов чистой «экономики». Капиталисты признают «политику», и в их руках она является самым могущественным оружием в борьбе, хотя бы «чисто» экономической, против рабочих. Как только здесь начинается крупная стачка, сейчас же на сцену является армия специально назначенных полицейских, вооруженных с ног до головы, за ней следует милиция, а в исключительных случаях, как, напр., в знаменитой стачке железнодорожных рабочих в Чикаго 1894 г. и регулярная армия Союза. Все это обыкновенно делается под предлогом оберегать собственность предпринимателей, а на самом деле с исключительной целью провоцировать рабочих к необдуманным поступкам. Если же рабочие все-таки не подают повода для вмешательства властей и крутых мер, то на сцену являются услужливые судьи, которые целым рядом совершенно произвольных специальных решений запрещают решительно все, что им необходимо для более или менее успешной борьбы с капиталистами. Им запрещают, напр., иметь на улицах своих представителей, на обязанности которых лежит внушать вновь приезжающим рабочим не занимать места стачечников; запрещают им собираться в известных местах, арестовывают их лидеров (вожаков, ораторов на сходках и т. п.). Вести при таких условиях стачку, особенно если она очень затягивается, очень и очень не легко.

Во всяком случае рабочие больше выиграли бы, если бы Шэфер менее полагался бы на силу своей дипломатии и добрую волю противников, а сразу, без всяких околичностей и затяжек, вызвал бы всех своих рабочих на стачку. Эффект был бы громадный. Это сразу остановило бы все производство в данной отрасли. Капиталистам невозможно было бы наскоро найти стольких рабочих и притом настолько знающих свое дело, чтобы поставить их на место стачечников. Если бы удары рабочей организации были нанесены с такой быстротой и решительностью, энтузиазм и симпатии других рабочих организаций могли бы быть больше утилизированы, и—кто знает—исход стачки, быть может, был бы несколько иной.

Место не позволяет описать здесь все детали этой стачки. Она велась с настойчивостью и энергией с обеих сторон, несмотря на громадные денежные потери, с одной, и обилие жертв и всяческих лишений—с другой стороны.

Наши рабочие еще далеки от верного и ясного понимания отношения между их экономической борьбой и независимой политической деятельностью рабочего класса. Организовывая гигантские трэд-юнионы, ведя жестокую, почти не прекращающуюся чисто экономическую борьбу против своих эксплоататоров, они с какой-то непонятной детской наивностью отбиваются руками и ногами от социалистической политики своего собственного класса. И потребуется еще, вероятно, не мало назидательных уроков и много жертв, пока американские рабочие поймут, что бессмысленно и преступно рабочим выбирать мэрами, губернаторами, судьями, законодателями и президентами людей, рекомендуемых капиталистическими партиями, людей, которые пользуются своей властью лишь для того, чтобы обеспечить за капиталистами господство над рабочим классом.

Последняя, описанная мною, стачка не мало будет способствовать выяснению этой истины в головах рабочих, и в этом отношении она далеко не потеряна для них.

Политическая свобода — могучее оружие в руках рабочих в их борьбе с капиталистами, но только в том случае, когда рабочие хотят и умеют им пользоваться.

С. И.

ИЗ ПАРТИИ

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ.

Из Сибири. В конце мая через Красноярск прошла партия политических каторжан: М. Лаговский (8 лет) и осужденные по делам об убийстве шпионов в Польше: Езиоровский (вечн.), Гервинский (20 лет), Глинский (20 л.), Мрозик, Карч и Кравчик (по 15 лет). В середине лета в Енисейскую губ. прибыла партия в 18 человек политических ссыльных: Девеншинский, из Вильны, и М. Вальденбург, жена его — оба в с. Тасеево, Канского уезда; Як. Пескин из Двинска туда же; В. Булкин, из Вильны, в Троицко-Заозерское, Канского уезда; М. Зак, В. Рубинштейн, Эстер Лясс, из Вильны, в с. Ирбейское, Канского уезда; Иосиф Ленский, из Вильны, Ис. Гольдин, из Двинска, туда же; Шифра Рабинович, из Двинска, в с. Рыбинское, Канского уезда; Т. Аркусская, из Вильны, Хана Коган, из Двинска, в село Ужуру, Ачинского у.; М. Екельчик, из Ковны, в с. Маклаковское, Енисейского у.; Б. Мерклинг и Ш. Блюмендфельд, из Ковны, в с. Казачинское, Енисейского у.; Ш. Аксельрод, из Двинска, в село Пинчугу, Енисейского у.; Алта Зильберштейн, из Двинска, в с. Анциферо, Енисейского у. и В. Вайнштейн, из Двинска, в с. Богучаны, Енисейского у. Все сосланы в «охранном» порядке на два—три года. Дело начато было арестами в Минске, около нового года; после аресты были в Двинске, Ковне, Вильне и Варшаве. У 18 товарищей, ныне сосланных, была найдена нелегальная литература, у некоторых взяты письма. На основании этих данных и шпионских показаний обвиняемые причислены к «Еврейскому союзу».

Через несколько дней после этой партии прошла еще одна в составе 5 человек: Ш. Коган, Аб. Мельников, Б. Дейч, О. Левин и О. Рудеик. Через Верхоленск в конце июля прошла партия в 13 человек: 1) купец Баневур, из Вильны, с женою на 4 года в Верхоленск (дело «Бунда» 1898 г.); 2) приказчик Блюмберг, из Вильны, за демонстрацию, на 6 лет в Якутск; 3) кровельщик Беркан, с женой и ребенком, за ту же демонстрацию, на 6 лет в Якутск; 4) Гальперин, на 5 лет в Знаменку, Иркутской губ. (страдает манией преследования и почти слепой); 5) акушерка Розенберг на 5 лет в Олекминск по Уральскому с.-д. делу; 6) садовник Королевский на 5 лет в Знаменку (по делу об убийстве шпиона в Ченстохове); 7) красильщик Клобуковский, с женой и ребенком, на 5 лет туда же (дело об убийстве шпиона в Варшаве); 8) Пекарж, с жен. и ребенк., в Макаровскую вол., Киренск. у., на 4 года (по тому же делу); 9) Бергер на 5 л. в Бирюльск (Ченст. дело); 10) Клиневский (из Польши) на 6 лет в Киренский округ; 11) Русинов в Бирюльск; 12) Смирнов в Чечуйск и 13) Лысик в Ишимск, — все на пять лет по делу о покушении на ограбление кассы с политическими целями (после 1 года предварительного заключения в «Крестах»).

У политических ссыльных К. Солодухо (дело с'езда Росс. партии) и литератора П. Теплова произведены обыски по доносу одного уголовного. Найдены паспорта и нелегальная литература. Обыски были по дороге в Вилюйск.

САРАТОВ. В ночь с 25 на 26 октября были обыски и аресты среди рабочих и интеллигенции: 12 обысков, 5 арестов.

Обысканы: рабочие Ефимов Александр, Зайцев, Тимашев, Канатчиков Семен, Морозов, Муринов, Шепелев С. П., Шамбаров, Киреев, Романов, В. П. Ефимов (перевелся из Вятки), Алабин и еще двое.

Арестованы: С. П. Шепелев, Романов, Киреев, Шамбаров, В. П. Ефимов (чертежник в управлении Р.-У. общ.). Обыски произошли совершенно случайно: Романов, Шамбаров, Киреев, из-за недоразумения, возникшего между ними, были препровождены в участок, где обысканы, и у одного из них, Романова, найден номер «Рабочей Газеты». Шамбарова освободили и потом тотчас же накрыли дома и нашли 5 номеров «Рабочей Газеты». Киреева взяли за то, что был в компании. Вслед за этим были произведены обыски на основании собранных полицией сведений (В. П. Ефимов, Алабин, С. П. Шепелев были поднадзорными, а потому полиции, конечно, было известно, кто куда ходил и к кому). Все эти аресты, впрочем, как нам сообщают, нисколько не отразились на редакции и рабочем комитете «Рабочей Газеты».

8 октября на русской границе в Вержболове арестована В. М. Величкина и отвезена в Д. П. З. в Спб.

В Томске арестован доктор Павлов, начальник переселенческого участка, его жена и еще человек 5—6. Одновременно с этим шли аресты по всей линии Сибирской ж. д. Всех арестованных свозят в Томск. Держат очень строго, не дают даже свиданий с родными.

В ноябре месяце в Вятке и Слободском был ряд обысков. Между прочим, в Слободском у Фельдмана (ссыльн.), К. Мельницкого (ссыльн.) и Василевского; в Вятке — у Бушена (стат.), Фиорарова, студ. Дубова, фельдш. слушат. Макаровой, Сазонова, студ. А. Вертячих, раб. ссыльных Бортько и Вильямсона, земск. чертежника Семенова. Из них Дубов, Фиораров и Макарова сидят в тюремном замке. Создано дело.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: из Волжской столицы 50 руб., из Н.-Новгорода через С. 50 руб. — Нашим северо-западным представителем собр.: от М. 75 р. и 7 р. 50 к.; за лит. 20 руб., 13 р. 85 к., 2 р. 50 к. и 10 р., от группы содействия 27 р. 50 к. (в том числе от NN 15 руб.), итого 171 р. 88 к. — Московским представителем получено за сентябрь: из Москвы 47 р. 50 к., из Вятки 65 р., из стол. Поволжья 30 р., из Н.-Новгорода 55 р., итого 197 р. 50 к.—Южным отделом организации получено от Харьковского Комитета 25 руб., за литературу 12 руб.

Кольцовым получено: из Миттв. за лит. 15 фр.. из Льежа 10.70 фр., за «Искру» от инженера 13.50, на изд. Туна (с реферата) 9 фр., от д-ра Б. за литер. 25 фр., из Вены 10.50 фр., всего 83.70 фр. От Парижской группы 395 фр. Из Л. 12.50 фр., из Цюриха 30.70 фр., из Dr. 50 мар., из Дармштадта «от не-социал-демократов» 8 марок.

Редакция «Зари» просит нас сообщить, что 3 (16) декабря выходит № 2—3 «Зари» следующего содержания:

Что же дальше? Г. Плеханова. — Почему мы не хотим итти назад? Ортодокса. — Гонители земства и Аннибалы либерализма. Т. П. — Критика наших критиков. Г. Плеханова. — Социал-демократия как носительница национального освобождения. Ю. Невзорова. — Всегда в меньшинстве. О современных задачах русской социалистической интеллигенции. Л. Мартова.— Cant против Канта или Духовное завещание г. Бернштейна. Г. Плеханова. — Современная весталка. (Из этюдов о современной журналистике.) Ст. — Гг «критики» в аграрном вопросе. Н. Ленина.—Элементы идеализма в социализме. В. Засулич. — Библиография. — Внутреннее обозрение. Т. Х. — Любекский партейтаг германской социал-демократии. Ignotus. — Обращение социалистического международного секретариата. — Стр. 428. Цена 3 рубля.

«Искра» будет теперь выходить два раза в месяц (разумеется, если не встретится непредвидимых препятствий) в об'еме от одного до полутора печатных листов.

Следующий номер выйдет 20 декабря.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Народники-пропагандисты («Чайковцы» и др.) ознаменовали 1874-й год («сумасшедший» год) таким массовым наплывом революционной интеллигенции в крестьянскую среду (по всей России, за исключением Сибири, Кавказа и северных губерний), какого не знали ни предыдущие, ни последующие периоды народнического движения. Полное отсутствие осторожности и конспирации со стороны революционеров помогло тогдашней полиции без труда «ликвидировать» это движение. Было арестовано в охваченных «хождением в народ» губерниях несколько тысяч человек, но многих пришлось выпустить на волю. Осталось, по словам официального документа (записки графа Палена), привлеченных к дознанию в качестве обвиняемых — 770 человек (612 мужчин и 158 женщин). Из них на скамью подсудимых, обвиняемых по 2-й части 250 и 251 ст.ст. улож. о наказаниях, было посажено 193. Пока в течение нескольких лет готовился процесс 193-х, на поверхность жизни всплывали новые «заговоры» (особенного внимания заслуживает организация в Москве, в связи с возвращением из Швейцарии по требованию правительства студенток, принесших с собою новую разводку революционных бацилл. Разгром этой организации привел к процессу 50-ти в 1877 году).

Прим. 2. По воспоминаниям Плеханова, на Казанскую демонстрацию 1876 г. рабочих пришло 200—250 человек. Большинство демонстрантов состояло из интеллигентов. Для массы нераспропагандированных еще рабочих демонстрация могла быть только интересным, невиданным зрелищем. Для многих из этой массы малопонятной оказалась и надпись на выкинутом во время демонстрации красном знамени: «Земля и Воля», ибо предполагалось, что «Воля» уже дана была в 1861 г. Первая атака полицейских была успешно отбита демонстрантами, которые, увлекшись преследованием «неприятеля» и натолкнувшись на новые кадры полицейских, были окружены полицией, при чем очень многие после жестокой схватки были арестованы. Попавшим на скамью подсудимых рабочим был вынесен сравнительно мягкий приговор (правительство из тактических соображений решило щадить рабочих), с подсудимыми же из интеллигенции царские судьи расправились очень круто.

Прим. 3. Мария Ветрова, посаженная в Петропавловскую крепость, по слухам, подверглась грубому насилию со стороны производившего дознание жандарма и покончила с собою самосожжением.

Прим. 4. Князь Святополк-Мирский пользовался в либеральных сферах репутацией администратора, склонного к смягчению самодержавного режима. После убийства Плеве он был назначен перепуганным царем на должность министра внутренних дел в качестве живого доказательства того, что с этого момента открывается новая «эра доверия» правительства к обществу—«весна». В конце его министерской карьеры имело место кровавое 9-е января 1905 г.

Прим. 5. Высказанные здесь мысли об отношении «стихийности» к «сознательности» могут послужить прекрасным комментарием к тем цитатам из «Что делать?» Ленина, которые приводились Мартыновым, Плехановым, Рязановым и другими полемистами, не одобрявшими основных положений автора «Что делать?» по вопросу о связи стихийного рабочего движения и революционной идеологии рабочего класса. Ленин никогда не отрицал, что «сознательность» (т. е. в данном случае научный социализм) выросла на почве сложившихся в капиталистическом обществе производственных отношений и на основе классовой борьбы между пролетариатом и капиталистами. Но он настаивал на том, что революционная сознательность, поднимающая стихийное движение на высшую ступень развития, у ч а с т в у е т в качестве одного из факторов, «определяющих взаимодействие среды и элементов».

Обещанная в конце статьи брошюра и есть «Что делать?» Ленина.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 13 | 20 ДЕКАБРЯ 1901 ГОДА | № 13

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ.

Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге и указывали на громадный под'ем демонстрационного движения в начале истекающего года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить более определенный политический лозунг, чем «Земля и Воля» (1876 г.),— более широкое требование, чем «отмена Временных Правил» (1901 г.). Таким лозунгом должна быть политическая свобода, таким общенародным требованием должно быть требование созыва народных представителей.

И вот мы видим уже, что демонстрации возобновляются по самым различным поводам и в Нижнем, и в Москве, и в Харькове. Возбуждение повсюду растет, и необходимость об'единить его в один поток против самодержавия, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельнее. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7 ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло— как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. — Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе,— а мы заявляем, что это было хорошее влияние. Опричники бесчинствуют тайно, а мы сделаем их бесчинства публичными и открытыми. У нас бьют рабочих, отстаивающих свои права на лучшую жизнь, у нас бьют студентов, протестующих против произвола, у нас давят всякое честное и смелое слово!—Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «Падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!»

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция арестовала его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) в'езд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок»—против самодержавного правительства. Исполнительный Комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста.

В Харькове демонстрация, вызванная студенческими делами, перешла уже в настоящую уличную свалку, в которой приняли участие и не одни студенты. Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и, главным образом, поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за свободу всего народа, за политическую свободу. Харьковский Союзный Совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа. Гнусная речь ген. Ванновского в Москве, опровергавшего «слухи», будто он что-то когда-то обещал; невиданная наглость сыщика в Петербурге (схватившего студента в электротехническом институте, чтобы отнять у него полученное им через посыльного письмо); дикое избиение полицией ярославских студентов на улице и в участке, — все эти и тысячи других фактов вопияли о борьбе, борьбе и борьбе против всего самодержавного строя. Чашу терпения переполнил случай с харьковскими ветеринарами. Студенты 1-го курса подали петицию об удалении проф. Лагермарка, жалуясь на казенное отношение к делу, на невыносимую грубость, доходившую до бросания программы в лицо студентам! Правительство, не разобрав дела, ответило тем, что выбросило из института весь курс, да еще оболгало студентов в своем сообщении, заявив, будто они требуют себе права назначать профессоров. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацию. 28 нояб.—2 дек. Харьков второй раз в этом году превратился в поле сражения «внутренних турок» с протестовавшим против самодержавного произвола народом. Клики: «долой самодержавие! да здравствует свобода!»,—с одной стороны. Удары шашками, битье нагайками, топтанье народа лошадьми — с другой стороны. Полиция и казаки, нещадно избивавшие всех и каждого, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали победу над безоружными и торжествуют...

Неужели мы дадим им торжествовать?

Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывается над русским народом. Эта вражья сила связывает вас по рукам и ногам в вашей ежедневной борьбе с хозяевами за лучшую жизнь и за человеческое достоинство. Эта вражья сила выхватывает сотни и тысячи ваших лучших товарищей, бросая их в тюрьмы, отправляя в ссылку и, точно в издевку, об'являя еще их «лицами порочного поведения». Эта вражья сила 7 мая стреляла в обуховских рабочих в Петербурге, поднявшихся с кликом: «нам нужна свобода!»,—а потом еще устроила комедию суда, чтобы закатать на каторгу тех героев, которых не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще большим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами - студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; раз'ясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы,—всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!

[Л. Мартов]

ПРАЗДНОВАНИЕ 25-ЛЕТИЯ ДЕМОНСТРАЦИИ НА КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА.

В прошлом номере «Искры» уже сообщено было, что в этом месяце минуло 25 лет со времени первой большой манифестации, состоявшейся 6 (19) декабря 1876 г. в Спб. на Казанской площади. С этим событием совпало и 25-летие выступления на широкую политическую арену нашего товарища и учителя — Георгия Валентиновича Плеханова. По инициативе групп, сочувствующих «Лиге революционной русской социал-демократии», в некоторых университетских городах Швейцарии эта двойная годовщина была отпразднована собраниями. Расскажем вкратце о женевском празднике, на котором присутствовал и сам Г. В. Плеханов.

Первая половина вечера, на который собралось около двухсот человек, была посвящена почти исключительно воспоминаниям о демонстрации 6 (19) декабря 1876 г. и лицам, пострадавшим за участие в ней. Председатель Д. Кольцов, открыв собрание краткой речью о цели вечера, закончил его предложением почтить память всех участников казанской демонстрации общим вставанием. Когда присутствовавшие последовали этому предложению, хор запел: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Затем членами «Лиги русской революц. социал-демократии» был прочитан довольно обстоятельный реферат о демонстрации, имевшей место на Казанской площади 25 лет тому назад. Предпослав краткий очерк пропагандистского движения начала 70-х годов, референт изложил потом причины, вызвавшие эту демонстрацию, и упомянул о последовавших за нею наиболее крупных революционных фактах, вплоть до событий, происшедших весной настоящего года; в заключение он указал на разницу в характере первой демонстрации и последней, состоявшейся спустя 25 лет на той же площади.

Реферат сменило пение разных революционных песен. После непродолжительного перерыва на пианино был сыгран грустный мотив в память борцов «Народной Воли». Затем последовали речи, главным образом, посвященные роли Г. В. Плеханова как в демонстрации 6 декабря 1876 г., так и в последующих событиях русского революционного движения, вплоть до наших дней. Горячо, с большим чувством и искренностью говорили два представителя местной учащейся молодежи, а также болгарский студент и один армянский социал-демократ. Все эти лица довольно подробно останавливались на указании того огромного значения, какое Г. Плеханов имел и продолжает теперь иметь на развитие соц.-демократических идей и революционного рабочего движения не только в России, но и в других западно-европейских странах. В этом отношении особенный интерес представила речь молодого болгарина, говорившего от имени болгарского кружка. Он довольно подробно рассказал собравшимся о том громадном значении, какое имели сочинения Г. Плеханова на умственное развитие передовой интеллигенции его родины, и в этом отношении он сравнил роль Плеханова с ролью наиболее выдающихся деятелей Болгарии.

Речи всех ораторов публика покрывала долго несмолкавшими аплодисментами, а также они часто прерывались ими, особенно в тех местах, где говорившие касались значения и заслуг Г. В. в революционном движении. Чем дальше раздавались поздравления и приветствия Г. В., тем более и более воодушевлялась заметно публика. Видно было, что собравшиеся, отбросив разные мелкие счеты, искренно ценят плодотворную деятельность Г. В., признают в нем одного из самых преданных и непоколебимых борцов за торжество социализма не только в России, но и во всем цивилизованном мире.

По окончании речи болгарина, говорившего последним, раздались голоса, просившие, чтобы Г. В. Плеханов взял слово. Бурными аплодисментами собрание встретило его согласие. В течение нескольких минут он из-за этих приветствий не мог начать. Когда же он заговорил, то в громадной зале воцарилась полнейшая тишина. Произнесенную им речь мы, за отсутствием места, передадим лишь в немногих словах.

Упомянув вначале, что до этого вечера ему приходилось на собраниях слышать одни лишь нападки, и поблагодарив говоривших и публику за выраженные чувства и отношения к нему теперь, Г. В. заметил, что сделанная здесь оценка его личности преувеличена, так как он действовал не один, а совместно с другими. Затем он перешел на общую почву и подробно рассмотрел причины, вызывающие в последнее время разногласия в среде социал-демократов, не только действующих в России, но и в разных странах Западной Европы. Главную причину этих разногласий Г. В. видит в чрезвычайно быстром росте социал-демократической партии, привлекающем в ее ряды разные оппозиционные и радикальные элементы. Теоретическими выразителями этих элементов и являются разные «критики» и «исправители» Маркса. В действительности же они доказывают, что не в теории научного социализма наступил кризис, а лишь то, что разного рода оппортюнистам чуждо понимание марксизма. Сделанный им, в заключение, энергический призыв к соединению «науки с рабочими» был покрыт громом долго несмолкавших рукоплесканий.

Затем председатель прочел некоторые из полученных по почте и телеграфу из разных городов Зап. Европы поздравлений и приветствий, а затем прочитан был от группы сочувствующих адрес, который вместе с портфелем и был поднесен Г. В. на память. В заключение хор спел несколько революционных песен и, когда в час ночи председатель закрыл собрание, молодежь, подняв Г. В., вынесла его на руках.

Полученная под конец вечера телеграмма из Берна передавала приветствия и поздравления Г. В. от собрания, на котором присутствовало 300 человек. Присутствовавшие на этом собрании старожилы русской колонии утверждают, что они не запомнят такого дружного и веселого собрания. Аналогичным образом прошло чествование 25-летней деятельности Г. В. в Париже; в Цюрихе же в чествовании приняли участие только русские социал-демократы.

Все вышеизложенное заставляет нас думать, что для значительного контингента русских уже наступило время беспристрастной оценки роли наиболее выдающегося представителя русского революционного соц.-демократизма. Мы

надеемся поэтому, что не далек уж и тот момент, когда признание громадных неоценимых заслуг нашего товарища Г. В. Плеханова, в русском революционном движении, независимо от личных счетов и партийных соображений, станет столь же всеобщим и единодушным в передовой части нашего общества, каким оно уже теперь сделалось среди всех искренних сторонников рабочего класса в России и в западно-европейских странах [1].

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Нижний-Новгород. Демонстрация по поводу высылки Максима Горького. 7 ноября вечером уезжал из Нижнего на Москву Максим Горький, высылаемый полицией. «В виду вредного его влияния на общество» (официальная мотивировка) ему приказано было выехать в Арзамас, маленький уездный городок, но он, как человек, страдающий туберкулезом, просил разрешить ему поселиться в Ялте. Вместо Ялты ему позволили поселиться в какой-нибудь деревне в Крыму. 7 ноября в городе была выпущена гектографированная прокламация за подписью «защитники народа против его угнетателей», которая начиналась словами: «Мы собрались здесь проводить знаменитого, любимого писателя М. Горького и выразить наше крайнее негодование по поводу того, что его высылают из родного города». «У нас бьют нагайками студентов, — говорилось, между прочим, в прокламации, — которые заступаются за простой народ, бьют рабочих, которые хотят улучшить свое положение. У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков!»... Прокламация была распространена в большом количестве по всем учебным заведениям города и во время проводов разбрасывалась на вокзале.

«Провожать Горького, — пишет один очевидец, — на вокзал явились, главным образом, студенты, реалисты (преобладали), один гимназист (я видел одного), один институтец (мальчуган), семинаристы, довольно много земской интеллигенции; по обыкновению, не обошлось без случайной, серой глазеющей публики, которая, впрочем, всегда бывает небезучастна к тому, при чем присутствует, как и в этот раз. Представителей солидной, патентованной интеллигенции было совсем мало (раз-два и обчелся). Эта „интеллигенция“ чествовала Горького по-своему — за печкой, с тостами, речами и закуской. Само собою разумеется, в качестве непременных, почетных провожатых присутствовали жандармы, в большем против обыкновения числе, сразу бросавшемся в глаза. Кучку участников проводов, т. е. тех, что стояли плотной группой, можно определить числом не меньше 60 человек. (Наш нижегородский корреспондент определяет число провожавших приблизительно в 150 человек. Р е д.). Нужно заметить, что проводам не благоприятствовала погода — страшно бурная: на Оке ветер (вокзал через Оку), снежный с вихрем, рвал и резал; итти было трудно, никакой переправы еще не было: Ока не совсем стала.

«Я пришел на вокзал часов около пяти вечера. Горький шел в вагон, за ним плотная толпа с песнями и напутствиями. До отхода поезда осталось не меньше получасу. Провожавшие пели песни: „Отречемся от старого мира“, „Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою“, „Дубинушку“, „Депутатам от сословий“, „Вы жертвою пали борьбы роковой“, „Назови мне такую обитель“, „Из страны, страны далекой“ и др. Слышались возгласы: „Да здравствует М. Горький! Да здравствует свободное слово! Да погибнет деспотизм! Проклятие темным силам!“ и многое другое в этом роде. Каждый возглас покрывался дружным „ура!“. Горький многократно раскланивался, просто и сердечно прощаясь с молодежью. Публика увлеклась, стараясь пением и криками подчеркнуть то, что ее привело на вокзал в этот бурный, непогодный вечер.

«„Довольно, господа! — говорил Горький, — прошу не петь... Я совершенно не ожидал... я крайне растроган.. Но меня беспокоит: вы все-таки рискуете...“ — „Мы вас любим! Да здравствует хороший человек, известный писатель М. Горький!“ Горький со многими целуется. Он то уходит в вагон, то выходит, прощаясь, приветствуемый бурными криками. Публика машет фуражками и шапками. „До свиданья, господа!“ — „До свиданья! Вы вернетесь!.. Он вернется на заре новой жизни...“ „NN, пожмите от меня руки вашим товарищам студентам!“ Восторженные крики: „Да здравствует!“... пение.

«Простолюдин, лет 45, все время принимавший живое участие, его самого занимавшее, кричит: „Мы, слава богу, считаем вас хорошим человеком!“ Публика радостно смеется.

«Одна еврейка начинает говорить речь: „Алексей Максимович. Примите привет от еврейского общества, к которому вы всегда так хорошо относились“... Конец не слышен. Последний свисток. Гул прощаний, и публика, затянув песню: „Вы жертвою пали борьбы роковой“, трогается за поездом».

«Вокзальная жандармерия, — сообщают нам из другого источника, — не ожидавшая ничего подобного, не знала что делать. Городская полиция на запрос, обращенный к ней жандармами, отвечала: „не наше дело“. Проводив Горького, толпа беспрепятственно вышла с вокзала и направилась к городу, а вокзальная жандармерия принуждена была лишь озлобленно созерцать спины уходящих. Ей ничего не оставалось, как составлять протокол о произведенных беспорядках!

«Между тем толпа, перейдя Оку, вышла на Большую Покровку (главная улица города) и прошла ее всю с пением тех же песен. В шествии участвовало,—пишет вышеупомянутый очевидец,—до 150—200 чел. Преобладала серая, ремесленная мастеровая публика. Время - восьмой час. Через короткие промежутки в толпе кричали: М. Горький сослан, сослан за правду! Да здравствует М. Горький!“ Крики „ура!“ и пение. Трамваи останавливались, и пассажирам об'ясняли, в чем дело. Против театра, на площади, возобновились крики из толпы: „М. Горького выслали!“ С панели отчетливый громкий голос: „За что?“ — „За свободное слово! За правду! Да погибнет весь существующий порядок!“ и т. д. В конце Покровки, против здания думы, шествие остановилось. Здесь была сказана бойкая речь, выслушанная при глубокой, торжественной тишине и покрытая неистовыми криками: „Да здравствует М. Горький!“ Свежий молодой голос оратора смело бросал слова, звонко отдававшиеся в этом, богатом резонансом, месте. Оратор обращался к рабочим и мастеровым, которые были в толпе. Он об'яснял им, по какому поводу произошла демонстрация. Горький сослан за то же, — говорил оратор, — за что вот уже 40 лет гибнут в тюрьмах, на каторге, в ссылке тысячи лучших людей: за правду, за обличение безобразных условий нашей жизни. У него было одно оружие — перо, одна сила — мысль, высказываемая в свободном слове, — и за это свободное слово он выслан. Те, которые заставили его удалиться отсюда, считают, что Горький оказывал дурное влияние на здешнее общество, на молодое поколение. А мы говорим, что это было хорошее влияние, и нашей демонстрацией мы показываем, как мы любим Горького за его свободное слово. Мы любим и чтим его за тот живой, бодрый, как бы зовущий к свободе дух, которым проникнуты все его произведения. М. Горький выслан без суда, без следствия, тайно ото всех. Но мы сделали публичным, открытым этот произвол, мы приглашаем вас всех: „говорите повсюду, говорите всем и везде, что известный писатель М. Горький сослан, сослан хороший человек. Да здравствует Горький!“ Толпа бурно повторяет этот возглас. Студент громко декламирует: „Падет произвол, и восстанет народ могучий, свободный и сильный!“ Оратор об'являет демонстрацию законченной и предлагает разойтись.

«Рабочий в огромной мохнатой шапке, фигура à la Горький, все время демонстрировавший с другими в первом ряду, обнажает голову, кланяется студентам: „Спасибо, господа, за Горького. Спасибо. В первый раз приходится видеть это...“ Тот же рабочий, при возгласе оратора: „Да здравствует Горький!“ развернул над головами всех свой белый шарф, как знамя.

«Я оставил вокзал в то время, как жандармы оцепили певцов, но потом их выпустили.

«Все время до отхода поезда жандармы относились совершенно безучастно к тому, что происходило на их глазах, а в городе я наблюдал такую высоко комическую картину: при звуках Марсельезы, доносившейся издалека, пристава и околоточные попарно садились на извозчиков — и удирали... По всей Покровке не было ни одной серой шинели. Перед театром, где было представление и всегда бывает много полиции, — в этот момент ни души. Даже и тогда, когда все было кончено и все разошлись, чиновная полиция, как ошалелая, металась по Ильинской, по Лыковой дамбе ближе к базару, лишь бы подальше от тех мест, где так дерзко нарушались общественная тишина и спокойствие».

Полицию за ее невмешательство начальство, конечно, не поблагодарило; кое-кто из приставов посидел под арестом, полицмейстер же вышел в отставку, и, как слышно, отставка связана с демонстрацией. Жандармами теперь поднято дело о демонстрации, и многих из бывших на вокзале вызывали уже на допрос, — впрочем, в качестве свидетелей.

Демонстрация, несмотря на свои скромные размеры, сильно всколыхнула нижегородцев; везде и всюду идут о ней толки, и людей, сочувствующих ей, особенно среди «низов», встретишь чаще, чем осуждающих.

«9 ноября, — сообщают нам из другого источника, — в городском театре, перед началом представления, когда свет был уже потушен, раздался резкий, сильный голос: „Господа, Максим Горький не доехал до Москвы; он был высажен на одной из станций, и где он теперь — неизвестно. В Москве же на вокзале его ожидала двухтысячная толпа!“. Полиция бросилась к говорившему, вспыхнул свет, но было уже поздно: говоривший исчез в толпе.

«На это заявление послышалось из публики от одной из девиц возражение, что это неверно, что она знает, что Горький сам сошел со станции Обираловка*. Через несколько дней эта девица, узнав, что Горький действительно был задержан и что она в своем возражении была неправа, заявила об этом опять во время антракта в театре, за что сейчас же была арестована; продержали ее около недели и выпустили ожидать приговора за произнесение краткой речи с демонстративною целью».

В этих же числах шел водевиль «Золотой телец», и публика, оставшись недовольной его антисемитической тенденцией, в некоторых местах шикала, свистала, кричала: «Стыдно». Эти случаи дали повод местной газете «Волгарь» поместить заметку, в которой редакция возмущалась тем, что театр избран местом демонстраций, и рекомендовала надлежащим властям обратить на это внимание. Старалась она в этом случае совершенно напрасно, внимания обращено даже чересчур много, теперь на галлерее чуть не на каждого посетителя приходится по тайному и явному шпиону, и чтобы от их зорких очей нарушитель порядка как-нибудь не скрылся, верхний ряд свечей люстры во время действия не тушится. Некоторые из нижегородцев, возмущенные тоном этой заметки, выразили в письмах г. Жукову, редактору и издателю газ. «Волгарь», свое неодобрение. Г. Жуков собрал эти письма и снес их в жандармское управление, с целью дать, таким образом, возможность по почеркам определить кое-кого из сочувствующих демонстрации в театре.

* * *

Из Москвы сообщают от 8 ноября:

«Горького выслали из Нижнего административно в Крым. Вчера появились прокламации, что 8-го в 9 час. утра он будет здесь: желающие встретить приглашались на вокзал. В 8 час. утра я отправилась. На платформе стояла толпа учащихся, человек в 400, преобладали студенты, курсисток было мало, большинство педагогички, с Высших было меньше, чем с других курсов. Горькому был приготовлен адрес (под которым тут же подписывались) и портрет Л. Н. Толстого. Вскоре вся толпа двинулась на вторую платформу, так как поезд должен был подойти туда. Заранее просили встретить молча, так чтобы

* На самом же деле было так: на станц. Обираловка Горький вышел сам, желая во что бы то ни стало попасть в Москву, и поехал со следующим поездом, но на Рогожской заставе его встретил жандармский офицер, и до поезда на Севастополь Горький был отправлен в Подольск. От Москвы до Севастополя ему дали в провожатые двух жандармов.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ.

Прошло 40 лет со смерти Добролюбова. В наших легальных газетах о нем печатаются статьи. Всегда верные себе «Московские Ведомости» пытаются ругаться над его памятью, утверждая, что Добролюбов проповедывал, «что лгать, изменять супружескому, сыновнему, гражданскому долгу можно, что это, во всяком случае, лучше и приятнее, чем умирать за верность этому и всякому другому долгу», что он... «вообще разрешал своим последователям на все и на вся». А доказательство: он не признавал в мире ничего абсолютного (в бога не веровал) и был «утилитаристом».

Такой способ уничтожения революционеров давно в обычае. «Моск. Вед.» поленились придумать для этого случая что-нибудь новое. Но Добролюбов был влиятельным и страстным врагом всего того, чему служит эта газета. Почтить его память каким-нибудь, хотя бы самым затасканным ругательством, она была обязана. Большинство же органов нашей легальной печати отнеслось и относится к памяти Добролюбова очень почтительно. Но о самых заветных его убеждениях, о самой сущности его взглядов они говорить не будут. Промолчит — цензуры ради—даже тот, кто помнит, а большинство его поклонников давным давно забыло его заветы, многие же, вероятно, и никогда их не понимали. Мы напомним здесь читателям только эти революционные, недоступные легальной прессе мысли Добролюбова, которыми через 10, через 15 лет после своей смерти он неизмеримо сильнее влиял на текущую жизнь, чем живые публицисты 70-х годов, ежемесячно печатавшие свои статьи в журналах. Немного страниц занимают эти мысли в полном собрании сочинений Добролюбова. Нужно было счастливое вдохновение, подходящий сюжет, наконец, просто удача, чтобы провести свои революционные мысли сквозь цензурные рогатки, но эти немногие страницы об'ясняют и освещают настоящим светом все остальные произведения Добролюбова.

«Современник» неуклонно преследовал злыми сарказмами «бессмысленные мечтания» того времени, относительно водворения всеобщего благополучия путем мирного прогресса при системе «самодурства» (читай: самодержавия). Самодовольный восторг прессы перед дарованной ей «свободой» обличать тех мелких воришек, которых городовой уже взял за шиворот, и критиковать те учреждения, которые в правительственных канцеляриях обречены на слом, возбуждал в Добролюбове величайшее отвращение, и он не уставал осмеивать и освистывать его на все лады. Но во имя чего? Благонамеренные поклонники Добролюбова иногда пытаются уверить нас, что, осмеивая громкие фразы и пустую

всем был слышен адрес. Жандармы изредка сновали, но не вмешивались и как-то торжествующе посматривали; вскоре это об'яснилось: пришел поезд — Горького нет, разнесся слух, что его высадили в Рогожской заставе. Все страшно заволновались, закричали, двинулись в вокзал. Здесь было решено отправить в Рогожскую заставу делегатов для справок, и если окажется, что Горький там, то всей толпой итти туда. Делегаты вернулись: Горького там не было; так как через несколько минут должен притти еще поезд, то все опять двинулись на платформу, но и этот последний поезд снова не привез Горького. Опять заговорили, что его высадили в Рогожской заставе, и после немногих совещаний все двинулись туда; жандармы завершали шествие, но проводили только до выхода с вокзала. Шли тихо, плотной толпой. В Рогожской заставе около вокзала уже стоял целый отряд полицейских и околоточных, а по обе стороны входа в вокзал стояли жандармы. Миновав отряд, все остановились, несколько человек вошли на вокзал, и, так как Горького там не оказалось, то все направились обратно. Затянули было песню, но более благоразумные остановили. На Покровке, когда уже шла кучка чел. в 20, нас остановила г-жа NN. Она рассказала, что ехала вместе с ним и его женой, но его высадили, не довезя до Москвы (станцию она не назвала), что он просил не встречать его, потому что в таком случае его не пустят в Москву...».

Москва. Демонстрация по поводу неразрешения вечера в память Добролюбова (из бюлл. Исп. Ком. об'един. землячеств).

18 ноября в Москве случилось происшествие, которое И. К. считает нужным отметить. Толпа чел. до 150 (преимущественно студентов), не знавших об отмене концерта, назначенного на 18-ое, но не разрешенного полицией, собралась у Романовского зала и отправилась оттуда с песнями по Тверскому бульвару к памятнику Пушкина. Здесь толпа, сильно увеличившаяся в числе благодаря присоединившейся к ней публике, пропела вечную память Добролюбову, сорокалетие со дня смерти которого приходилось на этот день. Отсюда, несмотря на сопротивление полиции, уже в числе 500 чел., двинулись на Тверскую и дошли со студенческими песнями до дома ген.-губернатора (толпа — как сообщают нам из другого источника — с пением и свистом стояла мин. 20 перед домом ген.-губ. Ред.). Здесь уже разделенная полицией на несколько частей, толпа была оттеснена в Столешников переулок; при этом полиция старалась отделить студентов от остальной публики. Это им удалось, и чел. 50 студентов, оказавшись совершенно отделенными от остальной толпы, дошли до Кузнецкого моста, — как вдруг из пассажа Джамгаровых по команде «наряд вперед!» бросились жандармы и, несмотря на заявление студентов, что они пойдут, не сопротивляясь, куда им будет указано, жандармы стали им наносить побои. Особенно пострадали два студента (техник и универсант) — братья Котельниковы; с остальными тоже не стеснялись: арестованные 27 чел. отправлены в участок, где приставом Новиковым был составлен протокол, по которому эти 27 лиц обвинялись: 1) в нарушении общественной тишины и порядка, 2) в сопротивлении приказаниям полиции, 3) в подстрекательстве и предводительстве толпой более, чем в 500 чел. Последний пункт обвинения, являясь вымыслом полиции, вместе с тем влечет за собой наибольшее наказание. По удостоверении личности, при чем некоторых с этой целью возили в учебные заведения, арестованные были отпущены. На следующий день они были призваны в участок, где им об'явили, что они будут судиться не мировым судьей, а высшей администрацией на основании положения об усиленной охране. По поводу этого факта 19 ноября в техническом училище собралась сходка; на ней постановлено ходатайствовать, чтобы обвиняемые судились мировым судьей, разделить расходы по ведению дела между всеми студентами, и в случае, если ходатайство не будет удовлетворено, не оставлять этого дела без последствий.

Студенческое движение опять начинает принимать боевой характер. Борьба за академическую свободу опять расширяется до открытой, вплоть до уличной схватки, борьбы за политическую свободу. В виду этого ознакомление с ходом развития движения приобретает особую важность.

Начнем с Москвы, где пресловутый генерал Ванновский лично ответил на студенческие требования.

Брожение студентов началось еще раньше приезда Ванновского. Гнусная статья в «Гражданине», бросавшая

болтовню, он проповедывал скромную «положительную работу». Какую? В серьезных критических статьях он всячески подчеркивал полнейшую невозможность при нашей системе не потонуть в грязи, если примешь участие в «положительной работе», и глупую жестокость преследовать в унисон с высшим начальством грубые формы беззакония на низших ступенях той системы, при которой «чем выше, тем самодурство становится наглее внутренно и гибельнее для общего блага, но благообразнее и величавее в своих формах». Высший начальник (в «Доходном месте») «говорит таким достойным тоном, что нужно только благоговеть», тем не менее он-то и есть настоящий самодур, а за ним уже и все другие. В его ведомстве «законов никаких никто не признает, честности никто в толк взять не может», да она и невозможна там, где все зависит от воли начальства и «главною добродетелью признают смирение перед этой волей».

«Где же выход?», спрашивает Добролюбов от имени читателя. «Мы остаемся при неразрешимой дилемме или умереть с голоду, броситься в пруд, сойти с ума — или же убить в себе мысль и волю, потерять всякое нравственное достоинство и сделаться раболепным исполнителем чужой воли, взяточником, мошенником—для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою».—«Печально, правда», соглашается Добролюбов со своим огорченным читателем, но отказывается утешить его указанием выхода. — «Впрочем, — говорит он, заканчивая ряд статей о «Темном царстве», — те выводы и заключения, которых мы не досказали здесь, должны сами собою притти на мысль читателю».

Должны, конечно... но эти статьи, в которых Добролюбов стремился внушить читателям непримиримую вражду к самодержавию, какие бы «благообразные и величавые» формы оно ни принимало, нередко хвалят как талантливые обличения дореформенных порядков и нравов, от которых остались, правда, следы... В первые годы литературной деятельности Добролюбова в нем можно лишь угадывать революционера. Но в 60-м, предпоследнем, году своей недолгой жизни ему удалось в ярких символах выразить свою веру в близкое народное восстание («Луч света в темном царстве») и написать с недопускающей сомнений ясностью свое революционное завещание подрастающей молодежи образованных классов. В последнем ему помог Тургенев своей повестью «Накануне». Озаглавив статью об этой повести вопросом: „Когда же придет настоящий день?“ Добролюбов взял эпиграфом к ней стих Гейне: «Стучи в барабан и не бойся!» Герой Тургенева, Инсаров, болгарин, заговорщик, едущий на родину поднимать восстание против турок. Сочувствовать угнетаемым турками христианам у нас всегда разрешалось. Добролю-

грязью в учащуюся молодежь, вызвала две сходки в октябре (первая — 15 октября, в 1.500 чел., вторая — до 3.000), выразившие презрение кн. Мещерскому. Но студенты чувствовали, что за Мещерским скрывается нечто большее. Была выбрана комиссия из профессоров (Тимирязева, — которого, кстати сказать, восторженно приветствовали студенты по поводу его решения остаться в университете; по рукам ходил проект адреса ему, отдававший должное человеку независимому и убежденному; Умова, Ключевского и др.) и из делегатов от курсов для выработки формы протеста. Но когда приехал Ванновский, попечитель выставил ему это дело либеральной затеей, и министр, вызвав Виноградова, «поговорил с ним нелюбезно» (как выражается автор одного письма). Комиссия прекратила занятия, профессора, участвовавшие в ней, перестали читать лекции «по болезни» (Виноградов, Кирпичников и др.), ходили слухи о выходе их в отставку. Брожение среди студенчества сильно возросло.

А «лукавый царедворец» еще подлил масла в огонь, когда (4 ноября) ответил категорическим отказом на требования, пред'явленные ему депутацией студентов (в числе 21 студента, пришедших к Ванновскому в Лоскутную гостиницу). Эти — общестуденческие, как увидим ниже — требования состояли в допущении женщин в университет; в уничтожении ограничения в приеме евреев; в отмене прикрепления к округам; в уничтожении инспекции; в разрешении всяких организаций и т. п. Отказ министра и его наглые заявления о неверности «слухов» (!), будто он весной что-то обещал, возмутили и самых мирных. На совет министра-лакея «успокоиться» депутаты «ответили гробовым молчанием». «Вечером того же дня „состоялось“, — иронически пишет один москвич, — совещание 63 студентов, по 3 чел. от курса, с комиссией профессоров. Было заранее постановлено прямо потребовать от профессоров признания сходки и ее постановлений. Тогда председатель ответил, что министр уже высказался против этого, и делегаты, по полученной от сходки инструкции, немедленно оставили залу. В результате этих бесед получилась прокламация, в которой студенты призывают к более широкой борьбе уже не за академическую свободу, которая несовместима с деспотизмом, а за свободу политическую».

На этом заканчиваются полученные нами сведения. Отметим только, что «Исполнительный Комитет об'единенных землячеств и организаций» начал издание бюллетеней.

В Петербурге ряд сходок тоже протестовал еще в октябре против «Гражданина». 8 ноября в электротехническом институте произошел небывалый факт: сыщик хотел отнять у студента полученное им через посыльного письмо и уже потащил было его вместе с дворником за руку!! Студенты едва не избили негодяя «агента», которого с трудом вырвали у них и, хотя директор и уверял, что Клейгельс обещал «взыскать» с сыщика, но студенты настоятельно продолжали требовать отставки инспектора (сходка 13 ноября). Того же числа были сходки в университете (668 чел. — требуют свободы слова, личности и организаций. Протестуют против политики Ванновского), в лесном институте и в технологическом. Союзный Совет Спб. университета сообщает, что петербургское студенчество ждет общего движения и готово примкнуть к нему. Добавим, что в Спб. ходил слух, будто Сипягин нарочно распространял слух о смерти Л. Н. Толстого, ища повода для репрессалий над протестующими студентами! В Гос. Совете будто бы «троица»: Победоносцев, Сипягин и Витте — решительно восстали против университетской реформы.

В Киеве студенчество сразу проявило более политической сознательности. Уже 11 окт. сходка в 900—1000 чел. протестует против политики Ванновского, так явно водящего всех за нос, и повторяет главные из общестуденческих (см. выше) требований (ср. № 10 «Искры»). «Сходка вполне определенно выяснила связь академической жизни с жизнью политической... установила необходимость политической борьбы», — заявлял Киевский Союзный Совет в листке от 12 октября. «Студенчество не попалось на удочку правительства!»—повторил он в сильно написанной прокламации 15 октября. «Нашему самодержавию нужны дипломированные холопы, а не мыслящие граждане... Мы не боролись до сих пор с самодержавием непосредственно»... и он энергично призывал студентов к такой борьбе. «Студенчество должно быть готово к такой борьбе... Организуйтесь же, товарищи!».

Многолюдная сходка политехников 24 октября указывает (листки организационного комитета) на всю лживость «испытанной системы» самодержавия и служащих ему «реформаторов» и повторяет общестуденческие требования. «Наши академические требования могут быть удо-

---

бов к тому же заранее подчеркнул все обстоятельства, отличающие нас от болгар. Они — завоеванный народ, а мы, наоборот, еще других завоевываем. У болгар отнимают церкви, а у нас не только не отнимают, а еще поощряют ревность к обличению заблудших. В Болгарии у всех одна цель, одно желание — освобождение. «Такой монотонности нет в русской жизни... при существующем у нас благоустройстве общественном, каждому остается только упрочивать собственное благосостояние, для чего вовсе не нужно соединяться с целой нацией в одной общей идее, как это происходит в Болгарии». Наконец, русский Инсаров оказался бы просто-напросто бунтовщиком, «представителем противообщественного элемента», знакомого публике по исследованиям г. Соловьева. От такого героя с ужасом убежит всякая благовоспитанная барышня, а в Инсарова влюбилась Елена. Показавши, таким образом, невозможность русского Инсарова, Добролюбов тем с большим жаром проповедует его необходимость.

Инсаров страстно желает освободить свою родину: в этом цель его жизни. Он не думает ставить свое личное благо в противоположность с этой целью. Напротив, он потому-то и стремится к свободе родины, что в этом видит свое счастье. У него, говорит Елена в своем дневнике, «оттого так ясно на душе, что он весь отдался своему делу, своей мечте. Кто отдался весь... весь... весь... тому горя мало, тот уже ни за что не отвечает».

Есть и среди русских отважные люди, энергические натуры, способные выступать на защиту угнетенных, но они растрачивают силы на борьбу с частными, мелкими проявлениями зла, не думая о его источнике. «Нам рассказывали, — говорит Добролюбов, — об одном подобном герое». Он еще в гимназии проявлял склонность обличать неправду. Кончивши медицинский факультет, он был назначен в госпиталь, но не смог спокойно прописывать лекарств, видя, что больные не доедают и не допивают, благодаря экономии тех, от кого зависит их продовольствие. Он говорил, уличал, жаловался — его перевели на худшее место. Он и там продолжал упорно отстаивать голодающих по милости начальства, был, наконец, разжалован в фельдшерские помощники и, не выдержав нарочито зверского обращения с ним, застрелился. «Во всех его поступках,—говорит Добролюбов,— нет ничего такого, что бы не составляло прямой обязанности всякого честного человека на его месте; а ему нужно, однако, много героизма, чтобы поступать таким образом, нужна решимость гибнуть за добро. Спрашивается теперь: если уже в нем есть эта решимость, то не лучше ли воспользоваться ею для дела большого, которым бы достигалось что-нибудь существенно-полезное? Но в том-то и беда, что он не сознает надоб-

влетворены лишь путем политической борьбы!» «Студенчество поневоле сталкивается с самодержавием». И Киевский Союзный Совет (листок конца октября) присоединяется к политехникам: «Никакие уверения наших „доброжелательных" профессоров... не в состоянии сделать студентов пассивными зрителями... Единственно верный путь — путь борьбы, которой до сих пор не могли остановить тюрьмы, штыки, нагайки и которой не остановят и „реформы" Ванновского. Пусть же голос протеста раздается все громче и громче, пусть скорее грянет буря!». 1 ноября, по приглашению Союзного Совета, состоялась сходка с участием более 1.000 чел., обнаружившая, по словам листка С. С. от 5 ноября, «несомненный рост политического самосознания русского студенчества» за последнее время. «Между реакционной прессой (Мещерский и К°) и самодержавием существует самая тесная связь». И резолюция этого внушительного собрания выражает «протест против того политического режима, который, подавляя свободное слово, покровительствует реакционной печати». А 11 ноября, по поводу речи Ванновского в Москве, С. С. восклицает: «Свершилось! Маска сброшена! Г. министр, вы заявляете, что все уволенные возвращены. Сколько бесстыдной и циничной лжи в этих словах!.. Где десятки наших товарищей (имена)?.. Они томятся в захолустьях». И С. Сов., заклеймив ограничение приема евреев, кончает: «Из сердца России прозвучали слова Ванновского, а эхо, отдавшись в сердцах каждого, пронесется над всей Россией раскатами грома и вихрем надвигающейся грозы!». Мы перейдем сейчас к описанию начала грозы в Харькове, но сначала отметим хотя бы парой слов происшествие 17 ноября. Дипломированные холопы Киевского университета ввели в «храм науки» одного из прихвостней самодержавия, г. Вергуна, который в издаваемой им в Вене на полицейские деньги газете «Славянский Век» агитирует за «об'единение всех славян под скипетром российского самодержца». Оглушительные свистки встретили этого гнусного «лектора», и хотя националисты (с директором 5-ой гимназии, г. Петром, во главе) со стульями в руках бросились на протестовавших, все же демонстранты заставили г. Вергуна, не кончив лекции, удалиться и разошлись сами с пением песен: «Смело, друзья!», «Дубинушка» и «Шалыте».

Переходим к Харькову. Недостаток места, к сожалению, не позволяет нам привести полностью превосходное воззвание Харьковского Союзного Совета об'единенных землячеств и организаций от 16 октября. С. С. указывает, что только благодаря «активной поддержке со стороны борющегося пролетариата» прошлогоднее движение вынудило уступки у правительства, и заявляет: «Только выведенное из узких рамок борьбы за академическую свободу и поставленное на широкую арену политической борьбы, студенческое движение может рассчитывать на энергическую поддержку со стороны прогрессивного слоя населения; и только тесный союз с этим прогрессивным и революционно-настроенным слоем делает студенчество политической силой»... «Для успеха движения необходимо не только единодушие и организованность, но и поддержка других слоев населения, и прежде всего рабочего класса. Но такую поддержку студенчество будет получать лишь тогда, когда целью борьбы будет для него не только академическая или какая-нибудь иная свобода, а прямо и резко поставленное требование полной политической свободы». И высказываясь против близорукости либералов, осуждая решительно пессимизм и апатию части харьковских студентов, С. С. зовет студенчество «работать рука об руку с другими общественными элементами для завоевания широкой политической свободы». Вскоре после того на праздновании юбилея ветеринарного института читалась прокламация, указывавшая на невозможность процветания науки при существующем полицейском строе, и пелись революционные песни. «В воздухе вольней, чем раньше», замечает сообщающий это харьковец. «По всей вероятности, в истории студенческих движений 1902 г. займет свое место».

Отметим, что правительство употребляло в Харькове свое испытанное средство разделить студентов, натравляя одну народность на другую, поддерживая компанию студентов-антисемитов (!!) и т. п. Но ни происки этой шайки позорных прихвостней реакции, ни стремление националистов-евреев отшатнуться от всякого движения не могли разрушить преобладающей струи. Сходка 13 ноября в университете (300—400 чел.) «носила вполне политический характер», как пишет один корреспондент, и повторила общестуденческие требования, в том числе и требование отмены процентов для евреев.

15 ноября, как известно уже и из правительственного сообщения, студенты первого курса ветеринарного института подали петицию об отставке проф. Лагермарка. Они

ности и возможности такого дела... не хочет видеть круговой поруки во всем, что делается перед его глазами»... Русские герои ограничиваются мизерными частностями, «тогда как Инсаров, напротив, частное всегда подчиняет общему, в уверенности, что и то не уйдет».

Героев, как этот доктор, немного, ими являются в России лишь люди, не размышляющие. В нашем образованном обществе многочисленнее другой разряд людей, дошедших, путем долгих размышлений, до той же ясности идеи, как и Инсаров. Они не пойдут на службу. Что им там делать? «Починивать кое-что, отрезывать и отбрасывать понемногу разные дрязги общественного устройства? Да не противно ли у мертвого зубы вырывать и к чему это поведет?»

«Эти люди понимают, где корень зла, знают, что надо делать, чтобы зло прекратить; они глубоко и искренно проникнуты мыслью, до которой добились наконец. Но в них нет силы для практической деятельности».

В других статьях того же 60-го года Добролюбов сурово относится к этим знающим и недействующим людям. Он отказывается признать их знания, их убеждение истинными. Истинное убеждение, говорит он в статье «Благонамеренность и деятельность», «когда оно относится к области практической, непременно выразится в действии и не перестанет тревожить человека, пока не будет удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушимая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой в безводной равнине и вдруг вижу ручеек, то я брошусь к нему, несмотря на то, что он окружен колючими кустами, из которых выглядывают змеи. Самое худое, что я могу потерпеть в этих кустах, — это смерть; но ведь я все равно умру же от жажды, стало-быть, я ничем не рискую»...

Но в статье по поводу «Накануне» он допускает искренность убеждений этих «лишних» людей, которым «рвать у мертвого зубы противно», а на революционную инициативу не хватает решимости. Берсеньев (лучший из русских, выведенных в «Накануне») готов отказаться от личного счастья в пользу родины, свободы, справедливости, но он смотрит на это, как на долг, и противопоставляет этот долг своему счастью. Он похож, по мнению Добролюбова, на великодушную девушку, которая решается для спасения отца на брак без любви. Она будет рада, если что-нибудь помешает браку. Инсаров, напротив, дня своей деятельности «ждет страстно и нетерпеливо, как влюбленный юноша ждет дня свадьбы с любимой девушкой». Поэтому именно Берсеньев «может многое перенести, многим пожертвовать, вообще выказать благородное поведение, когда приведет к тому случай; но он не сумеет и не посмеет определить себя на широкую и смелую деятельность, на вольную борьбу,

нисколько не требовали себе права назначать профессоров — как старалось представить дело лживое правительственное сообщение, убоявшееся привести целиком студенческую петицию, — они говорили прямо, что только «невыносимое» положение вынудило их к протесту, жаловались на «мертвую рутину и казенное отношение к науке», в связи с грубостью профессора, доходящей до грубых окриков и бросания программ в лицо студенту (!), и требовали его удаления (см. текст петиции, изданной 25 ноября в виде гектографированного листка Союзным Советом по просьбе студ. ветеринаров). Правительство ответило на это лживым сообщением и, без всякого расследования, выбросило из института весь первый курс! В ответ на это новое насилие были устроены сходки (в университете около 200 чел., в техн. инст. — 400). Постановлено было прибегнуть к забастовке с обструкцией и поддержать уличную демонстрацию студентов-ветеринаров. Но предоставим слово очевидцам.

«У нас здесь такое возбужденное состояние, что невозможно было взяться за перо. Вот уже четвертый день, как живем на улице, ибо она имеет очень оригинальный вид. 28 ноября во всех учебных заведениях были сходки, где была решена обструкция. Студенты университета, выйдя со сходки в количестве около 70 чел., двинулись по Сумской к вет. инст. с целью встретиться с ветеринарами, которые тоже после сходки должны были итти по улице. Когда универсанты проходили мимо театра, то совершенно незаметно их оцепили казаки, появившиеся из переулка; тут же произошло соединение с ветеринарами (вместе их было ок. ста чел.). Всю эту компанию казаки погнали в бурсацкую часть во двор, куда явился губернатор и сказал, что последний раз избавляет их от казаков, на что студенты закричали: „а, так это вы на нас казаков посылаете!“ и начали свистать. Губернатор уехал, студентов отпустили. Около части их ожидала толпа товарищей. Затем все разошлись. 29 ноября в 9 ч. утра в вет. инст. была сходка, чел. 30 студентов были в это время в курилке. Вдруг появился директор в сопровождении пристава и указывает по просьбе последнего студентов, которых полиция наметила арестовать (их полиция наметила раньше, но не могла арестовать только потому, что они не ночевали 2—3 ночи дома). Это возмутило студентов, и они решили не отдавать товарищей. Тогда ворвались городовые (чел. 20), оцепили всю компанию и повели в часть, при чем на улице у института их окружили еще и казаки. После этого толпа студентов чел. в 300 собралась у театра (в 3 часа) с пением „Дубинушки“. Была масса полиции. „Южный Край“ охранял ряд городовых (так как накануне студенты опять побили ему окна) и во дворе „Южного Края“ были казаки. Затем студенты разошлись до вечера. В 6 час. веч. Сумская улица носила необыкновенно живой вид. Была масса гуляющих, при чем большинство студенты. В 6½ час. толпа студентов и молодежи собралась на одном углу против театра и затянула „Дубинушку“ (я была в этой толпе). Не успели они пропеть до конца, как раздались крики: „казаки едут“.

«На студентов количеством не больше 200 чел. выпустили свору казаков не меньше 150 чел. Моментально толпа была оцеплена. Когда я и еще несколько чел. хотели выскочить между лошадьми, то околоточный дернул за рукав и толкнул в середину. Не успели опомниться, как вся эта масса взбешенных казаков взлетела на тротуары с лошадьми и начала хлестать толпу нагайками. Нечего и говорить, что, попав в такое безвыходное положение, публика только и думала, как бы спастись, и поэтому бежала, как только возможно было (шел мокрый снег и было очень скользко). К счастью, я наткнулась на крыльцо и взобралась на него. Мимо меня неслись студенты, которых настигшие казаки лупили во-всю нагайками, а городовые тащили отдельных лиц и толкали к казакам. Меня городовой схватил за руку, сволок с крыльца, не знаю, что было бы дальше, если бы на мой крик не подскочили двое студентов, которые отбили меня у него и поколотили его. Когда я оглянулась, толпы как не бывало, только разбросанные кучки торопились удрать подальше, а толстый самодовольный полисмен с пошлым смехом заметил во всеуслышание: „Ага, храбрецы, разбежались?!“. Затем публика очистила улицу совершенно. Все перекрестки Сумской были заняты солдатами. Николаевская площадь полна казаков. Собравшуюся вслед за этим толпу на Московской улице и продержавшуюся четверть часа с пением и криками: „Долой самодержавие“, требованиями „политической свободы“, „8-час. рабочего дня“ и проч., постигла та же участь (избиение нагайками), затем около собора тоже, а народ все-таки не расходился и подвигался все дальше и чуть только где скоплялась кучка и запевала, как казаки налетали и разгоняли. Так. обр., масса улиц была захвачена движением. Только к 12 часам все улеглось.

на самостоятельную роль». Для этого нужны люди, так относящиеся к своему делу, как Инсаров. Но от русского героя для этого требуется больше, чем от болгарина. «Инсаров именно тем и берет, что... притеснители его отечества турки, с которыми он не имеет ничего общего... Русский же герой, являющийся обыкновенно из образованного общества, сам кровно связан с тем, на что должен восставать. Он находится в таком положении, в каком был бы, напр., один из сыновей турецкого аги, вздумавший освободить Болгарию от турок». Этот сын аги должен был бы «отречься уж от всего, что связывало его с турками: и от веры, и от национальности, и от круга родных и друзей, и от житейских выгод своего положения». «Не много легче дается геройство и русскому образованному человеку», и ему необходимо «отречение от целой массы понятий и практических отношений, которыми он связан с общественной средой». Таких людей не было среди современников Добролюбова, но он был убежден, что их выставит подрастающее поколение.

«На развитие каждого отдельного человека имеют влияние не только его частные отношения, но и вся общественная атмосфера, в которой суждено ему жить. Иная развивает героические тенденции, другая — мирные...» Но общественная атмосфера меняется, еще недавно она подавляла развитие личностей, подобных Инсарову, но скоро она сама же поможет этому развитию. «В повести Тургенева сказалась та смутная тоска по чем-то, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь все русское общество, и даже не одно только так называемое образованное»... «Теперь каждый ждет, каждый надеется, и дети теперь подрастают, напитываясь надеждами и мечтами лучшего будущего... Когда придет их черед приняться за дело, они уже внесут в него ту энергию, последовательность и гармонию сердца и мысли, о которых мы едва могли приобрести теоретическое понятие» (соч. Добролюбова, изд. пятое, т. III, стр. 275—299).

Ближайшая задача, которую возлагает Добролюбов на это подрастающее поколение, была помощь народному восстанию, в близость которого он глубоко верил. Народ страдает непосредственно, ему не нужно никаких идей, никаких рассуждений, чтобы почувствовать невыносимость страдания. Он мог еще терпеть, пока не слыхал о возможности удовлетворения своих естественных потребностей, но теперь (т. е. с началом реформы) он уже не удовлетворится кое-какими уступками и облегчениями, он возьмет все. Его инстинктивное восстание будет неодолимо, как разлив реки, встретившей препятствие в своем течении. Добролюбов боялся только, что

30-го к вечеру опять появилась масса народа по обеим сторонам Сумской, при чем заметно было большое количество рабочих, особенно подростков. Казаки ездили взад и вперед, но не к чему было придраться. Только к 10 час., когда в одном месте, на Николаевской площади, собралась порядочная группа и запела, то налетели башибузуки и моментально разогнали. Возбуждение страшное. Масса толков. Есть раненые».

Другой корреспондент замечает:

«Казаки дошли до такого озверения, что топтали толпу лошадьми, били всех; раздавались стоны и душу раздирающие крики. Описываю все эти ужасы, как свидетель. В стенах университета царит страшное возбуждение. Было избиение педелей и стычки с оппозицией, при чем многие студенты падали в обморок, пришлось посылать за докторами и лекарством».

Третий очевидец сообщает:

«29 ноября к 6 час. вечера предложено было являться на Сумскую. Публика стала собираться. Ждали рабочих. У театра толпа студентов начала демонстрацию с пением. Но тут началась катавасия, которая живо напомнила 19 февраля. Началось жестокое избиение. Воздух огласился воплями, стонами и истериками. Хватали и таскали в участок. Били шашками (тупым концом), нагайками, кулаками. Эту толпу избили и разогнали. Появилась масса конных и пеших войск, которые сновали по всем направлениям. В разных местах происходили небольшие демонстрации и избиения. Избиения были на Московской, где особенно пострадали женщины, и на Екатеринославской. Везде одна и та же картина. Крики, вопли о помощи. Скоро центральные улицы были заняты войсками и очищены. Город обратился в военный лагерь. Везде отряды конницы и пехоты. Положение грозное. Рабочих было мало, так как, говорят, заводы оцеплены. Волнения длились от 6 до 12 ночи. Настроение страшно возбужденное. Обе стороны озлоблены, остервенились, и, повидимому, этим не окончится. Кулак и нагайка царят».

Четвертый корреспондент, изложив вышеописанные события, кроме того, сообщает:

«29-го вечером была, также как и на Сумской, энергичная свалка на Жандармской площади между войсками и жел.-дорожными рабочими, которые решили после дневных работ пристать к демонстрантам. Войсками рабочие рассеяны и на Сумскую не допущены.

Приводим также присланные нам выдержки из одного письма постороннего лица (Харьков, 29 ноября):

«29 ноября с 10 час. утра вет. инст. снова был окружен войсками, ред. „Южн. Края" ограждена 15 городовыми, а во дворе редакции размещен эскадрон казаков. В течение всего дня вся Сумская была занята народом, и к вечеру там собралось 6—7 тысяч. В 6 час. веч. против драматического театра собрался хор студентов и пропел „Дубинушку". Затем хор перешел на панель Госуд. Банка и был численно увеличен подошедшей публикой. В это время полиция, в лице многих и многих ее представителей, появилась на панели и предложила публике, не участвующей в демонстрации, сойти с панели, добавив, что оставшиеся на панели будут оцеплены войсками и арестованы. Публика начала перебегать с панели Банка к театру и в сквер; вслед за словами полиции выехали со двора „Южн. Края" казаки и оцепили публику (студентов), оставшуюся на панели, которой еще раз было предложено разделиться на демонстрантов и недемонстрантов и последним выйти за тесную цепь казаков. Вышли за цепь „все до одного", и казаки остались в дураках, выехав на самую панель, где никого не было. Тогда казаки разбились на три группы: одна погналась за публикой, которая хлынула в Театральный переулок, другая — за публикой, направившейся параллельно к скверу, и третья — за публикой по Сумской к ред. „Южн. Края". По дороге хлестали плетками, но сравнительно мало, и публика почти не защищалась, а стремилась, главным образом, улепетнуть. Вся эта стычка протекла в каких-нибудь 5—7 минут. Все это сопровождалось ужасающим криком, свистом, визгом, шиканьем и самыми энергичными движениями и суетой как со стороны усмирителей, так и со стороны публики. Затем казаки быстро возвратились в дом Юзефовича, и все на несколько минут разбежались в прилегающие к театру переулки, а затем через 5—10 минут все опять выплыли на Сумскую. В это время прибыли еще два эскадрона казаков, из них эскадрон расположился против театра, эскадрон раз'езжал взад и вперед по Сумской. Когда все успокоилось (через полчаса), пришла пехота и оцепила Сумскую, не разрешая пешеходам направляться к Драматическому театру, а публику, которая была у театра и вниз по Сумской, пехота вместе с казаками начала медленно оттискивать к Николаевской площади и затем вниз на Московскую. Публика, спустившись на Московскую, попыталась было подняться

крестьяне восстанут раньше, чем подрастет поколение, способное притти им на помощь в городах, в центрах. Это опасение он выражает в следующем обращении к революции:

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить в наш боязливый круг!
Теперь на твой призыв ответит тишь немая,
И лучшие друзья не приподнимут рук.

Восстания ждали в то время не одни друзья народа, его боялись и враги. Мы знаем теперь, что эти надежды и опасения оказались напрасными. Крестьяне терпели и терпели, вытерпят, к несчастью, и нынешний год, голодая под бдительным надзором начальства, тщательно охраняющего их от всякой помощи, не прошедшей через казенный карман.

Вера в крестьян обманула Добролюбова. Но его завет и вместе предвидение относительно подрастающего поколения образованного общества оправдалось вполне. Оно выросло революционным и выделило из себя контингент людей, всецело отдавшихся своему делу. Жажда деятельности была в них неизмеримо сильнее личных соображений относительно ядовитости жандармских и полицейских змей, выглядывающих из-за колючих кустов, но та же жажда действовать как можно дольше и успешнее научила их соединяться в нелегальные организации и тем самым «отрекаться уже от всего, что их связывало с турками... от круга родных и друзей, от житейских выгод своего положения» и от всяких расчетов когда-либо вернуться в ту среду, где, чтобы жить и действовать, «нужно убить в себе мысль, волю и нравственное достоинство». Они ошиблись в надежде разбудить своею проповедью крестьянские массы и погибли, дорого продав свою жизнь царским змеям, и после их гибели ночь, отделявшая Россию от «настоящего дня», стала еще темней.

Существует мнение, разделяемое не только поклонниками «благообразного» самодержавия, но даже таким сторонником конституции, как автор «России накануне XX столетия», что именно «Современник» виноват в реакции, быстро сменившей мимолетное «благообразие». Своей отрицательной проповедью Чернышевский и Добролюбов раздражали правительство и посеяли семена дальнейших поводов к раздражению. Выходит, что, если бы не раздражать самодержавное правительство, оно не только не отняло бы дарованных послаблений, а еще, пожалуй, прибавило бы. Странное это мнение. Да, разумеется, не отняло бы, если бы оказалось, что реформы никому не нужны, что послаблениями решительно никто не пользуется. Если бы вся пресса всегда придерживалась направления, охарактеризованного Щедриным в названии газеты: «Чего изволите?», пресса не

до Николаевской площади; ее сначала допустили, а затем опять оттиснули вниз; публика опять попробовала подняться на площадь, благодаря приливу к публике рабочих; ее допустили на самую середину площади, и здесь опять набросились на нее казаки и начали хлестать плетьми уже понастоящему, разгоняя публику к собору, Сумской, Московской и прилегающим переулкам. Эта расправа опять сопровождалась криком, гиканьем, воплями и чорт его знает еще чем-то таким ужасным, что заставляло колыхаться грудь до острой физической боли. Арестовано в этот вечер было мало. Я видел только, как удалось полиции увести двух человек: одного студента и одного штатского. Арестов и обысков перед демонстрацией тоже было немного. Этим фактическим изложением я закончу письмо, которое пишу сейчас, как пришел домой с Сумской».

Наконец, еще один корреспондент так передает свои впечатления от 29 ноября:

«К 6 час. было около 5 тысяч. К этому времени кончилась сходка технологов, и они тоже (400 челов.) высыпали на улицу. Толпа тянулась от Астраханской гостиницы до Мироносицкого сквера. В смежных переулках бродили кучки студентов и лихорадочно возбужденных обывателей. Отряд городовых растянулся от Астраханской гостиницы до Мироносицкого сквера. Против театра выстроились спешившиеся казаки. Конный отряд их демонстративно (во всю ширину улицы по обоим тротуарам и мостовой) раз'езжал взад и вперед. Вдруг возле Юзефовича собралась кучка студентов и в сопровождении толпы с „Дубинушкой“ бросилась вверх по Сумской. Мгновенно с обеих сторон из дворов выскочили казаки и городовые и без предупреждения с гиком и свистом бросились на толпу. Началась нещадная бойня. Охваченная паникой, толпа с криками: „Казаки! Коллеги, нас бьют!“ бросилась вниз. Слышались истерические крики женщин, плач, ругательства, свист, проклятия. В свалке одна барышня бросилась поднимать упавшего к ее ногам студента и вдруг разразилась страшным истерическим криком: „Подлецы, мерзавцы! Бейте их!“ Куча городовых набросилась на нее, но толпа оттеснила, и ей удалось скрыться. Студенты с окровавленными лицами бежали врассыпную. Один студент, по слухам, ударил пристава в лицо. Другой вырвал у казака нагайку и хлестнул его. Сейчас же схвачено было человек пять и отвезено в полицию. Ужас, охвативший толпу, увеличивался темнотой, гиком наехавших на толпу конных казаков, свистками полиции и т. д. Пока происходила свалка, на углу Николаевской площади (против женевского магазина) появилась кучка рабочих, человек в 50. Весть об этом мгновенно пробежала по всей толпе. То здесь, то там слышался таинственный шопот: „Рабочие пришли! Рабочие!“. Около ¾ 7-го рабочие и небольшая группка студентов дружно и весело запели „Нагаечку“. После второго куплета песня оборвалась, потому что показались казаки. Начался страшный свист, громкие крики, улюлюканье. Кто-то затянул „Дубинушку“. Толпа подхватила и бросилась с пением и свистками навстречу казакам. Они наскакали в карьер, по тротуарам, смяли толпу и бросились в Николаевский сквер, где столпились студенты и пестрая публика. Топот лошадей, крики бегущей толпы, пронзительный свист, неожиданность нападения конных казаков нагнали панику. Толпа в ужасе рассыпалась по разным направлениям. Студенты прорвали цепь казаков, окружавших сквер, и бросились бежать. С этого момента демонстрация рассыпается по всему городу и превращается в ряд уличных схваток с казаками. На Сумскую вызвана рота солдат, оцепившая ее во всю длину, пропуская только экипажи к театру. Конка не шла. Схватки студентов, рабочих и просто толпы были на Слесарном пер., на Екатеринославской под Университетской Горкой. Казаки набрасывались даже на мирно стоявшие толпы, били, не разбирая. Избито много женщин. Стегали нагайками по головам, били упавших, сбившихся в кучу. В отдельных схватках раздавались крики: „Да здравствует пролетариат, да здравствует 8-часовой рабочий день! Долой самодержавие!“ и т. д. К 12 часам по улицам бродили лишь отдельные кучки. На Николаевской площади выстроились солдаты. На перекрестках конные патрули. На углах улиц городовые и ночные сторожа с обнаженными палашами. Возбуждение охватило весь город. На окраинах, где никого не было, извозчики, обыватели знают о происшедшем. Всюду на улицах, на конках горячие споры и толки».

О дальнейших событиях наш корреспондент пишет:

«Первое декабря прошло спокойно на улице и очень бурно в учебных заведениях. В университете было собеседование студентов с профессорами по просьбе первых, при чем студенты говорили пылкие речи, в которых ярко обрисовали весь ужас современного положения и просили профессоров не читать лекций, так как это чтение будет

подвергалась бы периодическим избиениям оппозиционных органов и, чего доброго, даже цензура была бы уничтожена. Если бы как присяжные, так и мировые судьи всегда постановляли приговоры, сообразуясь не со своим внутренним убеждением, а с видами начальства, компетенция суда присяжных не была бы сокращена, а суд присяжных — почти уничтожен. Если бы все наши учебные заведения никогда не выпускали людей другого типа, кроме Молчалинского, они не были бы превращены в какие-то полицейско-исправительные учреждения и т. д. и т. д. Но для такого «единения царя с народом» нужно было бы, чтобы Россия была населена не людьми, а существами какой-то низшей, нигде и никогда не существовавшей породы. Нигде и никогда—так как для мирного существования деспотий чисто азиатского типа нужно совсем другое. Азиатский деспот может учинять частные злодейства: отнять жену или понравившуюся часть имущества, но от его произвола в общественных делах гарантирует стародавняя рутина застывшей полуварварской цивилизации, неподвижность одинаковых сверху донизу понятий о добре и зле, о дозволенном и недозволенном, занесенных в какое-нибудь «священное писание». Там «единение» действительно существует, и службу начальству, пока оно не знает ничего кроме «Корана», трудно отличить от службы отечеству.

Но в России, которую два века само правительство дергает взад и вперед, где вырабатываемые в канцеляриях реформы и контр-реформы беспрерывно следуют одни за другими, где весь экономический строй страны находится в интенсивном процессе изменения, куда уже два века, спускаясь сверху вниз, проникают все идеи, вырабатываемые европейской цивилизицией, — чтобы в такой стране все подданные сообразовались с волею начальства, — вместо религиозной неподвижности восточной нравственности — необходимо ее полнейшее отсутствие, полнейшее равнодушие к тому, добро или зло повелевает начальство — лишь бы деньги платило.

Чтобы в такой стране никто не «раздражал» правительства, недостаточно, чтобы люди «убивали в себе мысль и волю и нравственное достоинство», — это делается в громадных размерах. Надо, чтобы им убивать-то было нечего.

Многие из волнующихся студентов делаются потом «раболепными исполнителями чужой воли для того, чтобы безмятежно провести жизнь свою». Даже из людей, принимавших участие в «политических преступлениях», иные дослуживаются потом до «степеней известных». Но и этим людям, мысль, воля и нравственность которых не живучи и могут быть убиты отдельно от остальных функций организма, на убийство все же нужно

сопровождаться трупами, ибо возмущение растет с каждым часом; с некоторыми студентами делались истерики, обмороки. Профессора держали себя, в общем, прилично. Забастовка полная во всех учебных заведениях. 2 декабря с утра Сумская улица кишела народом; большинство студенты, публика и небольшое количество городских пролетариев, т. е. ремесленников; изредка были видны и заводские типы. Повсюду — полицейские чины. Вся эта масса народа ходила по Сумской улице взад и вперед по тротуару. Все как будто чего-то ждали, но это ничем не разрешилось. К 3 час. улица опустела (погода была убийственная, снег растаял от дождя, образовалась гололедица). К вечеру, несмотря на дождь, с 6 час. набралась масса народу. Толпа человек в 200 прошла по Сумской от театра на Московскую улицу с красным знаменем (на котором было написано: 8-часовой рабочий день и политическая свобода) и пением. Не успела она остановиться на Московской улице, как налетели казаки, начали стегать; ошеломленные люди бросились в ближайший переулок, и тут им здорово досталось. Вообще городовые и казаки, очевидно, получили право распоряжаться по своему усмотрению, и наглость их доходила до необыкновенных размеров. За их действиями никто не следит. Как только где-нибудь замечают стоящую толпу, сейчас налетают и бьют нагайками, а городовые шашками. В 8 часов небольшая толпа перебралась незаметно на Екатеринославскую и прошлась свободно со знаменем и пением, с криками: „долой самодержавие!", „да здравствует политическая свобода!", привлекая массу народа, затем была разогнана налетевшими казаками. До 10 час. продолжалось движение. С 8 ч. театральная площадь была занята казаками и войском, и по Сумской от Николаевской площади прекращено конное и пешее движение. С понедельника 3-го улицы приняли обыкновенный вид.

«Во всех уличных движениях принимали участие из рабочих только ремесленники, большею частью подростки, а из заводских отдельные лица».

В дополнение к этому приводим еще два описания событий 2 декабря. Один очевидец пишет (Харьков, 4 декабря).

«К вечеру толпа все увеличивалась. Между 5—6 часами Сумская улица была буквально запружена народом, с трудом можно было двигаться. В толпе преобладали студенты и рабочие. Около 7 час. вся масса с пением революционных песен хлынула вниз по Сумской. Развернулось красное знамя. Толпа шла вперед и вперед. Вскоре, почти одновременно, появились войска: пехота, казаки и масса полиции. Началась расправа. Били не только нагайками, пускали в ход шашки и кулаки. Толпа не отступала. У многих в руках были кастеты, гайки, палки, безоружные защищались кулаками. Наконец раздался выстрел. Кто стрелял, до сих пор неизвестно. Но толпа не расходилась и снова, подняв красное знамя, двинулась по Екатеринославской улице. Началось новое страшное избиение. Университет официально закрыт, а с 3 декабря также и технологический и ветеринарный институты».

Другой корреспондент сообщает:

«2 декабря была назначена организационным комитетом студентов технологического института демонстрация на 12 час. дня на Сумской улице. К этому времени на Сумскую стеклось тысяч 12—15 разного звания людей, в этом же числе находилось и много студентов. Настроение было настолько вялое, что о демонстрации не приходилось и думать, и к часу дня был выпущен тем же комитетом плакат, который раздавался здесь же, на улице, что демонстрация откладывается на 6 час. вечера. Публика все время не оставляла Сумской. К 6 часам вечера численность ее значительно увеличилась. Сумская улица, от редакции „Южного Края", Николаевская площадь и Николаевский сквер, Московская и прилегающие к этим местностям переулки были заполнены народом. Народ этот ничем активно себя не заявлял, на просьбы большого наряда городовых — разойтись переходил с одного места на другое. В 7 час. среди публики появились войска во всем вооружении (говорят, что каждый солдат был снабжен 24 боевыми патронами). Войска заняли следующие пункты: во дворе „Южного Края" эскадрон казаков, против Драматического театра и в переулках эскадрон казаков, по Сумской раз'езжал эскадрон казаков, против Николаевской церкви эскадрон казаков и две роты пехоты, на Московской улице рота пехоты, в Петровском переулке рота пехоты. Помимо этого, везде раз'езжали небольшие отряды казаков. В части города, прилегающей к Конной площади, и около паровозостроительного завода расположился полк драгунов, вызванный к этому дню из гор. Чугуева. До 8 час. стычек с войсками не происходило, а были только „передвижения" как войск, так и публики; где-нибудь, напри-

---

время, а пока что — будущий сановник «раздражает» правительство.

* * *

За последнее время правительство снова подвергается самым усиленным раздражениям. Снова у значительного процента образованной молодежи жажда честной деятельности пересиливает благоразумные соображения об ядовитости и бдительности мундирных змей. Но рядом с вторично поднявшимся слоем образованных разночинцев встает теперь нечто, чего не предвидел Добролюбов. В горячей «атмосфере надежд и ожиданий» вырастает теперь все больший и больший круг рабочей молодежи. Ей не от чего отрекаться. У нее, как у Инсарова, никогда не было ничего общего с нашими внутренними турками. Рабочие непосредственно страдают от произвола в его самой грубой форме, они сами—просыпающаяся часть того «простонародья», на инстинктивное восстание которого рассчитывал Добролюбов. Но в то же время они рвутся к знанию, они вырабатывают в себе те «истинные убеждения», которые толкают к деятельности, несмотря на всех «змей». Их непосредственное возмущение, соединяясь с знанием, может только развиваться все шире и шире.

Свою статью «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов заканчивает страстным призывом к революционному под'ему, к «русскому Инсарову». «Он необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, а служит только кануном другого дня. Придет же он, наконц, этот день! И во всяком случае канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!»

Ночь была страшно длинна. Революционное движение разночинцев, освещавшее ее своими молниями, было только очищавшей воздух ночной грозой, без которой мы задохлись бы в миазмах «темного царства». Лишь теперь наступает рассвет «настоящего дня», но теперь уж—«Стучи в барабан и не бойся!»—ночь не может вернуться.

[В. Засулич]

мер на Московской улице, раздавалось пение, туда усиленно двигались казаки, пехота, а за ними публика. Пение прекращалось, прекращалась демонстрация, и нахлынувшим войскам нечего было делать, и они принимались рассеивать вообще публику. Рота пехоты всходила на панель и теснила публику; публика уходила вперед, обходила пехоту, становилась ей в затылок, в конце-концов теснила пехоту и т. д. и т. д. Получалась какая-то мешанина, которую увеличивали извозчики, конка.

«В 9 час. вечера полиция узнала, что в город движутся на место демонстрации рабочие паровозостроительного завода; навстречу им понеслись казаки, побежала пехота, а вслед за ними и большая часть публики, которая до того находилась на Сумской и Московской. Неприятели встретились на Харьковском мосту; победителем оказалось христолюбивое воинство, вооруженное с ног до головы, которое в этот раз пустило в ход нагайки; рабочие были отброшены и рассеяны; победители долго преследовали, действуя плетьми; воротившись с места битвы, воинство начало более энергично рассеивать публику; отрезывалась часть толпы сомкнутым строем казаков, энергично оттискивалась в темную улицу и там пускали в ход плети и кулаки; конечно не разбиралось, на кого обрушивались плети, так что в нескольких местах были избиты и изувечены (например, выбит глаз молодой девушке) старики, старухи и малолетние, случайно проходившие в это время по улицам города. Окончательно публика оставила место демонстрации в 11½ час. вечера».

В заключение добавим, что Харьковский Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии выпустил после 29 ноября хорошо написанное воззвание: «Ко всем харьковским рабочим», в котором справедливо говорится: «Борьба студентов давно уже перестала быть делом одних студентов, потому что она сделалась борьбой за политическую свободу... Мы все задыхаемся в тисках безграничного произвола»... Прокламация заканчивается словами: «мы приветствуем борющихся студентов и восклицаем: долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»

Рига. 24 ноября у нас в институте была неразрешенная сходка в 500 человек. Речи на этой сходке характерно отличались от прошлогодних речей. Говорили, что студентами мы будем только несколько лет, а гражданами целую жизнь. Поэтому для нас важно выставить требования общегражданского характера, как свободу слова, совести, печати, нежели узко-академические требования. Говорили даже о том, что, пожалуй, придется нам силой брать эти права, выйти на улицу и драться. После сходки человек 100 пошли по Суворовской улице мимо жандармского управления, пели «Дубинушку» и «Марсельезу».

Рига. Приводим целиком только что полученную нами прокламацию (оригинал гектографирован и сопровождается текстом на латышском и немецком языках).

«Граждане! Сегодня 7 декабря, в 7½ час. вечера, состоялась демонстрация перед редакцией «Rig. Rundschau», при чем были выбиты стекла. Демонстрация была вызвана статьей, помещенной в № 268 от 26 ноября 1901 г., в которой рекомендуется правительству неумолимая строгость по отношению к протестующим студентам и указываются известные слова Лютера, сказанные им по поводу крестьянских бунтов (бейте их, как бешеных собак).

«Мы, студенты Рижского политехнического института, заявляем, что, не имея возможности протестовать открыто при существующем гонении на свободное слово, мы принуждены подобным образом отвечать на такого рода выходки реакционной печати».

Ярославль. Приводим присланные нам подробные сведения о возмутительном случае избиения студентов.

20 октября, в 12 часу ночи, из пивной Адамец по Власьевой улице шла небольшая группа студентов, человек 6—7. Из свидетельских показаний, данных у мирового судьи, выяснилось, что студенты не были пьяны, шли спокойно, не пели, только разговаривали между собой. Дойдя до гостиницы «Европа», они неожиданно подверглись нападению вооруженной толпы человек 15. Эта толпа состояла из 3—4 человек ночных сторожей, 2 трамвайных служителей, вооруженных дубинами, жгутами, нескольких городовых с шашками. При приближении студентов из толпы раздалось: «мы им покажем». Студенты были быстро окружены, некоторые сбиты с ног, и на них посыпались бесконечные удары шашками, дубинами, кулаками. Перепуганные студенты взывали о помощи и кричали: «Да за что вы нас бьете? За что бьете?» Разбежаться студенты не могли, так как все выходы с небольшой площади, 4 угла гостиницы «Европа» были предусмотрительно заняты сторожами с дубинами в руках, которые нападали как на избиваемых студентов, так и на спешивших на помощь. Посторонние лица, проходившие мимо места побоища и желавшие узнать причину происходившего, подвергались нападениям или угрозам. Это удостоверено показаниями свидетелей у мирового судьи. Во время побоища полицейский надзиратель Домбровский, производивший обход в эту ночь, стоял в нескольких шагах от побоища и, повидимому, наслаждался созерцанием этой картины.

Некоторые из пострадавших студентов отправились тотчас же в участок и требовали составления протокола о случившемся, вызова полицмейстера или губернатора. Но здесь студенты из потерпевших внезапно превратились в обвиняемых. Полиция составила протокол о нарушении тишины и спокойствия и на следующее утро угрозами заставила студентов подписаться под ним. При этом следует заметить, что студент Александровский был так слаб, избит и потрясен всем случившимся, что, по показанию экспертизы, был близок к истерическому припадку и, придя в участок, упал вниз лицом без чувств. Студент Морисов, пострадавший больше всего (так как по освидетельствовании врача у него оказалось переломленное ребро, не говоря уже о многочисленных следах побоев, судя по опухоли и синякам всего туловища, рук, ног; на шее ясные следы удушения), чувствуя боль в боку, стесненное дыхание, был крайне нервно возбужден и, особенно увидев Александровского в таком положении, срывал рубашку, сюртук, инстинктивно освобождая свою грудь, требовал врача (между прочим, срывая сюртук, он нечаянно опрокинул лампу; это полиция, конечно, не преминула поставить в особую вину, как явное безобразное и пьяное буйство студентов). Требование его не только не было удовлетворено, наоборот, вместе с другими студентами, Александровским и Белокрылиным, в обнаженном виде он был препровожден в кутузку. По пути в кутузку студенты подвергались побоям и оскорблениям полицейских: их толкали в бока, в спину, драли за волосы, сдавливали горло, чтобы заглушить крики. На следующий день они были освобождены и освидетельствованы земским врачем Алексинским, который нашел у трех студентов свежие следы тяжких побоев, нанесенных тупым орудием. Последствием их было даже кровохарканье у Морисова, а по свидетельству врача — это человек крепкого сложения. У других сильные ушибы головы, спины, рук и ног. В ту же ночь несколько студентов были избиты в других пунктах города.

Дело разбиралось у мирового судьи в течение четырех дней. Полиция держала себя на суде недостойным образом: подсказывала свидетелям как во время суда, так и во время перерыва, что было подмечено многими лицами из публики, а также и защитниками, о чем и было заявлено судье. Судья приговорил студента Белокрылина к 5 дням ареста, а остальных оправдал, действия же полиции признал незаконными, но ему не подсудными. Дело возбуждено у судебного следователя. Для характеристики здешней администрации не лишнее указать на то, что губернатор оказывал сильное давление на судью, чтобы он обвинил студентов. Врач же Алексинский, производивший освидетельствование, впал в немилость, и циркулируют слухи, что он не удержится на месте.

Краткий отчет о судебном разбирательстве был помещен в местной газете «Северный Край», но этот номер не был пропущен цензурой и совсем не появился на свет божий. В следующем номере редакция поместила заявление, что «такой-то номер не вышел по независящим от редак-

ции обстоятельствам». Говорят, что за это редактор получил внушение свыше.

Вызванная этими событиями студенческая сходка 24 октября потребовала у губернатора через директора лицея, чтобы впредь студентов не брали в участок, а в случае каких-нибудь недоразумений требовали студенческий билет или доставляли их в лицей.

По поводу этого избиения была выпущена студентами лицея прокламация.

———

Вильна. Новый виленский помпадур фон-Валь с первых же дней принялся за искоренение «корней и нитей», заявив в своей речи представлявшимся ему должностным лицам и так называемым «представителям общества», что возникшие со смертью генерал-губернатора Троцкого среди виленских обывателей «мечтания» о смягчении режима — бессмысленны и неосновательны, что правительство не изменило своего взгляда на край, что созданные для него исключительные законы остаются в силе, одним словом, что не может быть и речи об уменьшении «твердости власти». Так говорил г. Валь и сейчас же стал подтверждать свое слово делом. Сюда он приехал 31 октября, как раз в разгар всеобщей стачки кожевников в Сморгони (до 1.300 чел.), главными требованиями выставивших — освобождение арестованных перед тем в Сморгони 31 человека и уменьшение рабочего дня. Фон-Валь, прежде всего, послал туда сотню казаков, потом расклеил об'явление, что расправится с рабочими «предоставленными ему для прекращения рабочих беспорядков мерами»; когда это не помогло, об'явил, что не вставшие на работу до понедельника 5 ноября будут высланы по этапу. Не помогло и это. Тогда началась высылка, и выслано до 10 ноября до 600 с лишним человек. Свыше 70 арестованы и сидят в Вильне и Вилейке. В ночь на 5 ноября в самой Вильне тоже были обыски и аресты; взято 16 человек, преимущественно рабочих, сидят в 14 номере.

Но, кроме мер строгости, г. Валь, очевидно, имеет в своем прейс-куранте также и «начальственные увещания». Созваны были на-днях еврейские раввины и представители еврейского купечества и предпринимательского общества. Валь начал с того, что лучше сора из избы не выметать, возникшую в своей среде смуту подавить самим, не заставляя правительственную власть вмешиваться и прибегнуть к репрессиям, тяжело отзывающимся на всем еврействе. С социализмом должно бороться приобретением влияния на молодежь, распространением вновь религиозности и проч., и проч. Это говорилось тем самым людям, которые незадолго до этого хлопотали в жандармском управлении в Вильне о введении военного положения, которые на этих же днях выклянчили у Валя расквартирование в новом городе казаков, начавших уже свои бесчинства. Виленский социал-демократический Комитет выпустил на русском языке печатный «Ответ виленскому губернатору» бичующий «холопские традиции еврейской буржуазии» и зовущий рабочих, которые за 10—15 лет превратились из тихих, забитых еврейчиков в сознательных пролетариев-борцов, к неутомимой борьбе рука об руку с русским польским, литовским и латышским пролетариатом за свержение русского самодержавия.

К числу возложенных на фон-Валя многотрудных обязанностей относится также борьба с «польской крамолой». И тут Валь с первого дня начал «искоренять». Проехав по Георгиевскому проспекту и увидев, что на каком-то строющемся доме поставлен бюст Яна Собесского, он велел немедленно его убрать. Будучи в дворянском клубе и услыхав польский разговор, Валь потребовал заведующего и спросил у него об'яснений, всегда ли там так говорят? Тот ответил, что как кому угодно, так тот и говорит. А как говорит прислуга? — На каком языке говорят с ней, на таком и она отвечает. — «Чтобы этого больше не было. Если прислуга будет говорить по-польски, я закрою клуб». Но этого мало: Валь счел нужным бороться не только с поляками, но и с... малороссами. Приехал сюда Суслов с малорусской труппой, гастролировавшей здесь все лето. Валь не разрешил ему спектаклей. Суслову пришлось ехать к министру, и удалось выхлопотать разрешение лишь на шесть спектаклей.

В своей вышеупомянутой речи чиновникам Валь распространялся о необходимости «нравственных начал и справедливости» для представителей власти. Не знаем, как понимал нравственность и справедливость г. Валь, прославившийся своими дикими выходками в бытность курским и витебским губернатором и петербургским градоначальником, но странно понимает он их теперь. На-днях едут на извозчике двое почтовых чиновников, встречается им Валь и останавливает их. — Почему вы не сделали фронта? — Потому что от делания фронта освобождаются едущие верхом, на извозчиках и проч. — А почему вы не поклонились? — Потому, что мы с вами не знакомы; мы вам не представлялись...

На другой день по настоянию фон-Валя оба чиновника были уволены в отставку.

Нравственность же понимается ближайшим помощником Валя, вице-губернатором Балясным, довольно оригинально. Является он недели две назад в одно из самых злачных мест Вильны — ресторан и кафэ-шантан Шумана. Спрашивает, кто заведывает «женской» частью. Приходит заведующий, и Балясный заявляет ему след.: «Знайте, что вы от меня зависите. Хочу — вы существуете, захочу — закрою ваше заведение»... и заказывает ужин с винами, закусками и проч. Этого мало, г. Балясный стал весьма недвусмысленно намекать на необходимость взятки деньгами и натурой. Но ресторатор оказался неподатливым и заявил, что не боится его, так как ни от кого, кроме как от губернского правления, по закону не зависит.

Валь привез с собой из Спб. некоего Станкевича, который остановился на Вокзальной улице в гост. «Дагмара». Этот Станкевич посетил несколько фабрик и мастерских, отрекомендовался и потребовал, согласно распоряжению Валя, чтобы при возникновении стачек, волнений и т. п. ему немедленно давали знать. В некоторых мастерских он забрал все рабочие книжки.

———

СТОЛЕТИЕ РУССКОГО ШТЫКА В ГРУЗИИ.

Еще за год до окончания столетия присоединения Грузии к России, грузинское дворянство в лице заслуженных генералов-грузин возбудило вопрос о чествовании такого, по их мнению, важного и радостного события. Решено было на нескольких заседаниях, посвященных выработке программы чествования, устроить трехдневные празднества в г. Тифлисе, угостить стоящие в Тифлисе войска (их к юбилею собралось несметное количество) вином и закуской, иллюминовать город и окрестности, устроить триумфальные арки, пригласить предводителей дворянства внутренних губерний России и министров, а также учредить на счет Грузии стипендии в кадетских корпусах для детей грузин. Конечно, небольшая сознательная часть грузинского дворянства, присутствовавшая на этих заседаниях, относилась с затаенным отвращением к подобному способу чествования присоединения Грузии к России, но, не имея возможности выразить свое недовольство, ограничилась молчанием.

Наконец, настали 26, 27 и 28 сентября — дни торжеств. Николай, запуганный донесением фельдфебеля старого гвардейского кн. Голицына, что за кавказцев он не ручается, прислал вместо себя своего дадюшку Михаила, с которым приехала греческая королева, его и ее дети. Местная жандармерия и полиция, отлично зная, насколько сочувственно относится большая часть грузин и армян к этим торжествам, и желая показать Михаилу все в розовом свете, об'явила, что 26, 27 и 28 сентября должны праздновать все, надеясь, таким образом, достигнуть большего скопления толпы на улицах; кроме того, приказано было собраться в Тифлисе всем сельским старшинам. Несколько молодых пшютов-князей грузин, заложивши или продавши последние клочки земли, разодели себя и своих коней в золото и бархат и составили почетный караул. Нужно было видеть, с каким нескрываемым отвращением публика, особенно армяне, относилась к их гарцованию на улицах. «Угодники» городского муниципалитета сообразили устроить триумфальные арки, одна из которых на главной улице изображала с одной стороны браво выглядящую русскую крепость, а

с другой—разрушенную грузинскую башню: это было выражение низкопоклоннических чувств.

К полудню 26 сентября улицы, по которым должны были проехать гости, были переполнены народом, но добрую половину его составляли войска, городовые и учащиеся, расставленные шпалерами. Долгое томительное ожидание разражается то там, то сям смехом и остротами. К триумфальной арке второпях прибивают последние финтифлюшки, как вдруг под'езжает конный и об'являет: «едут». Работа моментально брошена, войска вытягиваются в струнку, ученики лениво занимают свои места, толпа колышется, головы вытягиваются вперед и видят: летит, стоя на фаэтоне, полицмейстер, неистово размахивая руками и требуя знаками, чтобы народ кричал «ура». Но народ молчит. Мало того: кто-то свистнул, другой, третий и — общий свист огласил воздух. Гости в недоумении, не зная, отвечать поклонами на подобное приветствие или нет. Если кто кричал ура, так только солдаты и полиция. И такая восторженная встреча продолжалась все три дня.

В первый день, 26-го, по городу разнесся слух, что 27-го будет об'явлена радостная весть для туземного населения. Дворяне ожидали великих благ для своего сословия, крестьяне — сложения недоимок и облегчения податей, малосознательная часть интеллигенции — открытия одного из высших учебных заведений, а рабочие классы, конечно, ничего не ожидали. «Радостная весть», об'явленная 27-го, заключала в себе явную насмешку над грузинами, так как, кроме самых незначительных облегчений и грошовых подарков грузинскому дворянству, ничего в ней не было.

Грузинская либеральная интеллигенция, как и следовало ожидать, решила выразить свой протест так: не выходить из дому в дни торжеств и выпустить прокламацию, обращенную без различия ко всем грузинам, что и было исполнено. Прокламация, написанная очень слабо, содержала в себе общие места о том, что грузины притеснены русским правительством и т. п. Вся прокламация била на узко-патриотические чувства и никакого впечатления не произвела.

Совершенно другим и гораздо более энергичным характером отличался протест, выраженный местной рабочей организацией. Первая прокламация, выпущенная рабочими на грузинском языке, заключала в себе краткую историю присоединения Грузии к России, характеристику русского царизма и плодов его управления на Кавказе и обращение к рабочим с призывом сплотиться для свержения позорного ига царизма. По одному экземпляру этой прокламации было разослано всем, начиная с Михаила (бывшего тогда в Боржоме), высокопоставленным особам, во все общественные учреждения. Прокламации были расклеены в вагонах железных дорог, на дверях учебных заведений и разбрасываемые в народе. Эта прокламация вышла около 23 сентября. 26 сентября была выпущена краткая, но сильная прокламация на русском языке в форме диалога между Николаем II и грузинским дворянством, где последнее обнадеживает царя, что оно — его верный слуга и если случаются такие неприятные явления в Грузии, как 22 апреля, так это дело рабочих, а дворяне тут не при чем. Эти прокламации были разбросаны в лагере, стоящем близ рабочего квартала, в громадном количестве, а также распространены среди народа. Но самое важное было то, что местная рабочая организация ознаменовала столетие выпуском в свет первого революционного грузинского периодического издания, под названием «Борьба». Орган этот предполагается выпускать по мере накопления материала в виде фактов из борьбы местной рабочей организации с буржуазией и жандармерией. Первый номер заключал в себе несколько статей принципиального характера, прокламации и хрон. стачек на Кавказе (особенно в Тифлисе).

Интересно было, как переменила фронт грузинская либеральная интеллигенция после об'явления манифеста о даровании грузинскому дворянству жалких крох со стола Николая II. После обнародования этого манифеста она выпустила другую прокламацию, где тон был совершенно изменен и обращение ко всем грузинам исчезло.

До юбилея жандармерия произвела настоящую облаву и всех когда-нибудь бывших под надзором сторожила, чтобы они не вышли из дому. Арестовали рабочих Гагуа и Джибладзе и интеллигентов Каландарашвили и Цулукидзе. Помимо арестованных 22 апреля 41 чел. рабочих (в том числе несколько студентов), еще раньше были арестованы Джибладзе, братья Каладзе (интеллигенты), рабочий Гоглидзе и несколько других рабочих. Арестовали и через две недели выпустили интеллигента Махарадзе, который в настоящее время снова арестован. Арестовали летом Жордания. Обыски не прекращаются, штат шпионов сильно увеличен. Учрежденная с 4 сентября усиленная охрана пока ничего нового не принесла, так как гнет всегда был, и до охраны и после. Усиленная охрана это просто — пыль в глаза для простаков.

Псковские земцы в заботах о псковских крестьянах. Псковское уездное земское собрание недавно решило хлопотать перед правительством о воспрещении крестьянам переселения в Сибирь. Оно находит, что переселения «крайне нежелательны в интересах экономического благосостояния уезда» и признало «необходимым принятие энергичных мер борьбы с этим крупным явлением местной хозяйственной жизни», иначе говоря, высказалось за «энергичные меры борьбы» с непокорными крестьянами, убегающими в Сибирь от привольной жизни в Псковском уезде.

Да, от привольной! По крайней мере, так полагают земцы. Они считают, что «переселение... представляется в общем необоснованным и не вызываемым действительной потребностью». Но мужики, надо думать, считают, что их переселения вызываются «действительной потребностью», ибо иначе зачем бы они стали переселяться? Гласный из крестьян, печерский старшина, заявил, что переселения об'ясняются плохим качеством крестьянской земли. Но псковские земцы думают, что они лучше знают «действительные потребности» крестьян, чем сами крестьяне. Псковские земцы находят, что мужику и дома хорошо. Если земли у него мало, то, ведь, «при обилии пустопорожних земель и невысокой арендной плате за землю пользование земельными угодьями для занятия сельским хозяйством является для крестьянства в достаточной мере обеспеченным».

Далее, и в отношении заработков «крестьяне Псковского уезда находятся в достаточно благоприятных условиях, так как самое расположение уезда на нескольких железнодорожных линиях и близость к столь крупным рабочим рынкам, как Петербург и Рига, гарантируют крестьянству выгодные работы, а нахождение в пределах уезда Псковского озера и значительных по размерам аллювиальных ломок наряду с существованием разных кустарных производств из местных лесных материалов и глины доставляют населению обильные и прибыльные заработки чисто местного характера».

Бедный мужичек бежит в Сибирь под влиянием ложных слухов, распускаемых «злонамеренными лицами». А в Сибири ему грозят новые бедствия. «Приспособление к новым условиям жизни при переходе из климата с морским характером в климат резко континентальный, из своеобразных почвенных условий оказывается непосильным для малоподвижного и неразвитого населения Псковской губ. Поэтому для блага мужика воспретить ему двигаться с места и ходатайствовать о принятии в интересах населения экстренных мер к временному прекращению переселенческого движения».

Такими-то пошло-лицемерными речами о «пользе» мужика псковские земцы прикрывают свою боязнь потери той дешевой рабочей силы, которая им доставляется крестьянами, не могущими прокормиться со своего надела! Крестьянин бежит от «прадедовской» земли, надеясь стать в Сибири «заправским» хозяином, а его удерживают, увещевая, что он должен во веки оставаться полу-хозяином, полу-наемником, что он должен быть прикреплен к тем «пустопорожним землям» гг. помещиков, к тем каменоломням и местным промыслам, в которых к его труду уже присосалась целая туча пьявок-кулаков.

Земства созданы для заботы о «местных нуждах и пользах». Изгнав из земства положением 1890 г. выборных от крестьян, правительство стремилось превратить земство в учреждение, заботящееся о «нуждах и пользах» местных помещиков. И земцы, следуя желаниям правительства, под

флагом «интересов населения», проводят самые крепостнические затеи. Но такой политикой земство само роет себе могилу. В настоящее время правительство готовится к новому походу против земского самоуправления. В борьбе против самодержавного самодурства земство сможет отстоять свои права лишь в том случае, если в глазах широких слоев населения будет представлять не одни классовые интересы помещиков, но и некоторые общенародные интересы. Превращаясь в орган грубо-классовой политики крепостников-помещиков, земство лишается всякого сочувствия со стороны непривилегированных классов, его борьба против правительства теряет всякое общенародное значение. Если в «интересах населения» земство будет хлопотать об усилении полицейского произвола царизма над населением, то это последнее с полным равнодушием будет присутствовать при той расправе, которую произведут над земством гг. Витте и Сипягины, и эту расправу, поверьте, гг. псковские земцы! — министры царя сумеют также совершить под предлогом... «интересов населения».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Стачка портных в Киеве (из матер. Летуч. Л. № 3).

4 ноября в Киеве началась стачка портных, работающих в мелких портняжных мастерских, главным образом, на Крещатике и на Подоле. Условия работы в этих мастерских до крайности тяжелы, и можно только удивляться, что рабочие могли мириться с ними до сих пор. Пользуясь тем, что в большинстве мастерских работает чел. 3—4 и лишь в более крупных — чел. 6—8 и что, след., рабочие, в виду их малочисленности, не могут поставить серьезных препятствий кулаческой деятельности владельцев, хозяева эксплоатируют своих рабочих самым безжалостным образом. Работы производились с раннего утра до поздней ночи, работали по 18 час. в сутки за самое ничтожное вознаграждение. В последнее время, однако, среди портных началось брожение, закончившееся стачкой: сначала оставлены были работы лишь в нескольких мастерских, но уже к вечеру первого дня стачки число стачечников значительно увеличилось, а на третий день дошло до 300 чел. Работы были оставлены приблизительно в 60 мастерских. Требования рабочих сводились к уменьшению рабочего дня до 12 час. и к увеличению заработной платы на 50%. К работающим в мастерских примкнули даже некоторые из портных, берущих работу сдельно на дом, и потребовали увеличения поштучной платы. Некоторые из более благоразумных хозяев решили пойти на уступки уже в первые дни стачки, большая же часть не соглашалась удовлетворить требования рабочих. В конце концов, однако, большинство хозяев уступило, удовлетворив, хотя и не полностью, выставленные требования (так, между прочим, хозяева согласились лишь на 13-часовой рабочий день). Чрезвычайно интересным результатом стачки является то обстоятельство, что многие из хозяев, хотя и крайне неохотно, выдали своим рабочим домашние условия, в которых точно обозначены часы начала и окончания работы, чего до сих пор в мелких мастерских не бывало. Несмотря на крайний недостаток в средствах, забастовка тянулась более недели. За время стачки несколько (чел. 15) рабочих были арестованы; в настоящее время часть арестованных уже выпущена. Чел. 40 рабочих были рассчитаны хозяевами. Стачка в данное время уже окончилась. Были прокламации: на русском языке (Комитета) и на еврейском (изданная группой портных).

Стачка на черкасском сахаро-рафинадном заводе. Насколько верно, что «идеи с ветром носятся», доказывает стачка на сахаро-рафинадном заводе, расположенном около г. Черкасс (Киевской губ.). «Посторонних влияний» не мог обнаружить даже посланный из Киева с специальной целью раскрытия «корней и нитей» жандарм (кажется, г. Беклемишев), а между тем, рабочие выставили требование, которое стало уже одним из лозунгов всемирного рабочего движения, — они потребовали 8-часового рабочего дня.

В средних числах октября была стачка на Смелянском заводе графов Бобринских, а 2 ноября стачка вспыхнула на Черкасском заводе. Этот завод построен всего лишь месяца два, при чем имелось в виду возможно скорее начать работы на заводе и вовсе не имелись в виду даже самые элементарные удобства рабочих. Дело началось с того, что часть рабочих отказалась 2 ноября работать на прежних условиях и потребовала введения 8-часового рабочего дня, так как при двух сменах в сутки они слишком истощаются, а также вежливого обращения с рабочими со стороны администрации и служащих. Требования эти, как нам достоверно известно, выставлены были рабочими совершенно самостоятельно, без всякой агитации со стороны «разных социалистов», как говорит директор завода, инженер-технолог Олтаржевский, которому инженерское звание не мешает быть человеком полуинтеллигентным. Узнав об отказе от работ, Олтаржевский послал к рабочим своего помощника, а потом явился в казармы для переговоров собственною персоною. Кричал, ругал, уговаривал, но толку не вышло никакого: рабочие крепко стояли на своем. На следующий день забастовали почти все рабочие (ок. 500 чел.). Явился фабричный инспектор Пархоменко. Он попробовал было действовать криком, но сразу же осекся, увидев себя окруженным толпою из нескольких сот рабочих. Рабочие пред'явили следующие требования: уменьшение рабочего дня до 8 час., увеличение заработной платы, уменьшение количества вываривaемых аппаратов с 11 до 8 в смену, увеличение числа рабочих в некоторых отделениях, где работа наиболее тяжела, и т. д. Г. Пархоменко попробовал действовать «из-под политики» и начал убеждать рабочих начать работы, а потом-де он «все разберет». Но хитрость не удалась: рабочие стояли на своем. 3 ноября на заводе работало всего 16 человек.

Но и полиция не дремала. Еще 2 ноября исправник, появившийся на заводе, приказал арестовать одного рабочего. Но товарищи отбили его, при чем влетело и полицейскому надзирателю, арестовавшему рабочего вместе с сотскими. Полиция удвоила «строгости», исправник кричал и ругался, как извозчик, — в конце концов администрация добилась совокупными усилиями того, что рабочие, что называется, озверели и начали буйствовать; перебили окна в квартирах служащих, выгнали исправника, который сунулся было в казармы «убеждать» рабочих, а затем начали поговаривать даже, что недурно было бы разрушить и самый завод. Вызвав беспорядки, исправник струсил за свою шкуру и телеграфировал губернатору, что на заводе «бунт», для усмирения которого и требуется вооруженная сила. Войска были высланы и явились 4 ноября, когда озлобленные наглым поведением полиции рабочие направлялись с криками к заводу. Безоружные рабочие были разогнаны по казармам, а затем началась расправа... Из 500 чел. потребовали расчета 150. Их выпускали по одиночке в контору, а оттуда в цепь из солдат. Паспортов им не выдали, а сделали на них отметку красными чернилами, что они не имеют права выезда из своей губернии и вообще не могут быть приняты ни на какой завод. Затем их под военным конвоем отдельным пароходом отправили в Могилевскую и Смоленскую губ. 30 чел. взято в тюрьму.

Но оставшиеся на заводе твердо помнят то, чего требовали их товарищи: увеличение заработной платы и уменьшение рабочего дня до 8 час. Дело передано теперь судебному следователю. На завод приезжал даже сам прокурор Киевского окружного суда Цомш и разыскивал вместе с жандармами — «преступную пропаганду», но таковой не оказалось...

Как живут московские булочники и кондитеры? (Письмо из Москвы.)

На фабр. Эйнем берут обыкновенно пришлых раб., прямо из деревни — мужчин и женщин. Рабочих, которые бы учились с малолетства, мало. На первый год кладут жалованье 6—7 руб. в месяц и на всем хозяйском, исклю-

чая стирки и бани. Девушки получают 40 коп. на всем на своем. Работа продолжается с 7 утра до 7 вечера, с перерывом на один час на обед. Много штрафов и вычетов за курение в мастерской, за опаздывание и прогул. Управляющие-немцы очень грубы. На фабрику предпочитают брать женщин, как народ более сговорчивый; в дренажном отделении, напр., на одного мастера приходится 25 девушек. Сильно развита специализация труда, каждый все время исполняет только одну небольшую часть работы, а потому труднее отыскивать работу при потере места, что, в свою очередь, заставляет больше дорожить местом и ради этого переносить оскорбления.

Фабр. Филиппова. Положение так наз. мальчиков или, точнее, подростков старше 16 лет — прямо ужасное. Получают они 5 руб. на хозяйских харчах и квартире. Спальни помещаются в верхнем этаже, в помещении без вентиляции, где ночует до 300 чел., и температура очень высока. Койки стоят очень тесно, воздух удушливый, и если войти с улицы, то просто задыхаешься. Спят в повалку по 3—4 чел. на двух койках. Обращение мастеров грубое, бьют чем попало по лицу со всего размаха. На фабрике работают день и ночь, двумя сменами: денная 11½ час., ночная, по правилам, должна работать 10 час., а против правил и без всякой доплаты работает 10½ час. Подростки работают с 12 час. ночи до 12 ч. дня, и так за 13—14 ч. непрерывного труда получают 5 руб. с придачей тухлой говядины и кулачной и палочной расправы. Взрослые рабочие получают очень низкую плату, которая доходит иногда до 9 р. Девушки-конфетчицы в том же положении: мастера и с ними обращаются грубо и бьют по щекам. Работниц обыскивает сторож-мужчина. Управляющие произвольно рассчитывают рабочих из вражды друг к другу, когда, напр., один наймет без спроса другого. По окончании работы заставляют иногда разносить хлеб.

Фабрика Реноме. Девушки старше 16 лет получают 30—45 коп. на своих харчах и квартире. Обращаются с работниками и работницами крайне грубо. По окончании работ девушки обыскиваются сторожами-татарами, которые особенно усердно их обыскивают и позволяют по отношению к ним всевозможные грубые выходки. Обыск у ворот наглядно показывает полное их бесправие; этот обыск — просто наглое надругательство над их честью и совершенно излишен, так как еще ранее при выходе из мастерской они обыскиваются «мадамой». Приказчики обыкновенно соблазняют молоденьких обещанием более легкой и выгодной работы. — «Мальчики» 16—21 года получают 11—12 руб. на своих харчах и квартире. Взрослые умелые рабочие получают 13—25 р.: за прогул вычитают заработок и, кроме того, штрафуют. Обращаются приказчики скверно, а в шоколадном отделении мастер Боярский не задумываясь, пускает в ход кулачную расправу.

На фабр. С. Сиу и К° порядки тоже нисколько не лучше. Та же низкая плата, те же возмутительные обыски и проч.

На фабр. Филиппова распространены фабр. правила; правила эти вводят только более строгие штрафы за прогулы и опаздывание. Закон 2 июня 1897 г., поскольку он теперь вводится в булочных, не имеет и не может иметь для рабочего никакого значения. так как он сведен к нулю циркуляром министра Витте (от 5 января 1898 г. за № 219). На основании этого циркуляра, хлебопекарни и булочные по отношению к праздничному отдыху и продолжительности рабочего времени могут быть подчинены правилам о непрерывных работах, при чем для означенных заведений может быть допущено неограниченное число сверхурочных часов в год.

§ 13 закона обязывает давать при неправильных производствах отдых рабочим в 24 часа три раза в месяц при 8-часовой работе; 4 раза при работе более 8 ч. Но циркуляр от 24 февраля 1898 г. за № 5107 гласит: вследствие затруднительности его соблюдения при некоторых непрерывных работах, правило о предоставлении рабочим определенного числа свободных суток в тех заведениях, где установлена 8-час. трехкомплектная работа, необязательно.

Итак, закон отменен циркуляром министра!! Не пора ли булочникам и кондитерам самим составить свои «циркуляры» для хозяев и для правительства?

Орехово-Зуево. Фабрика Саввы Морозова. Какие безобразия делаются на наших фабриках, — показывает описываемый нашим корреспондентом случай подделки рабочих расчетных книжек. Один ткач просил мастера Горбунова (в отсутствие заведующего Гусева) перевести его больную жену на другую пару станков, так как ей не под силу было работать на двухаршинном станке. Горбунов не только не исполнил его просьбы, но прогнал с фабрики и ткача и его жену, при чем последнюю толкнул так сильно, что она слегла в больницу, и доктор опасался преждевременных родов. Ткач ходил к фабричному инспектору, но тот отказался его защитить. Расчет же рабочему предложили получить через пристава. И вот пристав выдал ткачу две расчетные книжки: на его имя и на имя его жены. Удивленный ткач отказался получить деньги, ибо настоящие расчетные книжки находились у него. Пристав попросил у ткача его книжки, но ткач, разумеется, отказался их выдать, хотя пристав и заявлял, что отправит книжки жандармскому ротмистру — он-де не похвалит за подделку книжек! Получив от пристава фальшивые книжки, ротмистр пригласил фабричного инспектора и Гусева. Но Гусев сказал, что он был в отсутствии, а фабричный инспектор самым бесстыдным и наглым образом отрекся, говоря, что ткач к нему не обращался. Затем в конторе ткача тоже упрашивали выдать старые книжки и даже обещали ему денег за окончание дела миром, но ткач не согласился. После этого ткач принужден был уехать домой в деревню, и ему никто не помог, хотя на словах сулили помочь и Гусев, и пристав, и ротмистр. Ротмистр особенно старается войти в доверие к рабочим, но это ему не удается. «Все мы, развитые рабочие, не верим ротмистру, потому что кто желает добра и защиты рабочим, тот не будет затирать преступные приемы фабричной администрации, не будет смотреть сквозь пальцы на всевозможные злоупотребления. Да и не может быть, чтобы истинный защитник рабочих согласился быть жандармским офицером». «Одно несомненно, — заканчивают свое сообщение орехово-зуевцы, — что Горбунов и другие остались безнаказанными и, след., будут продолжать делать разные фальшивые документы во вред рабочим».

30 октября в Зуеве у уборщика Агафонова в его отсутствии был произведен обыск. Явившись в четверг 1 ноября домой, он был арестован. Отсутствовал же он, как удалось узнать, по случаю отбытия воинской повинности.

После ареста Агафонова ореховский пристав так выражался: «Нам теперь ничего не нужно, теперь весь Петербург узнает, что тут идет агитация». Хотел ли он этим сказать, что они открыли Америку, или то, что ему накинут лишний чин? Или то, что вот теперь-то приедут из Петербурга ловкие жандармы и вырвут с корнем агитацию? Не знаем, потому что трудно было понять езоповский язык пристава. Да и откуда узнал пристав, что идет агитация? Мы вполне надеемся, что взять что-либо у Агафонова им не удалось по той простой причине, что там ничего не могло быть. А впрочем, может, он (Агафонов) кое-что и нашел, как это и было с некоторыми.

Орехово-Богородская организация.

В Витебске. 24 ноября, в субботу, была манифестация 700 рабочих по поводу отправки ссыльных рабочих в Сибирь. В Двинске были также две манифестации. Одна на похоронах одного приказчика, а другая — при высылке рекрутов, в числе которых были многие организованные. На одной из них был арестован 15-летний мальчик, которого высекли в части. Была также здесь разбросана печатная прокламация к рабочим и работницам фабрики Закса (спичечной). В прокламации описываются тяжелые условия труда (15—16-часовой рабочий день, грошевая плата, особенно девушек, разрушающая здоровье работа, грубость управляющего и т. д.) и рабочие приглашаются требовать 12-часового рабочего дня и повышения расценка. В Сморгони, говорят, арестовано 200 чел., которых также били.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ГЕРМАНИЯ.

6 ноября (24 октября по старому стилю) в Берлине происходили выборы в городскую думу. Избирателям третьего класса (обнимающего наименее состоятельную часть плательщиков налогов) предстояло избрать 16 гласных (городская дума обновляется по частям). Выборы приобрели большой политический интерес в виду событий, разыгравшихся в городской думе за последние месяцы. Большинство в думе до сих пор составляли либералы (свободомыслящие); благодаря тому, что при городских выборах рабочие не пользуются всеобщим и равным правом голоса, социал-демократы имели всего 22 представителей в думе. Либеральное большинство почти постоянно находится в натянутых отношениях с правительством и, в частности, с императором Вильгельмом. Проникнутый до мозга костей военно-аристократической кичливостью, император не может спокойно перенести, что в «его» столице хозяйничают представители свободомыслящей буржуазии. И хотя либералы делают все возможное, чтобы угодить императору, и не пропускают ни одного случая, чтобы не подчеркнуть свою «верноподданническую» благонадежность, хотя они и пресмыкаются перед «верховной властью» по доброму обычаю буржуазных либералов всего мира, тем не менее император всегда испытывает потребность задирать берлинскую думу, пользуясь предоставленным ему конституцией правом не утверждать то или другое постановление выборных берлинского населения. Так, Вильгельм II в свое время не утвердил постановления думы о постановке памятника на могилах павших в 1848 г. борцов революции. И берлинская дума во всех таких столкновениях проявляла самую постыдную трусость. Храбрые на словах либералы при всякой враждебной выходке императора тотчас же сдавались и оставляли без протеста распоряжения Вильгельма, не всегда согласовавшиеся с законом. В последнее время Вильгельм опять бросил вызов думским либералам, не утвердив выбранного ими в звание бургомистра Кауфмана за то только, что он очень давно выдвинулся в борьбе с правительством и был за это уволен из военной службы по настоянию «верноподданных» офицеров. Дума осмелилась выбрать Кауфмана вторично, правительство об'явило выбор незаконным. Либералы опять потеряли мужество и хотя и обжаловали в законном порядке распоряжение правительства, но уже в их речах послышалась нотка о том, что необходимо считаться с волей государя, что надо держаться в пределах почтения к верховной власти и т. п. Еще постыднее вели себя либералы, когда Вильгельм, на этот раз уже совершенно противозаконно, потребовал переделки плана одного сооружаемого думой фонтана. Предложение социал-демократов, чтобы дума отстаивала свои права, не было принято.

Во всех этих столкновениях между думой и правительством социал-демократы всегда отстаивали точку зрения полной свободы городского самоуправления и резко критиковали тактику буржуазных либералов, которые приносят интересы населения в жертву самовластным притязаниям правительства. С этим же паролем явились социал-демократы и на нынешних выборах, приглашая избирателей протестовать против бесхарактерной дряблости либералов. И избиратели последовали призыву социал-демократов. Из числа 16 округов, в которых происходили выборы, социал-демократы избраны в 13, тогда как либералы всего в 3 округах. До сих пор эти округи были представлены всего 7 социал-демократами, 8 либералами и одним антисемитом. Таким образом, социал-демократы выиграли 6 мест. Теперь в городской думе будет 28 соц.-дем.

Берлинское население показало своим голосованием 6 ноября, что оно всецело стоит на стороне социал-демократии, как единственной честной защитницы прав населения в борьбе с правительственным произволом. Громадный рост числа поданных за партию голосов заставляет предполагать, что за социал-демократов голосовали многие, не вполне согласные с их программой, но считающие нужным их поддерживать, как единственно-надежных представителей городских интересов. Так, рабочая партия постепенно становится общепризнанным политическим вождем всего народа, вождем, которому различные слои населения, не всегда сознающие вполне ясно ее программу, поручают представительство своих интересов. Так, через посредство своей социал-демократической партии рабочий класс в Германии становится той политической силой, на которую возлагают все свои надежды те, кто недоволен нынешним хозяйничаньем в государстве буржуазии и дворянства. И только став таким политическим центром для всех недовольных существующим строем, рабочий класс может рассчитывать в недалеком будущем перенять в свои руки государственную власть, ускользающую из рук нынешних «высших классов», утративших всякую способность пользоваться этой властью в интересах большинства народа.

В борьбе за свободу, где бы она ни попиралась, социал-демократия быстро усиливает свое политическое влияние, чтобы его использовать в интересах классовой борьбы пролетариата с ее конечной целью — торжеством социализма.

ИЗ ПАРТИИ

Один из наших представителей просит нас поместить следующее воззвание:

Вниманию революционеров!

В последнее время стало вновь известно несколько печальных случаев, когда обыски и аресты были вызваны непростительною оплошностью революционеров или лиц, сочувствующих революционной деятельности. «К нам приехал какой-то, очень интересный господин, благодаря ему у нас заметно оживление, появились кружки, литература...» или «У нас, к сожалению, никого нет, все интересные люди раз'ехались, такой-то туда-то, такой-то туда-то» и т. п. Как часто приходится читать подобные письма и как часто такие письма попадаются в руки жандармов! По нашему мнению, в частной, не шифрованной переписке никто из революционеров и лиц, сочувствующих революционному движению, ничего не должен упоминать ни об именах, ни об адресах, ни о кружках, а только разве об общеизвестных событиях, как демонстрации, стачки и т. п.

Может быть, возразят, что трудно не писать близкому человеку о том, что тебя волнует в данную минуту, чем занимаешься, — но к чорту все сантиментальности! — Революционер порывает с семьей, отказывается от материального довольства, идет в тюрьму, в ссылку, можно же ради дела отказаться и от этой духовной потребности.

Далее, приходится констатировать тот печальный факт, что некоторые революционеры, посылая письма оказией или иным конспиративным путем, не считают нужным ничего шифровать. Между тем, такое письмо может затеряться или вообще как-нибудь попасть в руки жандармов. В России мы от этого никогда не гарантированы. Поэтому всякий революционер и сочувствующий революционному движению обязан, по нашему мнению, непременно шифровать адреса, имена и конспиративные поручения, каким бы путем письмо ни посылалось.

Не является ли это вообще скандальным явлением, что так часто при обысках находят конспиративные адреса? Неужели революционеры все еще считают возможным записывать у себя адреса иначе, как шифром? Для избежания таких оплошностей, нам кажется необходимым обязать каждого революционера никому не давать конспиративных адресов иначе, как под условием, чтобы тот или тут же выучил его наизусть или при нем же записал шифром. Царское правительство и так окружает нас целою сетью преград и ловушек, а потому мы ни на иоту не должны отступать от необходимых конспиративных предосторожностей. Пусть каждый революционер и сочувствующий революционной деятельности подумает, какую тяжелую нравственную ответственность он берет на свою совесть, если своею непростительною халатностью содействует расстройству революционных рядов, и без того на-

ходящихся под беспрестанным огнем царских башибузуков.

(Добавим, с своей стороны, что шифр — оружие обоюдоострое, ибо жандармы легко сумеют раскрыть всякий шифр, если не применять при шифровании особых предосторожностей. Безусловно необходимо: 1) не отделять слова от слова; 2) не повторять часто одинаковых знаков, особенно знаков для наиболее употребительных букв; 3) писать шифр так, чтобы нельзя было узнать системы шифра; 4) не употреблять слишком известных стихотворений и книг. Без соблюдения этих правил шифр прямо-таки недопустим. Ред.).

Мы получили письмо «рабочих с юга», приветствующих усиление революционного направления в русской социал-демократии и поручающих нам передать их приветствие «заграничной лиге русской революционной социал-демократии». К сожалению, недостаток места не позволяет нам поместить это письмо целиком. Мы вполне согласны с авторами письма, что «прокламационный способ, который практикуется у нас в России для проведения революционных идей в широкую массу, не в состоянии воспитать массу политически сознательно», что «необходимо создать специальную литературу для политического воспитания русского пролетариата». Но едва ли практичен проект авторов письма издавать с этой целью популярные брошюры в 3—4 стр. и распространять их «одновременно по всей России». Мы думаем, что русский пролетариат вполне созрел уже и для такого рода литературы, каким пользуются все остальные классы, т. е. для газеты. Только политическая газета может действительно воспитывать массу политически сознательно и освещать, по выражению авторов письма, «всю нашу общественную жизнь, начиная с четвертого сословия и кончая крупной буржуазией». Только общерусская газета может, при условии активной поддержки ее всеми комитетами и местными кружками, распространяться более или менее «одновременно по всей России» и выходить настолько часто, чтобы заслуживать названия газеты. И только прочная постановка такого революционного органа ознаменует окончательный переход нашего движения «от стачечно-экономической борьбы к широкой революционной борьбе с русским самодержавным правительством».

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ.

Когда настоящий номер был уже совсем закончен, мы прочитали в наших газетах ряд сообщений из Спб., Риги, даже Могилева, даже Олонецкой губ., о повторении градоначальниками и губернаторами запрещения сходбищ и собраний. Правительство готовится! В г. Екатеринославе губернатор расклеивает 14 декабря об'явление, что он «не остановится перед самыми крайними мерами» против «затеваемых (группою людей неблагонамеренных) на 15 и 16 дек. уличных демонстраций». Поблагодарим же правительство за оповещение всего населения о готовящейся демонстрации и не будем же отставать со своими собственными приготовлениями!

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Уфе были обыски у поднадзорных Леоновича и Поповой (Юлии). Были арестованы: Квятковский (поднадз.), Сазонов (студ.), Ахтямов (студ.). В Симском заводе арестованы студент горного института и двое рабочих. В настоящее время все арестованные выпущены.

В Нижнем числа 10—12 ноября арестован по приказу из Спб. бывший студент Томского политехникума Евгений Колосов. 3 декабря арестованы бывший студ. С. Корсак и бывший гимназ. Свердлов по подозрению в участии в демонстрации 7 ноября.

В Петербурге с 3 на 4 декабря были аресты. В числе арестованных называют студ. Никонова, Долгушенко (муж и жена, оба медики), Мандельштам, Рубинчик, Севрук и друг.

В тех же числах, по распоряжению из Спб., были обыски и аресты в Вильне и Ковне.

Около 13 ноября в Вятке были арестованы трое ссыльных, а перед этим были обыски у учащихся.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Z. Очень просим присылать корреспонденции такого же характера, как присланная. «Искра» задается целью освещать с соц.-демократической точки зрения все явления русской общественной жизни, а потому она заинтересована в получении корреспонденций не только из «пролетарской» жизни.

«Россия. Дзету». Письмо ваше напечатано в № 10. Статью (в сокращении) тоже постараемся поместить. Благодарим и просим сотрудничать. Дайте нам тем же путем знать, как доставлять вам «Искру».

2а3б. Почему от вас нет ни писем, ни корреспонденций? Ваше молчание очень тревожит нас.

За октябрь и ноябрь московским представителем получено: по мелочам 33 р. 75 к., из Нижнего 15 р., из Курска 10 руб.

От Башкирки 200 руб., из Х. на специальную цель 50 р., из дальнего востока 35 р.

От Б. 75 фр., от старого социал-демократа 50 фр., через посредство Рудинкова из Б—а 54 фр. 65 с. от Б. К. Ф., от Б—ской гр. 45 фр. 35 с.

Из Дармштадта 140 м. 10 пф. (из них 44 марки по листку 8а), от парижской группы 395 и 250 фр., из Л. 12,50 фр., из Цюриха 30,70 фр., по листкам: 39а 8,35 ф., 36а 4 ф., 33а 3 ф., за литературу из Ц. 20,25 фр., Сч... 10 ф., лотерея 20,25 фр., от общ. раб. 4 ф., за лит. в Женеве 20 ф., от женевской группы 72,25, из Ц. 9,80, от сытого буржуа 40 ф., из Вены 10,50, по листку 1а 21,40 (21 шил.), за лит. в Жен. 15 ф., из Льежа 14,50 и 50 ф., по листку 26а 9 фр., из М 200 мар.

В пользу обуховцев: из сибирской кассы 100 ф., в Женеве на вечере по поводу 25-летия казанской демонстрации собрано 58,35, по листку 33 22,50, первый сб. в Париже 127,30, в Берлине от Г. Р. И. 3 марки.

Вышло второе издание номера десятого «Искры», выпущенное нами (по просьбе товарищей) в другом формате и на более плотной бумаге.

Вышел отдельным изданием обвинительный акт по делу о майских беспорядках на Обуховском заводе (из № 9 «Искры») с приложением статьи: «Новое побоище» (из № 5 «Искры»). Цена 10 коп. (15 стр.).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Празднование 25-летнего юбилея революционной деятельности Плеханова (в связи с 25-летием демонстрации на Казанской площади в Петербурге), состоявшееся в Женеве в café des Alpes, было осуществлено не без колебаний со стороны почитателей Плеханова, так как многие ставили принципиальный вопрос, могут ли революционные социал-демократы подражать буржуазному обычаю праздновать юбилеи общественных деятелей. Но, повидимому, восторжествовало мнение об уместности празднования. Из этого празднования хотели, кажется, сделать удобный момент для политической пропаганды. Готовилась даже солидная брошюра для широкого обращения, в которой должны были найти себе место все произнесенные на юбилее речи. В искровском архиве, которым располагает Истпарт, сохранился черновой набросок предположенной к изданию, но не вышедшей в свет, брошюры. Из сохранившихся записей речей мы приведем здесь лишь ответную речь Плеханова в том виде, как она передана в архивном документе, дополнив только для удобства чтения недописанные концы некоторых слов, поставленные нами в прямые скобки.

Вот эта речь:

Плеханов.

«Я принадлежу к числу людей, которых много ругали в жизни. Лично я могу сказать об этих нападках то, что сказал Хома Брут: „Я знаю, что такое канчуки"; но привычка, господа, — великая вещь, и я научился спокойно относиться к нападкам. Но сегодня я пришел на собрание, на котором меня не только не ругали, но так преувеличенно расхваливали, что я не знаю куда и деться.

«Сочувствие ближних необходимо каждому общественному деятелю, особенно сочувствие молодежи, так как всякому общ[ественному] деятелю приятно знать, что на его место станут молодые товарищи, которые будут продолжать его дело, когда его уже не будет в живых. Но, начав за здравие, я не хочу кончать за упокой и прошу вас помнить, что (употребляя выражение Либкнехта), когда речь идет о революционере, — мне не 45 лет, а дважды 22½.

«На Каз[анской] площади кроме меня были сотни, и наказание, которое постигло многих из них, было необычайно по тогдашнему времени. Это значило, что правительство поняло, что агитация среди рабочих опаснее пропаганды. И так бывает всегда в России; молодые русские революционеры должны всегда повторять слова: „Печален будет мой конец". Это должен помнить всякий русский революционер, но у нас есть другое, высшее счастье. Чувство гордости, презрения к врагам доставляет высшее удовлетворение, превращает всякого человека в титана.

«Вспомним у Гете слова Прометея к Зевсу:

„Ich dich ehren wofür!"... *

«С этими же словами мы обратимся к правительству Николая II.

«И когда люди вдохновляются такими идеями, то это уже составляет особое счастье.

«Обычное настроение легального рус[ского] деятеля — это неудовлетворенность прожитой жизнью. Но большинство рус[ских] революционеров скажут, что не жалеют о прожитом и о своей деятельности, и эта уверенность есть самая высшая награда. Исключение есть и среди нелегальных, но они только подтверждают правило: это слабые люди, неготовые к борьбе.

«За эту высшую награду рус[ским] революц[ионерам] стоит платить годами заключения и ссылки.

«Большинство рус[ских] революц[ионеров] стоит под знаменем соц.-дем[ократии]. Между ними есть разногласия, кот[орые] производят тяжелое впечатление, но не нужно преувеличивать отриц[ательного] зла этих разногласий. (Сцена из «Войны и мира» Малаша). Мы не должны, подобно Малаше, говорить: такой-то говорит хорошо, такой-то заикается и т. д. Такое отношение недостойно ни вас, ни предмета. Эти споры вызываются не личными отношениями. За неимением времени я не могу говорить подробно об этом. Скажу только, что везде среди соц.-дем. происходят споры, похожие на наши, что вызывается ростом соц.-демократии. Наши противники назыв[ают] это критицизмом. Число голосов, поданных за соц[иалистов] на последн[их] выборах во Франции, удвоилось в сравнении с выборами 1893 года. Рост соц.-демократии сопровождается не вполне ясным усвоением соц[иалистических] идей. Процесс приспособления социализма к предрассудкам радикалов окрещивается критицизмом. То же происходит и у нас. До 1894 г. легальная пропаганда марксизма не была возможна в России. Но вот основываются марксист[ские] журналы, имевшие громадный успех и доставившие нам массу сторонников. Мы, старики, оказались в меньшинстве сравнительно с молодыми марксистами. Не сознавая этого, новички свое приспособление приняли за критицизм и под предлогом критики внесли смуту. (Анекдот о всаднике). Св. угодники оказали нам плохую услугу. Против этих смут единственное лекарство — усвоение теоретич[еских] основных идей социализма,—и тогда легко будет разобраться в вопросе.

«Только наука поможет разобраться в этом. Но нельзя остановиться на одной науке, надо обратиться к жизни и к практике. Союз науки и рабочих сделает все и сотрет все препятствия. И русскому царю придется учиться астрологии, чтобы узнать час своей близкой гибели».

---

* «Мне тебя почитать — за что!» ...

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 14 | 1 ЯНВАРЯ 1902 ГОДА | № 14

О ДЕМОНСТРАЦИЯХ.

Дни идут за днями, но не походят один на другой. Давно ли люди, мнившие себя опытными «практиками» [1], старались убедить «теоретиков» в том, что «толковать рабочей массе в России об уничтожении капитализма, о социализме, наконец, об уничтожении самодержавия вообще нелепость», и резко порицали группу «Осв. Труда» за то, что она будто бы хотела «взять самодержавие на уру». Теперь голоса таких «критиков» окончательно смолкли, теперь даже неисправимые «экономисты» стараются придать своим речам политический оттенок, и теперь, повидимому, в самом деле появились люди, думающие, что самодержавие может быть взято «на уру» одним энергичным усилием. Кто напоминает этим людям, что наша победа над царизмом еще не близка, того они упрекают в «расхолаживании» революционеров. Это, конечно, необдуманные упреки: серьезных революционеров не расхолодишь никакими напоминаниями о продолжительности предстоящей им борьбы, а на кого такие напоминания могут подействовать угнетающим образом, тот горяч лишь на поверхности. Победят врага не те, которые ежедневно твердят, что мы переживаем «канун революции», а те, которые готовы неустанно исполнять всю—как праздничную, так и будничную—работу, необходимую для скорейшего наступления кануна революции. Те крестоносцы, которые, едва выступив из своих деревень, при виде каждой колокольни спрашивали: «не это ли Иерусалим?», не попали в Палестину. Иерусалим был взят теми опытными воинами, которые знали дальность ожидавшего их пути и приняли меры для преодоления его трудностей. В нашем деле самообман опаснее для нас, чем все военные хитрости нашего коварного неприятеля.

Демонстрации, ознаменовавшие собою начало 1901 г., повторились в его конце. Все заставляет думать, что и новый—1902 г. будет таким же, если не более, бурным, как и его предшественник. Рабочий класс принимает самое деятельное участие в демонстрациях; по большей части он составляет главную их силу. Но не будем обманывать себя словами. Рабочий класс оказывается представленным в демонстрациях лишь некоторыми своими слоями. Он еще не двинулся всей своей массой. Исключение из этого правила составляют разве лишь известные московские волнения. И именно тем, что не вся рабочая масса участвует в демонстрациях, об'ясняется то, что полиция пока еще очень легко справляется с «нарушителями порядка». Она еще нигде не встретила отпора. А отпор психологически необходим, потому что, если его еще долго не будет, то демонстрации станут утрачивать свое воспитательное влияние на массу и приобретать в ее глазах значение опыта, доказывающего полную невозможность открытого сопротивления власти. И тогда неизбежно и естественно возникнут такие формы борьбы, которые отдалят революционеров от рабочей массы и чрезвычайно сильно затруднят им решение их важнейшей задачи, о которой они не должны забывать нигде и никогда,— задачи систематического и неуклонного содействия всестороннему развитию классового самосознания пролетариата. Кто умеет ценить воспитательное значение демонстраций и кто желает сохранить это их значение, тот должен всеми силами стремиться к тому, чтобы они все более и более приобретали массовый характер. Там, где массовые демонстрации еще невозможны, лучше до поры до времени не выходить на улицу. Но зато там надо с тем большей энергией и немедленно же взяться за подготовление массовых демонстраций.

До сих пор на эту сторону дела не было обращено достаточного внимания. Перед нами лежит письмо, полученное редакцией «Искры» несколько недель тому назад из одного университетского русского города и прекрасно подтверждающее справедливость наших слов. «Вот теперь,—говорит автор письма,—опять начались студенческие волнения, грозящие разрастись в новые „беспорядки". Кажется, давно бы пора выпустить к рабочим прокламацию, излагающую ход событий в студенческой среде, об'ясняющую причины волнений и т. д., но ничего подобного не делается. Не знаю, чем это об'яснить... Почему не сообщить рабочим о том, как борются за свои права студенты, почему не выяснить значения их борьбы с министерством народного просвещения в общей борьбе всех оппозиционных элементов с правительством, не указать на стойкость и взаимную поддержку учащихся разных городов?... Интеллигенция как будто довольствуется тем, что две-три сотни рабочих, сконцентрированные в ее кружках, знают обо всем, что творится кругом ее... до той же массы, которая скрывается за этими избранниками, ей никакого дела нет»...

Мы не хотим ручаться за то, что в этой картине нет никаких преувеличений. Отнюдь не хотим! Мы прекрасно знаем, что преувеличения вполне возможны в устах и под пером того, кто, близко и внимательно наблюдая ход дорогого ему дела, особенно поражается замеченными им упущениями и недостатками. Но что указанные автором письма недостатки и упущения действительно существуют, это для нас не подлежит сомнению. Политическая агитация в массе еще недостаточно обдумана, широка и систематична. Рабочая масса, взятая в ее целом, еще мало знает о том, что делается в тех рабочих и «интеллигентных» слоях населения, которые уже вполне прониклись духом «беспо-

рядка». Поэтому она и не оказывает этим слоям всей той поддержки, которую она могла бы и должна была бы оказывать. Если бы демонстрациям предшествовала обдуманная, систематическая и широкая агитация в рабочей массе, подобная той, которая имеет место в студенческой среде, где перед каждой большой демонстрацией происходит множество подготовительных совещаний и собраний, — то на наш призыв откликались бы не тысячи, а десятки тысяч рабочих, и тогда мы повели бы с нашими «усмирителями» совсем другой разговор.

Верно, конечно, и то, что обдуманная, деятельная и широкая агитация в массе для подготовки целесообразных демонстраций сама предполагает существование стройной и прочной организации сил революционной соц.-демократии. Но без такой организации нам теперь вообще невозможно обходиться.

Скажем еще раз: демонстрации должны теперь приобретать все более и более массовый характер. Но этого мало. На каждой демонстрации надо уметь противопоставить полицейским бесчинствам организованное сопротивление. Как организовать сопротивление? Лучший ответ на этот вопрос будет дан, разумеется, опытом. Но за опыт придется платить страшно дорого. Поэтому нам следует заранее прислушиваться ко всем практическим указаниям, идущим из лагеря противников нашего нынешнего политического строя.

Не так давно вышедшая за границей брошюра «Об уличных беспорядках (мысли военного)» дает нам несколько советов на счет того, как сопротивляться организованной и вооруженной силе царского правительства. Правда, автор брошюры приурочивает свои советы к такому моменту, который еще не настал, и пока еще неизвестно, когда настанет. Он советует в самом начале борьбы народа с войском как можно скорее «изъять из обращения» гражданское, полицейское и военное начальство. Этот совет сам по себе очень недурен. Револ. соц.-демократия, вероятно, и сделает рекомендуемый автором смелый шаг в то время, когда она, крепко организовав свои силы и приобретя решительное влияние на народную массу, а, следовательно, и на весь ход общественных событий, окажется в состоянии взять на себя почин вооруженного восстания для нанесения последнего, смертельного удара издыхающему царизму. Это будет счастливое время. Но теперь мы вынуждены ставить себе те более скромные практические задачи, без предварительного решения которых указанное счастливое время никогда не станет для нас настоящим временем. А в числе этих задач одно из самых первых мест занимает, по нашему мнению, организация такого сопротивления предержащим властям, которое, не будучи — пока еще преждевременным — открытым восстанием, вместе с тем обеспечило бы участникам демонстраций возможность давать хорошую сдачу полицейско-казацкой орде. Но и в этом смысле советы автора названной выше брошюры представляются нам далеко небесполезными. Он пишет, напр.: «В современной народной толпе есть элемент очень ценный с точки зрения силы, могущей быть противопоставленной силе войска... Среди рабочих имеется не мало запасных воинских чинов всех родов оружия. Есть пехотинцы, есть кавалеристы, есть артиллеристы... Сгруппировавшись по родам оружия, разделившись на десятки, с выбранным начальником во главе, рабочие из запасных воинских чинов во время волнения будут центрами, около которых сами собой сгруппируются разрозненные элементы толпы.

«Организованные в мирное время „десятки“ — во время волнений явятся кадрами народного войска.

«Люди „десятка“ должны хорошо знать друг друга, должны быть в состоянии доверять друг другу и вполне

БЕСЕДА ПО ПОВОДУ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ.

Имеющиеся у нас письма читателей рабочих с разных концов России показывают, что мы не ошибались, когда, предпринимая свое дело в период господства «экономизма», рассчитывали, что выдвигаемые нами задачи обратят на себя внимание нашей рабочей интеллигенции. Здесь мы познакомим читателя с некоторыми отзывами, позволяющими судить, что ценят сознательные рабочие в социал-демократической литературе и как они начинают ставить партийные задачи.

Первое письмо, подписанное «Рабочий юга», наполнено самыми горячими приветствиями «Искре». Опуская их, поскольку это можно сделать, не искажая мысли автора, приведем те места из письма, в которых автор указывает на причины успеха политической газеты среди рабочих.

«Каждая статья „Искры“ — передовая, из общественной жизни или хроники, или, что еще очень важно, из заграничной жизни,—каждая из таких статей, повторяю, является выражением теперешнего духа времени и... разрешает то, что так волнует нас, рабочих, и очень нас удовлетворяет во всех отношениях. „Искра“ первая указала нам, рабочим, что мы должны интересоваться не только одним рабочим движением, но и жизнью и движением всего народа и общества. „Искра“ первая высказала вслух, что в революции в России примут участие, кроме рабочих, и крестьяне и общество. Мы, рабочие, не можем не высказать редакции нашу сердечную благодарность за то, что она вывела из узкого круга мыслей и понятий нас, которые не могли не сомневаться в возможности совершения революции одними рабочими, и обратила наше внимание на все слои общества, которые частью также заинтересованы в радикальном изменении существующего строя. Этим указанием „Искра“ разрешила сомнения в возможности революции и ободрила рабочих, которые почувствовали себя и сильнее и не одинокими».

Мы здесь должны заметить, что в этом отношении «Искра» только популяризировала ту идею, которую всегда отстаивала группа «Освоб. Труда» (Плеханов, Аксельрод, Засулич). Русские рабочие, понявшие всю необходимость широкой политической агитации во всех классах общества и приветствующие нас за постоянное подчеркивание этой необходимости, осудят тех недальновидных «интеллигентов», которые долго боролись с гр. «Осв. Труда», между прочим, и по этому вопросу и сильно тормозили переход нашего движения на этот широкий путь.

полагаться друг на друга... Во время боя люди десятка должны во что бы ни стало держаться вместе»...

В другом месте брошюры автор обращает внимание своих читателей на ту пользу, которую может принести протянутая поперек улицы (на аршин от земли) проволока. По его замечанию такая проволока может остановить движение конницы и артиллерии и породить очень полезную для революционеров сумятицу.

Наконец, отметим еще вот какие советы нашего автора: «Пехоту следует окружать со всех сторон, стеснять, разобщать солдат друг от друга и от их офицеров».

«Солдатам же следует заранее внушать, что не против них бьется народ»...

Все это очень похоже на полную и чрезвычайно полезную правду, и мы от всей души благодарим г. «военного» за его «мысли».

Конечно, дело не в частностях. Запасные рядовые могут быть организованы не в «десятки», а как-нибудь иначе. Рядом с ними могут возникнуть и, вероятно, возникнут другие боевые единицы из рабочих и студентов. Очень возможно, что боевые дружины этого последнего рода окажутся даже более соответствующими свойствам нашей революционной среды. Но верно то, что мы уже теперь можем приступить к организации сопротивления во время демонстраций. Когда мы организуем его, тогда полицейские кулаки и казацкие нагайки перестанут безнаказанно гулять по головам и по спинам студентов, рабочих и «посторонних лиц».

Эти соображения о пользе, которую могло бы принести нам создание подвижных боевых дружин, снова приводят нас к мысли о необходимости общей, централизованной организации сил революционной социал-демократии. Высказать эту мысль — значит повторяться. Но повторения в этом случае неизбежны, и мы не боимся их. С терпением перса, поневоле каждый день повторявшего своему господину: «царь, помни об афинянах», мы добровольно будем твердить нашим товарищам: помните, что нам надо сорганизоваться!

[Г. Плеханов]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Демонстрация в Екатеринославе. Демонстрация была назначена на субботу 15 декабря в 5—6 час. веч. Сборным пунктом был назначен угол Караимской и Екатерининского проспекта. Полиция знала об этом. В городе по целым дням до демонстрации разгуливали солдаты и раз'езжали с нагайками казаки. Всюду на столбах были развешены об'явления за подписью губернатора, в которых запрещались всякие сборища на улицах. Но, несмотря на полицию, в назначенное время все начали собираться. В демонстрации принимали участие студенты и рабочие, — главным образом, рабочие: их участвовало около 300 чел. Были выброшены красные флаги, пели «Дубинушку» и другие революционные песни. Но сейчас же появился батальон солдат и казаков, и началось обычное избиение. Били прикладами ружей, били нагайками. Одного студента до того избили нагайками, что, по слухам, он уже умер (за достоверность не ручаюсь), другому нанесли серьезное поранение черепа, но он, по всей вероятности, останется жив. Словом, на улицах творилось нечто ужасное, нельзя было выйти из дому, не рискуя быть избитым нагайками. Арестовано много студентов, между прочим: Шахнович, Корбе, Носов, Островский, и, кажется, Каргин и Паршин. Было арестовано и избито также много барышен. Говорят, что одна барышня шла впереди толпы с красным знаменем. Некоторые гимназисты, находившиеся в толпе, были арестованы. В городе теперь очень неспокойно. Рабочие волнуются, по городу раз'езжают казаки.

«Читаем, — продолжает автор, — „Искру“ всю с интересом, но интерес, который охватывает нас при чтении статей „Из общественной жизни“, невозможно описать. Чем об'яснить это?.. Читая статьи „Из общ. жизни“, узнаешь, что и общество живет и имеет свои причины быть недовольным, и многие из этого общества стоят в явной оппозиции к нынешним порядкам; что и оно ведет некоторую борьбу, но заглушенную и неуверенную из-за того, что не имеет твердой почвы под ногами. „Искра“ же указала им опору в рабочих, а последним — подспорье. И читая эти статьи, нельзя не заинтересоваться всем существом, так как слишком уж убеждаешься, что такой строй не может долго устоять под напором такого всеоб'емлющего недовольства».

Надеемся, что эти слова послужат ответом тем недальновидным «интеллигентам», которые в неудомении спрашивают: «какое дело рабочим до тех статистиков, земцев и т. п., которыми их угощает „Искра“?» (см., между прочим, и неудовольствие Надеждина в сборнике «Канун революции» № 1). Этим недальновидным людям давно пора понять то, что так хорошо чувствует автор письма: что рабочий класс не сможет сыграть должной роли в русской революции, если не будет отдавать себе ясного отчета в том соотношении общественных сил, при котором он ведет свою борьбу. Более того: пролетариат не сможет не только отстоять, но и отчетливо сознать свои специально классовые интересы и отделить их от интересов других борющихся с царизмом сил, если не привыкнет сознательно участвовать в общенародном движении против современного строя. Человек, который провел бы свое детство и юность с повязкой на глазах, не сумел бы уверенно двигаться в пространстве после того, как с него снимут эту повязку. А не такую ли повязку в сущности надевают нашим рабочим те, кто требует, чтобы рабочих пичкали одними «чисто рабочими» вопросами?

Та же мысль, что и в этом письме, развивается и в письме петербургского рабочего, приводимом выше. «Зачем рабочего в загородку ставили?» — спрашивает он, говоря о том недавнем времени, когда «думали, что, коли рабочий, так нет, кроме гроша, у него другого интереса». «Мне „Искра“ потому так и понравилась, что она рабочего за гражданина считает, а это ах как важно!»

Это петербургское письмо важно для нас еще и во многих других отношениях. Мы узнаем из него, что наши «практики» из бывших «экономистов» не перестают обвинять наше направление в «бунтарстве», в «склонности к заговорам», в том, что мы «плюем на рабочих», т. е. на массу. Но мы узнаем из него также, что эти «жупелы» не действуют на сознательных рабочих

P. S. Только что получена нами печатная прокламация Екатеринославского Комитета Р. С.-Д. Раб. Партии по поводу демонстрации 15 дек. Приводим из нее описание демонстрации.

«15 декабря проспект представлял невиданное зрелище. Громадная толпа в несколько тысяч человек покрыла весь просп. на протяжении 2 кварталов с обеих сторон пересадки на Иорданскую; на всех лицах была написана особенная торжественность и нетерпение; все глаза обращались на бульвар, где густою толпою гуляли рабочие и студенты, пришедшие устроить демонстрацию. Мысль о демонстрации подали студенты, они решили выразить свое негодование по поводу избиения студентов и рабочих в Харькове 2 декабря и против мин. нар. просв. Ванновского, который в прошлом году обещал студентам целый ряд реформ и улучшений и до сих пор не исполнил своих обещаний. Рабочие с восторгом встретили это предложение: наконец-то им удастся открыто выразить свое негодование против царя и его опричников, дать исход накопившейся злобе и возмущению. Несколько часов толпа провела в томительном ожидании; наконец, в начале шестого, несмотря на дождь, толпа демонстрантов с криками „ура!" со всех сторон бросилась на бульвар, и из уст вырвался и прогремел могучий возглас: „Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социал-демократия!". В этих возгласах вылились все заветные мечты наших рабочих; здесь екатеринославские рабочие, в лице демонстрантов, заявили свою политическую зрелость, свое глубокое сознание, что только при политической свободе, т. е. только тогда, когда власть будет в руках представителей народа, когда он будет иметь право свободно говорить и писать о своих нуждах, собираться, открыто бороться, — только тогда ему удастся улучшить свою жизнь, расширить свое образование. Стройною, дружною толпою прошли демонстранты два раза по бульвару, оглашая воздух своими боевыми песнями и возгласами. Два раза полиция пыталась остановить шествие, но была отброшена, и верные холопы царя в ужасе бежали от рабочих, вооруженных палками. Но вот появились солдаты и казаки и с остервенением бросились на демонстрантов; били женщин, подростков, били прикладами, нагайками, обнаженными шашками, топтали лошадьми. Демонстранты защищались, отбивали товарищей, и только благодаря темной ночи и дождю царским опричникам удалось арестовать 53 чел. (много посторонних), из них 5 раненых. В воскресенье 16-го рабочие устроили демонстрацию в Чечеловке, в рабочем квартале».

Киев, 7 дек. 1901 г. Ну, рождество приближается, и на сцене начинают разыгрываться обычные для этого времени комедии и драмы.

Студенчество опять заволновалось. Вы уже знаете, наверное, по легальным газетам, что произошло в Харькове, а потому я сообщу лишь о киевских событиях.

Начиная с октября, здесь волнения в университете и политехническом институте, выразившиеся в сходках и принятии различных резолюций, не прекращались до самого последнего времени. Затихнув было после бури, вызванной докладом «русского галичанина», г. Вергуна, когда «националисты» столкнулись с «свистунами» (выражение газ. «Киевлянин» [2]), они снова разгорелись после харьковских происшествий и министерских приказов, уволивших весь первый курс ветеринаров и предписавших администрации высших учебных заведений Харькова, не стесняясь девизом «сердечного попечения», расправляться без всякого снисхождения с неспокойными элементами студенчества.

Когда здесь получено было известие о назначении в Харькове студенческой демонстрации, Киевский «Союзный Совет» и комитет политехнического института выпустили прокламацию, излагавшую вкратце ход событий в Харькове и приглашавшую студентов протестовать против мероприятий Ванновского. Когда же в Харькове прозвенели разбитые стекла ред. «Южн. Края» и от применения химической обструкции профессор и науколюбивые юноши попадали в аудитории в обморок, киевляне решили устроить сходку и обсудить положение дел. Универсанты назначили сходку на 7 декабря, но попечительная администрация поспешила их распустить на рожд. каникулы 5 дек.

Совет старшин политехнического института созвал сходку на 5 дек. Поводов для ее созыва было несколько, а именно: доклад специальной комиссии по делу

и что они не питают доверия к тем, которые «„Искру" за вредную почитают» и у которых «нет большого понимания, а так, кусочки понабрали», и мы видим, почему наши интеллигенты известного толка потеряли к себе доверие сознательных рабочих. «Ведь еще с год назад все говорили, что выше себя не перескочешь, что на все время есть, что иначе, как от печки, нельзя начинать, а печкой был либо мастер, либо расценки, редко, редко Пирамидов». А «сейчас говорят, будто у рабочего другой думушки нет, как бы костьми на улице лечь». Этот «исторический поворот» в направлении наших «экономистов» не мог, очевидно, не подорвать доверие к ним со стороны более сознательных рабочих, которые, к чести их будь сказано, не поддались пассивно общему увлечению интеллигенции в сторону демонстраций, а начинают ставить весьма серьезный вопрос: «А ну как это только начало, и не конца начало, а просто начало? что тогда?» «Ну, а если она (безработица) пройдет, опять по-старому все будет, опять от печки?» Предлагаем ответить на этот вопрос «Раб. Делу» и «Своб.», которые всю свою политику строят на предположении, что мы стоим «в начале конца» и что теперешний политический и экономический кризис есть непосредственное введение к революции, почему и «всякого человека ребром ставить нужно». Если прежде вся тактика приноравлялась к условиям, созданным быстрым развитием промышленности и политическим затишьем в обществе, и лозунг гласил «медленным шагом» посредством стачек, то теперь опять тактика узко приспособляется к условиям данного момента, оторванного от прошлого и будущего, к условиям кризиса и общественных волнений, и нынешний лозунг гласит: «С места в карьер» — демонстрации, и только они! Прав наш автор, когда говорит, что «жизнь повторяется» в этих стремительных увлечениях одной формой деятельности.

Что понял автор письма и чего не могли усвоить его «куцые» оппоненты, это то, что теперь более, чем когда-либо, на очереди стал вопрос о создании боевой революционной организации, без которой наши силы попрежнему будут расточительно тратиться в увлечениях то одной, то другой формой борьбы, смотря по тому, куда подул ветер общественных настроений. Наш автор понял, что именно теперь-то, когда ошибочность прежнего одностороннего увлечения «массовиком», т. е. стихийным движением, стала очевидной, что теперь-то пора, не откладывая дела в долгий ящик, начать работать над «организацией революционеров», а не просто рабочих. Что необходима организация профессиональных революционеров, без которой мы попрежнему будем переживать то невозможное положение, что

студ. Никитина *, вопрос о принятии семинаристов в высшие учебные заведения и выяснение своего отношения к харьковским событиям. Сходка по поводу вопроса о принятии семинаристов в высшие учебные заведения решила подтвердить постановления предыдущей сходки (24 ноября), когда была принята резолюция, протестующая против мероприятий Ванновского и требовавшая отмены прикрепления студентов к округам, открытия свободного доступа в высшие учебные заведения для женщин, евреев и всех желающих вообще и т. д.

Относительно харьковских событий решено было выразить протест Ванновскому (против всякого протеста высказалось только 16 голосов из 700) и поддержать харьковцев забастовкой. За забастовку высказалось 446 гол., против нее — 133, а не голосовало 63 чел. **. До сих пор все шло гладко и прилично. Но вот всплыл на сцену вопрос: когда же начать забастовку, и что же? порешили начать ее только после рождественских каникул! Но — дальше в лес, больше дров! — вспомнили, что некоторые коллеги еще не сдали весенние экзамены, отложенные ими на январь, и вот, чтобы дать им возможность выдержать эти экзамены, постановили не начинать забастовку ранее 15 января. Кто-то догадался еще прикинуть к этому числу 5 дней про запас, на всякий случай, и в результате харьковские товарищи могут рассчитывать на активную поддержку киевлян ровно через 1½ месяца, т. е. не ранее 20 января 1902 года! Надо полагать, что даже Ванновский останется доволен таким основательным и осмотрительным решением политехников: ведь при его генеральской скоропалительности, этих полутора месяцев ему совершенно достаточно, чтобы до основания уничтожить не только ветеринаров первого курса, но и все курсы всех учебных заведений Харькова.

Ректор, призванный на сходку, опять счел своим долгом предупредить студентов о том, что новые волнения могут принести им много неприятностей и т. д. Сходка тянулась с ½ 2-го до 8 час. веч. Выходили из нее, конечно, большими толпами, и одна толпа, чел. в 200, проходя по Шулявке, запела песни. Около Триумфальных ворот повстречался какой-то офицер. Увидав студенческую процессию, он сейчас же смекнул, что отечество в опасности, вскочил на извозчика и поскакал куда-то во мглу вечера. Неподалеку находятся какие-то солдатские казармы. Не желая дефилировать мимо них, студенты свернули на другой путь, но увы! в казармах уже поднялась тревога, и скоро вся толпа, без вины виноватых, была встречена городовыми и солдатами, часть, конечно, попала в плен, и 42 чел. были отведены в участок, переписаны, и затем всех распустили по домам.

* * *

В Киеве распространился слух, что на 6 дек. назначена демонстрация. И вот, вся наша охрана пришла в движение. Весь Киев, несмотря на туман, засиял и засверкал от множества блях и значков на груди и шапках каких-то чинов, высыпавших на улицу вместе с толпами шпионов. Эта контр-демонстрация очень заинтересовала публику, но оказалась выстрелом в пустое пространство.

К настроению сознательных рабочих в Спб. С удовольствием помещаем выдержки из весьма интересного письма одного петербургского рабочего к нашему товарищу. В письме весьма характерно отражается революция приостанавливается на лето потому, что «господа на дачу выехали».

Что, ставя задачу такой организации, будет «глупо валить на рабочих и интеллигентов» и что «не в том сила», а в том, чтобы образовать из рабочих интеллигентных революционеров, без которых «на одном массовом рабочем далеко не уедешь». Что пора нашим «интеллигентам» отказаться от взгляда, что, «если рабочий больше понимает, так его уже и за рабочего не почитают: им, видите ли, массового нужно» и что не следует из-за боязни «оторваться от массы», за задачей агитации забывать столь важные задачи пропаганды и организации — организации партийной.

Заметим, что письмо петербургского рабочего написано по поводу, между прочим, № 4 нашей газеты, в котором мы развивали наш план организации, возбудивший против себя очень многих из наших интеллигентов. Мы имели уже не один случай убедиться в том, что этот план был гораздо более серьезно оценен сознательными рабочими. Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить «кружок сормовских рабочих» за приветствие, посланное ими нам по поводу этого организационного плана.

Выдвигаемые теперешним кризисом в нашем движении задачи организации составляют тему еще одного письма в редакцию за подписью «работница». Приводим его почти целиком.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

«Бесконечные провалы один за другим, то бешенство, с каким эти хищники, в лице жандармерии и полиции, набрасываются на те места, где хоть сколько-нибудь существует рабочее движение, их сильное желание вырвать все с корнем, заставляют меня обратиться с письмом в редакцию, чтобы таким образом поделиться с товарищами некоторыми своими мыслями.

«Около четырех лет тому назад, а именно в начале 1898 г., я была арестована с еще кучей товарищей (арест тогда был очень крупный, одновременно в нескольких городах); попали тогда многие и менее моего „грешные“, но уверяю вас, что устранение меня больше, чем на четыре года от жизни, — слишком много чести для меня, если даже стать на точку зрения нашего самодержавного правительства.

«Но факт остался фактом, и, к великому сожалению, не единственным, а почти всеобщим, в чем меня убедили встречи с товарищами по тюрьме и за Уралом. Так или иначе, я пробыла в „русском университете для рабочих“ с сознанием того, что если я и не совсем ни-

* У студ. Никитина около года назад был произведен обыск, при чем нашли очень подробные записки, скомпрометировавшие в глазах полиции несколько лиц. Арестованный Никитин, желая выпутаться, так удачно отвечал, что запутал несколько новых лиц. Потом, однако, он был выпущен и снова поступил в политехнический институт. Студенты избрали специальную комиссию для расследования его поведения. Эта комиссия несколько раз уже пыталась на предыдущих сходках изложить результаты своих изысканий, но каждый раз это не удавалось, так как у сходок не оставалось свободного времени после решения более неотложных дел. На этот раз ей удалось, наконец, высказаться, и она заявила, что пришла к тому заключению, что Никитина нельзя заподозрить ни в шпионстве, ни в провокаторстве, а его выдачи об'ясняются неумением держать себя на допросах.

** Всего в киевском политехническом институте около 1.050 студ. В момент голосования было на сходке 642 чел., т. е. почти ⅔ всех студентов. Многие уже раз'ехались на каникулы.

отношение известной части рабочих к спорам между «экономистами» и «политиками»:

...«Вижу, что правы-то были (в прошлом году) вы, да и не вы одни, а все, кого мы „бунтарями“ называли. Вы тогда ничего не говорили про „Искру“, но я думаю, что она вам должна нравиться и что вы с нею заодно, поэтому-то я и хочу говорить с вами про нее и про то, что меня мучает. Ходит к нам один паренек... ничего он, только куцый какой-то, и с ним душевного разговора быть не может... Видел я всего два номера „Искры“ — 4-й и 7-й, и мне показалось, что я ее понимаю, а паренек уверяет, что нет. (Просим не забывать, что «паренек»-то «куцый». Ред.). Хотел бы и другие номерки почитать, да паренек не дает, говорит, будто нет у них, да я думаю... просто давать не хочет, так как они ее за вредную почитают (это «куцые»-то! Ред.). Много я думал про организацию, и мне кажется, там про это верно сказано; не все только я понял, — смысл-то я уразумел, а как взяться за нее, не знаю. Паренек говорит, будто „Искра“ плюет на рабочих и будто хочет не рабочих, а революционеров организовать. На счет плевания, я думаю, пустяки, а на счет революционеров, мне кажется, правильно. Ведь не всякий рабочий — революционер, это раз; а второе — это вовсе глупо делить на „рабочих“ и „интеллигентов“. Не в том сила. Иной рабочий годится и в кружок, и в кассу, и книжку может прочитать, и на демонстрацию пойдет, а все-таки в партию не годится! Конечно, без массового рабочего революции не сделаешь, а все же на нем одном далеко не уедешь. Массу и на баррикаду повести можно и фабрику громить: какая минута подойдет! Вот и выходит, что такая партия нужна, чтобы не фабрику громить учила, а что другое. Трудное теперь время! Кабы знать, что делать, многое бы сделать можно, а по мне никто не знает, что делать нужно. Вот паренек говорит, что теперь дело к концу приходит, начало, говорит, конца, и всякого-де человека ребром ставить нужно. Если это так, конечно, скупиться нечего — нужно раскошеливаться. А ну как это только начало, и не конца начало, а просто начало? Что тогда? Тут всех ребром поставишь, а к настоящему-то концу без людей и останешься? Ведь это не дело! И потом, знаете, нет у меня веры к ним! Ведь еще с год назад все говорили, что выше себя не перескочишь, что на все время есть, что иначе, как от печки, нельзя начинать, а печкой был либо мастер, либо расценки, редко, редко Пирамидов. Раньше все уверяли, что наше дело сторона (автор имеет, очевидно, в виду отношение к студенческому движению. Ред.), а сейчас уверяют, что в нас самый центр и есть. Помните, вы тогда говорили, что жизнь не повторяется, по мне, это не совсем правильно. Посудите сами: разве не одно и то же повторяется вот уже четыре раза? Сперва только и света, что в кружках: рабочие мариновались на „культуре“ и „стоимости“, потом кружки ничего стоить не стали, а весь смысл дела в массовом рабочем, в агитации. Кружка больше не допросишься, не стало больше понимающих интеллигентов (!); тут время стачкам пришло — нет стачки, нет и жизни; теперь стачки свой вкус потеряли, нужны демонстрации, только про них и есть разговор. Ну, а дальше что? Так разве жизнь в этом не повторяется?.. Раньше—чем больше знал рабочий, тем лучше; с каждым носились, как с писанной торбой, ему и журналы, и книжки: читай, голубчик! а сейчас, как рабочий больше понимает, так и за рабочего не почитают: им, видите ли, „массового“ нужно: все они от массы оторваться боятся... Вы не подумайте, что я думаю только о себе, не забочусь о массе или от интеллигенции требую науки. Уж куда мне с суконным рылом! Вот понимания надо бы больше — время-то трудное, прямо страшное: кругом все бродит, все ходят озверелые, никто выхода не знает, не у кого спросить, не у кого поучиться. Я вот сколько времени в кружках терся, а и то голову потерял, а другие год вообще с делом знакомы были, да какое год! с осени когда еще наладится, а к весне либо заберут, либо господа на дачу выбираются... Вот наш паренек товарища приводил, и оба толковали, почему за год все так переменилось. Причина-де в безработице. Ну, а если она пройдет, опять по-старому все будет, опять от печки? Эхма!.. Нет у них, по-моему, большого понимания, а так, кусочки понабрали. Раньше думали, что, коли рабочий, так нет, кроме гроша, у него другого интереса; сейчас говорят, будто у рабочего другой думушки нет, как бы на улице костьми лечь. Верно: коли время подойдет, от этого отказываться не приходится, только зачем же рабочего (прежде) в загородку ставили? Мне „Искра“ потому и понравилась, что она рабочего за гражданина считает, а это ах как важно!.. Говорят они еще, будто „Искра“ заговора хочет, а им сейчас страшно стало, ведь

чего не делала, то во всяком случае далеко была от того, что можно было бы назвать „делом“. Естественно, что у меня возник вопрос о том, как дорого мы платимся за каждую крупицу самосознания, внесенную в рабочую массу. Этот вопрос меня мучил долго, но все-таки я думала, что он уж отчасти разрешен. Теперь же, когда я вернулась, то убедилась, что мы еще в этом отношении не очень далеко ушли. Хоть за последние годы рабочее движение безусловно выросло, но надо признаться, что выросло оно гораздо больше вширь, чем вглубь. Конечно, хорошо и первое, но этого все-таки мало, и теперь эти хищники, как и прежде, вырывают все с корнем и этим самым тормозят или останавливают—иногда на довольно продолжительное время — все движение; словом, они и теперь на долгое время отрывают людей от „дела“. Но хуже всего то, что другие сразу заменить их не могут, что пришедшие им на смену товарищи не могут сразу приступить к раз уже начатой работе; словом, не могут, за редкими исключениями, стать продолжателями своих предшественников, не могут пользоваться ни их ошибками, ни их успехами. Нет еще ничего такого, что бы служило связующим звеном между выбывшими товарищами и пришедшими им на смену. Итак, самое большое зло, которое я вижу в нашей работе, это то, что мы еще не сорганизованы, что мы работаем, так сказать, каждый за свой страх и риск, у нас совсем нет традиции.

«После провала работа непременно должна не прекращаться, а пойти возможно живее. Это имеет двойное значение: с одной стороны, провалы не наводили бы панику на менее сознательных рабочих и не убивали бы веру в провалившихся, и это увеличило бы энергию тех лиц, которые выступят провалившимся на смену. С другой стороны, правительство увидело бы, что, как бы оно ни увеличивало штаты всякого рода полицейских крыс, в России „крамолу“ вывести уже нельзя, что даже нельзя произвести и временного затишья... Но, товарищи, все это возможно будет, когда мы сорганизуемся, когда у нас будет центральная организация, которая будет руководить всем движением России. Этим было бы достигнуто не только уменьшение, если не полное исчезновение, провалов, исправность в работе, но и правильное ведение дела, способность отзываться на известные требования жизни. Никакие волнения или столкновения, как, например, студенческие беспорядки, поступки Карповичей, Лагонских не застали бы врасплох, если бы мы могли заранее знать все — и воспользоваться всем. Но самое главное, чтобы раз начавшееся где-нибудь движение среди рабочих уже обязательно поддерживалось, чтобы оно не могло прекратиться, чтобы центр

массовика в заговор не упрячешь, а ну, как он озлится и плюнет на них; вояки тоже!».

Признаемся, мы давно не встречали более меткой критики прошлых и настоящих прегрешений наших деятелей-интеллигентов. Форма письма может показаться кое-кому обидной, но это обстоятельство не должно мешать тому, чтобы заставить товарищей призадуматься над вопросами, выдвинутыми автором, который, очевидно, достиг гораздо большей степени революционной зрелости, чем члены многих наших организаций.

Полицейский провокатор среди сектантов. Официальное сообщение о беспорядках в Павловках, Харьк. г. (столкновение между сектант. и православн. крестьянами) частью умолчало, частью извратило причины происшествия. Этого и следовало, конечно, ожидать: было бы смешно и недальновидно, если бы поджигатель, спаливши в целях получения страховой премии дом, об'яснял бы потом следователю, сколько фунтов керосину для этого потребовалось. Царское правительство и дальновидно и не любит насмешек. Доведя ту или другую группу населения рядом «спасительных мероприятий», основанных на излюбленном и «истинно-русском» принципе — не мытьем, так катаньем — до открытого возмущения (будет ли то разгром фабрики, тюремная голодовка или крестьянский бунт и студенческие волнения), правительство, пользуясь монополией лживых «сообщений», спешит напустить туману в глаза простосердечным обывателям и тем охранить «общественное спокойствие».

Ниже приводимые факты помогут несколько рассеять пелену правительственного тумана, сгустившуюся над павловскими толстовцами.

Достоверно известно, что сектантам пришлось много претерпеть притеснений от «православного» начальства, прежде чем решились они на разгром опостылевшей церкви-школы, выстроенной ради возвращения заблудших овец в лоно «истинной» церкви. Казалось, и духовные и светские власти в ярости «на отца лжи», «антихриста» Л. Н. Толстого, всячески стремились испытать терпение и силу непротивления злу в его последователях. Дело доходило до того, что сектантов преследовали за нарушение запрещения ходить по улицам двум-трем человекам вместе.

Еще более любопытным представляется личность агитатора, убедившего, наконец, сектантов, что в их положении непротивление злому надо оставить и следует употребить силу. Правительственные газеты этого агитатора называли агентом толстовца — кн. Хилкова, который, как известно, следуя заповеди Христа, отдал имение крестьянам, за что по повелению покойного «Миротворца» [3], для вящшего охранения семейных начал, был лишен отцовских прав — у него отняли детей, чтобы спасти их от заразы отца и сохранить для престола, воспитав из них таких же истинно-русских мерзавцев, каким был сам «Миротворец». Оказывается, однако, что «агент кн. Хилкова» был самым доподлинным и обыкновенным полицейским агентом-провокатором *.

Этот агент, под именем странника Моисея, шатался между павловскими сектантами и говорил, что он не боится ареста, что ему не страшны тюремные запоры. «Силою христовой падут замки, разорвутся оковы, и я явлюся к вам на слободу на другой же день, как возьмут меня в острог слуги дьявола». И, действительно, явился. Но освободил посланника христова из темницы не кто иной, как сами же «слуги дьявола». На запрос губернатора о причинах освобождения странника Моисея местный исправник ответил, что странник, действительно, освобожден, о причинах же оного освобождения будет доложено губернатору особою бумагой. Пусть исправник сумской об'ясняет губернатору о случившемся со странником Моисеем чуде. Мы, товарищи, не нуждаемся в особой бумаге для того, чтобы понять, что сей сон означает:

И много понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Христа своего распинают,
Творца своего продают...

---

* Из другого источника нам тоже сообщают об этом провокаторе и прибавляют, что он подослан профессором Скворцовым, чиновником святейшего Синода, известным преследователем сектантов. Вот каковы наши пастыри христова стада!! Ред.

уже мог всегда туда направлять силы. Тогда и только тогда наша работа пойдет более быстрым шагом вперед.

«Чтобы постоянно быть в курсе дела, центр должен будет везде иметь своих агентов, а те, в свою очередь, устроить так, чтобы в случае их ареста у центра все-таки осталась связь с данной местностью (детали, как это устроить, не трудно будет выработать, когда за это возьмутся и хорошенько подумают). Тогда только, когда мы хорошо сорганизуемся, провалы наши не будут иметь таких пагубных последствий, какие есть теперь. Пока мы не будем организованы, пока мы не будем иметь полной возможности подойти прямо после арестов к начатой уже работе, пока все группы, работающие или желающие работать, не будут строго организованы и соответственно нуждам распределены, — мы, как и до сих пор, будем тратить массу времени непроизводительно. Мы бессильны против врага не так количественно, как разрозненностью. Сила врага безусловно велика, но еще усиливается сплоченностью, возможностью действовать одновременно во всех концах России, а последнее не зависит только от того, что их так много, а от того, что они соединены и могут действовать по раз задуманному плану. Мы именно этого лишены, у нас самые преданные и выдающиеся деятели не могут работать успешно именно потому, что разрознены, что не могут выработать плана действий, что лишены возможности сговориться с руководителями других групп, чтобы решить, как поступить в том или в другом случае, словом, чтобы выработать какой-нибудь план действий. Я думаю, что мы много, много от этого теряем. Только тогда, когда мы сорганизуемся, мы сможем выставить против количественной силы врага силу качественную...

«Не претендую на то, чтобы мое письмо доказало и убедило в достаточной мере товарищей в том, сколько мы теряем от того, что не организованы. Я буду очень довольна, если мое письмо напомнит другим, более умелым лицам взяться за эту работу.

Работница».

Расширение политической агитации — распространение ее на все недовольные слои, выработка сознательной рабочей интеллигенции и создание боевой партийной организации, способной справиться с правительственными преследованиями и вести свою работу при всяких условиях общественного настроения, — вот те главные задачи, которые намечаются в приведенных нами письмах.

[Л. Мартов]

Словно черви по разлагающемуся трупу, расползлись иуды-агенты правительства по всему пространству самодержавной России. Много их и в нашей рабочей среде. Чутко прислушиваются они к свободному, честному, выстраданному рабочему слову, зорко приглядываются к проблескам пробуждающегося рабочего самосознания. Но горе вам, порожденье абсолютизма, горе вам, дети Зубатовых, Васильевых, Пирамидовых! Заря политического освобождения рабочего класса не за горами. Настанет день народного суда, и помянутся вам — и слезы павловских мужиков, и муки первых борцов за великое рабочее дело, за народное счастье!..

Пермь. Нам пишут: «У нас две газеты: одна официальная („Пермские Вед."), другая частная („Пермский Край"). Вот последняя-то по недальновидности устроила очень некрасивую выходку. Часть пермской интеллигенции, узнавши о выходке „Гражданина" [4], решила послать ему протест. Интеллигенции удалось поговорить по этому поводу на собрании в бесплатной библиотеке 26 октября. Только 28 октября в хронике „Пермского Края" (№ 234) появилась заметка, в которой кратко передается, что на собрании решили написать письмо в „Гражд." и собрали уже 80 подписей и затем выбрали комиссию из пяти (поименованных) лиц для выработки формы петиции о допущении женщин в университеты.

«С этого и началась история. К ответственному лицу бесплатной библиотеки является полицмейстер, спрашивает о собрании в библиотеке 26 октября, ссылаясь на жандармский запрос и заметку „Пермского Края". Ответственное лицо о собрании ничего не знало, но обещало полицмейстеру навести справки. Губернатор же стал поговаривать о закрытии библиотеки.

«Собрался совет библиотеки. Он дал следующий ответ на запрос полиции: в библиотеке было собрание не специально по поводу статьи „Гражданина", а собрание сотрудников (что полагается по уставу), и на этом-то собрании кем-то случайно был поднят вопрос о статье „Гражданина". Был представлен даже протокол собрания сотрудников, помеченный 26 числом. Дело как будто уладилось. Администрация просила только впредь на подобных собраниях не поднимать посторонних вопросов и сообщать полиции о времени собраний.

«Только вдруг на-днях (след., почти через месяц от собрания в бесплатной библиотеке) губернатор получает от департамента полиции запрос с ссылкой на „Пермский Край"), кто разрешил собрание в бесплатной библиотеке и кто был на этом собрании. Цензор же от главного управления по делам печати получил выговор за пропуск заметки о подобных собраниях.

«Началось расследование. Полиция и жандармы забегали в библиотеку. Начались допросы библиотекарши и сотрудников. В устав библиотеки был внесен особый параграф, по которому сотрудникам разрешается собираться только в колич. 5.

«Библиотекарша, как человек неопытный в подобных делах, на вопрос: „кто поднял вопрос о статье «Гражданина" почему-то сочла нужным взять на себя эту вину.

«Полиция ведет себя нахально. Для допросов является прямо в библиотеку, ведет там вслух различные рассуждения, чем очень смущает посетителей. Библиотекарше прямо читается список сотрудников и про каждого спрашивают, был ли он. Библиотекарша отвечает уклончиво: „не видела", „не знаю", „не был". Тогда полиция заявляет, что так как она говорит почти о каждом, что „не был", то она считает поименованных лиц бывшими и отмечает крестом.

«Чем дело кончится, неизвестно. Расследование продолжается. Не мешало бы хотя частным газетам не делать бессознательных (сознательного мы, отнюдь, не предполагаем) доносов по глупости некоторых корреспондентов».

Мы, с своей стороны, заметим, что выговор нашего корреспондента было бы едва ли не правильнее адресовать участникам собрания. Очевидно, они не видели в своем собрании ничего незаконного, и они были правы. Почему же им и не заявить открыто, что они были на собрании? Неужели они боялись за это потерять места на службе и т. п.? Неужели нельзя «рискнуть» выговором или неприятным замечанием в такое время, когда студенты идут на улицу, не боясь казаков и войска?

Но всего интереснее, это — вмешательство из Петербурга! Лучше всяких рассуждений доказывает оно, что правительство вполне солидарно с «Гражданином». И мы советуем всем и каждому усвоить себе хорошенько этот нехитрый вывод! Ред.

К СВЕДЕНИЮ ГИМНАЗИСТОВ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ.

Учителя в роли провокаторов. Во второй половине октября 1901 г. по гимназиям и реальным училищам разослан секретный циркуляр следующего содержания:

Предписывается как можно строже следить за развитием и выработкой убеждений у воспитанников старших классов, убеждений, касающихся сферы политических отношений государства к обществу. Обязанность эта возлагается по преимуществу на преподавателей русского языка. В качестве средства ознакомления со взглядами воспитанников, которые они часто усваивают вне школы, в семье или частном кружке знакомых (ибо студенческая среда готовит себе адептов еще на гимназической скамье), предлагается преподавателям задавать темы для сочинений такого сорта, из которых можно было бы видеть направление гимназиста, и если таковое окажется в духе социалистическом и вообще вредном, принять это во внимание и иметь это в виду при приеме в высшее учебное заведение.

Итак, «сердечное попечение» ген. Ванновского оказывается ни более ни менее, как попечением о сердцах гимназистов на предмет разыскания семян крамолы.

Опять голодовка в тюрьме! (письмо из Бутырской тюрьмы). Прежде, в течение многих лет, больные политические содержались в главном корпусе московской губернской тюремной больницы, находящейся при пересыльной тюрьме. Этот главный корпус предназначен исключительно для сумасшедших. Внизу в общих камерах находятся уголовные, психически, тихо помешанные.

В большом среднем перелете на уровне второго этажа тянется вдоль одной стороны большая площадка, и здесь находится 11 камер; сюда сажают буйных и помешанных. Здесь же, в этой камере, содержатся больные политические. Среди шума, гама и диких криков помешанных можно себе представить, как должно действовать пребывание с психическими больными на человека, истомленного одиночеством. Заключенный, запертый в четырех стенах, привыкший ловить всякий звук, как может он знать, почему его сосед так неистово кричит и мечется и почему он, так внезапно захрипев, — умолкает! Уж не истязали ли его? Уж не поколотил ли его озверевший тюремный страж? В течение многих лет указывалось на невозможность такого порядка содержания политических больных.

Сравнительно не так давно к больнице была присоединена сбоку задняя башня пересыльной тюрьмы, носящая название «Пугачева башня». В этой башне в одной из камер поместили служителя, в другой ванную, один из больших нижних номеров отведен для фельдшерицы. В тюремной больнице под именем фельдшерицы фигурируют лица без всякого медицинского образования (настоящих боятся, очевидно, брать в виду их неблагонадежности). В остальных пяти номерах помещаются больные политические. Два верхних и два средних избавлены от параш. Из них больных по стуку в дверь выпускают в клозеты. В нижнем же первом номере стоит параша. Из него почему-то не считают возможным выпускать больных в клозеты второго этажа.

В виду этого, а также в виду того, что в этом номере сильно дует из входной двери, он начинает играть роль больничного карцера.

Повидимому, жизнь с внешней стороны обстоит сносно постоянно под рукой есть служитель, есть и представительница современной медицины. Но как всегда у нас бывает — начнут делать что и не доделают: так напр., внутри башня прикрыта, а крыша оставлена старой она при сильном дожде протекает, и все верхние помещения разукрашены мрачными серыми пятнами. В верхней камере пахнет плесенью и сыростью. Отопление в башне духовое, в подвале устроена громадная печь, и нагретый воздух расходится во все камеры. Я сказал: во все! В две нижние тепло совсем не идет. Выгребная яма устроена у входа в башню; она неглубока и почему-то таинственным образом соединена с подвалом. Жидкость из нее просачивается в последний, и вот стоит отходникам потревожить сие место, как вся башня в течение 3—5 дней наполняется зловонием. В отдушины вместе с теплом идет вонь.

Но все бы это ничего. Но беда в том, насколько администрация небрежна к внутренним, духовным сторонам политических. Смотритель по существу человек не злой, но одержим манией величия и почему-то считает нужным на каждом шагу указывать на то, что, если он захочет, то удовлетворит требование, а нет, так и так оставит; и когда его зовут к себе вновь прибывшие, он по нескольку дней не является. Одному, напр., разрешает покупать себе мяса каждый день, другому — нет; некоторым разрешает выдавать свечи, другим — нет. Свечи же более чем необходимы заключенным, так как тюремные лампы висят высоко и закрываются частой железной решеткой для того, чтобы больные не могли облить себя керосином и сжечь. Зимой темно становится с 3 час., и читать нет никакой возможности. Некоторые ставят на кровать табурет и читают балансируя, рискуя каждую минуту загреметь на каменный пол; другие умудряются открыть решетку, рискуя навлечь гнев начальства. Предметы необходимости заставляют покупать в одной определенной лавке. Перестукивание, пение запрещается. Среди мертвой тишины гаснут силы больного. Большую часть суток царит гнетущая тишина. Условия жизни таковы, что сами стражи на свой страх и риск нарушают правила. Один терпит перестукивание, другой еще что-нибудь разрешает. За это их немилосердно распекают и всячески подтягивают.

Так текла жизнь в больнице до самого последнего времени.

В ноябре в больнице сидели: П. Покровский, Вячеслав Адольф, Моисей Ворисовский, Пинкуль (приказчик) и Исаак Шур из Вильны, — люди, ожидающие приговора.

В середине ноября в первый номер привезли из Таганки Высоцкого; он устроил там голодовку, так как его не хотели перевезти из темной камеры, окно которой закрыли железным листом, уничтожая, таким образом, доступ воздуха и света, в светлую без листа комнату.

Он голодал 8 дней. Начальство не хотело уступить и перевело его в больницу. Из последней Высоцкого скоро выписали, но он решил довести борьбу до конца.

Шур, идя на прогулку, крикнул: «Здравствуй, товарищ!» За это он был лишен на время прогулок. Тогда, выведенные из себя небрежным отношением смотрителя и мелкими придирками, политические нарушили гробовое молчание.

Утром и вечером больница начала оглашаться веселыми криками: «Здравствуй, товарищ! Доброго утра! Доброй ночи!» и т. д.

А когда Высоцкий уезжал и крикнул: «Прощайте, товарищи!», как гром удара потряс башню единодушный крик всех остальных четырех: «Прощайте! прощайте!». Администрация всполошилась. Начались увещевания, угрозы. Эпилептика Исаака Шур перевели в первый номер и совершенно лишили прогулок. От возбуждения у него участились припадки эпилепсии. Но он решил не сдаваться и об'явил смотрителю, что будет голодать, пока его не переведут наверх и не разрешат прогулок. Остальные трое решили тоже голодать, пока не удовлетворят требования Шура, а также присоединили еще такие требования: покупать свечи, чтобы на прогулку водили не в загончик около выгребной ямы, а в большой сад. Так началась и идет борьба с произволом администрации в тюремной больнице. Чем она кончится, не знаю. Смотритель грозит Шуру, что зашьет его в мешок и привесит к потолку, если он будет кричать: «Добрый день, доброй ночи! Прощайте!» — 6 декабря получено известие, что голодовка продолжается седьмой день.

Пример заразителен. На заседавшем в первых числах октября в г. Полтаве с'езде деятелей по кустарной промышленности была, между прочим, принята следующая резолюция: «С'езд признает, что телесные наказания не только противоречат началам христианского учения, но и являются гормозом культурным начинаниям правительства и общества в целях духовного развития и улучшения быта его». Если Победоносцев[5] и послушные ему «смиренные» пастыри, заседающие в Синоде, отлучили от церкви графа Толстого, то почему бы нашим почтенным «деятелям» не отлучить от церкви самого Победоносцева, как известно, ревниво охраняющего розгу как один из устоев царского самодержавия? Пример заразителен! Но смеем уверить гг. Левитских[6], Каблуковых[7] и прочих, что начала христианского учения спокон веку нарушались всеми теми, у кого в руках была власть. «Начала христианского учения» не остановили ни одного убийства, ни одного разбоя, когда это было в интересах правящих. Напротив, никто не пролил столько невинной человеческой крови, как христианнейшие и смиреннейшие отцы церкви во имя проповеди «начал христианского учения».

Да и сами «деятели» по кустарной промышленности не очень церемонятся с этими «началами»: они хотят уверить царское правительство, что оно служит каким-то культурным начинаниям, что оно заботится о духовном развитии и об улучшении материального быта населения. Это русское-то правительство! Правительство, ведущее борьбу с голодающими! Правительство, насаждающее культуру при посредстве кабака! К чему комедия? К чему фарисейство? Ведь фарисеев-то Христос прогнал из храма!

Киев. Волна артельного движения.

Стараясь отвлечь рабочий класс от социализма, царское правительство, в страхе за свое благополучие, по рецепту «Нового Времени» (см. ст. о раб. беспорядках), лицемерно проявляет «отеческую» заботливость о рабочих. Таково об'яснение той поддержки, какую встречают со стороны властей артели, быстро возникающие в Киеве, как и в других местах (за короткий срок их образовалось у нас — восемь). Среди жандармов везде появляются последователи Зубатова. Некоторые из них, напр., жандармский полковник Васильев в Минске (см. № 5 «Искры»), действуют довольно умело; нельзя сказать, чтобы умнее, но во всяком случае усерднее действует киевский жандарм Новицкий. Речь, произнесенная им на открытии первой «русской» артели портных, основанной на началах «православия, народности и самодержавия» (см. «Киевлянин» № 278), является своего рода шедевром. «В неустанных заботах о вас министр финансов удешевил водку, — сказал Новицкий, — благодаря учреждению винной монополии, вы можете теперь пить дешевую и хорошую водку»; рекламируя казенную водку и высказав, таким образом, тонкое понимание смысла винной монополии, Новицкий указал далее на то, что утверждение министром финансов артельного устава есть второе проявление той же заботливости, и воспользовался тут удобным случаем, чтобы обрушиться на социал-демократов, пустив в ход обычное свое оружие — клевету и ложь. «Предупреждаю вас больше всего: не ведите знакомства с подозрительными людьми, — продолжал он, — избегайте их старательно, потому что они хитрые, очень хитрые! Я хорошо их знаю, потому что сам пресекаю!... Не заводите касс. Я сам недавно изобличил одного рабочего, —

невозмутимо продолжал врать Новицкий перед развесившими уши артельщиками, — не было кассы, он был беден, а как завелась касса, он приобрел золотые часы и пальто в 80 руб.». По окончании этой речи г. Суровцев, пом. прис. пов. и, можно ожидать, человек интеллигентный, имел бесстыдство произнести тост за здоровье Новицкого. Директор Госуд. банка, г. Афанасьев, также принимавший участие в этом «торжестве», указал на то, что он переживает вторую волну артельного движения, и правильно заметил, что теперешние артели, в отличие от прежних, народнических, имеют целью лишь практические выгоды участников, не представляя из себя идейного дела. Хотя г. Афанасьев выразил уверенность в их жизнеспособности, а ген. Новицкий, исхлопотав артели 1.000 руб. у местного богача Терещенки, подарил ей портреты «его» и «ее», писанные масляными красками, и икону богоматери, призвал ей на помощь своею жандармскою властью все силы земные и небесные, — однако, в их дальнейшем процветании можно сомневаться. Ремесленная промышленность, неспособная выдержать конкуренции крупного капитала, ищет спасения в единении мелких предпринимателей на артельном начале; но не в таком единении могут найти себе выход русские рабочие! Лишь соединившись для свержения самодержавия, они получат необходимые условия для свободной и счастливой жизни, для осуществления социалистического идеала!

Киев. В поисках за «Искрой».

Заботливость «передовых» жандармов об артелях ремесленников да и вообще вся «зубатовская» политика об'ясняется желанием не только легализировать рабочее движение и направить его в мирное русло, но и установить над ним свой жандармский надзор и шпионскую опеку. Для этой цели жандармы стараются иметь среди артельных попечителей своих ставленников — Френкеля-отца, неожиданно выступившего в роли покровителя артели переплетчиков. В артели этого карточного друга Новицкого сыск поставлен образцово: недавно работавшие там переплетчики были осчастливлены появлением жандармского ротмистра Васильева, ад'ютанта Новицкого. Войдя в мастерскую, он направился прямо к тому месту прилавка, где под переплетными материалами один из артельщиков положил купленную им московскую газету «Русское Слово» вместе с еженедельным приложением ее «Искрой». Можно себе представить разочарование усердного жандарма, когда он извлек на свет божий, вместо ожидаемого им «запрещенного листка возмутительного содержания», — его московскую легальную тезку!

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Москва. О рабочих собраниях. (Письмо 1-е).

Для того, чтобы более подробно ознакомиться с рабочими собраниями механического производства, мы считаем нужным ознакомление начать сверху этой незаурядно задуманной махинации для отвлечения рабочих от правильно намеченного пути к освобождению рабочего класса из-под ига капитализма, об'единяющегося с гнуснейшим самодержавием Романова. Направить по ложному пути рабочее движение, дабы оно попало в трясину, откуда ему не так-то легко выбраться опять на твердую почву; вырвать из рабочего движения ту могучую силу, которой боится начинающее дряхлеть русское самодержавие, прочную и опасную революционную силу стачек — такова главная цель этой махинации. На всяком порайонном собрании красной нитью проходит эта трудно скрываемая цель отвлечения рабочих от стачек. Но об этом мы поговорим в следующих письмах.

Что Зубатов держит в своих руках всякое собрание— это несомненно, что он извлекает ту пользу, ради которой разрешены эти собрания, это тоже несомненно, что многое другое достигает Зубатов благодаря этим собраниям, понятно, конечно, само собою, что это все сильно усугубляется инертностью действующих здесь товарищей, что рано или поздно они принуждены будут сознать сами,—мы в этом уверены вполне. А Зубатов не дремлет: во всей организации главную роль играет «совет». Сие учреждение состояло до 20 ноября из 17 человек, в число которых входят два провокатора Слепов и Афанасьев, ихто, главным образом, влияние и отражается как на характере порайонных собраний, так и на остальных членах «совета». Все вопросы, подлежащие обсуждению районных собраний, исходят из «совета», предварительно просмотренные агентурой Охранного Отделения. Дальше, на районных собраниях дело ведется не по желанию присутствующих, а по желанию члена «совета», который является по поручению «совета» в качестве контролера, «дабы не зарвался далеко кто-либо из врагов». Врагами же «совет» считает рабочих, вращающихся среди «мелкой» интеллигенции *, т. е. революционеров... Совет нашел необходимым выработать даже «инструкцию», так что в дальнейшем «совет» должен являться бюрократическим учреждением. Соколов, один из главных врагов революционеров, заявлял, при прочтении этой «инструкции», что мы (т. е. «совет») с господами профессорами выработали инструкцию, так что господа профессора принимают участие не только в просвещении рабочих, но несут с собою и приемы бюрократии. Совет «имеет право назначить в районное собрание председателя, а если собрание почему-либо пожелает выбрать само себе председателя, то в таком случае представляет выбранного на утверждение, каковое могут, однако, и не утвердить»... Порайонные собрания не могут происходить в те дни, когда собирается совет или в воскресные дни, когда читаются лекции. По «инструкции» члены совета «на районных собраниях следят за нравственностью присутствующих» и т. д. Возможно, что инструкция передана нами не совсем точно, ибо у нас нет копии, но смысл верен.

Самым деятельным и пользующимся популярностью рабочих является г. Красивский; он хорошо может действовать на рабочих своей речью, и немудрено: он когда-то сам был революционером, его и теперь не принимают на фабрики, благодаря тому, что он принимал несколько раз участие в стачках. По профессии он папиросник и последнее время работал на фабрике «Дукат». Шпионом его назвать нельзя, ибо нет для сего фактов, но его близкая дружба со Слеповым и Афанасьевым, та солидарность, с которой они поддерживают друг друга, очень подозрительна. Бывали случаи, что по просьбе г. Красивского позволяли жить в Москве политическим, да и то, как он говорит на собраниях, позволяет делать заключения, для него не очень лестные. Г. Афанасьев не может пользоваться популярностью, как г. Красивский, он не может хорошо говорить, не может завладеть собранием и говорит, точно о покойнике звонит, и все же, как главное лицо в собраниях, не роняет свой престиж и ловко защищает правительство, выставляя его заботливой матерью для рабочих. И с улыбочкой постарается опровергнуть того, у кого неловко проскользнет какое-либо сомнение в правительственном доброжелательстве. О г. Слепове можно сказать, что он ходит с докладом в Охранное и, хотя рабочие этого не знают, но все же его не любят, и он не пользуется популярностью.

* Историю этого выражения («мелкая» интеллигенция) нам передают так: на одном из собраний Сазонов (помощник Зубатова) заявил рабочим, что у нас имеется двоякая интеллигенция: одна — солидная интеллигенция: профессора, помогающие правительству в заботах о рабочем классе, другая же — «мелкая интеллигенция», состоящая из людей недовольных и старающихся волновать рабочих, чтобы с их помощью добиться для себя улучшения своего собственного положения.

Недавно было приступлено к пополнению «совета», для чего каждое порайонное собрание выбрало кандидатов и, прежде чем ввести их в «совет», «совет» узнавал о их направлении и неблагонадежных проваливал. Этот «совет» принимает жалобы во время своего собрания раз в неделю. Был такой случай: за расклеиванье об'явлений о Потребительном Обществе разочли 10 ч. раб. заводов Винтер. Один из потерпевших сделал заявление в «совет», последний довел до сведения обер-полицмейстера. В результате г. Слепов заявил собранию, что Трепов не может удовлетворить жалобы. Нет, мол, такого закона, чтобы полиция приказала не рассчитывать тех из рабочих, которых находит нужным уволить заводская администрация.

Разрешено Потребительное Общество, записалось около 2.000 и капиталу налицо свыше 5.000. Откроют ли потребительную лавку или чайную, еще не было по этому поводу Общего Собрания и вопрос не решен. Что же касается Общества Взаимопомощи, то такового устав не разрешен и в № 8 «Искры» вкралась ошибка. В феврале будет уже год, как он послан на утверждение, и о судьбе ни слуху ни духу.

Рабочий.

Городищенская отбельная фабр. С. Морозова (возле Орехова-Зуева). В «Искре» была помещена корреспонденция из Шуи с описанием отвратительного и гнусного приема эксплоатации не только женской физической силы, но и женского тела. На нашей городищенской фабрике эти гнусные, отвратительные условия обязательны для каждой женщины с тех пор, как заведывание этой фабрикой было поручено французу Жозефу Герману, другу известного нам Назарова; это ставленник его и, очевидно, его ученик по части гнусной системы эксплоатации.

Лет восемь тому назад директор этой фабрики был Вейс, и тогда преимущественно работали одни мужчины, около 400 чел., исключая сшивалок при отбельном и крахмальном отделении, да подметалок полов. В то время, можно сказать, женщины жили припеваючи за своими мужьями, т. к. заработок последних стоял около 27 руб. в месяц (320 р. в год). Но вот поступает распорядителем фабрики Герман в 1893 г., и начинается выбрасывание мужчин за стен фабрики, взамен которых являются девушки и женщины с более дешевой платой за свои рабочие руки, с более смиренным покорным видом глуповатой овцы и несущие с собою возможность сверх эксплоатации и кражи рабочей силы, эксплоатацию и кражу женского тела, женской стыдливости, женской чести. Глумление и надругательство над семейной женщиной русского крестьянина и рабочего под покровительством русских законов и с ведома царя-батюшки, который старается покрывать своею властью эти гнусности и бесстыдные приемы, и в то же время заставляет высылать и сажать в тюрьмы тех из непокорных рабочих, которые возмутились против таких низких и деспотических личностей, как Назаровы, Свешниковы, Жозефы Германы и т. п. В течение 4—5 лет француз Герман выкинул за фабричную стену чуть не всех мужчин, исключая колотильщиков. Но это об'ясняется тем, что колотильщиком может быть лишь физически сильный человек. Так, при Вейсе было больше 20 чел. складальщиков, а теперь только 2 чел. и то для таскания роликов; галандировщиков заменил женским полом; в крахмально-отбельном отделении мужчины очень редки.

Действует этот нахал очень открыто: так, приглашает девушку или женщину к себе в кабинет и об'ясняется очень откровенно в своих желаниях. Если последняя сдается, то делается его жертвой, если нет, то спустя короткое время выкидывает ей паспорт со словами: «Ты мне не нужна», да тут же рассчитывает и семейство, т. е. если есть родственники. Вновь принимает также из близлежащих деревень, и повторяется та же история.

До чего дошла эта волна гадости, видно из того, что взрослые дети ругают своих сверстников часто: «твой отец барин, иди к нему» (барином называют у нас Германа). Во время одной деревенской сходки за выпивкой мирского вина крестьянин Ипполитов говорил своему товарищу Лазареву: «Знаешь ли, Лазарев, за что мы с тобой получили хорошие места? Ведь наши жены после работы ходят в кабинет к барину». Лазарев ответил: «Я скажу об этом барину, и он за это тебя прогонит к чорту», на что Ипполитов обещал свести к барину обоих своих детей, чтобы он их кормил, так как они его, барина. Спустя два или три дня после описанной сходки Ипполитов был выброшен из фабрики. Лазарев же и его братья были поставлены в приказчики. И вот существуют такие порядки на фабрике, от которой в 10 верст. живет фабричный инспектор, жандармский ротмистр, пристав по одну сторону, а по другую сторону — исправник, судебный следователь, но они отлично знают, что министр Сипягин получил от Морозова на хорошие брюки, фабричный же инспектор часто приглашается лизать тарелки, сами же рабочие молчат, как холопы, и не могут проучить до смерти этого отвратительного француза.

Рабочий.

Москва. У нас на заводе Гагенталь в пятницу 14 дек. после окончания работы был хорошо побит новый расценщик немец, только два месяца приехавший к нам на завод из Спб., за то, что убавил расценок почти наполовину. Били все чем попало, и виновных никого пока не нашли. На утро на завод нагнали, по обыкновению, городовых, боясь осложнений, но пока все тихо.

Одесса. В конце октября на табачной фабрике Попова, где работает 600 чел., подручницы — 12-летние девочки — отказались работать за 30 коп. в день, требуя с мастериц прибавки. Последние получают по 1 рублю и прибавить подручницам не могут, поэтому обратились к управляющему в контору. «Посидят дома день-другой, да и снова прибегут», ответил им управляющий на слова, что без подручниц работать нельзя. Дети ушли. Половина фабрики стала. Дети не приходили на работу в продолжение нескольких дней. Хозяин, видя, что не так-то легко ожидать, когда все само собою уляжется, обратился к администрации. Та тотчас поспешила на помощь. Городовые бегали по квартирам мастериц, которые после отказа прибавить 10 коп. тоже забастовали и выставили еще и другие требования — между прочим, чтобы им дали отдельную комнату для обеда (раньше они обедали и летом и зимою «на чистом воздухе») и открыли другой выход, так как по прежнему ходить опасно — лестница полусгнила. Итак, мастериц тащили на работу, полураздетых детей буквально хватали на улице. Но дело не шло: досидев до обеда, работницы разбегались. Тогда подумали о «зачинщиках» и арестовали 40 чел., на что работницы ответили прибавлением требований выпустить арестованных. Хозяин, видя, что дело не клеится, обратился к администрации уже с просьбой выпустить работниц, он думал удовлетворить их требования. Но каково было его горе, когда администрация ответила: «Пока нас не звали, могли сами поступать как угодно; теперь же дело наше, не мешайтесь». Новое постановление (о штрафовании хозяев) вошло в силу: с хозяина этой фабрики за то, что он поздно заявил о стачке, взят штраф в 500 руб.

С Урала. В апреле месяце 1901 г. в Добрянском зав. (Пермской губ.) была забастовка рабочих в катальном цехе. Рабочие, в количестве 150 чел., прекратили работу и потребовали повышения расценки на первый и второй сорт листового железа на 25%. Начальство согласилось на это требование не сразу, а лишь после двухнедельной забастовки; да и то повысило расценку только на 10% и только лишь на железо первого сорта, которое выделывается в очень небольшом количестве. Расценка же на железо второго сорта осталась прежняя, хотя оно и идет в продажу за первый сорт и выделывается в большом количестве. Таким образом, заработная плата повысилась очень незначительно, но рабочие были вынуждены

согласиться и начать работу на этих условиях, — вести забастовку дольше они были не в силах, потому что стачечной кассы там не существует — и поддержки ждать было неоткуда. Бастовали рабочие дружно, нарушителей стачки не было ни одного, но это явление нельзя приписать развитому чувству солидарности, а скорее боязни кулачной расправы со стороны забастовщиков. Начальство во время стачки в отношении отдельных личностей никаких мер не предпринимало, не отказывало от работы, не обращалось за помощью к полиции, только чтобы ослабить забастовщиков, прекратило выдачу муки из заводского запаса (в обыкновенное время рабочие могут получать муку из запаса по заготовочной цене, коп. 50—70 за пуд, какая бы ни была ее цена на рынке; выдается по два пуда в месяц на взрослого и по 10—20 фунтов на ребенка).

Арестов и обысков не было.

В июле месяце в Добрянке грозила вспыхнуть вторая забастовка. Рабочие механического цеха, в количестве 200 чел., стали требовать повышения заработной платы на 25% на страдный месяц. Действовали рабочие тоже мирно. Написали просьбу о повышении платы и отнесли ее в волостное, чтобы уже оттуда передали заводоуправлению. В данном случае бастовать рабочим не пришлось. Требование их было удовлетворено, хотя и не вполне, на другой же день. Заводоуправление повысило плату лишь на 10%, и рабочие были принуждены помириться и на этом, так как ни денег, ни хлеба в запасе у них не было. После этого случая в Добрянке появились жандармы. У трех рабочих произведены были обыски; лица эти находятся под надзором. Жандармы жили в Добрянке целых две недели. Причина приезда жандармов и обысков не сама стачка, а появившиеся уже после нее прокламации. Прокламации, как потом оказалось, были расклеены и разбросаны по дворам в ночь на 1 сентября; они выясняли значение стачки. Одного рабочего после этого рассчитали якобы за порчу материала.

В конце сентября в механическом цехе рабочие снова стали поговаривать о забастовке с целью сократить работу ночной смены с 10 час. до 8. До сих пор ночная смена работала с 6 час. веч. до 6 утра с отдыхом в течение двух час. (от 12 до 2 час. ночи). Поводом к разговорам послужило недоразумение с одним из мастеров, который на одной ночной смене начал требовать, чтобы рабочие не прекращали работы в часы отдыха. Рабочие были возмущены этим и по предложению одного решили все уйти домой. Мастер струсил и кое-как уговорил их остаться. На другой же день он доложил начальству, что ночью был чуть не бунт, и начальство распорядилось назначить в каждую ночную смену стражников для наблюдения за порядком, так что ночью рабочие работают под конвоем, как арестанты. По всей вероятности, рабочие потребуют отмены такого возмутительного распоряжения начальства.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Петербурге 3 декаб., кроме упомянутых (в № 13), арестованы: врач Соболев, инженер Ратченко, Клавдия Селюк (дом. учит.), Яков Селюк (бывш. студ.), Минская (мед.), Долголенко, Беляев (студ.) и друг. Из Ковны привезен Ступель и из Вильны Арон Сольц (бывш. студ.).

В Н.-Новгороде в декабре арестованы студ. Розов и курс. Добролюбская. В Сормове ряд обысков.

Из Москвы 1 дек. выслана служащая в губ. упр. С. И. Муралова. Елиз. Заславская (служ. в статистике) арестована для отбывания наказания, а сестра ее Розалия — взята на границе при приезде в Россию и привезена в Москву.

Сарапуль (Вятской губ.). В начале декабря обыск у бывшей курсистки Аделаиды Орловой (поднадз.).

Одесса. В начале декабря взята вернувшаяся из ссылки К. Захарова и еще несколько лиц. Обыски у Ливщица (лит.) и других.

Киев. В начале декабря несколько десятков арестов.

Смоленск. Здесь в конце декабря аресты и обыски.

Умерли: Афанасьев, рабочий-слесарь. В 1895 г. по делу о рабочей организации в Екатеринославе был арестован и сослан в Сибирь на три года. Умер в Сибири, где работал по окончании ссылки.

Григ. Ник. Мандельштам, один из основателей соц.-дем. движения в Екатеринославе (1895 г.). Арестованный по екатеринославскому и московскому делам, он был приговорен в Сибирь на 5 лет, сошел с ума. Умер осенью 1901 г.

Григ. Мих. Марморштейн в конце 80-х гг. сослан в Якутскую обл. на 10 лет. Вернулся несколько лет тому назад и отбывал еще надзор в Кишиневе. Несмотря на настояния врачей, посылавших его в Крым, деп. пол. отказал ему в разрешении поехать лечиться. Умер 18 дек. 1901 г. в Кишин.

Лянг, польский рабочий, умер в Ковельской тюрьме (Вол. губ.). Летом был арестован на границе с транспортом. Умер от тяжелых условий тюрьмы.

Швецов, ссыльный в Верхоянске (Якутской области), застрелился. Был сослан в 1900 г. Покойный был еще очень молодым человеком. Сын железнодорожного мастера, он несколько лет тому назад поехал в Спб. и был арестован в дворцовом парке, внушив кому-то подозрение. При нем нашли револьвер. На допросе заявил, что приехал убить царя. Держали в психиатрической больнице, а потом сослали.

ИЗ ПАРТИИ

Побег Л. Дейча из Сибири. Из Амурской области бежал и прибыл за границу Л. Г. Дейч, один из известных русских революционеров и один из основателей группы «Освобождение Труда». Имя Дейча связано с «бунтарским» периодом движения 70-х гг., в котором ему принадлежит участие в организации знаменитого заговора чигиринских крестьян. Арестованный по этому делу осенью 1877 г., Дейч бежал весной 1878 г. из Киевской тюрьмы вместе с Як. Стефановичем и Бохановским и в следующие годы боролся в первых рядах революционной партии. Вместе с Плехановым, Аксельродом, Стефановичем и другими он в 1879 г. основал партию «Черного передела», из которой в 1883 г. возникла первая русская соц.-демократическая группа «Осв. Труда». Отправившись в 1884 г. из Швейцарии в Германию для того, чтобы устроить организационные дела этой группы, Дейч был арестован немецкими властями во Фрейбурге (Баден) по обвинению в перевозке запрещенного тогда немецкого «Соц.-Демократа». Попытка освободить Дейча из немецкой тюрьмы не удалась. Германское правительство снеслось с русским и после того, как последнее убедилось, что арестованный Булыгин есть Дейч, оно ему его выдало под условием, что его будут судить за «уголовное» преступление — участие в покушении на убийство ренегата Гориновича (в Одессе в 1876 г.). Осенью 1884 г. военный суд приговорил Дейча, который совершил преступление в несовершеннолетнем возрасте, к 13 г. и 4 м. каторги. Отбыв срок, Дейч был водворен на поселение.

В лице Л. Г. Дейча в нашу среду возвращается один из первых пионеров русской социал-демократии, надолго вырванный из рядов действующей армии, но сохранивший на каторге и в ссылке верность своим революционно-социал-демократическим убеждениям.

Приветствуем вернувшегося на «волю» товарища, история жизни которого так тесно сплелась с историей нашего революционного движения.

Киевский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии решил отчислять ежемесячно 25 руб. в пользу «Искры».

---

30 (17) дек. 1901 г. состоялась в Брюсселе конференция членов международного бюро, избранного на парижском конгрессе 1900 г. За недостатком места откладываем письмо Плеханова о заседаниях бюро.

———

Г. В. Плеханов просит нас поместить следующее письмо:

Женева, 28 (15) декабря 1901 г.

Девятнадцатого декабря 1901 г., в день 25-летия Казанской демонстрации, исполнилось 25 лет с тех пор, как я сделался «нелегальным», т. е. с того времени, как царское правительство официально занесло меня в список своих врагов. По этому поводу многие товарищи почтили меня выражением своего сочувствия. Я приношу им за это свою искреннюю благодарность. Сочувствие со стороны наших ближних есть единственная награда, на которую можем рассчитывать мы, русские революционеры. Но этой драгоценной награды мы не променяем ни на какую другую.

Г. Плеханов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Л. Л. получено из А. 100 р. От Тигрова на изд. Эрфуртской программы 300 руб. Парижской группой собрано 50 фр. Из этих сумм в кассу редакции поступило 300 руб., остальные израсходованы на местные и организационные нужды. В пользу обуховцев в Берлине собрано 100 мар.

В типографии «Искры» вышло «Десятилетие Морозовской стачки», изд. 2-е, с предисловием В. Засулич.

В типографии «Лиги» (Женева) вышли: 1) Кто чем живет? Дикштейна, изд. 3-е. 2) Две речи (Варлена и Алексеева), изд. 2-е. 3) Документы «об'единительного» с'езда.

Печатаются и скоро выйдут в свет:

1) Русский рабочий в революционном движении (изд. 2-е). Г. Плеханова. 2) Развитие научного социализма (изд. 3-е). Ф. Энгельса. 3) Программа работников (изд. 2-е). Ф. Лассаля.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Автор употребляет здесь слово «практики» в ироническом смысле и подразумевает «экономистов» — оппортунистическое крыло российской социал-демократии конца 90-х и начала 900-х годов.

Политическая сущность «экономизма» сводилась, как известно, к программе: «рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба» (формулировка В. И. Ленина. Собр. соч., т. XIII, стр. 123). Ссылаясь на свое знание русской рабочей массы, на свою «практику», представители «экономизма» называли искровцев, призывавших к борьбе за социализм и свержение самодержавия, «теоретиками», оторвавшимися от российской действительности. В 1900—1903 гг. именно практика российской действительности блестяще опровергла взгляды «экономистов»: массовое участие рабочих в политической борьбе росло в эти годы с громадной быстротой.

Прим. 2. «Киевлянин» — реакционная газета, издававшаяся в это время в Киеве под ред. Пихно.

Прим. 3. Эпитет «Миротворец» был дан лакействующей печатью и бюрократией Александру III.

Прим. 4. Здесь речь идет об очередном политическом доносе субсидировавшейся правительством реакционной газеты князя Мещерского «Гражданин», на страницах которой 30 августа 1901 г. была напечатана заметка о том, что в Перми поднадзорная Митрова дает частные уроки и «развращает» детей обывателей.

Прим. 5. Победоносцев — обер-прокурор Синода, виднейший представитель крайней реакции при Александре III и Николае II, оказывавший громадное влияние на политику царизма в течение двух последних десятилетий XIX в. и начала XX в.

Прим. 6. Н. В. Левитский — адвокат, идеолог мелкой буржуазии, правый народник, доходивший в своих политических выступлениях до прямой поддержки самодержавия и проповеди верноподданнических чувств по отношению к царизму (см. корреспонденцию из Одессы в № 16 «Искры»). Левитский занимался в Херсонской губ. организацией кустарных и земледельческих артелей, усердно рекламируя и преувеличивая результаты своих «начинаний», за что и получил от Старовера (Потресова) иронническое прозвище «рекламера и Хлестакова артельного дела». Народники подняли вокруг деятельности Левитского большую шумиху, его статьям уделяла место и либеральная печать (напр. «Русские Ведомости»). Это заставило В. И. Ленина выступить в журнале «Новое Слово» с суровой отповедью манилювскому прожектерству Левитского (см. Собр. соч., т. II, стр. 275—280).

Прим. 7. Н. Каблуков профессор Московского университета, экономист и статистик, правый народник, автор ряда трудов по экономике сельского хозяйства («Лекции по экономии сельского хозяйства», «Об условиях развития крестьянского хозяйства в России», «Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве» и др.), в которых отрицается экономическая прогрессивность капитализма в земледелии по сравнению с мелким хозяйством, идеализируется мелкое производство и отработочная система.

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 15 | 15 ЯНВАРЯ 1902 ГОДА | № 15

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Как и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 год. Как и всегда, оказывается, — по уверениям министра, — что все обстоит благополучно: «финансы в совершенно благоприятном состоянии», в бюджете «неуклонно соблюдено равновесие», «жел.-дорожное дело продолжает успешно развиваться» и даже «происходит постоянное нарастание народного благосостояния»! Неудивительно, что у нас так мало интересуются вопросами государственного хозяйства, несмотря на всю их важность: интерес притуплен обязательным казенным славословием, каждый знает, что бумага все терпит, что публику «все равно» «не велено пущать» за кулисы официального финансового фокусничества.

На этот раз однако особенно бросается в глаза следующее обстоятельство. Фокусник с обычной ловкостью показывает публике пустые руки и, взмахивая ими, пред'являет одну за другой золотые монеты. Публика аплодирует. Но фокусник тем не менее начинает сам преусерднейшим образом защищаться и, чуть не со слезами на глазах, уверяет, что он не мошенничает, что дефицита нет, что долгов у него меньше, чем имущества. Русская публика так вышколена по части благопристройного поведения в присутственных местах, что ей становится вчуже как-то неловко, и только немногие бормочут про себя французскую пословицу: «Кто извиняется, тот сам себя обвиняет».

Посмотрим, как «извиняется» наш Витте [1]. Гигантский расход почти в два миллиарда рублей (1.946 милл.) покрыт полностью только благодаря тому, что 144 милл. взяты из знаменитой «свободной наличности» государственного казначейства, а свободная наличность пополнена прошлогодним 4% займом в 127 милл. руб. (весь заем был в 148 милл. руб., но 21 милл. еще не дополучен). Значит, дефицит, покрытый займом? — Ничуть не бывало, уверяет нас маг, «заключение займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотренные сметами расходы», так как за покрытием их оставалось «вполне свободных» 114 м. р., а желанием строить новые железные дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первых, дефицита вы этим не опровергаете, ибо даже «вполне свободными» 114 м. р. не покрыть расхода в 144 м. р. Во-вторых, в свободную наличность (114 м. р.) вошли 63 м. р. превышения поступления обыкновенных доходов в 1901 г. против предположений росписи, а наша печать давно уже указывает, что вы искусственно уменьшаете предположения росписи доходов, дабы фиктивно вздувать «свободную наличность» и неуклонно повышать налоги. Так, в прошлом году повышены гербовые пошлины (новый гербовый устав), повышена цена казенной водки: с 7 р. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышение таможенных пошлин (произведенное в 1900 г. якобы «временно» в виду Китайской войны) и пр. В-третьих, воспевая «культурную роль» железных дорог, вы скромно умалчиваете о чисто-русском и совсем некультурном обычае грабить казну при постройке железных дорог (не говоря уже о безобразной эксплоатации жел. дор. подрядчиками рабочих и голодающих крестьян!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки сибирской железной дороги сначала была определена в 350 м. р., а на деле израсходовано **780** м. р., всего же перевалит, вероятно, и за миллиард (какой грабеж шел на сибирской дороге, об этом «Искра» уже кое-что сообщала: см. № 2). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, без пропусков, а вот насчет действительной величины расходов попробовали бы дать отчет!

Затем не следует также упускать из виду, что постройка жел. дорог в 1902 г. вызвана отчасти военными целями нашего «миролюбивого» правительства (громадная Бологое-Седлецкая линия, протяжением более 1000 верст), отчасти безусловной необходимостью хоть чем-нибудь «помочь» угнетенной промышленности, в делах которой Государственный Банк заинтересован непосредственно. Гос. Банк не только щедро ссужал разные пошатнувшиеся предприятия, но и принял многие из них фактически в свое полное заведывание. Банкротство промышленных предприятий грозило привести к государственному банкротству! Наконец, не забудем и того, что постоянное повышение суммы займов и размера налогов происходит под управлением «гениального» Витте, несмотря на то, что все капиталы сберегательных касс обращаются всецело на поддержку государственного кредита. А капиталы эти превысили уже 800 м. р. Примите все это во внимание, — и вы поймете, что Витте ведет хищническое хозяйство, что самодержавие медленно, но верно идет к банкротству, ибо нельзя же без конца повышать налоги, и не всегда же будет русского царя выручать французская буржуазия.

Витте защищается от обвинения в увеличении государственной задолженности такими доводами, над которыми стоит посмеяться. Он сравнивает долги и «имущество», сопоставляет сумму госуд. займов в 1892 и 1902 гг. со стоимостью казенных жел. дорог за те же годы и выводит уменьшение «чистой» задолженности. А ведь у нас и еще есть имущество: «крепости и военные суда» (ей-богу, так и сказано в докладе!), порты и казенные заводы, оброчные статьи и леса. — Великолепно, г. Витте! Но не замечаете ли вы, что вы упо-

добляетесь тому купцу, который уже вызван в суд по обвинению в банкротстве и который начинает оправдываться перед людьми, собирающимися описывать его имущество? Ведь покуда предприятие стоит действительно непоколебимо прочно, — никому и в голову не придет требовать специального обеспечения займов. Ведь никто не сомневается, что «имущества» у русского народа имеется много, но, чем больше этого имущества, тем сильнее вина людей, которые, несмотря на обилие имущества, ведут хозяйство только при помощи увеличения займов и повышения налогов. Ведь вы доказываете только то, что народу следует как можно скорее прогнать распоряжающихся его имуществом хищников. В самом деле, ссылки на специальные государственные имущества в обеспечение государственных займов делала до сих пор из всех европейских стран одна только Турция. И эти ссылки вели естественно к тому, что иностранные кредиторы налагали свой контроль на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими взаймы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте! *

Мы не говорим уже о том, что крепости и военные суда ни один банкир в залог не возьмет, что это не плюс, а минус в нашем народном хозяйстве. Но и жел. дороги могут служить обеспечением только тогда, когда они приносят доход. А из того же доклада Витте мы узнаем, что до самого последнего времени все русские жел. дороги вообще приносили убыток. Только в 1900 г. покрыт был дефицит по сибирским дорогам, и получилась «небольшая чистая прибыль», настолько небольшая, что о величине ее Витте скромно молчит. Молчит он и о том, что за первые две трети 1901 г. выручка железных дорог в Евр. России понизилась по случаю кризиса. Каков-то был бы баланс нашего жел.-дор. хозяйства, если бы сосчитать не только казенные цифры выданных на постройку денег, но и действительные суммы расхищенных при постройке денег? Не пора ли в самом деле передать это действительно ценное имущество в более надежные руки?

О промышленном кризисе Витте говорит, разумеется, в самом успокоительном тоне: «заминка», «несомненно, общих промышленных успехов не коснется и, по истечении некоторого промежутка времени, вероятно (!!), наступит новый период промышленного оживления». Хорошо утешение для миллионов рабочего класса, страдающих от безработицы и уменьшения заработка! В перечне государственных расходов вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указания на то, сколько миллионов и десятков миллионов бросила казна на прямую и косвенную поддержку «страдающих» от кризиса промышленных предприятий. А что при этом не останавливались и перед гигантскими суммами, видно из того сообщенного в газетах факта, что общий размер ссуд, выданных Гос. Банком с 1 января 1899 г. по 1 янв. 1901 г. увеличился с 250 м. руб. до 449 м. р., а размер промышленных ссуд с 8,7 м. р. до 38,8 м. р. Даже убыток в 4 м. р. по промышленным ссудам нисколько не затруднил казны. Рабочим же, которые приносили

* Витте сам заметил неловкость своих рассуждений об «имуществе», и поэтому в другой части своего доклада он старается «поправиться», заявляя, что возрастание стоимости государственного имущества «в применении к обязательствам русской казны не имеет особого значения, так как кредит России не нуждается в специальных обеспечениях». Ну, конечно! А подробный расчетец с перечнем этих специальных обеспечений все-таки составлен — на вся кий случай!

БОРЬБА С КРАМОЛОЙ И «СЕРДЕЧНОЕ ПОПЕЧЕНИЕ» О РАБОЧИХ *.

Надо отдать честь нашему правительству — оно напрягает все свои силы, чтобы противодействовать росту революционного настроения в русском обществе. Бьет оно с двух концов; с одного оно, по возможности, затыкает все щели, через которые могут проникать в более или менее широкие общественные слои оппозиционные идеи или возбуждающие смуту факты, с другой, ведет нужную ему пропаганду и словом и действием.

Цензурные стеснения то и дело сыпятся на нашу печать; особым цензурным ведомством становится даже Деп. полиции, а цензурных кар не избегают даже такие бульварные газеты, как «Петерб. Листок», такие продажные органы, как «Новое Время», такие сомнительные издания, как «Русское Слово», «Россия». Культурные общества прикрываются одно за другим. Не так давно умерло «Московское общество взаимопомощи лиц интеллигентных профессий»; позже умерло такое же общество в Ростове-на-Дону; еще раньше погибло общество по доставлению чтения больным и бедным в Спб. А тем обществам и учреждениям, которые еще влачат свое жалкое существование, строго запрещается излишнее усердие в культурной работе. Попробовало, напр., Иваново-Вознесенское общество трезвости «ходатайствовать» о разрешении ему торговли всеми книгами, разрешенными цензурой, и «удовлетворения не получило». Попробовало Московское педагогическое общество просить о разрешении устроить с'езд деятелей по народному образованию в память Ушинского и тоже «осталось без удовлетворения». Попробовало Новгородское земство просить о внесении в число книг, разрешенных для народных читален, нескольких книжек, и из его списка, в котором числились: Мельшин, Некрасов и кое-что из Глеба Успенского, ему милостиво разрешили всего лишь две книжицы. Запело наше правительство о реформе в деле народного просвещения, сделало вид, что оно «готово принять к сведению» голос общества по этой части, и в лице г. министра внутренних дел особым циркуляром по адресу губернаторов... запретило допускать в городских думах разговоры о реформе средней школы.

Искореняя «вредные идеи», правительство ищет и видит их повсюду; поэтому ничуть не удивительно, если оно увидело возможность распространения этих идей даже в подобных думских разговорах. Наше чахлое самоуправление — вообще для правительства бельмо на глазу. В нем чудится гг. министрам вечный источник крамолы, и вот они неустанно обрезывают и без того короткие крылья нашему земству, нашим городским думам и управам. В каждые земские выборы правительство

* Запоздало по недостатку места. Ред.

на алтарь «промышленных успехов» не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь миллионов, существующих на их заработок, — рабочим казна помогала тем, что «даром» высылала их тысячами из промышленных городов в голодающие деревни!

Слова «голод» Витте совсем избегает, уверяя в своем докладе, что «тяжелое влияние неурожая... будет смягчено щедрой помощью нуждающимся». Эта щедрая помощь, по его же словам, равняется **20** м. р., тогда как недобор хлеба оценивается в **250** м. р. (считая по очень низкой цене, по 50 коп. за пуд, но зато сравнивая с годами благоприятных жатв). Не правда ли, как это в самом деле «щедро»? Допустите даже, что только половина недобора падает на крестьянскую бедноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оценивали скаредность русского правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 «Искры»), что правительство урезывает ссуды впятеро. Щедр русский царь не на помощь мужику, а на полицейские меры против тех, кто действительно хотел помочь голодающим. Щедр он также и на миллионы, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирней кусок у Китая. За два года — сообщает Витте — на китайскую войну из чрезвычайных расходов пошло **80** милл. руб., да «сверх того весьма значительные суммы были издержаны за счет обыкновенного бюджета». Всего, значит, вероятно, до сотни миллионов рублей, если не свыше! Безработный рабочий и голодающий мужик могут утешиться тем, что Манджурия зато наверное будет наша...

Недостаток места заставляет нас лишь вкратце коснуться остальных частей доклада. Витте защищается также от обвинения в скудности расходов на народное просвещение: к 36 м. р. по смете этого министерства он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 м. р. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию и по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов.—То обстоятельство, что «наш государственный бюджет построен по преимуществу на системе косвенного обложения», Витте считает преимуществом, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности «соразмерять потребление обложенных предметов со степенью благосостояния». На самом же деле, как известно, косвенное обложение, падая на предметы потребления масс, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. Мало имущая и неимущая масса составляет $^9/_{10}$ всего народонаселения, потребляет $^9/_{10}$ всех обложенных продуктов и платит $^9/_{10}$ всей суммы косвенных налогов, а между тем из всего народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых.

В заключение — интересная «мелочь». По каким статьям всего более увеличились расходы с 1901 по 1902 г.? Вся сумма расхода увеличилась с 1.788 м. р. до 1.946 м. р., т. е. менее, чем на одну десятую. Между тем почти на четверть возросли расходы по двум статьям: «на содержание особ императорской фамилии» — с 9,8 м. р. до 12,8 м. р. и... «на содержание отдельного корпуса жандармов»—с 3,96 м. р. до 4,94 м. р. Вот ответ на вопрос: какие «нужды русского народа» наиболее настоятельны? И какое трогательное «единение» царя с жандармами!

[Н. Ленин]

целыми десятками не утверждает избранных председателей земских управ и ставит своих казенных, вроде гг. Родзянко, которые успешно проводят в безгласных земствах правительственные интересы. Все самоуправление — и земское и городское — решительно хотят превратить в простой придаток к мин. внутр. дел, в чиновничье учреждение. Земство стоит на полдороге к этому идеалу, а по отношению к городу уже практикуется первый решительный шаг: недавние номера газет принесли нам известие, что петербургскую городскую управу хотят обратить в «особое, по городским делам, присутствие» с «казенным» городским головой и тремя «гласными» по назначению от правительства, и отдать это столичное «самоуправление» под непосредственное ведение мин. вн. дел. За столицей той же судьбе подвергнутся, конечно, и прочие российские города. Хвала и честь усердию правительства! Наше городское самоуправление слишком мало или даже ничего не дает ни неимущим вообще, ни рабочим в частности: оно служило и служит буржуазии по преимуществу, и не нам, конечно, особенно печаловаться по поводу урезывания его прав. Нет, мы даже рады этому! Быть может, хоть после этой пощечины толстокожая русская буржуазия почувствует тиски самодержавия!

Боясь смуты и от газет и от культурных обществ, и от земств и от городских дум, правительство везде усматривает эту смуту прежде всего в головах интеллигенции, и больше всего интеллигенции разночинской, не титулованной, не патентованной учеными патентами; вот почему в сфере легальной жизни нашего общества — правительство так усердно следит прежде всего за печатью, деятелем которой является разночинец, и за работой всякого рода частных, неофициальных культурных учреждений. Вот почему также оно ставит всевозможные препятствия разночинской интеллигенции в ее общении с народными массами. Известный циркуляр мин. внутр. дел по продовольственной кампании нынешнего года как нельзя более проявляет боязнь нашего правительства перед «смутой», которую способна внести в народные массы эта интеллигенция. «К сожалению,— жалуется министр, — ...начиная с недорода (!!!) 1891 — 1892 гг., иные благотворители, на-ряду с оказанием материальной помощи жителям неблагополучных местностей, стараются возбудить в их среде недовольство существующим порядком... При этом не в полной мере удовлетворенная нужда... болезни и расстройство хозяйства создают весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные в политическом отношении лица для преступных целей под личиной помощи ближнему». На этом основании г. министр предписывал следить за частной, не правительственной помощью, а дело продовольствия отдает в руки истинных отцов и благодетелей крестьян — земских начальников.

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Еще о демонстрациях в Екатеринославе.

15 декабря в 5 час. толпа на проспекте достигла 5.000 чел. В 5 час. 20 мин., в тот момент, когда хлынул дождь, толпа душ в 300—400, преимущественно ремесленников, с криками: «Да здравствует политическая свобода!» быстро двинулась по бульвару. Было поднято красное знамя с надписями. Пехота в это время была далеко. Говорят, что с балконов и тротуаров слышались аплодисменты в ответ на крики: «Да здравствует политическая свобода! Долой самодержавие!»

За главной массой манифестантов бежали кругом городовые. Хватали кой-кого, но толпа отбивала, она же отбросила и избила городовых, загораживших ей путь. Вообще, полиции досталось, защищалась она трусливо и не раз бежала. Вдруг налетела сотня казаков, и началось избиение. Демонстрантов старались не разогнать, а избить. Казаки в'езжали на бульвар, набрасывались на отдельные группы и личностей и избивали плетьми и даже обнаженными шашками. Толпа действовала стойко, защищалась палками и камнями, разобрала мостовую: говорят, один студент выстрелил из револьвера в казака, ударившего его жену. Среди отбитых толпой арестованных оказалось много раненых. Вся битва длилась 15—20 мин. Манифестанты кинулись в перпендикулярные к проспекту улицы, и там их настигали и избивали казаки. Казаки били и топтали даже публику, дожидавшуюся пересадки на трамвай.

Система ареста практиковалась такая: выхватят из толпы, изобьют и без чувств бросают в фуру и увозят. Под конец сам губернатор на лошади, окруженный штабом, распоряжался избиением. При появлении на проспекте он был освистан.

Часам к шести манифестанты были рассеяны. По более достоверным сведениям, арестовано 63 чел., из них 30 рабочих и 18 студентов. 16-го с утра казаки скакали по бульварам, не позволяя останавливаться даже двум человекам. К 4 часам толпа в несколько сот человек гуляла по бульвару и в Яковлевском сквере, но не могла соединиться. Всюду, даже в церкви против сквера, были спрятаны казаки и солдаты. Тогда в толпе стали передавать шопотом: «на Чечелевку!» (рабочий квартал). В то время, как в субботу демонстранты состояли, главным образом, из ремесленников, в воскресенье пришли и заводские, но преобладали все же ремесленники.

Полиция, очевидно, не сообразила, куда удаляется толпа. На первой Чечелевке сошлось душ 150—200 раб., из всех дворов повысыпали обыватели, раздавались возгласы: «Идем на рабочую демонстрацию!» И демонстрация состоялась: пели революционные песни, раздавались революционные возгласы, было два знамени. Рабочие прошлись по улицам и разошлись с криками: «До 1-го мая!» и т. п.

Казаки приехали, когда все уже кончилось, и могли побить только постороннюю публику.

Возбуждение, повидимому, сильное. В научном обществе, открытом в доме губернатора и под его председательством, в субботу вечером собрание было сорвано большинством. Заявляли, что после того, что сейчас было на улице, нельзя спокойно заседать, выбирать членов. Из 80 членов только 15 высказались против закрытия заседания.

Арестуют гимназистов, подростков, так что возмущение проникает всюду.

Все арестованные сильно избиты, есть тяжело раненые. Одному студенту просекли шашкой шапку, и рана на голове в ¼ д. длины, другому тоже повредили надкостницу.

Из Нижнего-Новгорода. Наш Нижний начал подавать некоторые признаки жизни приблизительно с весны 1901 г. До этого времени где-то в недрах его копошились люди, велась пропаганда среди рабочих, но все это настолько слабо, что результатов, видимых простым глазом, не замечалось. Весной понаехало много молодежи, высланной из различных университетов, и жизнь «общества» как будто немного оживилась. В апреле проек-

---

Так правительство затыкает щели, сквозь которые могут проникнуть в общество оппозиционные идеи. Оно делает это властно, не считаясь ни с чем, кроме своих аппетитов. А почему? Потому что оно не надеется встретить сопротивления. Что такое для него русский интеллигент-разночинец, что такое русский земец, русский городской «общественный деятель»? Для него это существа, неспособные противостоять насилию, а над такими существами оно может свободно производить свои операции. Не так ведет себя правительство с теми общественными элементами, которые способны к активному сопротивлению, к активному созданию — выражаемся словами г. мин. вн. дел—«немаловажных затруднений интересам порядка и управления». И их оно бьет, и их оно давит, но оно не может задавить, забить их и принуждено поэтому успокаивать их, заигрывать с ними, бросать им подачки и даже обращаться к ним с правительственной пропагандой. На что небольшая сила наше радикальное студенчество, но оно успело-таки за последние годы доставить правительству не мало неприятностей, и вот правительство очень озабочено умиротворением умов в среде этого непокорного общественного элемента; оно рекомендует «сердечное попечение» об учащейся молодежи, оно великодушно обещает реформу университетского строя, оно разрешает устройство «самообразовательных кружков»; оно заботится даже о жилищах студентов, открывая общежития, даже о питании их, отпуская деньги на студенческие столовые (в Киеве 20 тысяч). На почве этих подачек и обещаний оно надеется посеять раскол в рядах студенчества: оно знает, что наиболее робкая и наименее требовательная часть учащейся молодежи будет способна помириться на малом и составит оплот против смуты.

Еще больше и еще более серьезных опасений внушает правительству рабочий класс. Проявившееся в нем революционное настроение заставляет правительство и здесь выступать с политикой «сердечного попечения». Бросая рабочим различные мелкие подачки, вроде забот г. Витте о здоровьи железнодорожных чернорабочих, эксплоатируемых будто бы только подрядчиками, и железнодорожных «служащих», пострадавших от несчастных случаев, оно рядом с этим систематически «сердечно печется» о разумном проведении русским рабочим часов досуга, о поднятии умственного, нравственного и материального уровня рабочих при помощи касс взаимопомощи, потребилок, артелей, «рабочих клубов» и... попечительств о народной трезвости.

Среди трудящихся идея легальной взаимопомощи и легальных «клубов» пользуется, повидимому, некоторым престижем. Если порыться в газетах за последние месяцы, то можно наткнуться на целый ряд соответствующих фактов. В Перми организуется совещание служащих п. ж. д. по устройству семейных вечеров для служащих и рабочих этой дороги, а потом устраиваются

тировалось даже этой молодежью устроить демонстрацию с девизом: «За отмену временных правил», но местная либеральная интеллигенция клятвенным обещанием ходатайствовавать перед правительством петицией за отмену временных правил убедила молодежь отказаться от своего намерения. Как уже сообщалось в № 4 «Искры», вопрос о демонстрации обсуждался публично в клубе с разрешения губернатора. Разрешение это было весьма ловким приемом. Все благонамеренные люди чуть не со слезами на глазах убеждали не устраивать демонстрации. «Подождите, не портите и не мешайте правительству, оно само идет к коренным реформам. Вот оно уже разрешило нам собраться и обсуждать такой „нелегальный" вопрос, как демонстрация, — это громадная победа, теперь, значит, мы всегда можем публично обсуждать все подобные вопросы». Большинство пошло на эту приманку, было на собрании весьма умеренно, и большая часть высказалась против демонстрации, когда «столпы общества», вроде председателей уездной и губернской земских управ, управляющих казенной палатой и проч., обещали составить петицию об отмене временных правил. Однако, несмотря на публичное заявление о решении послать петицию, «либеральная» интеллигенция так и не исполнила его, — чего и должно было ожидать. Петиция где-то застряла, и вряд ли на ней собралось каких-нибудь 20 подписей. Молодежь только лишний раз убедилась, что невозможно ждать чего-нибудь путного в смысле активного проявления своего сочувствия от наших либеральных болтунов, любящих отделываться только словами и платоническим сочувствием. С каким жаром говорили они против демонстрации 8 апреля и с какой великолепной осторожностью критиковали каждое слово составляемой петиции, «чтобы излишней резкостью не повредить делу». Мы знаем, откуда исходит боязнь этой излишней резкости.

До ноября наш город, видимо, отдыхал от своей весенней «деятельности» и не проявлял особых признаков жизни. 7 ноября из Нижнего уезжал в Крым М. Горький, и его от'езд взбаламутил наше мирное болотище и, видимо, уже надолго. Местная либеральная интеллигенция, присяжные поверенные, доктора и проч., решили устроить Горькому прощальный обед и поднести ему адрес. Молодежь, с своей стороны, тоже решила участвовать в этом «банкете» и воспользоваться этим случаем, чтобы раз навсегда указать этой буржуазной интеллигенции, что между ней (буржуазной интеллигенцией) и людьми, хоть сколько-нибудь желающими активно проявить свой протест против существующего строя, нет ничего общего. На «банкете» присутствовало человек 150. Адрес интеллигенции, написанный на изящном свитке, в пышных и туманных фразах восхвалял Горького, воспевшего «безумство храбрых». От молодежи был прочитан адрес следующего содержания:

«Дорогой Алексей Максимович! Я буду говорить от лица моих товарищей, высланных студентов и курсисток и некоторой части местной интеллигенции. Не имея времени, по некоторым обстоятельствам, вылить свои чувства в красиво отделанную форму, мы выскажемся, может быть, не особенно красноречиво, но зато не скрывая своих мыслей, которые мы привыкли соединять с Вашей личностью и настроением, проникающим все Ваши произведения.

«Вынужденное расставание с Вами побуждает нас начать выражение своего сочувствия к Вам — идейному борцу за свободу личности — с выражения своего крайнего негодования. Мы возмущены совершенным и совершаемым над Вами насилием и считаем его проявлением тех безобразных условий русской жизни, которые давят всякого честно мыслящего и чувствующего человека и так нуждаются в освежающей буре.

«Исторические условия и недавние свежие факты резко и определенно выставили задачей нашего времени: борьбу за свободу, и мы, высоко ставя Ваш огромный художественный талант, больше всего ценим Вас за идеи, красной нитью проходящие через все Ваши произведения: мощное прославление свободной, смелой личности, отрицающей все условности, стесняющие ее развитие, могучий призыв к открытой и смелой борьбе за свободу. Но и это прославление и этот призыв привлекают нас не столько красотой формы, сколько ясностью и определенностью, которые не допускают никаких колебаний и которые кажутся нам так необходимыми. Ваше могучее слово особенно нужно теперь, когда человеческая личность все более и более подавляется растущей наглостью темных сил, когда реакция все усиливается, когда открытая борь-

---

и самые «семейные вечера». В той же Перми проектируется общество взаимопомощи рабочих механического производства и уже выработан и опубликован проект его устава. В Петербурге «среди подмастерьев трубочистного цеха» возникла мысль учредить «общество взаимного вспоможения на случай неспособности к труду и инвалидности». В Николаевс возникает «единственный на юге России» «рабочий клуб». В Минске происходят собрания еврейских рабочих-столяров, на которых дебатируются вопросы их экономического быта; было уже 5 собраний, и на первом из них избрана комиссия для составления устава «клуба». В том же Минске образовалась кооперативная артель подмастерьев портняжного цеха; там же существует артель и касса взаимопомощи подмастерьев-щетников. В Одессе возникает артель среди рабочих каменоломен, при чем проектируется приобретение собственной каменоломни. В Москве среди членов кассы типографщиков «возникла мысль устроить кружок или клуб с кабинетом для чтения». В Москве же получил утверждение устав потребительного общ. механического производства. Все это газетные сообщения за последние месяцы. Факты эти не безынтересные, и любопытно в них именно то, что правительство всем этим «начинаниям» не только не препятствует, но — повторяем — их, по всем видимостям, поощряет. Иначе не было бы понятно, почему оно с таким легким сердцем разрешает их, почему оно так любовно смотрит хотя бы на московские рабочие собрания и даже открывает для отчета о них столбцы органа мин. финансов — «Торгово-Промышленную Газету», а в лице г. Зубатова в Москве и его достойного ученика г. Васильева в Минске усиленно рекомендует «самодеятельность». Мы подозреваем, что имеется тайный циркулярчик, предписывающий чинам полиции, жандармерии и прочих полицейских учреждений усиленно заботиться о насаждении клубов и всякого рода ассоциаций. Почему бы иначе, например, г. одесскому полицмейстеру рекомендовать одесским извозчикам-хозяевам устройство своего промысла на кооперативных началах? Правда, г. полицмейстер не попал в цель, но ведь всякое бывает усердие у чинов полиции. Как бы то ни было, но нельзя уже сомневаться, что к развитию мирной самодеятельности в рабочей среде правительство относится теперь более, чем благосклонно. Урезывая печать, препятствуя всевозможным просветительным предприятиям разночинской интеллигенции, всяческими средствами ограждая своих подданных от революционной пропаганды, оно не может считать эту, так сказать, отрицательную, разрушительную программу искоренения смуты — достаточной. Оно дополняет ее программой созидательной. Оно стремится сосредоточить неспокойную мысль рабочих на мирной взаимопомощи и этим отвлечь их от борьбы и с буржуазией и с ним самим; оно хочет играть перед рабочими роль отца род-

ба и смелость становятся необходимыми. Да! в наше время странно восхищаться Вашими идеями и проповедывать «благоразумие и постепенность», непоследовательно отзываться на Ваш призыв «к свободе и к свету» и оставаться в бездействии тогда, когда сажают по тюрьмам всех, кто не мирится с гнетом и протестует против тьмы. Мы благодарны Вам за Вашу песнь «безумству храбрых», так как в ней мы черпаем силы, в ней мы видим оружие против тех, кто называет смелость безумной.

«Дорогой Ал. Макс.! Наступает новая эпоха в русской жизни: смелость и откровенность становятся необходимыми, и мы считаем Вас самым ярким ее представителем, самым талантливым ее провозвестником. Мы не забудем, что Вы дали лозунг, который помог и поможет нам бороться с нашими врагами и разобраться в наших друзьях».

Предполагалось, что после прочтения возникнут споры, что либералы не согласятся с адресом, но, к величайшему удивлению, они были «со всем согласны». Горький, с своей стороны, высказал свое отношение к либеральной интеллигенции, а отчасти и к радикальной молодежи, прочтя свое произведение: «О писателе, который зазнался», где клеймил холопство, трусость, полнейшее отсутствие активности, господствующее в современном обществе.

На этом же «банкете» молодежью было решено устроить по поводу от'езда Горького демонстрацию (о ней см. коррес. в № 13 «Искры»). Демонстрация произвела довольно сильное впечатление. О ней долго говорили в разных слоях общества, и сказанная одним из участников речь произвела сильное впечатление на толпу слушателей, состоявшую из извозчиков, приказчиков и мастеровых.

Беспорядки в среднетехническом училище из-за введения новых правил окончились исключением трех человек без права поступления. По поводу истории в техническом училище было выпущено «Открытое письмо к обществу», приглашавшее общество отозваться на события.

Дворянство в роли шпиона. Г. попечитель Харьковского учебного округа в своих «Циркулярах» (№ 7 за 1901 г.) любезно опубликовал во всеобщее сведение любопытный документ, недурно характеризующий отношение самодержавного чиновничества к «первенствующему сословию» страны — благородному российскому дворянству. Документ этот — циркуляр министра вн. д. г. Сипягина [2] от 30 апр. 1901 г. за № 5, конфиденциально разосланный всем губернаторам. Циркуляр касается недавно вышедших новых правил о чтениях для народа. Как известно, царское правительство, заботливо оберегая всех вообще верноподданных от всякого рода «вредных учений» и «самопроизвольных толкований», особливо блюдет чистоту помыслов так называемого «простонародья», всячески изощряясь сохранить в «простолюдинах» холопскую преданность царю и слепую покорность вьючного животного тяжелой, беспросветной трудовой доле. Народные чтения, обставленные массою формальностей и тройной цензурой, мало имеют значения для полуграмотных и даже для безграмотных слоев рабочего класса и крестьянства и зачастую не удовлетворяют стремлениям внести знание и свет в народную среду со стороны лучших представителей буржуазного общества. Считаясь с недовольством последних и правильно рассчитав, что излишние препоны могут оттолкнуть либералов от невинных просветительных упражнений и, чего доброго, часть сил и средств отвлечь к просветительному движению, несчитающемуся с правительственной указкой, т. е. к революционному движению, Комитет министров выработал новые правила, которые несколько облегчают как открытие, так и самое ведение народных чтений.

Бросив подачку мирным культуртрегерам, гг. министры, однако, спохватились, как бы чего не вышло. И вот Сипягин, надев привычные доспехи умудренного житейским опытом государственного мужа, обращается к губернаторам, как к «главным ответственным блюстителям общественного порядка и спокойствия в губернии», с предложением принять все меры к тому, чтобы к народным чтениям не были допущены «люди неблагонамеренные», которые могли бы способствовать «обращению чтений в орудие противоправительственной пропаганды». Прежде чем допустить какое-либо лицо к участию в чте-

---

ного и этим затемнять сознание противоположности интересов его и интересов рабочих, так как оно знает, что сознание этой противоположности — первый шаг к революционной борьбе; оно, наконец, стремится дать как консервативной части самой рабочей массы, так и всевозможным охранителям «интересов порядка и управления» и карманов имущих — факты, на которые они могли бы опереться в своем противодействии боевому настроению. Симпатии правительства всем клубным и кооперативным начинаниям поэтому вполне понятны.

Обе эти стороны современной «внутренней политики» русского правительства — и отрицательная и созидательная — как нельзя лучше отразились на организации «николаевского собрания техников и мастеровых», того самого собрания, которое именуется газетами «рабочим клубом». По недавно утвержденному уставу этого новорожденного клуба, членами его могут быть только «мастеровые и техники», проживающие в г. Николаеве; при чем под «мастеровыми» разумеются, очевидно, не только рабочие, но и фабриканты, ибо, по газетным известиям, «почти все местные фабриканты» записались в члены; а под техниками разумеются между прочими инженерами и директора заводов с женами, ибо на вечера «клуба» они вхожи, а по уставу «гостями» могут быть только лица, имеющие право быть членами. Интеллигент просто, по уставу, не может быть ни членом, ни гостем клуба по той причине, что интеллигент на Руси главный смутьян. Текущими делами этого приятного собрания ведает «совет старшин» под обязательным председательством фабричного инспектора или его заместителя, а для вящшего единения клуба с полицией все его должностные лица утверждаются николаевским градоначальником, и затем списки кандидатов в члены за месяц до избрания вывешиваются в особых об'явлениях, чтобы шпионы могли собрать о кандидатах надлежащие сведения. Что же касается занятий самого «собрания», то оно может и в шахматы играть, и водку пить, и «полезные» лекции слушать, и маскарады устраивать, и плясать, и литературные вечера организовывать, при чем, конечно, лекции, спектакли и литературные вечера подчиняются всем цензурно-полицейским правилам, а частные беседы — цензуре гг. шпионов. Может собрание и библиотеку иметь; она подчиняется правилам бесплатных народных читален, т. е. будет наполнена душеспасительными и детскими книжками. Разрешается собранию выписка журналов и газет, а руководство г. фабричного инспектора обеспечивает выписку изданий наиболее благонамеренных и патриотических.

Не правда ли, в этом «собрании» действительно есть все, что нужно правительству и не нужно рабочим? Фабриканты и инженеры в качестве членов и гостей, а г. фабричный инспектор в качестве царька «клуба» своими заботами о «мастеровых» должны будут внедрять в них сознание, что хозяева и правительство истинные

ниях, Сипягин предлагает губернаторам наводить о нем справки, «независимо данных, имеющихся у жандармских управлений и у полиции», также и «от предводителей дворянства, земских начальников и пользующихся авторитетным положением в уездах землевладельцев». Этого, однако, мало. Мало получить о личности чтеца, о его образе мыслей авторитетный отзыв от излюбленных людей благородного дворянства. Г. Сипягин изобрел отличный способ следить и за ведением самых чтений. Способ этот по своей дешевизне и практичности, по глубокому знакомству с бытовыми условиями провинции изобличает в г. Сипягине недюжинный ум и заслуживает поощрения, по крайней мере, в форме высочайшего рескрипта. Плохо надеясь на способности становых приставов, жандармов, урядников и шпионов, умственное убожество которых может сравниях, г. Сипягин придумал образовать нечто вроде доброниях, г. Сипягин придумал образовать нечто вроде добровольных шпионских кадров из представителей российского дворянства—дворянско-шпионское ополчение.

Губернаторам предлагается приглашать все тех же «предводителей дворянства, земских начальников и пользующихся авторитетным положением землевладельцев» «присутствовать на чтениях и доводить до сведения губернаторов о необходимости принятия тех или других мер для обеспечения»... государственного спокойствия. Знаем мы это «принятие мер»!

Но понимает ли это благородное дворянство? Понимает ли оно, «служилое сословие», на какой подвиг призывает его «исполнитель высочайшей воли» Николая II-го?

О земских начальниках нечего говорить. Промотавшиеся офицеры и дворянские недоросли сделают все, что прикажет начальство, и с таким же легким сердцем станут «принимать меры» «нравственного оздоровления» мужиков путем выслеживания «злонамеренных» лиц из среды народных учителей и прочей сельской интеллигенции, с каким в настоящее время применяют на теле того же мужика позорящее, но не вызывающее краски стыда на лицах их, гнусное наказание. О! Они будут «принимать меры», лишь бы платили им жалованье.

Но что сказать о «предводителях дворянства и пользующихся авторитетным положением землевладельцах?» Насколько совместима с их пресловутою дворянскою честью «служба» в рядах шпионов?

Или отдав дворянам Сибирь, г. Сипягин окончательно полонил сердца признательного первенствующего сословия, и нет такой «службы», нет такой гадости, на которую отныне с готовностью не пойдет, «не щадя живота», верное российское дворянство?

Будем ждать, какой ответ на эти вопросы дадут предстоящие в январе 1902 г. очередные дворянские собрания: учредят ли они «в память оказательства нового доверия возлюбленного монарха» дворянские пансионы для специального подготовления своих сыновей к ответственной «службе» в шпионах (по типу курсов для городовых генерала Клейгельса), или, вспомнив не о дворянской, а о гражданской чести, вспомнив светлые образы дворян-декабристов, Волконских и Трубецких, дадут достойный отпор зазнавшемуся холопу царственного недоумка!

Замятое дело о шайке воров, состоявшей из попов и полиции.

Проездом через Орел я слышал от людей глубоко религиозных и узко-консервативных, что в этом городе в начале 1901 г. обнаружена шайка воров и разбойников, в которой участвовали представители духовенства и полиции. — Первым делом ее было убийство богатой ростовщицы в Орле и разграбление ее денег и имущества. Самые «тщательные» розыски виновных ничего не обнаружили, кроме клока бороды в руках убитой. Далее последовал ряд дерзких краж в магазинах, преимущественно мануфактурных. Несмотря на дерзость этих краж, полиция ничего «не могла» обнаружить. Наконец, шайка перенесла свою деятельность и за границы города Орла, предприняв убийство недалеко от села Малоархангельска богатых владельцев хутора, — мужа и жены. Шайка не была бы обнаружена, если бы члены ее не обделили в дележе добычи возлюбленную одного из участников ее. Обиженная дама, пылая жаждой мести, отправилась к прокурору, минуя полицию, и рассказала ему все, что знала. Про-

---

радетели о рабочем благе; тот же инспектор, г. градоначальник и шпионы будут оберегать собрание от вторжения смутьянов, лекции, спектакли, журналы, газеты и библиотеки будут снабжать рабочих полезными знаниями, разумными развлечениями и благонамеренным образом мыслей. Мы льстим себя надеждой, что скоро такими клубами, столь полезными для сплочения рабочих с их эксплоататорами, покроется вся Россия, а пока с некоторым нетерпением ждем появления устава минского «клуба» еврейских рабочих столяров, благополучно зреющего под покровительством жандармского управления.

Единение хозяев, мастеров и инженеров с рабочими на «клубной» почве еще не так легко может показаться подозрительным. Но единение рабочих с их эксплоататорами на почве экономических интересов, кажется, окончательно потеряло свой престиж в рабочей среде. Еще в 1899 г. среди петербургских рабочих пробуждалось недовольство потребилками, состоявшими под эгидой фабрикантов и заводчиков.

В недавнее время то же сознание несоответствия интересам рабочего потребилок со смешанным составом членов проявилось и на дебатах московского рабочего парламента (14 собрание). При таком взгляде рабочих на потребилки, взгляде, который легко может быть перенесен и, вероятно, переносится ими на кассы взаимопомощи, правительству нет расчета, бросая рабочим подачку в виде покровительства «самодеятельности», поощрять общества со смешанным составом. Напротив, ему выгодней создание чисто рабочих обществ, тем более, что русский шпион вездесущ, а такой либерализм со стороны правительства внушит к нему признательность рабочих*. А так как путь «мирного развития», на который вступают рабочие с разрешения и поощрения правительства, ему очень нравится, то «самодеятельность» рабочих достойна в его глазах даже широкой пропаганды. И поистине следует предавать широкой гласности московские прения! На них выливается столько восторгов перед потребилками, клубами, кассами взаимопомощи! На них благодарят даже г. Витте!

Особенно торжественно было 21 собрание московских рабочих. Происходило оно после утверждения властями предержащими устава московского потребительного общества рабочих механического производства. и было посвящено приятным мечтаниям о будущем этого общества. После хвалебной песни новому предприятию, пропетой руководителем собрания, г. Афанасьевым, один

* Мы не говорим уже о либеральной интеллигенции. В газете «Пермский Край» нам пришлось уже прочитать приветствие администрации по поводу минских рабочих собраний и минских артелей. Приветствовалось там именно пробуждение в администрации сознания противоположности интересов хозяев и рабочих. Не помним, принадлежала ли эта заметка самому «Пермскому Краю» или была перепечатана без оговорок.

курор пришел в ужас, когда женщина стала называть самых видных представителей духовенства и полиции вплоть до полицмейстера включительно, заметавшего следы. Ближе всех к делу стояли: священник о. Мих. Козьмодемьянский, занимавший место губернского наблюдателя за церковно-приходскими школами Орловской губернии, с окладом жалованья в 3.000 руб. в год, и пристав первой части гор. Орла Филипп Цветаев. При обыске у о. Козьмодемьянского нашли массу краденых вещей. Следствие выяснило, что его жена, вскоре после убийства ростовщицы, ездила в г. Харьков менять банковские билеты, один из которых был окровавлен. Далее, шустрая матушка ходила к своим многочисленным знакомым (жена ректора дух. семинарии, матушка казначея женского монастыря и мн. друг.) и неоднократно предлагала им купить принесенную ею материю, говоря, что ей с одной из московских фабрик прислали брак, который очень дешево продается. Незадолго до обыска о. Козьмодемьянский купил себе дом за 60 тыс. руб., хотя все время жил на широкую ногу. Шайка имела связи с московскими ворами, через которых сбывала краденое.

Местная газета «Орловский Вестник» пыталась было огласить факт, но ей это было запрещено.

В самый разгар следствия к прокурору приехал местный архиерей и просил замять дело, но получил отказ. Говорят, что о. Козьмодемьянский выдал вексель на имя сына архиерея на 25 тыс. руб. Дело все-таки было замято по приказанию свыше, так как уж очень оно было скандально и мазало уж очень многих видных представителей администрации и духовенства. Чтобы успокоить взволнованное скандалом общество, жену Козьмодемьянского судили за «покупку» краденого и присудили к штрафу, да Козьмодемьянского перевели в Ставрополь.

К вопросу о легальных обществах. Нам доставлено следующее письмо в редакцию:

«М. Г. Г-н редактор! Позвольте на столбцах вашей уважаемой газеты высказать несколько мыслей по поводу помещенной в № 10 статьи: „Еще о политическом разврате наших дней".

«Для нас не подлежит ни малейшему сомнению, что вспомогательные кассы и потребилки находят поддержку в г. Зубатове только потому, что он видит в них прекрасное средство борьбы с нарастающим революционным настроением масс. Если бы Зубатов думал иначе, то, конечно, он им бы не покровительствовал или не был бы тем „умным" Зубатовым, о высоких специальных дарованиях которого мы так часто слышим. Понятно также и то, что „мирные штопатели дырявых штанов" мало пригодны для революционного политического движения. Намокшие, прелые и гнилые дрова для костра не годятся. Это ясно.

«Но следует ли из всего этого, что революционная партия (в лице своих членов) должна была бы относиться резко отрицательно к вспомогательным кассам и потребилкам? Нам этого не кажется.

«Итти рука об руку с Охранным Отделением революционеры не могут, но надо подумать и решить вопрос о том, не будет ли такое резко отрицательное отношение к вспомогательным кассам и потребилкам, — именно то отношение, которое для Зубатова самое приятное и выгодное? Не дает ли такое отношение г. Зубатову возможным уверять темную массу рабочих в том, что революционеры против всякого фактического расширения прав рабочих, против всякого фактического улучшения их материального положения! И темная масса рабочих может ему поверить по той простой причине, что она темна. Выгодно ли для революционной партии давать г. Зубатову возможность лишний раз проявить свои специальные дарования?

«Политика г. Зубатова тонка, не спорим, но часто бывает, что, где тонко, там и рвется. Кроме того, все его измышления, хотя и остроумны, но, к счастью, обоюдоостры, — надо лишь суметь найти и воспользоваться этой обратной стороной.

«В данном случае нам кажется, что разумная политика обязывает революционеров не только не отрекаться перед „мирными штопателями дырявых штанов" от вспомогательных касс и потребилок, а, напротив того, — обязывает их об'яснить этим легальным труженикам, что получили они эти приюты любезной им работы лишь вследствие революционной агитации революционеров. Это во-первых. Во-вторых: зная, что никакая самодеятель-

---

из рабочих произносит глубоко прочувствованную и безукоризненную со стороны изложения речь, посвященную руководителям бесед и советникам рабочих — людям науки». «Эти командиры в борьбе с невежеством, — говорит он, — повели нас на бой с нашим злейшим врагом — некультурностью и незнанием. Они связали нас в одну братскую семью, в одно дружеское общество. По меткому замечанию одного рабочего, мы—кирпичи, а ученые — строители, которые складывают здание, связывая его, как цементом, своими познаниями и хорошим отношением к нам». Затем все «командиры» были переименованы, и «заслуги их были почтены вставанием, громом рукоплесканий и сердечными пожеланиями». «Поистине, — повествует корреспондент „Русск. Вед.", — это была трогательная минута. Представители труда горячо и искренно благодарили людей науки, пришедших им на помощь; знание и труд вступили в единение, в тесный союз, отныне, будем надеяться, неразрывный». Да, «поистине трогательно!» Особенно, если помнить, что за этим «союзом знания и труда» кроется союз труда и политического гнета. Ликуйте же, господа, ликуйте! А под шум вашего ликования ваши новые друзья — Зубатовы и К°, с министрами во главе — будут окружать и вас и ваших братьев сетью шпионства и провокаторства, будут, опираясь на вашу миролюбивую пропаганду и на силу кнута, давить среди ваших братьев всякое проявление истинно свободной мысли и свободного чувства, всякий боевой порыв к свободе от гнета буржуазии и правительства, как давили они раньше тюрьмой, ссылкой, пулей, нагайкой. Ликуйте же, господа, ликуйте! Вас не затронут ни пули, ни нагайки! Вы — нищие духом, вы премудрые пискари. На вашей улице праздник: ваша пропаганда идет рука об руку с пропагандой жандармских управлений и охранных отделений. А что ждет вас впереди, какие «трогательные картины» могут предстать перед глазами наблюдателя, можно видеть хотя бы из примера ваших почтенных сотрудников по части «самодеятельности» — членов харьковской рабочей кассы взаимопомощи, удостоивших выбором в почетные члены харьковского губернатора.

Впрочем, и теперь можно поздравить вас с вступлением одного из ваших руководителей на этот путь признательности перед правительством. «Большое спасибо, — говорил ваш ученый «строитель», г. Озеров [3], на вашем 13 заседании, — большое спасибо винной монополии, что она положила в основу борьбы с алкоголизмом устройство чайных, имеющих характер клубов», и спасибо это мотивировалось именно тем, что мин. финансов сознало потребность рабочих в клубах и милостиво пошло ей навстречу *. Г. Озеров старается

* Это спасибо г. Озерова как нельзя более подходит к духу того либерального журнала, в котором он сотрудничает, — «Русской Мысли». В августовской книжке этого органа редакция публично благодарит правительство за снятие

ность, при нынешнем политическом строе, на практике невозможна, мы убеждены в том, что дело с „вспомогательными кассами и потребилками“ может итти гладко лишь до тех пор, пока обо всем этом только разговоры разговаривают. С того же момента, когда „самодеятельность“ начнет проявляться не на одних словах, а захочет проявиться и в делах, то силой обстоятельств должны появиться такие вопросы и такие положения, при которых станет ясным даже и для „мирных штопателей дырявых штанов“, что делать им, под правительственной опекой, — нечего. Да и в самом деле: не вечно же они будут свои дырявые штаны только штопать! Настанет время, когда штаны эти будут заштопаны, и „мирные труженики“ захотят их надеть. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что такое превращение „мальчика без штанов“ в „мальчика в штанах“ никакого сочувствия в г. Зубатове не встретит и произведет разрыв между друзьями.

«Безусловное отрицание касс и потребилок выгодно для Зубатова, а потому делать этого не следует. Разумная, боевая тактика требует сбережения сил, а потому она велит пользоваться всяким учреждением противника, как будто сами революционеры вызвали его к бытию, и направить это новое орудие врага против него же.

«Г. Зубатову хочется из касс и потребилок сделать „усыпальницы“, куда он предполагает загнать и окончательно усыпить в них тех рабочих, которые высказывают поползновение проснуться.

«Г. Зубатов из касс и потребилок предполагает сделать „гробы“, в которых думает похоронить то революционное брожение, которое существует среди рабочих.

«Надо внести в эти „гробы“ жизнь. Надо заставить их, под напором жизненных, практических вопросов и дел, разлететься в пух и прах, и если бы это удалось сделать, то несомненно, что „умный“ г. Зубатов остался бы в дураках.

Доброжелатель».

Автор письма ошибается, думая, что мы относимся с «безусловным отрицанием» к кассам и потребилкам вообще. Это не так. Во всех наших статьях по данному вопросу резкость отрицания была обусловлена именно тем, что Зубатов уже внес яд политического разврата в определенные легальные общества в Москве. Это с одной стороны. А с другой стороны, и «буржуазная наука» уже внесла яд своих примирительных «гармонических» учений в легальные лекции. «Безусловность» нашего отрицания относилась к этому двоякому яду и только к нему (в том числе, разумеется, и к ошибкам тех «новейших социалистов», которые активно проповедуют свое: «верую в мощь вспомогательных касс»). Зубатовские общества не только гробы для будущих мертвецов, а также и ловушки для живых людей. И мы обязаны предостерегать рабочих, чтобы они не попадали в ловушки.

Если Зубатов скажет рабочим, что революционеры против всякого фактического улучшения их быта, — то мы будем опровергать Зубатова. Мы скажем (и говорим уже) рабочим, что мы вовсе не против касс и потребилок вообще (см. брошюру о потребительных обществах, изданную в Женеве), а только против всякого полицейского влияния на кассы или посредством касс, против всякого развращения рабочих.

«Надо внести в гробы жизнь», — пишет автор. Нет, это не наше дело, не дело революционеров. Наше дело — укладывать в гробы врагов пролетариата, проповедывать и приготовлять такую «укладку». А оживлением гробов пусть занимаются легальные деятели, мирные штопатели штанов. И мы вовсе не отрицали безусловно пользы от их работы. Ничуть не бывало. Мы знаем, что в России имеются полезные и честные легальные общества. Мы не сомневаемся нисколько, что, если правительство, действительно, предоставит рабочим хоть крошечку самодеятельности, т. е. возможности действовать самим, а не по указке Зубатовых, — то это неминуемо поведет к новому столкновению еще более широких рабочих масс с правительством, к «разрыву между друзьями». Умный Зубатов, несомненно, в конце концов останется в дураках. Но именно для того, чтобы приблизить этот «конец концов», мы и должны разоблачать Зубатова, подталкивая его тем самым на предоставление рабочим хоть маленькой, но настоящей самодеятельности. Своей непримиримой борьбой с ядовитыми ростками зубатовской проповеди, буржуазной науки и «экономической» близорукости мы как раз и

уверить вас, что г. Витте спит и во сне видит, как бы угодить рабочим, и вас не смутили эти похвалы по адресу государственного плута, вы покрыли речь г. Озерова рукоплесканиями... «Большое спасибо» г. Озерова заслужено г. Витте, очевидно, созданием попечительств о народной трезвости. Эти попечительства, как известно, радеют о народном просвещении, о предоставлении рабочему люду приятных развлечений и возможности насквозь пропитаться верноподданническим духом. Вот хотя бы московское попечительство. Оно выстроило в Москве «народный дом» со всякими прелестями: читальней, аудиторией и строго трезвенным буфетом. В Харьковской губ. попечительства тоже хлопочут об устройстве «народных домов», и в Волчанском уезде один уже открыт. В прочих местах Российской империи попечительства тоже открывают и будут открывать повсюду, рядом с царскими кабаками, чайные, читальни, библиотеки, «народные чтения». И везде будут они своими книжками, лекциями и туманными картинами затуманивать сознание трудящихся, учить их терпению, посту и молитве, покорности и благодарности начальству. Мин. финансов предполагает отпустить для этой цели попечительствам «особые средства», а так как нынешний каталог книг, разрешенных для бесплатных читален, очевидно, не удовлетворяет потребностям нужного правительству «просвещения», то, с одной стороны, предполагается расширить этот каталог, а с другой — тот же г. Витте «в случае надобности» хочет издать серию народных книг для своих попечительных клубов. То-то будут книжечки! Надо полагать, наиболее ценные из этих будущих произведений столоначальников департамента полиции будут, по примеру недавнего прошлого, «рекомендовать» для обязательного распространения среди рабочих фабрик и заводов. Ну, г. Озеров, расшаркивайтесь! А мы заметим вот что: деятельность попечительств и издательский проект Витте подчеркивают другую сторону созидательной части правительственной политики: правительство, ради большего успеха искоренения смуты, берет в свои руки устную и литературную пропаганду духа «смиренномудрия, терпения и любви» к рабству.

с журнала предостережения. Эта благодарность преподносится мин. внут. дел после мартовской и майских боен, произносится над свежим трупом «Жизни»! Как мало нужно иному либералу, чтобы он сподличал...

очищаем почву для прорастания тех полезных семян, которые удается изредка бросить и в русскую землю честным «мирным труженикам».

С Урала. 10 ноября 1901 г. в Горнозаводском отделении Красноуфимского промышленного училища при Пермском реальном училище было вывешено «Извлечение из новых правил для средних технических училищ».

Правила эти совершенно стесняли свободу горняков, приравнивая их к малолетним школьникам.

10-го же числа вечером у горняков состоялась сходка, на которой первым вопросом был: «Все ли присутствующие возмущены узостью тех рамок, в которые эти правила ставят всю нашу жизнь, весь наш общественный строй, все наши благие молодые начинания?» Ответ, конечно, получился утвердительный, и все единодушно решили заявить свой протест против этих правил, как против гнусного насилия над свободой личности и поругания человеческого достоинства.

В понедельник 12 ноября, в 9 час. утра, горняки потребовали к себе директора и заявили, что подчиняться им, новым правилам, не будут, а потому требуют их отмены.

Как и следовало ожидать, со стороны директора были возражения, и из них выяснилось, что эти правила утверждены для 8-классных (нового типа) технических училищ, значит, горняки в праве требовать их отмены. Конечным ответом г. директора был тот, что он донесет об этом требовании и вообще о данном событии в округ. После этого об'яснения горняки порешили не посещать занятий впредь до благоприятного исхода, т. е. до оставления старого порядка академической жизни.

Попытка начальства оказать давление на родителей угрозой увольнения не имела успеха. 24 ноября приехал окружной инспектор, получил от учащихся протест за подписью всех их и имел с ними личное об'яснение.

Дружной борьбой и стойкостью горняки добились того, что вывешенные правила были убраны и применяться к ним не будут до тех пор, пока не придет окончательное решение этого вопроса из высших сфер, перед которыми взял на себя ходатайствовать окружной инспектор.

Насколько учащиеся были солидарны между собою, видно еще и из того, что дали друг другу письменное обещание, скрепленное их подписями, что, если получится в будущем неблагоприятный ответ, то так же дружно они будут продолжать забастовку и добиваться окончательной отмены этих наглых правил.

Кишинев. В начале декабря у нас забастовало училище виноделия. Ученики этого училища направили свой протест, главным образом, против учителя истории. Наше время вообще очень богато «течениями» различного качества. В педагогической сфере, напр., заметно, так сказать, полицейское течение. Преподаватель истории у виноделов, очевидно, один из поборников этого течения. Учитель завел шпионов среди учеников. Вот это-то особенно и возмущало последних. Протест решено было выразить в виде отказа отвечать этому благородному наставнику. Свое решение ученики привели в исполнение; за сим, само собою разумеется, последовали «меры пресечения». Явился директор, ученики уволены и высланы (за исключением небольшого количества своекоштных, которым разрешено остаться на жительство в окраинах города).

Крамола в Череповце (Новгородской г.). На имя семинаристов 3-го класса было послано (пока неизвестно, кем) письмо (содержание его тоже неизвестно). Письмо, как имеющее необыкновенный адрес, было вручено директору семинарии. Узнав от почтальона о принятии директором этого письма, семинаристы 3-го класса выбирают из своей среды четырех депутатов, как учил их делать сам директор, когда им нужно было с ним говорить, и отправили к директору просить выдачи адресованного на их имя письма. Директор категорически ответил, что такого письма нет. На следующий день отправляется новая депутация уже в сопровождении почтальона, приносившего письмо. Уличенный в обмане, директор должен был сознаться, что письмо у него есть, но все же его не отдал. После того, как директор уклонился от приема третьей депутации, семинаристы 3-го класса 12 сентября утром принесли в класс книги, а сами ушли с занятий домой. Перепуганное начальство приглашает их в семинарию, рассаживает поодиночке и отбирает от каждого подписку, требующую беспрекословного исполнения всех требований начальства. Двое не дали такой подписки, полагая, что и остальные тоже так поступили, а двое других подписались с оговоркой, прочие же все исполнили требование. Первых четырех исключили на следующий же день, остальных же лишили стипендии за настойчивое требование у директора письма.

Накануне «беспорядков», т. е. 11 сентября, на Верхней ул. произошел пожар, вызвавший полицейский осмотр труб. И вот в трубе бани Полозова на Верхней ул. нашли запрятанную туда библиотеку семинаристов, в которой было не мало нелегальных книг, в том числе экз. гектографированного журнала семинаристов «Слово». Эта находка послужила поводом для целого ряда обысков. Первым обыскан семинарист Иванов, обвинявшийся в заведывании библиотекой. Оправдываясь от обвинений, Иванов запутал многих семинаристов и даже учителей. Дальнейшие обыски еще более расширили «дело», и теперь под подозрением состоит, как слышно, 35 (!!) учителей. Корреспонденция, адресуемая на имя этих учителей, перехватывается. Обысканы учителя Виноградов и Капустин (у последнего, кажется, что-то нашли). Его обвиняют в издании «Слова», и он, хотя и на свободе, но, вероятно, сильно пострадает. Вот все, что известно о наших событиях, но это только начало!

Кострома. Травля поднадзорных. Если наша полиция и жандармерия и не отличается умением в искоренении крамолы, зато энергии у нее не занимать стать. За последнее время то и дело судят поднадзорных. Рабочего Белова привлекли «за нарушение тишины и порядка», хотя никакого нарушения в его поступке не было (оправдан). Высланный сюда петербургский рабочий Кулаков был привлечен жандармами к суду за богохульство (7 дней ареста). Наконец, малолетнего сына бывш. петербургского рабочего Буянова обвинили в краже. Мальчика защищал отец, сказавший: «Тут все дело в политической неблагонадежности; если ты неблагонадежен, то мы твоего сына в тюрьму упечем». Суд оправдал мальчика. Наконец, был привлечен к суду бывший студент лесного института Н. П. Богданов за дерзость, сказанную помощнику пристава. Несмотря на все усердие полиции и прокурора, удалось присудить Богданова только к десяти рублям штрафа. Не любят господа театральные антрепенеры, когда их в газетах не по шерсти гладят, и всякими способами борются против этого: тот своим судом чинит кулачную расправу над чересчур строгим рецензентом, этот во всеуслышание заявляет, что он отказывается печатать об'явления о спектаклях в непокладистой газете. Более утонченный способ борьбы придумал костромской антрепренер. Воспользовавшись тем, что автор непонравившейся ему рецензии в местной газете — лицо поднадзорное, он прибег к содействию властей предержащих. И вот рецензент был приглашен в полицию, и там ему от имени жандармского управления было воспрещено дальнейшее сотрудничество в газете. Чтобы придать этому запрещению вид законного, была сделана ссылка на 24 ст. Полож. о политических поднадзорных, воспрещающую поднадзорным содержание типографий, литографий, фотографий, библиотек для чтения и службу при них в качестве приказчиков, конторщиков, смотрителей и рабочих.

(Жаль, что не сообщено также имя этого антрепренера-«добровольца». Ред.).

Один из многих. (Некролог.) Генерал, инженер путей сообщения, начальник закавказских жел. дорог, г. Веденеев, умер от пули в легких в январе 1902 г. Он замечателен тем, что всегда был ярым противником рабочего движения и одним из умных бичей социал-демократии на Кавказе. В 1898 г. его распоряжение, лишившее рабочих исконных прав на бесплатные (разовые) билеты и т. п., вызвало грандиозную стачку, в которой рабочие одержали победу. После этого министерство думало из'ять Веденеева из обращения на закавказских железных дорогах, но его связи в Питере принудили министерство забыть про него. После стачки 1900 г. в августе Веденеев лично ревизовал библиотеку для рабочих при мастерских ж. д. и, найдя добрую половину книг ненужной для рабочих, особым циркуляром велел ее сжечь, затем опять по циркуляру правление библиотеки было распущено, и он сам назначил новый комитет из лиц благонадежных, навсегда лишив рабочих права выбора правления и возможности самим заботиться о своей библиотеке. Теперь эта библиотека, лишенная читателей-рабочих, еле-еле влачит свое существование.

Попечения Веденеева делались с каждым днем все нахальнее. Мало-мальски в чем-либо замеченные рабочие и те, которым приходилось сидеть в тюрьмах, после оправдания увольнялись из мастерских. Веденеевым, совместно с жандармерией, было постановлено: с 1901 г. вести всем рабочим, просидевшим хоть неделю в тюрьме, особые списки, которые рассылаются по всем частным заводам со строгим наказом при приеме рабочих руководствоваться этими списками, при чем и частным заводчикам ставится в обязанность вести такие же тетрадки, которыми они ежемесячно обмениваются между собою для руководства. На этот наказ выхлопотали подпись Главноначальствующего краем, при чем нарушившие сие повеление подвергались денежным взысканиям. Затем он выпустил циркуляр к начальнику мастерских и смотрителю бюро, в котором строго-настрого повелевалось начальникам — направить течение Куры обратно с востока на запад (как они сами выражались), т. е. сократить число рабочих грузин и армян и на место их принимать татар и персиян, как более покорных, воздерживаться от приема русских рабочих, но в крайнем случае русских предпочитать армянам и грузинам; детей грузин и армян не принимать в качестве учеников в мастерские, а по мере возможности вербовать их из татар и персиян, из депо мастерских слесарей грузин и армян уволить и вакантные места замещать рабочими других национальностей. Несчастные начальники этим распоряжением были поставлены между двух огней — уволить грузин и армян, которых заменить нельзя, за неимением татар и персиян, значило приостановить работу в мастерских и в депо; с другой стороны, их мучило — как же ответить увлекающемуся репрессиями Веденееву? — сейчас же последует его гнев; хорошо, если все это кончится одним выговором. После двухнедельных таких колебаний несчастные холопы доложили «Бабе-Яге» *, что последний циркуляр от пункта до пункта невыполним. Вот к каким мерам прибегал Веденеев для искоренения крамолы среди рабочих. Верный всегда своей задаче, Веденеев в августовской стачке 1900 г. ни за что не уступал, предпочитая громадные убытки (в день триста тысяч руб.), какие дорога несла по поводу стачки. Вызванному им саперному батальону платилось за работу в мастерских вдвое больше обыкновенной платы рабочего. В дни управления Веденеева дорога выгоняла большую экономию на счет мелких служащих и рабочих. Машинисты, зарабатывавшие до него в месяц 170—190 руб., стали выгонять едва 100 руб., помощники, вместо 60—70 руб. — по 40—45 руб., а о кочегарах и говорить нечего. Премию за смазку и топливо вначале выдавал в 6—8 месяцев раз, а потом раза два отказал в виду убытков, понесенных дорогой, а потом и вовсе перестал ее выдавать.

Вместе с тем, Веденеев был верный служака, умел воровать **: казна была довольна, и его карман вечно полон. Кто бы ни был неизвестный убийца, — сознательный ли рабочий, или вышвырнутый им из управления дороги приниженный чиновник,—он верно подхватил настроение рабочих—и тысячи уст матерей, жен и сестер рабочих, оставшихся без заработка, будут благословлять стрелка и меткую пулю. Тифлисский рабочий.

* Так здесь называли Веденеева.

** Во время ревизии, назначенной в 1898 г., воровство Веденеева было обнаружено до такой степени, что он стал притчей во языцех во всем Тифлисе.

В № 8 нашей газеты мы поместили сообщение о столкновении ссыльного Гуревича с врачом Марчевским (в Енисейском уезде). По этому поводу мы получили следующее письмо:

«В 8 № „Искры" имевший место в Енисейской губ. случай с негодяем врачом Марчевским передан неточно. Когда больной, с приставом и „понятыми" в сопровождении товарища Даргольца, приглашенного приставом для снятия допроса, пришли в больницу, то, когда этот врач поднял руку на больного, Г. Даргольц дал ему пощечину, за что М. привлекает его к ответственности по 285 ст. Улож. о нак., как за оскорбление действием чиновника при исполнении им своих обязанностей. Чиновником врач считается, как состоящий на государственной службе. Теперь тов. Д. грозит наказание, как гласит эта глава — от 8 мес. до 2½ лет тюремного заключения. Конечно, есть смягчающие вину обстоятельства, как защита больного товарища, но еще вопрос, как отнесется суд. Даргольц еще привлекается тем же врачом за клевету в печати, потому что Даргольц обо всем случившемся написал в „Сибирской Жизни". — Вообще теперь за Уралом сильно обострены отношения между ссыльными и администрацией. Чаша переполнена, и терпение у многих лопается. Недавно одного товарища „за дерзкое обращение" с администрацией (он выгнал сотского после того, как тот ему успел порядком надоесть) выслали к чорту на кулички, где 10 домов и 35 чел. населения, а почта, конечно, никогда не приходит».

О той же истории другой товарищ пишет:

«Гуревич жаловался прокурору Красноярского окружного суда; прокурор ответил, что на основании 1085 ст. Устава угол. суд. жалоба Гуревича передана губернатору. Марчевский в об'яснении, отосланном губернатору, сделал донос на своего предшественника: тот-де находился под влиянием административных „жидков" и избаловал их, выдавая беспрепятственно медицинские свидетельства о мнимых болезнях. Когда он (Марчевский) стал относиться „добросовестно" к своим обязанностям, то его стали всячески травить, и, наконец, побили при исполнении служебных обязанностей.

«Второй донос Марчевский сделал на политического ссыльного в Пинчуге Зива (студ. мед. из Одесск. унив.), который будто бы занимается недозволенной медицинской практикой.

«Когда в Богучанах заболел полит. ссыльный Левин, то по необходимости обратились к Марчевскому. Тот стал ругаться и отказался итти. Пришлось вызвать его через станового. На больного, бывшего в состоянии близком к обмороку, он тоже кричал.

«Наконец, последовала генерал-губернаторская резолюция. Все богучанцы, кроме Левина и Рачковского, были расселены по притокам Ангары в деревушках, верстах в 100—150 от Богучан, куда нет тележного пути, и почта поэтому ходит редко и неаккуратно: Даргольц в дер. Бедобу, Нудельмана (сильнейшее нервное расстройство) в Петропавловское на Чуне, Гуревичей в Петропавловское на Муре, а Светицкого (с больной женой и двумя детьми), не принимавшего абсолютно никакого участия, в Чернявское на Муре, Корнюхов выслан за границу Кежемьской волости.

«Поведение Марчевского рассматривалось красноярским общ. врачей. Донос на предшественника нашли несовместимым с достоинством не только врача, но и всякого порядочного человека. По поводу богучанской истории предложили ему привлечь автора корреспонденции в „Сиб. Жизни" к суду за клевету».

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ
и
ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

О петербургской рабочей организации. Как пишут из Петербурга, к началу минувшего года число членов местной рабочей организации доходило до 300. Массовыми арестами и высылками в первой половине 1901 г. полиции не удалось вырвать с корнем молодое, но живучее дерево. Система провокаторства применялась широко. В конце 1900 г. образовал свой кружок и предложил свою квартиру для собраний провокатор Андронов, ткач от Максвеля (чел. семейный, лет 35—40, среднего роста, брюнет, он нанимал собственных рабочих-портных). Ему не удалось проникнуть на собрание представителей кружков Невского района, а потому вред, причиненный им организации, не был слишком большой. Это удалось провокаторам на Выборгской стороне и на Путиловском заводе. Им удалось присутствовать на празднике, устроенном рабочими Нарвского района при встрече нового 1901 г., и вред, причиненный ими, был очень значителен.

Рабочие слишком стремительно расширяют свою организацию; они при этом недостаточно строго соблюдают тот пункт устава организации, который требует, чтобы в собрания представителей вновь избранные рабочими члены допускались тогда, когда они сумеют вполне доказать свою искреннюю преданность делу рабочих и достаточную степень конспиративности. Обращаем на это внимание петербургских товарищей. В нашем деле должно исчезнуть русское «авось»; каждый шаг вперед должен быть смелым, но глубоко обдуманным. Одна маленькая ошибка может погубить целый ряд товарищей, может сделать много вреда всему делу.

Орехово-Зуево.

Насколько наши хозяева Морозовы особенно боятся всякого протестующего элемента среди рабочих, можно будет видеть из нижеследующего.

Часто бывает, что какой-либо рабочий, ищущий места, является к фабрике с желанием получить работу, но это не всегда удается, если даже требуется на работу именно такой рабочий, каким является ищущий места. Посмотрит его паспорт один прохвост мастер, посмотрит другой прохвост, и возвращают обратно с неизменным «не нужно». Иной рабочий замечает, что это не спроста, а есть какая-то чертовщина, но какая? Ведь вот же он видит который раз, как принимают людей после него пришедших или только что предложивших свои услуги. Ходит, ходит так он к фабрике, пока не убедится, что это бесполезно, и свалит всю неудачу на свою якобы непонравившуюся физиономию. И он прав. Русский рабочий обязан иметь две физиономии: т. е. одну естественную, которой его наделила родительница или вообще природа, а другую полицейскую в интересах ограждения разного беззакония. Это — паспорт, и потому в Орехове обращают главное внимание на физиономию полицейского характера и, если эта физиономия совершенно чиста, тогда есть шансы на поступление. Но беда, если на паспорте окажется штемпель Петербурга, Москвы или другого большого города. Напрасно бедняга, владелец такого паспорта, будет просить работы, просить о принятии его на фабрику, не удастся ему поступить по той причине, что в Морозовские фабрики не принимают рабочих из столиц или тех городов, где существует рабочее движение. А где оно теперь не существует? У нас же на Морозовских фабриках не все темная деревня, и много есть товарищей, у которых голова не совсем забита поповской околесиной и назаровским фарисейством. И все же администрация отдает предпочтенье синим портам, только что явившимся из деревни для скудных заработков. Потому мы советуем товарищам, приезжающим из столиц для поступленья, брать чистый паспорт и не признаваться в том тяжелом преступленьи (с точки зрения Морозовых), что работали в местах, где существует рабочее движение.

На Морозовской фабр. существует книга «порочных», и это не просто так себе, а на самом деле фундаментально поставлено, как будто в департаменте полиции, и если раз попал в нее, то пиши пропало, — поступить на фабрику больше не удастся; если попал под следствие в государственном преступлении и обвинен, то тоже в Орехово ездить незачем, ибо министерство внутренн. дел ежемесячно присылает исписанные листы с сотнями лиц, осужденных за стачки и др. государственные преступления, на имя здешнего пристава и уже от последнего поступают в контору с пометкой «секретно» и вносятся в книгу «порочных». Подумаешь, какие «порочные» люди эти рабочие, если они вздумали повысить свою заработную плату или не согласились на понижение расценков. Мало этого, мин-во считает своим долгом сообщить об осужденных в Сибирь на разные сроки. Тут уже список пестрит: художник, доктор, учительницы, студент и т. п., выслать туда-то—в Забайкалье, на столько лет и по распоряжению Е. В. П. М. В. Д. жительство во Владимирской губернии воспрещено, «на фабрику не принимать».

Какие же пороки фабричная администрация находит за своими рабочими? И какая для них корысть из всего этого? Случаев для этого не занимать стать: получил рабочий грошевое единовременное пособие за какое-либо увечье—туда его, т. е. в книгу порочных; доработался рабочий на фабрике до неспособности к труду — туда его; назвала рабочего администрация неблагонадежным — туда его; за предосудительное поведение — туда его; за подпояску шнурка (если на фабрике рабочий подпоясается хозяйским шнурком) — туда его, и многое другое, ему же нет конца.

Очевидно, мало и этого оказалось, и для дополнения беззакония устроили постоянную «комиссию», нечто вроде тайного судилища; в него вошли фабр. механики и техники под председательством известного читателям эскулапа Базилевича. Эта комиссия признала нужным записывать всякий грешок (вольный и невольный) рабочего, дабы при всяком случае можно было навести справки обо всяком рабочем, как он себя вел в течение тех лет, которые проработал на фабрике. Для большей наглядности приводим справку, которая показывает, насколько отвратительна та тина, которая обвилась вокруг нас, орехово-зуевских рабочих.

П о д л и н н и к.

Справка о живущем на фабрике Т-ва Никольской М-ры.

Имя	Иван.
Отчество	Васильев.
Фамилия	Смирнов.
Губернии	Тульской.
Уезда	Веневского.
Волости	Узуновской.
Деревни	Глубокой.
Лета	56.
Сколько лет раб. на фаб.	23.
Увечье	Имеет.
Должность	Рабочий при под'емной машине.
Где раб.	На Б. Ф.

Сведения кварт. отдела:	Сведения фабрики:
1) На его боченке с квасом загорелась тряпка. Штр. . . . . 1 р.	1) За поздний выход на работу . . . . . 50 к.
2) Пьяный на коридоре громко говорил, что старшие все подлецы и грабители. Обходные просили замолчать, но он не слушался, за что взят в сторожку. Штр. . . . . 2 р.	За поздний выход . . 50 к.
	За грубость мастеру штр. . . . . 1 р.
	Оделся за 5 минут до окончания . . . . . 50 к.
	За непослушание . . 40 к.

3) На улице пел громко песни, за непослушание посадили в сторожку, о чем доложено заведывающему хоз. частью.

Пометка Г. Егорова.

За непослушание выселить на вольную квартиру.

Подписано Е. Егоров.

За многоглаголанье . . 50 к.

Жаловался Инспектору, что ему выдали плохую говядину . . . 1 р.

Подписано И. И. Гаранин.

(Старший конт. бумагопр. фабр.).

Просит вознагражденья за увечье (помет. квар. отдела).

(Аттестация либерала заведующего фабрикой):

Человек неблагонадежный, грубьян, работник так себе. Просимого не заслуживает. Подписано: Александр Федотов.

Замечания больницы об увечьях:

1) Как передано с фабрики, он находился в нетрезвом виде, по своей неосторожности попал в кожаный блок, при чем ему отрезало два пальца правой руки и помяло конец 3-го. Особых увечий не было. Подписано: врач Базилевич.

2) При разборке ящиков по своей неосторожности получил ушиб в спину. Находился на излечении в больнице 28 дней.

Подписано: врач Базилевич.

Резолюция Саввы Морозова:

Дать 50 руб. на дорогу. На фабрику вновь не принимать.

Подписано: С. Морозов.

Вот и конец этой грустной истории: ломал, ломал человек свою жизнь, изувечился, и ни одного доброго слова, потерял свою жизнь, оставил пальцы Морозову, и за все это 50 р. на дорогу, дабы не вздумал вести дело судебным порядком.

Рабочий.

Ст. Брянск. (М.-К.-В. ж. д.). В половине октября начальник 5-го участка службы пути г. Виницкий (к слову сказать, скот, каких мало) сбавил поденным рабочим, получающим и без того не бог весть сколько, — 50 коп. в день, — по 5 коп. Рабочие, в числе 40 человек, решили забастовать. 17 октября рабочие с утра на работу не пошли, а когда смотритель здания и кладовщик пришли и стали их звать на работу, то рабочие сказали, что на работу не пойдут до тех пор, пока им не прибавят жалованье. До обеда больше их не тревожили. Рабочие после обеда собрались возле конторы 5-го участка и, вызвав г. Виницкого, повторили свое требование о прибавке. Виницкий отказал. Тогда рабочие потребовали расчет и проездные билеты. — Не знаю, что побудило г. Виницкого: спешка ли (ожидался проезд комиссии) или боязнь за целость своей шкуры, но только г. Виницкий уступил, прибавив по 10 коп. в день, так что теперь рабочие получают 55 коп., вместо прежних 50 коп.

Из Брянского завода (Орловской губ.). Нельзя не отметить халатного отношения нашей заводской администрации к своим обязанностям, благодаря чему у нас чуть ли не каждый день несчастные случаи с человеческими жертвами. Вот некоторые из них:

1) 26 октября в мостовом корпусе во время обеденного перерыва, упершись в приводной вал (так как он был на расстоянии ¾ арш. от стены), плотник Влас Балабин, 21 года, прорубал стену. Увлекшись работой, он и не заметил как прошло обеденное время. Машинист, не давши сигнального свистка (которого, вопреки уставу промышленности об уходе за паровыми машинами, уже несколько лет не было), пустил машину в ход. Балабина накрутило на вал и начало бить о стену и о железные кронштейны. Он лишился обоих ног. Администрация, желая избавить себя от ответственности, распорядилась о постановке свистка, который к вечеру и был поставлен.

2) 3 дек. в чугуно-литейном цехе при отливке изложниц прорвавшаяся расплавленная масса облила двух литейщиков, из которых один умер через сутки, а другой, хотя и остался жив, но раньше полугода не вылечится. Как этот случай, так и ряд других являются последствием чрезмерной скупости нашей заводской администрации. Таким образом, благодаря тому, что начальство не хочет делать расходов для того, чтобы орудия производства были в исправности, нам, рабочим, приходится платить за это своею жизнью.

3) Многие из заводских зданий пришли в ветхость и грозят обрушиться. 11 ноября одно из таких разлезающихся по всем швам зданий обрушилось при следующих обстоятельствах: здание это, несмотря на то, что и стены и крыша его железные, сильно обветшало, стены расползались в разные стороны, и их только и удерживали толстые железные пруты, да железные балки, стягивающие стены. В этот день директор и приемщик должны были принимать железные листы. Листы эти надо перевозить через это злополучное здание, но железные связи и балки препятствовали проходу под'емного парового крана. Тогда одно из начальствующих лиц, П. Е. Маркин, велел перерубить связи, а также прорубить в балках места для прохода крана. Лишившись последней своей опоры, здание обрушилось, похоронив в своих развалинах 7 человек.

Час. к 8 веч. пострадавшие были отрыты; из них четверо убиты наповал, трое раненых, из них Филипп Бабков тяжело: у него переломлены обе ноги и пробита в нескольких местах голова. Бабков женат, имеет двоих детей.

Брянский рабочий.

Наши потребительные общества. В обществе потребителей при Коломенском машиностроительном заводе (Московск. губ.) обнаружены большие хищения и злоупотребления администрации. На-днях в лавке найдена масса протухшей солонины и ветчины, как говорят, до 1.000 пуд. Разбор дела показал, что это мясо закупил уже испорченным бухгалтер лавки, — человек наемный от потреб. общества. Члены правления лавки инженеры Коломенского завода, Отцке, Афанасьев и другие, принудили ревизионную комиссию, состоящую из мастеровых и мелких служащих, принять это мясо. Залежи тухлого мяса были опечатаны полицией по заявлению рабочего, состоящего при лавке, — он не в состоянии был продолжать перетаскивать тухлое мясо из подвалов на возы для отправки его коломенскому купцу. Была отправлена депутация от рабочих к администрации завода с заявлением о желании созвать экстренное собрание потребителей. Инженер Отцке уверял, что собрание излишне, он обещал покрыть убытки лавки надбавкой 5 коп. на пуд муки и выдать в конце года те же 10% дивиденда; при чем усиленно настаивал на том, что, смещая его из членов правления, они этим ничего не выиграют, так как не получат никакого дивиденда; он просил, чтобы «не марали его чести». Вызванный директор-хозяин стал на сторону инженеров, назвал депутатов «бунтовщиками», осмеливающимися его беспокоить из-за каких-то пустяков.

По заводу в настоящее время ходят опросные листы: желают рабочие собрания потребителей или нет? На голосование оказывают сильное влияние мастера. Администрация постарается обставить дело так, чтобы его провалить.

Нижний-Новгород. В ночь на 21 декабря по всему городу были расклеены и разбросаны прокламации по поводу усиленной охраны. Они читались многими и вызвали великое смятение среди полиции. В ночь на 22 декабря были распространены прокламации Нижегородского Комитета на фабриках и заводах по тому же поводу. Теперь каждую ночь раз'езжают по улицам усиленные конные патрули.

Вам писали уже о прокламациях на Добровском зав. (одна прокламация) и на Калашкинском (три прокламации). На Сормовских заводах были выпущены в октябре и ноябре две прокламации, одна к рессорщикам, другая к кузнецам. Дело в том, что в Сормове систематически, хотя незаметно и постепенно, понижают расценки. Когда понизили расценки рессорщикам, они, почти все, бросили работу. На их место поставили кузнецов и выписали рабочих из Москвы. Им же предложили расчет. Некоторые опять встали на работу, но многие ушли с завода. В ноябре понизили расценки кузнецам. Они ходили к фабричному инспектору, тот обещал вступиться, но, конечно, ничего из этого не вышло. Наконец, недавно понизили расценок в медно-литейной. По этому поводу была выпущена прокламация ко всем сормовским рабочим в довольно большом количестве. Она была всюду распространена, даже наклеена во многих местах, и вызвала много разговоров. В местах, где были наклеены листки, собирались толпы народа и читали их. Начали ходить слухи, что будет «бунт». На администрацию они тоже произвели впечатление. Для предупреждения и устранения беспорядков заблаговременно были посланы в Сормово войска, хотя никаких беспорядков там не было. Они устроили маневры перед заводом, постреляли в цель и потом возвратились назад. По этому поводу Комитет обратился с письмом «Ко всем офицерам Н.-Новгорода». Кроме этих изданий, Комитет выпустил «Нижегородскую Раб. Газету».

Кроме Комитета, здесь образовалась еще одна соц.-демократическая группа, которая выпустила № 1 «Раб. Летуч. Листка», и еще одна революционная группа без названия, которая издала листки: «К народу», «К крестьянам», «О Добролюбове» и «Об усиленной охране».

Правила об усиленной охране, расклеенные на столбах, всюду вызывают разговоры—рабочие очень озлоблены. о них идет разговор даже среди пригородных крестьян, приезжающих в Нижний в базарные дни. «Скоро восстание будет, плохо живется народу», раз'ясняют им их «политики».

Оренбург. Постройка Оренб.-Ташкентской ж. д., начавшаяся этим летом, вызвала массу «недоразумений» между подрядчиками и рабочими. Рабочих обирали самым беззастенчивым образом. Не говоря уже о том, что условия работы очень неудовлетворительны, система штрафов, ничем не сдерживаемая *, практиковалась в самых широких размерах, рабочих просто обманывали при расчетах. Управление жел. дор. передало постройку подрядчику, тот в свою очередь передал другим подрядчикам и т. д., так что рабочие получали часто работу из третьих, даже четвертых рук. Обеспечение в уплате денег с подрядчиков не бралось, и вот при расчетах поздней осенью почти по всей линии подрядчики не доплатили рабочим денег. «У нас нет, — нам самим тоже не заплатили». Начались судбища (для чего нужны средства—платить пошлины, адвокатам и т. д.), но и выиграв дело, рабочие не могли получить своих заработанных грошей. Подрядчик об'являл себя несостоятельным или начинал новое дело с другим подрядчиком. В то же время подрядчики предлагают рабочим итти на мировую — вместо рубля получить 60—80 к., и рабочие шли на эту сделку: не на что было жить, наступала к тому же зима. Большинство рабочих — крестьяне из голодающих губерний. Озлобление сильное и против подрядчиков и против администрации, которая держит их сторону. Стачки были мелкие у отдельных подрядчиков.

Из Оренбурга высылают евреев за неимением «права жительства», начали с осени, применяют меры бесцельной жестокости: разоряют ремесленников, дают на сборы 24 часа, о грубости администрации не говорим... Попадаются случаи и незаконной (!) — как будто закон о черте еврейской оседлости «законен» — высылки. Подано несколько жалоб в сенат. Высылками возмущаются, да только про себя.

Сарапуль (Вятской губ.). Три четверти населения нашего города занято в производстве обуви. Во главе производства стоят заводы: Барабанщикова, Михеева, Дедюхина, Смагина и Пешехонова, из которых на каждом работает от 200 до 500 чел. На заводах происходит, главным образом, заготовка обуви, т. е. кройка, строчка и т. п.; большая же часть работы производится ручным трудом, на дому, мелкими ремесленниками-сапожниками. Эта домашняя работа имеет все темные стороны кустарного производства: бесконечный рабочий день, который перед сдачею обуви хозяевам, захватывает нередко несколько ночей подряд, низкая (поштучная) заработная плата и т. п. Раз в неделю являются ремесленники на заводы с готовою обувью для сдачи и получают плату за работу. Сдача нередко сопровождается значительными прижимками сдачечников хозяйскими приемщиками, при чем иногда слышатся в толпе бессильные проклятия по адресу эксплоататоров (сцена из «Ткачей» Гауптмана). Разделение труда развито довольно сильно, так что редко можно встретить сапожника, который мог бы сшить пару сапог, начиная с кройки ее, без посторонней помощи. Это обстоятельство, вместе с неимением собственного сырого материала, ставит ремесленников в кабальное положение по отношению к хозяину. Бедные жилища, которые служат и мастерскими, недостаток воздуха, света и одежды, скудное питание, худые, бледные лица членов семьи — вот обстановка нашего ремесленника-сапожника. Дети его в большинстве случаев не оканчивают школы и рано засаживаются за работу, приобретая всевозможные болезни, до чахотки включительно, которая находит себе благоприятную почву. Мне вспоминается страдальческая смерть Поли Вар., 16 лет, умершей от чахотки и водянки; трудно описать отчаяние матери, посадившей ее с 10 лет за строчку пар.

На заводах часть рабочих является приходящею, другая живет тут же на хозяйских харчах. Обстановка труда на заводах немногим лучше домашней работы: грязные, тесные, без света и без воздуха мастерские, господство всех видов внезаконной эксплоатации рабочих, царство мастеров и приказчиков, грубость в обращении — являются характерными ее признаками. Женский и детский труд применяется в изобилии, при чем сплошь и рядом встречается обход закона о предельном возрасте занятых на работе детей, так что нередко 10—11-летние дети значатся в конторских книгах 13—14-летними; фабричный инспектор этого, конечно, не видит. В хозяйских казармах господствует невылазная грязь; харчи — постная пища, с преобладанием воды и хлеба, так как благочестивые хозяева больше всего заботятся о спасении душ нечестивых рабочих. Заработная плата низка, рабочий день на одних заводах, согласно закону, 11½ час., а на других, где хозяева побойчее и рабочие посмирнее, 12 и 13 час. Тяжесть положения чувствуется заводскими и ремесленниками давно. Они вздыхают, жалуются на свое положение, придумывают разные палиативные средства, но радикального выхода из него не видят. Ремесленники мечтают об открытии общих мастерских для них, о потребительных и производительных товариществах, но дальше не идут. Только изредка то на одном, то на другом заводе являются попытки рабочих улучшить свое положение. О некоторых из них, известных мне, я расскажу дальше...

В январе 1900 года все живущие на хозяйских харчах рабочие завода Дедюхиных забастовали, выставив следующие требования: очистка казарм и содержание их в чистоте, еженедельная баня для рабочих; вместо чугунов для чая — самовары; вместо голых досок для спанья — войлоки с подушками, ежедневные мясные щи с ¼ ф. мяса на чел. и т. п. Хозяева сразу сдались, пораженные неожиданностью этого явления. Началась чистка казарм, из кухни понесся запах мясных щей, потянулись возы с войлоками и самоварами... Это был настоящий светлый праздник для рабочих. Они ходили повеселевшие, с сознанием собственного достоинства. Настроение сильно повысилось; шли разговоры без конца. Но радость не могла долго про-

* Для работ по постройке жел. дорог действует «Устав о подрядах и поставках», в котором нет и намека на обеспечение интересов рабочих, общее же фабричное законодательство на них не распространяется.

должаться, так как, кроме уничтоженных зол, в их трудовой жизни оставалась целая бездна еще более важных, с которыми предстояла продолжительная борьба. Ровно через две недели забастовал вторично уже весь завод, выставив требования о сокращении рабочего времени на полчаса, а в субботу на один час, о расширении помещения мастерской, о вентиляции, освещении и т. п. На сей раз гг. хозяева бросились искать защиты у начальства: уведомили городскую полицию, вызвали фабричного инспектора и дали знать в вятское жандармское управление. Прискакавший инспектор предварительно позавтракал у хозяев, и, явившись на завод, отказался говорить со всеми рабочими, требуя от них выборных для переговоров. Рабочие наотрез отказались исполнить это, и он принужден был выслушать их требования. После продолжительных увещаний рабочих, он, наконец, согласился и стал мягко уговаривать их начать завтра работу, обещая немедленно вывесить новые правила о сокращении рабочего дня (до 11 час., кажется) и приступить к исполнению других требований. Затем отправился в контору закусить. Работы начались, но новые правила не появлялись, и через несколько дней рабочие опять бросили работу, несмотря на обещания управляющего. Тогда хозяева поспешили вывесить новые правила... Новая победа, — новая радость для рабочих! Через месяц предстояла, кажется, полугодовая «ряда» рабочих с хозяевами, и рабочие готовились уже пред'явить новое требование — повышение заработной платы. А между тем, верные царские слуги приступили к делу обнаружения вредных влияний; начались обыски у рабочих, началось таскание их на допросы к жандармскому полковнику. На помощь местным из Вятки было командировано сюда еще несколько жандармов. Началось выворачивание души и квартир рабочих, осмелившихся требовать улучшения своего горького положения. При обыске у Николая Злыгостева, перерыв весь дом, все сараи и амбары, перекопав весь снег во дворе, энергичные опричники отправились в баню, отстоящую чуть не на *версту* от дома, среди пустыря, и нашли там две нелегальные книжки: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему» и «Как английские рабочие боролись за свободу». Крамола найдена. Н. Злыгостева берут в тюрьму. Но все дальнейшие поиски и допросы остаются тщетными. Только один мастер с завода (к сожалению, не помню его фамилии), вначале очень сочувствующий рабочим, при первом же допросе принес жандармам слезное *покаяние* с попыткою оговорить Злыгостева и других рабочих. Но он ничего важного не дал им, кроме приятного сознания, что этот мастер подлый предатель, — значит, их слуга. Продержав Злыгостева три месяца в тюрьме, не имея никаких фактов против него, его выпустили, отдав под гласный надзор. Другою жертвою явился рабочий Жуковский, сосланный в наш город на три года. Ему прибавили еще год наказания и выслали в Яранск. Между тем, хозяева, пользуясь общим смятением, провели «ряду» без ущерба для своего кармана. Позднее рабочие добились сокращения рабочего дня в субботу для детей еще на полчаса.

Во время всех этих событий на других заводах господствовало возбужденное состояние среди рабочих, шли бесконечные разговоры, происходили частичные столкновения рабочих с начальством, но до общего движения дело не дошло. Летом того же года на заводе городского головы Пешехонова произошло следующее событие: хозяин удлинил рабочий день на полчаса без согласия рабочих, приказав кончать работу вместо 11 час. в 11½ час. Рабочие не повиновались и уходили обедать по обыкновению в 11 час. Тогда Пешехонов устроил свисток и отдал строгий приказ кончать работу по свистку. В день первого дебюта нового свистка он *приехал* на завод со своим сыном-инженером, Леонидом. Под горячими лучами солнца стояли они среди заводского двора, предвкушая удовольствие победы. Но вдруг... о ужас! Ровно в 11 час. растворились одновременно двери всех мастерских, и плотная рабочая масса хлынула на двор, обходя метавших гром и молнии Юпитеров. Образованный сынок покраснел, и из уст его полились на головы ослушников угрозы тюрьмою, Сибирью и т. д. Новый свисток не помог, и хозяин принужден был уступить рабочим. Не безынтересно заметить, что этот же городской голова г. Пешехонов, имея в своих мастерских ламповое освещение, ставил в счет рабочим керосин и разбитые ламповые стекла. Возмущенные этим, рабочие забастовали. Тогда хозяин обратился к полиции, и на место действия немедленно явился храбрый исправник с приставами и полицейскими. Но в ответ на ругань исправника мускулистые кулаки рабочих сжались крепко и со злобою направились в сторону гневного начальства. Исправник со своею свитою бросился бежать, а во след храброму воинству полетели камни, палки, посыпались остроты.

Одновременно с вышеописанною стачкою на заводе Дедюхиных, в воткинском железоделательном казенном заводе, в 60 верстах от Сарапуля, происходило следующее: рабочие механического цеха забастовали, потребовав сокращения рабочего дня на один час в субботу. Громадной толпой они отправились к квартире начальника. Увидав рабочих, начальник струсил и заперся в своей квартире. Но вынужденный настойчивыми требованиями рабочих выйти, он с первого же слова об'явил свое согласие, и, действительно, выполнил требования стачечников. Получилось следующее явление: механический цех в субботу кончает работу и расходится, а другие цехи работают еще час. Тогда же сразу обнаружилось сильное недовольство в рабочих остальных цехов, но до открытой борьбы не дошло еще.

Нужно заметить, что еще зимою 1899 г. в воткинском заводе была распространена нелегальная литература. Рабочие с большим интересом набросились на нее, читая за работой, во время отдыха и на улицах. Началось брожение среди рабочих, острые столкновения с мастерами и начальством. Жандармерия тотчас была пущена в ход. Благодаря неосторожному обращению с литературою, недостаточной конспирации, жандармы быстро сделали свое дело. Прежде всего, они оцепили во время работ механический цех и произвели повальный обыск у всех рабочих. Масса литературы полетела тогда в горны. Затем пошли домашние обыски, и 15 чел. рабочих были арестованы. Но их продержали две недели и выпустили. Настроение среди всего населения в то время было страшно напряженное. Мне с ужасом рассказывала потом одна купчиха, как она и все ее родное и знакомое купечество складывало тогда свои богатства в дубовые сундуки и собиралось выехать с ними в Сарапуль, потому что рабочие-де грозили перерезать телеграфные проволоки, перебить начальство и разделить между собою все богатства крупных собственников. С тех пор на этом заводе не было никаких крупных волнений, но глубокое недовольство живет в рабочей среде, не находя пока выхода в свет. Почва в вышеописанных местностях богатая, но, к сожалению, сеятелей нет. Не раз приходилось слышать от самих рабочих: «Дайте нам человека, с которым мы могли бы посоветоваться, который научил бы нас, тогда у нас быстро пойдет дело».

ИЗ БРЮССЕЛЯ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ИСКРЫ».

Брюссель, 31 дек. 1901 года.

Пишу вам под свежим впечатлением только что состоявшейся международной социалистической конференции. На ней присутствовали делегаты: от Франции Вальян и Жеро-Ришар; от Германии Каутский и Зингер; от Голландии Фан-Коль и Трульстра; от Соединенных Штатов Геррон; от Англии Гайдмэн и Куэльч; от Польши Войнаровская; от России Кричевский и ваш покорный слуга; от Бельгии Ансель и Вандервельд, а также секретарь Международного Бюро Виктор Серви.

В числе очередных вопросов не было ни одного из тех, от решения которых в ту или в другую сторону

зависят судьбы движения и при обсуждении которых неизбежно загораются страсти. Впрочем, Международное Бюро не имеет и права решать эти великие вопросы. Его задачи гораздо скромнее: оно должно проложить путь для сближения и для единодушного действия социалистов всех стран на почве тех решений, которые приняты другими, более компетентными инстанциями (национальными и интернациональными с'ездами). Не удивительно поэтому, что Международному Социалистическому Бюро приходится исполнять много необходимой, но мелкой и будничной работы.

Так, в первом же заседании его первого с'езда ему пришлось обсуждать спор, давно ведущийся между Английский Независимой Рабочей Партией (Independent Labour Party) и Социал-Демократической Федерацией (Social-Demokratic Federation) по вопросу о представительстве в Бюро. Конференция решила, что в январе будущего года должно быть созвано в Лондоне собрание из представителей обеих английских социалистических фракций для улажения этого спора.

Из других практических решений укажу на следующее: каждой из представленных в Международном Бюро наций, кроме двух делегатов, предложено выбрать еще секретаря или — в тех странах, где существуют две социалистические фракции — двух секретарей, для сношений с Международным Бюро.

Далее решено печатать на французском, английском, немецком и голландском языках бюллетень международного движения. Но этот бюллетень будет выходить не в виде особого издания, а на страницах уже существующих органов: «Neue Zeit» в Германии; «Mouvement Socialiste» во Франции; «Social-Democrat» в Англии; «De Nieuwe Tijéd» в Голландии. Само собою разумеется, что периодическим изданиям других стран ничто не препятствует воспроизводить этот бюллетень на своих страницах. Думаю, что «Искра» и «Заря» сумеют извлечь из него все, что может быть интересного для русского читателя-социалиста.

Парижский международный социалистический конгресс 1900 г., как известно, постановил, что следующий конгресс состоится в 1903 г. в Амстердаме. Теперь наша конференция точнее обозначила время созвания этого конгресса: он состоится в половине августа. В январе 1903 г. секретарь Международного Бюро обратится с воззванием к рабочим партиям и социалистическим организациям всех стран, приглашая их прислать на конгресс своих представителей и заранее обозначить те вопросы, которые они желали бы подвергнуть обсуждению.

Укажу, наконец, на то постановление конференции, согласно которому при Международном Бюро в Брюсселе должна быть организована международная социалистическая библиотека. Социалисты всех стран настоятельно приглашаются посылать в нее все свои издания.

Перехожу теперь к тем решениям конференции, практическое значение которых определяется их политическим содержанием.

По почину Каутского и Зингера, конференция единогласно решила сделать следующее заявление: «Международное Социалистическое Бюро, собравшись на конференцию в Брюсселе 30 дек. 1901 г., самым энергичным образом протестует во имя социалистического пролетариата всех стран против политики германизации в Прусской Польше, где прусское правительство не отступает перед самыми варварскими мерами для того, чтобы силой принудить польское население отказаться от родного языка.

«Бюро клеймит также лицемерие и двоедушие господствующих классов, которые не находят достаточно слов для выражения своего негодования против английского варварства в Трансваале [4] и которые, с другой стороны, одобряют и поддерживают самый позорный гнет, налагаемый правительством на поляков в Германии. Бюро приглашает польский рабочий народ искать защиты против подавления его духовной и национальной культуры, равно как и против его экономической эксплоатации, под знаменем международной социал-демократии и всеми силами содействовать ускорению ее победы, которая одна только может принести полную духовную и материальную свободу и равенство».

По поводу «империализма» конференция, по предложению Гайдмэна, единогласно высказалась так:

«Международное Социалистическое Бюро снова обращает внимание рабочих всего света, как социалистов, так и несоциалистов, на империалистическую политику, которой держатся все страны Европы и Соединенные Штаты Америки ради служения экономическим интересам класса капиталистов.

«Несмотря на неприязнь, которая возникает по временам между отдельными нациями, этот класс, взятый в целом, везде действует одинаковым образом для поддержания своего всемирного господства.

«Если в последнее время Англией совершено было много преступлений в Южной Африке, а Соединенными Штатами на Филиппинских островах, то с другой стороны, вся Европа, в союзе с Соединенными Штатами и с Японией, совершила в Китае целый ряд несправедливостей и жестокостей, кладущих отвратительное пятно на историю нашего времени.

«Те страшные последствия, которые несет с собою для порабощенных народов капиталистическая эксплоатация и которые мы видим в английской Индии, — где 230 миллионов людей были совершенно разорены английскими вымогательствами, в Ирландии, в Польше, в Африке и в Азии, ведут эти народы к нравственному унижению и к материальному обеднению.

«Господствующие классы пользуются империализмом и шовинизмом для того, чтобы противодействовать вредному влиянию капиталистической конкуренции, и для того, чтобы ослабить возрастающее влияние социализма в такое время, когда опустошительный промышленный кризис господствует во всех странах.

«Международное Бюро горячо взывает к рабочим всего мира, убеждая их не поддаваться интригам буржуазных государственных людей, не верить лжи, распространяемой капиталистической прессой, и с возрастающей энергией стремиться к полному сплочению в особую партию рабочего класса, которая об'единится на международной почве для уничтожения привилегий буржуазии».

Наконец, в двух заявлениях, предложенных русскими делегатами и поддержанных польской делегаткой, В. Войнаровской, конференция заклеймила реакционные и жестокие действия нашего правительства. Вот эти заявления:

1) «Международное Социалистическое Бюро единодушно протестует против русского правительства, которое ради своих реакционных целей, нарушило конституцию финляндского народа и, недавним циркуляром министра народного просвещения, почти совершенно закрыло евреям доступ в средние и высшие учебные заведения.

«Международное Социалистическое Бюро тем более считает себя обязанным протестовать против этой последней меры, продиктованной антисемитами, что еврейские рабочие — социал-демократы — своей неутомимой деятельностью оказали большую услугу международному пролетариату».

Подписано:

Плеханов, Кричевский [5], В. Войнаровская.

«Международное Социалистическое Бюро клеймит ненавистный русский деспотизм, который еще раз покрыл себя кровью, произведя 7 мая 1901 г. бойню среди рабочих Обуховского зав. в Петербурге во время манифестации, происшедшей в связи с празднованием первого мая и заставив затем свой холопствующий суд приговорить (в конце сентября 1901 г.) к каторжным работам и тюремному заключению 29 жертв, произвольно выхваченных из числа обуховских манифестантов.

«Бюро посылает свое братское приветствие героям — борцам, русским рабочим, свидетельствуя о горячем сочувствии, которое международный социализм питает к их освободительной борьбе против царизма, „этого врага социализма и демократии“».

Подписано:

Кричевский, Плеханов, Войнаровская.

Около 6 час. вечера окончилось послеобеденное — второе и последнее — заседание конференции, и делегаты, разбившись на группы, разошлись по ресторанам с тем, чтобы, подкрепив свои силы, снова сойтись в 8 часов на большой международный митинг, о котором заранее возвещено было в центральном органе бельгийской партии «Le Peuple» и в особых афишах. Я не стану передавать содержания тех речей, которые были произнесены на этом митинге делегатами всех стран: говорилось то, что обыкновенно говорится в таких случаях. Прибавлю только, что как ваш покорный слуга, так и другой русский делегат сочли своим долгом указать западноевропейским товарищам на могучий и непрерывный рост русского рабочего движения и на постоянно обостряющиеся столкновения русского пролетариата с царизмом. Такие указания не бесполезны, так как на Западе даже социалисты очень плохо осведомлены о том, что делается в России. Но для русских читателей в них нового ничего нет, и потому я не распространяюсь о них, предпочитая отметить то поднятое настроение, которое господствовало между слушателями, наполнившими огромную «Праздничную залу» («Salle de fêtes») брюссельского «Народного Дома». Бельгийский пролетариат ведет теперь чрезвычайно энергичную борьбу с реакционной частью буржуазии за всеобщее избирательное право. Дух борьбы наполняет сердца бельгийских рабочих, и потому каждое энергичное слово иностранных делегатов встречало восторженный отклик со стороны их слушателей. Я не раз присутствовал на больших политических собраниях бельгийских рабочих, но еще никогда они не производили на меня такого сильного впечатления.

Но приятнее и сильнее всего поражало участие в митинге детей и подростков рабочего класса. Эти малолетние и несовершеннолетние пролетарии стройно и торжественно пропели целый ряд песен в честь иностранных делегатов. Когда смолкла последняя песня, я взглянул на своего соседа Вальяна: «Quelle belle soirée!» (какой приятный вечер!)—воскликнул до глубины души тронутый борец коммуны. И действительно, мы прекрасно провели этот вечер.

Повторяю, бельгийский пролетариат находится теперь в периоде ожесточенной борьбы. Наши бельгийские товарищи социалисты твердо убеждены, что их реакционное правительство уступит только силе, и надо видеть, как систематично и обдуманно ведут они дело революционной агитации *. Они не вступят в открытый бой раньше времени; но когда они вступят в него, их враг будет побежден, — в этом невозможно сомневаться. По всему видно, что бельгийские социалисты придерживаются «тактики плана».

Бельгийский пролетариат завоюет всеобщее избирательное право. Это будет новым, огромным шагом вперед в рабочем движении Бельгии. Но этот новый шаг будет в этой стране началом такого же «кризиса в социализме», какой переживает теперь Франция. Я думаю, бельгийский социализм вынесет этот кризис, как вынес его и французский, но я не могу не находить, что «цена прогресса» бывает по временам довольно высока.

Г. Плеханов.

Г. Плехановым внесено в Бюро за русскую социал-демократию 100 фр. — половина падающего на Россию взноса.

ИЗ ПАРТИИ

Харьковские товарищи просят нас сообщить следующий факт:

«Харьковский октябрьский провал 1900 г., как многие из массовых провалов последних лет, ознаменовался некоторыми печальными событиями, требующими непременно самой широкой огласки. Первое место между ними занимает, конечно, поведение Воейкова. Воейков, рабочий железнодорожных мастерских, человек сравнительно уже немолодой, достаточно развитый и интеллигентный, занимал выдающееся положение среди харьковских рабочих. Помимо своей весьма успешной пропагандистской и агитаторской деятельности, он особенно важную роль сыграл во время известной харьковской маевки 1900 г., когда он открыто выступил во главе тысячной толпы, руководил ею и от ее имени обратился с речью к губернатору, которая произвела сильное впечатление не только на рабочих, но и на представителей администрации. Арестованный 16 мая вместе с другими рабочими, он через три месяца был отправлен на три года в Вятскую губернию. В ноябре, после провала, он вме-

* Насколько трудно бельгийскому правительству бороться с пролетариатом, видно, между прочим, из такого факта: во время демонстраций казармы некоторых полков в Брюсселе приходится запирать, а к дверям их приставляют жандармов. Иначе солдаты присоединятся к демонстрантам.

сте с некоторыми другими сосланными рабочими был привезен из Малмыжа (Вятской губ.) в Харьков, где после недельного тюремного заключения открыл перед жандармами всю душу и принес повинную. В настоящее время он возвращен из ссылки и живет в том же Харькове, где произошло его возвышение и гнусное падение!

«Поступок Воейкова вверг в большое уныние всех сидевших. И вот один из интеллигентов, назовем его N., довольно солидный уже человек, не первый год вращающийся в революционной среде, решает, что при таких обстоятельствах, когда жандармам все уже известно, когда имеются такие веские улики, как показания Воейкова, самое лучшее покончить с делом, дать показания, взять нескольким лицам вину на себя и выгородить „молодых". Не говоря уже о том, что выгораживать никого нельзя было, что, если кое-кто из молодых и был несколько причастен к делу, то относительно него были, в свою очередь, предательские показания, не говоря о том, что выгораживание в таких случаях возможно лишь при разрешении выгораживаемым давать показания против товарищей и чистосердечно раскаяться, что, следует думать, не входило в планы г. N., не говоря, следовательно, о бессмысленности самого решения, оно ни в коем случае не могло быть допустимо с принципиальной стороны, и поэтому товарищ, которому N. сделал это предложение, отверг его с негодованием. Несмотря на это, N. решает все-таки на собственный страх и риск признать показание Воейкова. Полагая, что своим поступком он никому вреда не принесет, а только ускорит развязку, он дает показания, руководствуясь показаниями Воейкова, при этом, конечно, старается одурачить жандармов, но, как всегда в таких случаях бывает, оказывается сам в дураках. Поступок этот возмутительный и требует самого строгого порицания. Но как строго к нему ни относиться, харьковские товарищи справедливо думают, что квалифицировать его одинаково с поступком Воейкова и К° ни в коем случае нельзя. N. никого не выдавал (названные им лица уже были давно оговорены) и никакими корыстными целями не руководствовался. А если это так, то вполне понятно, почему харьковские товарищи не считают нужным опубликовать имя данного лица. Здесь суть не в том или ином лице, а в ложном понимании роли и задачи обвиняемого на жандармском следствии, если хотите, в недомыслии и отсутствии принципиальности, и поэтому здесь необходимо порицать поступок, чтобы предотвратить повторение подобных нелепостей. Между тем, предатель, как Иуда Искариот, должен быть отмечен общим презрением, на вечные времена, и потому мы и выставляем его к позорному столбу».

Присылая это заявление, товарищи желают снять с г. N. тень, которую могло набросить на него сделанное нами в почтовом ящике № 8 приглашение харьковским товарищам назвать его имя, чтобы опубликовать одновременно с Воейковым. Наше приглашение было вызвано слишком неопределенной характеристикой, данной поступкам г. N. в первом заявлении харьковских товарищей и заставлявшей думать, что эти поступки относятся к одной категории с поступком Воейкова. Из настоящего заявления мы видим, что мы ошибались, и вполне соглашаемся с мнением харьковцев, что г. N. ставить на одну доску с Воейковым не следует.

РАЗВРАТ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ СРЕДЕ.

Нам доставлен следующий листок: «Аграрно-Социалистическая Лига считает своим долгом довести до всеобщего сведения о нижеследующем: В июне этого года Н. К. Паули, высланный из Парижа французским правительством и спрошенный его товарищами по Лиге о причинах распространившихся по этому поводу слухов, сообщил, что в апреле 1900 г. он сделал попытку на свой личный страх и риск, без ведома товарищей, для осуществления задуманного им революционного плана, вступить в сношения с русской политической полицией и вел с этой целью письменные и устные переговоры, которые, однако, скоро прекратились и не были связаны, по его плану, ни с каким предательством или выдачей. Лига назначила комиссию для рассмотрения этого дела. После расследования, настолько тщательного, насколько это было возможно для комиссии при данных обстоятельствах, Лига пришла к заключению, основанному на сопоставлении всех результатов детального опроса Паули со всеми известными ей до сих пор об'ективными фактами, касающимися как самого дела, так и личности Н. К. Паули, что эта попытка была с его стороны лишь плодом крайне ложного и безусловно вредного взгляда на способы революционной борьбы, а не чего-либо иного. Доводя об этом до всеобщего сведения, Аграрно-Социалистическая Лига заявляет, что Н. К. Паули больше членом ее не состоит. Настоящим заявлением Лига считает исчерпанным лишь вопрос об ее отношении к своему бывшему члену Н. К. Паули. Лига не может, конечно, считать себя компетентною в решении вопроса о Паули в его полном об'еме, так как это является не только внутренним вопросом Лиги, но одинаково затрагивает интересы всех революционных организаций; поэтому, если другие организации сочтут нужным и найдут возможным осветить вопрос полнее, то Лига готова оказать им свое товарищеское содействие.

18 ноября 1901 г.

Подписали:

Ф. Волховской, Х. Житловский, В. Житловская, С. Краснопольский, Б. Олнин, Е. Лазарев, И. Рубанович, Е. Серебряков, Д. Соскис, К. Терешкович, Н. Чайковский, Л. Шишко».

Мы, к сожалению, не имеем никакой возможности помочь Аграрной Лиге «осветить вопрос полнее». Но мы думаем, что раз Аграрная Лига считала г. Н. К. Паули своим членом и назначила особую комиссию для разбора этого дела, то ей следовало бы опубликовать как можно больше подробностей и документальных данных о «письменных и устных переговорах» г. Паули с парижскими агентами русского правительства. Пусть приемы этого общего нашего врага будут во всех деталях известны всем и каждому.

С своей стороны, мы обращаем внимание всех товарищей на этот возмутительный и позорный случай: революционер вступает в сношения с политической полицией! «Крайне ложный и безусловно вредный взгляд» на допустимость таких сношений вообще — особенно вреден в настоящее время, когда полиция так усердно старается не только силой подавить поднимающееся все выше революционное движение, но и внести *разврат* в его среду, и когда громадный рост движения привлек в его ряды массу неопытной молодежи. *Полицейский разврат для нас гораздо опаснее полицейского насилия.* Воспользуемся этим случаем, чтобы предостеречь начинающих практиков и прочнее запечатлеть в их умах правильное понятие о высоких обязанностях и высокой ответственности всякого, кто берется за революционную деятельность.

«*Общееврейский Рабочий Союз*» («Бунд») праздновал выпуск 25 номера своей газеты «Arbeiterstimme» («Голос Рабочих»), издающийся тайно в России на еврейском жаргоне. Возникши в 1896 г. по инициативе кружка рабочих, взявшихся поставить тайную типографию, «Голос Рабочих» издается с успехом вот уже пять лет и много сделал для сплочения сознательных еврейских рабочих Литвы и Польши в партийную организацию. Летом 1898 г. типография «Голоса Рабочих» была арестована агентами Зубатова в Бобруйске, но после некоторого перерыва газета снова стала выходить в свет. После польского «Работника», издавшего уже свыше 40 номеров, «Голос Рабочих» является старейшим из числа издающихся в России нелегальных соц.-демократических органов, которому удается выходить довольно регулярно, несмотря на чрезвычайные усилия, прилагаемые Зубатовым и его командой для разгрома еврейской рабочей организации. Еврейские товарищи в праве гордиться этим успехом, которого им удалось достичь только благодаря сво-

ему самоотвержению, энергии и организационной настойчивости. Нашим организациям приходится еще поучиться организационному умению у деятелей «Бунда». Приветствуя еврейских товарищей с выпуском 25 номера их центрального органа, мы выражаем «Бунду» пожелание дальнейших успехов в деле организации и развития классового самосознания еврейского пролетариата.

Юбилейный номер «Arbeiterstimme» (изданный, кроме еврейского, еще и на польском языке) содержит, между прочим, приветствия, полученные газетой от деятелей международного социализма: Каутского, Бебеля, Зингера, Ж. Геда и Вальяна.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

В Ростове-на-Дону 30 октября на вокзале Екатер. дор. пытались задержать человека, явившегося получить груз, в котором жандармы открыли нелегальную литературу. Получатель успел скрыться. 2 декабря арестован Воскресенский, в котором артельщики признают скрывшееся лицо. Отвезен в Москву. 18 дек. арестованы по предписанию из Харькова С. Мелешко и Исаак Бродский. Обыски у Локермана и мн. раб.

В. Н.-Новгороде в ночь на 17 ноября, кроме уже упомянутых в № 14, обысканы Лисовская, закройщик Орлов, все квартиранты того дома, где жил арестованный студ. Розов. Добролюбская выпущена.

В Спб. 3—4 дек. взяты еще (см. №№ 13 и 14): ст. ун. Китаев, ст. мед. В. Ковалевский, ст. ун. Сиритонин, Маклашевский, Ал. Малгенко, В. Рудницкий, техн. В. Немира, мещ. В. Антокольский, ст. моск. унив. Михеев, техн. Н. Клышко, техн. С. Сачепер, мещ. Тим. Батрашкин, пот. гр. Александров, врач Тумашевский, С. Самгин, студ. унив. В. Литов, курс. Бархатова и г-жа Эпштейн. Из Вильны привезен З. Франкфурт. В Обуховском заводе был обыск у заведующего мастерской капитана Берсеньева.

В Вильне арестован адвокат Козловский.

В Томске 25—26 ноября взяты врач на перес. пункте Павлов, его жена и фельдшерица. Кроме них, фельдшерица Мутных и еще 10 чел. У Павлова взята типография. У него в качестве кучера три месяца проживал шпион. Арестованные содержатся в местном остроге весьма плохо.

В Варшаве раб. Фед. Дзержинский, бежавший из ссылки из Вятской губ. и арестованный в 1900 г. на собрании в Варшаве, приговорен к 5 г. Вост. Сибири.

В Орехове-Зуеве 26 дек. арестовано несколько десятков рабочих, человек 65 увезено в Москву.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

За декабрь московским представителем получено: от умирающего 100 р.; за литературу: из Нижнего 44 р., из Курска 10 р., из Вятки 65 р., из Воронежа 50 р.; в Москве выручено за литературу 140 р. 04 к., из Тамбова 5 р., в Москве через З— 6 р. 35 к., от NN 50 р., от предприятия 50 р. 40 к. Всего: 520 р. 79 к. (Израсходованы на местные и организационные нужды.) — От московской группы «Три звездочки» получено 15 р. (Поступило в кассу редакции.)

Загр. Лигою рев. соц.-дем. получено: из Дармштадта 25 м., из Парижа 200 ф. (из них D. D. L. 34 ф.), из Цюриха 52 м., из Болгарии за «Зорю» 4,50 ф., из Лозанны за литер. 75,75 фр., в Б. получено: из Брод 13 м., за лит. 84,05 м., с реферата и взносы 25,35 м., из Сибири на литер. 140 м., из Лондона 30 шил., от Русского Соц.-Демокр. Общ. в Нью-Йорке 400 доллар., из Берна 161,75 фр. (в том числе из Монпелье 4,15 фр. и от Б. К. Ф. 21,70 фр.).

В пользу обуховцев: из Дармштадта 150 м., из Лондона 35 шилл., от жен. отд. «Кр. Кр.» 25 руб., по листку 15 фр., сбор. в Б. 10 мар.

Кружок NN просит нас напечатать следующий отчет: с 1 сент. по 31 дек. 1901 г. получено: от приятеля 20 р., от «созерцателей 2 октября» 28 р., от инженера 5 р., за литературу 73 р. 50 к., через Худого 183 р. 50 к. Всего 320 р. — Расход: на доставку лит. 165 р., выслано в «Искру» 125 р., уплачено Спб. Союзу за лит. 20 р. Всего 310 р.

В типографии «Искры» напечатано: «Начало демонстрации» (листок). Вышел вторым изд. № 11 «Искры».

В тип. «Зари» вышло: «Бомбардировка Благовещенска китайцами» (оттиск из № 4 «Зари»).

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Витте, С. Ю. (1849—1915) — выдающийся русский государственный деятель, отражавший интересы крупной финансовой и промышленной буржуазии. Будучи с 1892 г. сначала министром путей сообщения, а затем министром финансов, он своими мероприятиями (развитие железнодорожной сети, денежная реформа, протекционизм и пр.) способствовал в России развитию капитализма.

В своей политической позиции В. ярко выявил соглашательскую по отношению к царизму политику буржуазии, которая, хотя и боролась с крепостническими тенденциями помещичьего дворянства, но, вместе с тем, лишь в царизме видела спасение от революционного натиска рабочих и крестьян.

Будучи незадолго до начала русско-японской войны вынужденным выйти в отставку вследствие своих разногласий с министром внутренних дел Плеве, Витте по окончании этой войны был послан на мирные переговоры с японцами и заключил с ними мир в Портсмуте (Америка). Во время революции 1905 г. Витте много сделал для спасения пошатнувшегося самодержавного трона, убедив царя подписать известный манифест 17 октября. При этом Витте, как это видно из его воспоминаний, отверг тот проект манифеста, в котором царь «дарует» все свободы, и «настоял на принятии манифеста, в котором царь лишь повелевает правительству» выполнить его волю—«даровать эти свободы, что предполагает еще последующую работу правительства». Другими словами, Витте убеждал царя ограничиться лишь более или менее неопределенным обещанием «свобод». Дальнейший период деятельности Витте (с 17 октября 1905 г. по апрель 1906 г.), когда он был во главе кабинета министров, был периодом, с одной стороны, сговора царизма с буржуазией, с другой — периодом карательных экспедиций против восставших рабочих и крестьян.

Кроме того В. в это время удалось получить от европейской буржуазии заем, оказавший существенную поддержку царизму.

Незадолго до созыва I Государственной Думы В. вышел в отставку и в дальнейшем уже не играл сколько-нибудь крупной политической роли.

В бытность свою министром финансов В. в своих докладах царю по поводу государственной росписи, публиковавшейся в официальных газетах, всегда стремился, как это видно из передовой статьи в № 15 «Искры», представить финансовое и экономическое положение царизма в блестящем виде, чтобы облегчить получение займов за границей.

Прим. 2. Сипягин, Д. С. — государственный деятель конца XIX и начала XX вв. Бездарный бюрократ, прославившийся своими жестокими мероприятиями против революционного движения в бытность свою министром внутренних дел (1900 — 1902 гг.). При нем широко практиковалось применение вооруженной силы по отношению к рабочим, крестьянам и студентам, участвовавшим в массовом революционном движении, аресты, ссылка и проч. 2 апреля 1902 г. он был убит студентом Киевского университета С. В. Балмашевым.

Прим. 3. Озеров, И. Х. — проф., известный русский ученый, автор многих трудов по финансовым и экономическим вопросам. В начале 900-х годов читал лекции в зубатовских организациях.

Прим. 4. Трансвааль — республика на юге Африки, основанная выходцами из Голландии — «бурами». Буры частью вытеснили, частью поработили негритянские племена (кафры, бечуаны и пр.), раньше занимавшие эти места. Но и сами буры в 1899 г. подверглись нападению со стороны английской буржуазии, которая стремилась захватить богатые золотые россыпи в Трансваале. Буры в течение трех лет отчаянно сопротивлялись (так назыв. «англо-бурская война» в 1899—1902 гг.), но в конце-концов вынуждены были покориться, и их республика — Трансвааль — превратилась в английскую колонию.

Прим. 5. Кричевский, Б. (умер в 1919 г.) — один из заграничных лидеров «экономизма», член редакции журнала «Рабочее Дело», сотрудник «Vorwärts» («Вперед» — центральный орган германской социал-демократии) и «Neue Zeit» («Новое Время» — теоретический орган германской с.-д., редактируемый Каутским).

О П Е Ч А Т К А.

В статье Н. Крупской: О старой «Искре» (см. вып. I, предисловие, стр. VII, столбец II, строки 36 — 38)

напечатано:	следует:
— и крестьянства в том числе; совершенно не понимая роли рабочего класса как организатора борьбы крестьянства, «Искра» боролась	— и крестьянства в том числе, совершенно не понимая роли рабочего класса как организатора борьбы крестьянства. «Искра» боролась